издательский дом «детям»

МИР
ЛИТЕРАТУРНЫХ
ГЕРОЕВ

Коллекция
«Фантастика»

Об авторе

Первые рассказы американского фантаста *Генри Каттнера*, опубликованные в журнале фантастики «Weird Tails», были приняты читателями восторженно. Рассказ ужасов «Кладбищенские крысы» был настолько хорош для дебютанта, что возникло предположение, будто под именем «Генри Каттнер» скрывается кто-то из признанных мастеров пера.

Однако писатель, которому постоянно не хватало денег, был вынужден поставить свое творчество на поток. К нему прочно прилипла печальная слава автора низкопробных поделок. Все поменялось после встречи с будущей женой, фантастом Кэтрин Мур. Их первый совместный рассказ увидел свет в том же «Weird Tails». Творческий союз оказался гармоничным и естественным: Кэтрин отвечала за литературный стиль и привносила в рассказы изящество и шарм, а Генри – мужскую брутальность и драйв.

Под многочисленными псевдонимами (Лоуренс О'Доннелл, Льюис Пэджетт и другими), а также под общим именем «Генри Каттнер» супруги-соавторы создали свои лучшие произведения: рассказы «Все тенали бороговы», «Механическое эго», «Жилищный вопрос», «Музыкальная машина», блистающие юмором циклы о Хогбенах и Гэллегере. К ним пришел внезапный и огромный успех.

В 1950 году Каттнер, ощущавший недостаток образования, поступил в Университет Южной Калифорнии. Он окончил курс за три с половиной года и взялся за магистерскую диссертацию, одновременно ведя в университете класс литературного мастерства. Он умер в возрасте 44 лет от сердечной недостаточности – эта болезнь когда-то спасла его от окопов Второй мировой войны.

Кэтрин прожила долгую жизнь, изредка продолжая писать рассказы, но ничего столь же значительного больше не создала.

Прохвессор накрылся

Мы — Хогбены, других таких нет. Чудак прохвессор из большого города мог бы это знать, но он разлетелся к нам незваный, так что теперь, по-моему, пусть пеняет на себя. В Кентукки вежливые люди занимаются своими делами и не суют нос куда их не просят.

Так вот, когда мы шугали братьев Хейли самодельным ружьем (до сих пор не поймем, как оно стреляет), тогда все и началось — с Рейфа Хейли, он крутился возле сарая да вынюхивал, чем там пахнет, в оконце, — норовил поглядеть на крошку Сэма. После Рейф пустил слух, будто у крошки Сэма три головы или еще кой-что похуже.

Ни единому слову братьев Хейли верить нельзя. Три головы! Слыханное ли дело, сами посудите? Когда у крошки Сэма всего-навсего две головы, больше сроду не было.

Вот мы с мамулей смастерили то ружье и задали перцу братьям Хейли. Я же говорю, мы потом сами в толк не могли взять, как оно стреляет. Соединили сухие батареи с какими-то катушками, проводами и прочей дребеденью, и эта штука как нельзя лучше прошила Рейфа с братьями насквозь.

В вердикте коронер записал, что смерть братьев Хейли наступила мгновенно; приехал шериф Эбернати, выпил с нами

маисовой водки и сказал, что у него руки чешутся проучить меня так, чтобы родная мама не узнала. Я пропустил это мимо ушей. Но, видно, какой-нибудь чертов янки-репортеришка жареное учуял, потому как вскорости заявился к нам высокий, толстый, серьезный дядька и ну выспрашивать всю подноготную.

Наш дядя Лес сидел на крыльце, надвинув шляпу чуть ли не до самых зубов.

— Убирались бы лучше подобру-поздорову обратно в свой цирк, господин хороший, — только и сказал он. — Нас Барнум самолично приглашал, и то мы наотрез отказались. Верно, Сонк?

— Точно, — подтвердил я. — Не доверял я Финеасу. Он обозвал крошку Сэма уродом, надо же!

Высокий и важный дядька — прохвессор Томас Гэлбрейт — посмотрел на меня.

— Сколько тебе лет, сынок? — спросил он.

— Я вам не сынок, — ответил я. — И лет своих не считал.

— На вид тебе не больше восемнадцати, — сказал он, — хоть ты и рослый. Ты не можешь помнить Барнума.

— А вот и помню. Будет вам трепаться. А то как дам в ухо.

— Никакого отношения к цирку я не имею, — продолжал Гэлбрейт. — Я биогенетик.

Мы давай хохотать. Он вроде бы раскипятился и захотел узнать, что тут смешного.

— Такого слова и на свете-то нет, — сказала мамуля.

Но тут крошка Сэм зашелся криком. Гэлбрейт побелел как мел и весь затрясся. Прямо рухнул наземь. Когда мы его подняли, он спросил, что случилось.

— Это крошка Сэм, — объяснил я. — Мамуля его успокаивает. Он уже перестал.

— Это ультразвук, — буркнул прохвессор. — Что такое «крошка Сэм», коротковолновый передатчик?

— Крошка Сэм — младенец, — ответил я коротко. — Не смейте его обзывать всякими именами. А теперь, может, скажете, чего вам нужно?

Он вынул блокнот и стал его перелистывать.

— Я у-ученый, — сказал он. — Наш институт изучает евгенику, и мы располагаем о вас кое-какими сведениями. Звучали они неправдоподобно. По теории одного из наших сотрудников, в малокультурных районах естественная мутация может остаться нераспознанной и... — Он приостановился и в упор посмотрел на дядю Леса.

— Вы действительно умеете летать? — спросил он.

Ну, об этом-то мы не любим распространяться. Однажды проповедник дал нам хороший нагоняй. Дядя Лес назюзюкался и взмыл над горами — до одури напугал охотников на медведей. Да и в библии нет такого, что людям положено летать. Обычно дядя Лес делает это исподтишка, когда никто не видит.

Как бы там ни было, дядя Лес надвинул шляпу еще ниже и промычал:

— Это уж вовсе глупо. Человеку летать не дано. Взять хотя бы эти новомодные выдумки, о которых мне все уши прожужжали: между нами, они вообще не летают. Просто бредни, вот и все.

Гэлбрейт хлопнул глазами и снова заглянул в блокнот.

— Но тут с чужих слов есть свидетельства о массе необычных качеств, присущих вашей семье. Умение летать — только одно из них. Я знаю, теоретически это невозможно — если не говорить о самолетах, — но...

— Хватит трепаться!

— В состав мази средневековых ведьм входил аконит, дающий иллюзию полета, разумеется, совершенно субъективную.

— Перестанете вы нудить? — взбешенного дядю Леса прорвало, я так понимаю — от смущения. Он вскочил, швырнул шляпу на крыльцо и взлетел. Через минуту стремительно

опустился, подхватил свою шляпу и скорчил рожу прохвессору. Потом опять взлетел и скрылся за ущельем, мы его долго не видели.

Я тоже взбесился.

— По какому праву вы к нам пристаете? — сказал я. — Дождетесь, что дядя Лес возьмет пример с папули, а это будет чертовски неприятно. Мы папулю в глаза не видели, с тех пор как тут крутился один тип из города. Налоговый инспектор, кажется.

Гэлбрейт ничего не сказал. Вид у него был какой-то растерянный. Я дал ему выпить, и он спросил про папулю.

— Да папуля где-то здесь, — ответил я. — Только его теперь не увидишь. Он говорит, что так ему больше нравится.

— Ага, — сказал Гэлбрейт и выпил еще рюмочку. — О господи. Сколько, говоришь, тебе лет?

— А я про это ничего не говорю.

— Ну, какое воспоминание у тебя самое первое?

— Что толку запоминать? Только голову себе зря забиваешь.

— Фантастика, — сказал Гэлбрейт. — Не ожидал, что отошлю в институт такой отчет.

— Не нужно нам, чтобы тут лезли всякие, — сказал я. — Уезжайте отсюда и оставьте нас в покое.

— Но помилуйте! — он выглянул за перила крыльца и заинтересовался ружьем. — Это еще что?

— Такая штука, — ответил я.

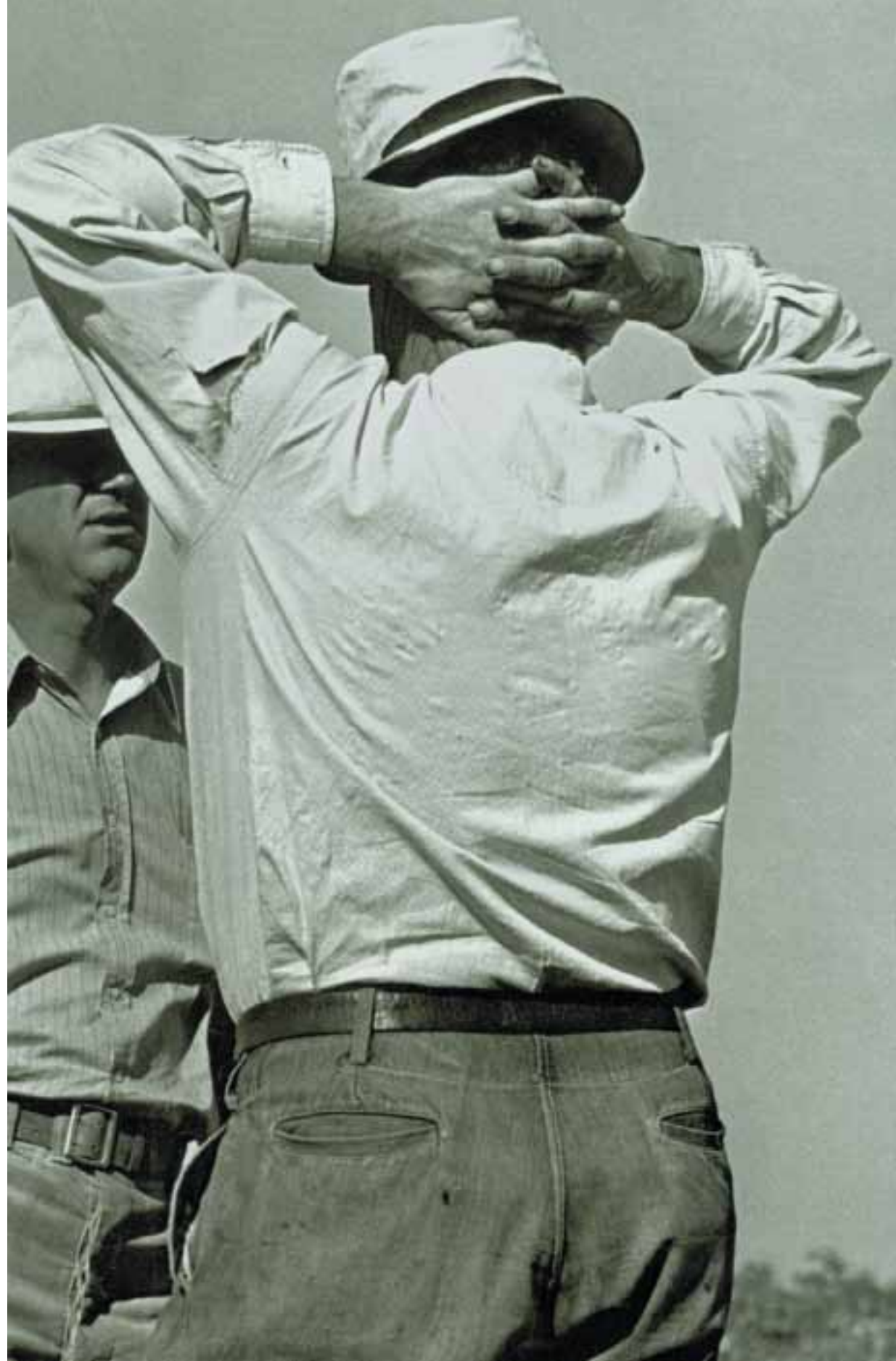
— Что она делает?

— Всякие штуки, — ответил я.

— Угу. Посмотреть можно?

— Пожалуйста, — ответил я. — Да я вам отдам эту хреновину, только бы вы отсюда уехали.

Он подошел и осмотрел ружье. Папуля встал (он сидел рядом со мной), велел мне избавиться от чертового янки и вошел в дом. Вернулся прохвессор.



— Потрясающе! — говорит. — Я кое-что смыслю в электронике, и, по моему мнению, это нечто выдающееся. Каков принцип действия?

— Чего-чего? — отвечаю. — Она дырки делает.

— Стрелять патронами она никак не может. В казенной части у нее две линзы вместо... Как, говоришь, она действует?

— Откуда я знаю.

— Это ты сделал?

— Мы с мамулей.

Он давай сыпать вопросами.

— Откуда я знаю, — говорю. — Беда с ружьями в том, что их надо каждый раз перезаряжать. Вот мы и подумали: смастерим ружье по-своему, чтобы его никогда не заряжать. И верно, не приходится.

— А ты серьезно обещал мне его подарить?

— Если отстанете.

— Послушай, — сказал он, — просто чудо, что вы, Хогбены, так долго оставались в тени.

— На том стоим.

— Должно быть, теория мутации верна! Вас надо обследовать. Это же одно из крупнейших открытий после... — и пошел чесать в том же духе. Я мало что понял.

В конце концов я решил, что есть только два выхода, а после слов шерифа Эбернати мне не хотелось убивать, пока шерифов гнев не остынет. Не люблю скандалов.

— Допустим, я поеду с вами в Нью-Йорк, раз уж вам так хочется, — сказал я. — Оставите вы мою семью в покое?

Он вроде бы пообещал, правда нехотя. Но все же уступил и забожился: я пригрозил, что иначе разбужу крошку Сэма. Он-то, конечно, хотел повидать крошку Сэма, но я объяснил, что это все равно без толку. Как ни верти, не может крошка Сэм поехать в Нью-Йорк. Он лежит в цистерне, без нее ему становится худо.

Вообще, прохвессор остался мною доволен и уехал, когда я пообещал встретиться с ним наутро в городке. Но все же на душе у меня, по правде сказать, было паскудно. Мне не доводилось еще ночевать под чужой крышей после той заварушки в Старом Свете, когда нам пришлось в темпе уносить ноги.

Мы тогда, помню, переехали в Голландию. Мамуля всегда была неравнодушна к человеку, который помог нам выбраться из Лондона. В его честь дала имя крошке Сэму. А фамилию того человека я уж позабыл. Не то Гвинн, не то Стюард, не то Пипин — у меня в голове все путается, когда я вспоминаю то, что было до войны Севера с Югом.

Вечер прошел, как всегда, нудно. Папуля, конечно, сидел невидимый, и мамуля все злилась, подозревая, что он тянет маисовой больше, чем положено. Но потом сменила гнев на милость и налила ему настоящего виски. Все наказывали мне вести себя прилично.

— Этот прохвессор ужас до чего умный, — сказала мамуля. — Все прохвессора такие. Не морочь ему голову. Будь паинькой, а не то я тебе покажу, где раки зимуют.

— Буду паинькой, мамуля, — ответил я.

Папуля дал мне затрещину, что с его стороны было нечестно: ведь я-то его не мог видеть!

— Это чтобы ты лучше запомнил, — сказал он.

— Мы люди простые, — ворчал дядя Лес. — И нечего прыгать выше головы, никогда это к добру не приводит.

— Я не пробовал, честно! — сказал я. — Только я так считаю...

— Не наделай бед! — пригрозила мамуля, и тут мы услышали, как в мезонине дедуля заворочался. Порой дедуля не двигался неделями, но в тот вечер он был прямо-таки живчик.

Мы, само собой, поднялись узнать, чего он хочет. Он заговорил о прохвессоре.

— Чужак-то, а? — сказал дедуля. — Продувная бестия! Редкостные губошлепы собрались у моего ложа, когда я сам от старости слабею разумом! Один Сонк не без хитрости, да и то, прости меня, господи, дурак дураком.

Я только поерзал на месте и что-то пробормотал, лишь бы не смотреть дедуле в глаза — я этого не выношу. Но он на меня не обратил внимания. Все бушевал:

— Значит, ты собрался в этот Нью-Йорк? Кровь Христова, да разве ты запамятовал, что мы как огня стережемся Лондона и Амстердама — да и Нью-Амстердама[1] — из боязни дознания? Уж не хочешь ли ты попасть в ярмарочные уроды? Хоть это и не самое страшное.

Дедуля у нас старейший и иногда вставляет в разговор какие-то допотопные словечки. Наверное, жаргон, к которому привыкнешь в юности, прилипает на всю жизнь. Одного у дедули не отнимешь: ругается он лучше всех, кого мне довелось послушать.

— Ерунда, — сказал я. — Я ведь хотел как лучше!

— Так он еще речет супротив, паршивый неслух! — возмутился дедуля. — Во всем виноват ты, ты и твоя родительница. Это вы пресечению рода Хейли споспешествовали. Когда б не вы, ученый бы сюда и не пожаловал.

— Он прохвессор, — сообщил я. — Звать его Томас Гэлбрейт.

— Знаю. Я прочитал его мысли через мозг крошки Сэма. Опасный человек. Все мудрецы опасны. Кроме разве Роджера Бэкона, да и того мне пришлось подкупить, дабы... Не важно. Роджер был незаурядный человек. Внимайте же: никто из вас да не едет в Нью-Йорк. Стоит нам только покинуть сию

---

[1] Старинное название Нью-Йорка. — *Здесь и далее примеч. пер., кроме особо оговоренных.*

тихую заводь, стоит кому-то нами заинтересоваться — и мы пропали. Вся их волчья стая вцепится и разорвет нас в клочья. А твои безрассудные полеты, Лестер, помогут тебе как мертвому припарки — ты внемлешь?

— Но что же нам делать? — спросила мамуля.

— Да чего там, — сказал папуля. — Я этого прохвессора угомоню. Спущу в цистерну, и дело с концом.

— И испортишь воду? — взвилась мамуля. — Попробуй только!

— Что за порочное племя вышло из моих чресел? — сказал дедуля, рассвирепев окончательно. — Ужли не обещали вы шерифу, что убийства прекратятся... хотя бы на ближайшее время? Ужли и слово Хогбена — ничто? Две святыни пронесли мы сквозь века — нашу тайну и честь Хогбенов! Посмейте только умертвить этого Гэлбрейта — вы мне ответите!

Мы все побледнели. Крошка Сэм опять проснулся и захныкал.

— Что же теперь делать? — спросил дядя Лес.

— Наша великая тайна должна остаться нерушимой, — сказал дедуля. — Поступайте как знаете, только без убийств. Я тоже обмозгую сию головоломку.

Тут он, казалось, заснул, хотя точно про него никогда ничего не знаешь.

На другой день мы встретились с Гэлбрейтом в городке, как и договорились, но еще раньше я столкнулся на улице с шерифом Эбернати, который, завидев меня, зло сверкнул глазами.

— Лучше не нарывайся, Сонк, — сказал он. — Помни, я тебя предупреждал.

Очень неудобно получилось. Как бы там ни было, я увидел Гэлбрейта и рассказал ему, что дедуля не пускает меня в Нью-Йорк. Гэлбрейт не очень-то обрадовался, но понял, что тут уж ничего не поделаешь.

Его номер в отеле был забит научной дребеденью и мог напугать всякого. Ружье стояло тут же, и Гэлбрейт как будто ничего в нем не менял. Он стал меня переубеждать.

— Ничего не выйдет, — отрезал я. — Нас от этих гор не оттащишь. Вчера я брякнул сдуру, никого не спросясь, вот и все.

— Послушай, Сонк, — сказал он. — Я расспрашивал в городке о Хогбенах, но почти ничего не узнал. Люди здесь скрытные. Но все равно, их свидетельство было бы только лишним подтверждением. Я не сомневаюсь, что наши теории верны. Ты и вся твоя семья — мутанты, вас надо обследовать!

— Никакие мы не мутанты, — ответил я. — Вечно ученые обзывают нас какими-то кличками. Роджер Бэкон окрестил нас гомункулами, но...

— *Что*?! — вскрикнул Гэлбрейт. — Что ты сказал?

— Э... Издольщик один из соседнего графства, — тут же опомнился я, но видно было, что прохвессора не проведешь. Он стал расхаживать по номеру.

— Бесполезно, — сказал он. — Если ты не поедешь в Нью-Йорк, я попрошу, чтобы институт выслал сюда комиссию. Тебя надо обследовать во славу науки и ради прогресса человечества.

— Этого еще не хватало, — ответил я. — Воображаю, что получится. Выставите нас, как уродов, всем на потеху. Крошку Сэма это убьет. Уезжайте-ка отсюда и оставьте нас в покое.

— Оставить вас в покое? Когда вы умеете создавать такие приборы? — он махнул рукой в сторону ружья. — Как же оно работает? — спросил он ни с того ни с сего.

— Да не знаю я... Смастерили, и дело с концом. Послушайте, прохвессор. Если на нас глазеть понаедут, быть беде. Большой беде. Так говорит дедуля.

Гэлбрейт стал теребить собственный нос.

— Что ж, допустим... А ответишь мне на кое-какие вопросы, Сонк?

— Не будет комиссии?

— Посмотрим.

— Нет, сэр. Не стану...

Гэлбрейт набрал побольше воздуху.

— Если ты расскажешь все, что мне нужно, я сохраню ваше местопребывание в тайне.

— А я-то думал, у вас в институте знают, куда вы поехали.

— А-а, да, — спохватился Гэлбрейт. — Естественно, знают. Но про вас там ничего не известно.

Он подал мне мысль. Убить его ничего не стоило, но тогда дедуля стер бы меня в порошок, да и с шерифом приходилось считаться. Поэтому я сказал: «ладно уж» — и кивнул.

Господи, о чем только этот тип не спрашивал! У меня аж круги поплыли перед глазами. А он распалялся все больше и больше.

— Сколько лет твоему дедушке?

— Понятия не имею.

— Гомункулы, хм... Говоришь, он когда-то был рудокопом?

— Да не он, его отец, — сказал я. — На оловянных копях в Англии. Только дедуля говорит, что в то время она называлась Британия. На них тогда еще навели колдовскую чуму. Пришлось звать лекарей... друнов? Друдов?

— Друидов?

— Во-во. Эти друиды, дедуля говорит, были лекарями. В общем, рудокопы мерли как мухи по всему Корнуэллу, и копи пришлось закрыть.

— А что за чума?

Я объяснил ему, как запомнил из рассказов дедули, и прохвессор страшно разволновался, пробормотал что-то, насколько я понял, о радиоактивном излучении. Ужас какую околесицу он нес.

— Искусственная мутация, обусловленная радиоактивностью! — говорит, а у самого глаза и зубы разгорелись. — Твой дед родился мутантом! Гены и хромосомы перестроились в новую комбинацию. Да ведь вы, наверно, сверхлюди!

— Нет уж, — возразил я. — Мы Хогбены. Только и всего.

— Доминанта, типичная доминанта. А у тебя вся семья... э-э... со странностями?

— Эй, легче на поворотах! — пригрозил я.

— В смысле — все ли умеют летать?

— Сам-то я еще не умею. Наверно, мы какие-то уроды. Дедуля у нас — золотая голова. Всегда учил, что нельзя высовываться.

— Защитная маскировка, — подхватил Гэлбрейт. — На фоне косной социальной культуры отклонения от нормы маскируются легче. В современном цивилизованном обществе вам было бы так же трудно утаиться, как шилу в мешке. А здесь, в глуши, вы практически невидимы.

— Только папуля, — уточнил я.

— О боже, — вздохнул он. — Скрывать такие невероятные природные способности... Представляете, что вы могли бы совершить?

Вдруг он распалился пуще прежнего, и мне не очень-то понравился его взгляд.

— Чудеса, — повторял он. — Все равно что лампу Аладдина найти.

— Хорошо бы вы от нас отвязались, — говорю. — Вы и ваша комиссия.

— Да забудь ты о комиссии. Я решил пока что заняться этим самостоятельно. При условии, если ты будешь содействовать. В смысле — поможешь мне. Согласен?

— Не-а, — ответил я.

— Тогда я приглашу сюда комиссию из Нью-Йорка, — сказал он злорадно.

Я призадумался.

— Ну, — сказал я наконец, — чего вы хотите?

— Еще не знаю, — медленно проговорил он. — Я еще не полностью охватил перспективы.

Но он готов был ухватить все в охапку. Сразу было видать. Знаю я такое выражение лица.

Я стоял у окна, смотрел на улицу, и тут меня вдруг осенило. Я рассудил, что, как ни кинь, чересчур доверять прохвессору — вовсе глупо. Вот я и подобрался, будто ненароком, к ружью и кое-что там подправил.

Я прекрасно знал, чего хочу, но, если бы Гэлбрейт спросил, почему я скручиваю проволочку тут и сгибаю какую-то чертовщину там, я бы не мог ответить. В школах не обучался. Но твердо знал одно: теперь эта штучка сработает как надо.

Прохвессор строчил что-то в блокноте. Он поднял глаза и заметил меня.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Тут было что-то неладно, — соврал я. — Не иначе как вы тут мудрили с батарейками. Вот сейчас испытайте.

— Здесь? — возмутился он. — Я не хочу возмещать убытки. Испытывать надо в безопасных условиях.

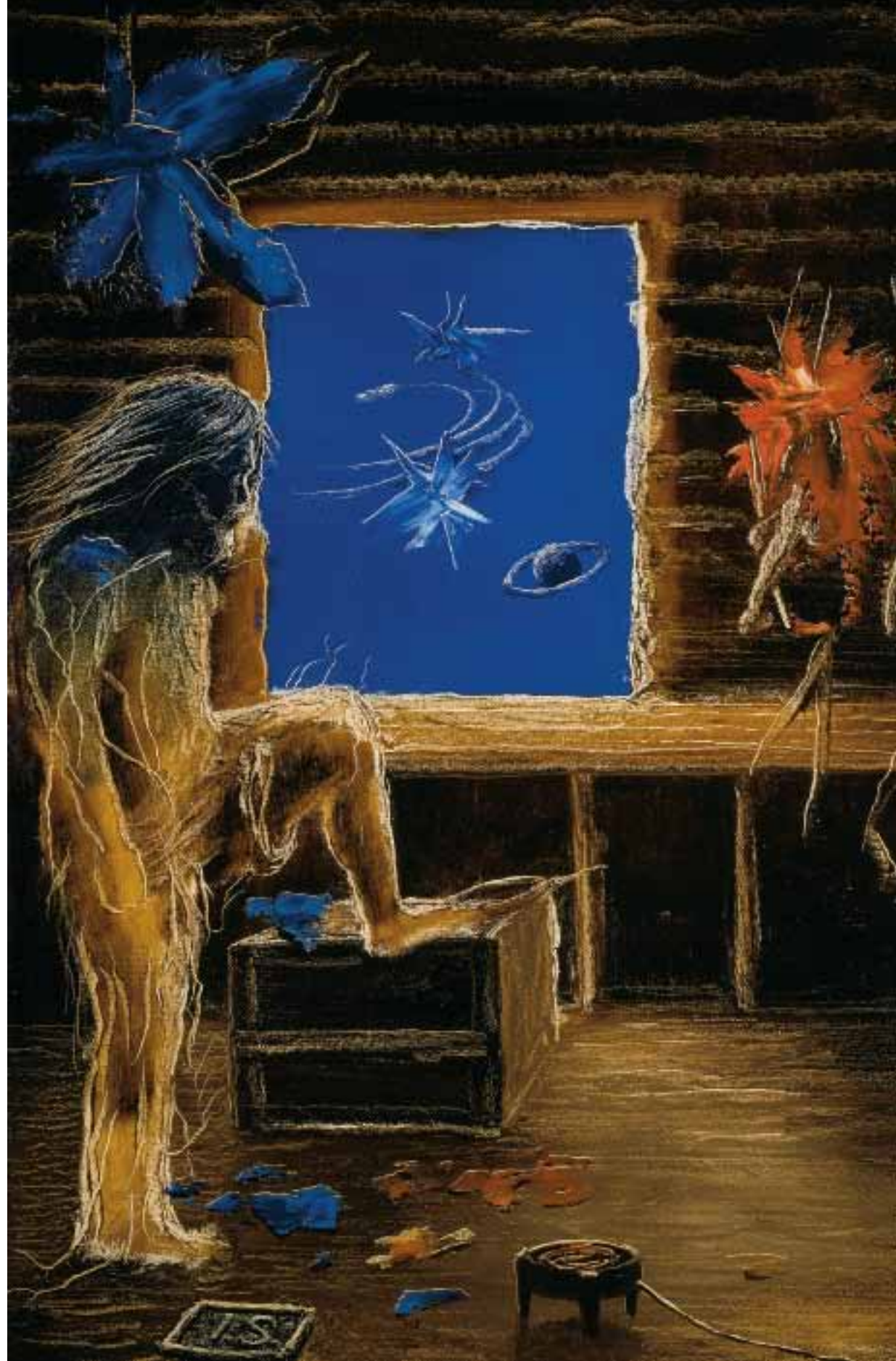
— Видите вон там, на крыше, флюгер? — я показал пальцем. — Никто не пострадает, если мы в него прицелимся. Можете испытывать, не отходя от окна.

— Это... Это не опасно? — ясно было, что у него руки чешутся испытать ружье.

Я сказал, что все останутся в живых, он глубоко вздохнул, подошел к окну и неумело взялся за приклад.

Я отодвинулся в сторонку. Не хотел, чтобы шериф меня увидел. Я-то его давно приметил — он сидел на скамье возле продуктовой лавки через дорогу.

Все вышло, как я и рассчитывал. Гэлбрейт спустил курок, целясь во флюгер на крыше, и из дула вылетели кольца света. Раздался ужасающий грохот. Гэлбрейт повалился навзничь, и



тут началось такое столпотворение, что передать невозможно. Вопль стоял по всему городку.

Ну, чувствую, самое время сейчас превратиться в невидимку. Так я и сделал.

Гэлбрейт осматривал ружье, когда в номер ворвался шериф Эбернати. А с шерифом шутки плохи. У него был пистолет в руке и наручники наготове; он отвел душу, изругав прохвессора последними словами.

— Я вас видел! — орал он. — Вы, столичные, думаете, что вам здесь все сойдет с рук. Так вот, вы ошибаетесь!

— Сонк! — вскричал Гэлбрейт, озираясь по сторонам. Но меня он, конечно, увидеть не мог.

Тут они сцепились. Шериф Эбернати видел, как Гэлбрейт стрелял из ружья, а шерифу палец в рот не клади. Он поволок Гэлбрейта по улице, а я, неслышно ступая, двинулся следом. Люди метались как угорелые. Почти все прижимали руки к щекам.

Прохвессор продолжал ныть, что ничего не понимает.

— Я все видел! — оборвал его Эбернати. — Вы прицелились из окна — и тут же у всего города разболелись зубы! Посмейте только еще раз сказать, будто вы не понимаете!

Шериф у нас умница. Он с нами, Хогбенами, давно знаком и не удивляется, если иной раз творятся чудные дела. К тому же он знал, что Гэлбрейт — ученый.

Так вот, получился скандал, люди доискались, кто виноват, и я оглянуться не успел, как они собрались линчевать Гэлбрейта.

Эбернати его увел. Я немножко послонялся по городку. На улицу вышел пастор посмотреть церковные окна — они его озадачили. Стекла были разноцветные, и пастор никак не мог понять, с чего это они вдруг расплавились. Я бы ему подсказал. В цветных стеклах есть золото — его добавляют, чтобы получить красный тон.

В конце концов я подошел к тюрьме. Меня все еще нельзя было видеть. Поэтому я подслушал разговор Гэлбрейта с шерифом.

— Все Сонк Хогбен, — повторял прохвессор. — Поверьте, это он перестроил проектор!

— Я вас видел, — отвечал Эбернати. — Вы все сделали сами. Ой! — Он схватился рукой за челюсть. — Прекратитека, да поживее! Толпа настроена серьезно. В городе половина людей сходит с ума от зубной боли.

Видно, у половины городских в зубах были золотые пломбы. То, что сказал на это Гэлбрейт, меня не очень-то удивило.

— Я ожидаю прибытия комиссии из Нью-Йорка; сегодня же вечером позвоню в институт, там за меня поручатся.

Значит, он всю дорогу собирался нас продать. Я как чувствовал, что у него на уме.

— Вы избавите меня от зубной боли — и всех остальных тоже, а не то я открою двери и впущу линчевателей! — простонал шериф. И ушел прикладывать к щеке пузырь со льдом.

Я прокрался обратно в коридор и стал шуметь, чтобы Гэлбрейт услыхал. Я подождал, пока он не кончит ругать меня на все корки. Напустил на себя глупый вид.

— Видно, я маху дал, — говорю. — Но могу все исправить.

— Да ты уж наисправлял достаточно. — Тут он остановился. — Погоди. Как ты сказал? Ты можешь вылечить эту... Что это?

— Я осмотрел ружье, — говорю. — Кажется, я знаю, где напорол. Оно теперь настроено на золото, и все золото в городе испускает тепловые лучи или что-то в этом роде.

— Наведенная избирательная радиоактивность, — пробормотал Гэлбрейт очередную бессмыслицу. — Слушай. Вся эта толпа... У вас когда-нибудь линчуют?

— Не чаще раза-двух в год, — успокоил я. — И эти два раза уже позади, — так что годовую норму мы выполнили.

Жаль, что я не могу переправить вас к нам домой. Мы бы вас запросто спрятали.

— Ты бы лучше что-нибудь предпринял! — говорит. — А не то я вызову из Нью-Йорка комиссию! Ведь тебе это не очень-то по вкусу, а?

Никогда я не видел, чтобы человек с честным лицом так нагло врал в глаза.

— Дело верное, — говорю. — Я подкручу эту штуковину так, что она в два счета погасит лучи. Только я не хочу, чтобы люди связывали нас, Хогбенов, с этим делом. Мы любим жить спокойно. Вот что, давайте я пойду в ваш отель и налажу все как следует, а потом вы соберете тех, кто мается с зубами, и спустите курок.

— Но... Да, но...

Он боялся, как бы не вышло еще хуже. Но я его уговорил. На улице бесновалась толпа, так что долго уговаривать не пришлось. В конце концов я плюнул и ушел, но вернулся невидимый и подслушал, как Гэлбрейт уславливается с шерифом.

Они между собой поладили. Все, у кого болят зубы, соберутся и рассядутся в мэрии. Потом Эбернати приведет прохвессора с ружьем и попробует всех вылечить.

— Прекратится зубная боль? — настаивал шериф. — Точно?

— Я... Вполне уверен, что прекратится.

Эбернати уловил его нерешительность.

— Тогда уж лучше испробуйте сначала на мне. Я вам не доверяю.

Видно, никто никому не доверял.

Я прогулялся до отеля и кое-что изменил в ружье. И тут я попал в переплет. Моя невидимость истощилась. Вот ведь как скверно быть подростком.

Когда я стану на сотню-другую лет постарше, то буду оставаться невидимым сколько влезет. Но пока я еще не очень-то освоился. Главное, теперь я не мог обойтись без помощи, потому что должен был сделать одно дело, за которое никак нельзя браться у всех на глазах.

Я поднялся на крышу и мысленно окликнул крошку Сэма. Когда настроился на его мозг, попросил вызвать папулю и дядю Леса. Немного погодя с неба спустился дядя Лес; летел он тяжело, потому что нес папулю. Папуля ругался: они насилу увернулись от коршуна.

— Зато никто нас не видел, — утешал его дядя Лес. — По-моему.

— У городских сегодня своих хлопот полон рот, — ответил я. — Мне нужна помощь. Прохвессор обещал одно, а сам затевает напустить сюда комиссию и всех нас обследовать.

— В таком случае ничего не поделаешь, — сказал папуля. — Нельзя же кокнуть этого типа. Дедуля запретил.

Тогда я сообщил им свой план. Папуля невидимый, ему все это будет легче легкого. Потому мы провертели в крыше дырку, чтобы подсматривать, и заглянули в номер Гэлбрейта. И как раз вовремя. Шериф уже стоял там с пистолетом в руке (так он ждал), а прохвессор, позеленев, наводил на Эбернати ружье.

Все прошло без сучка без задоринки. Гэлбрейт спустил курок, из дула выскочило пурпурное кольцо света, и все. Да еще шериф открыл рот и сглотнул слюну.

— Ваша правда! Зуб не болит!

Гэлбрейт обливался потом, но делал вид, что все идет по плану.

— Конечно, действует, — сказал он. — Естественно. Я же говорил.

— Идемте в мэрию. Вас ждут. Советую вылечить всех, иначе вам не поздоровится.

Они ушли. Папуля тайком двинулся за ними, а дядя Лес подхватил меня и полетел следом, держась поближе к крышам, чтобы нас не заметили. Вскоре мы расположились у одного из окон мэрии и стали наблюдать.

Таких страстей я еще не видел, если не считать Лондонской чумы. Зал был битком набит, люди катались от боли, стонали и выли. Вошел Эбернати с прохвессором — прохвессор нес ружье, — и все завопили еще громче. Гэлбрейт установил ружье на сцене, дулом к публике, шериф снова вытащил пистолет, велел всем замолчать и обещал, что сейчас у всех зубная боль пройдет.

Я папулю, ясное дело, не видел, но знал, что он на сцене. С ружьем творилось что-то немыслимое. Никто не замечал, кроме меня, но я-то следил внимательно. Папуля, — конечно, невидимый — вносил кое-какие поправки. Я ему все объяснил, но он и сам не хуже меня понимал, что к чему. И вот он скоренько наладил ружье как надо.

А что потом было — конец света. Гэлбрейт прицелился, спустил курок, из ружья вылетели кольца света — на этот раз желтые. Я попросил папулю выбрать такую дальность, чтобы за пределами мэрии никого не задело. Но внутри...

Что ж, зубная-то боль у них прошла. Ведь не может человек страдать от золотой пломбы, если никакой пломбы у него и в помине нет.

Теперь ружье было налажено так, что действовало на все неживое. Дальность папуля выбрал точка в точку. Вмиг исчезли стулья и часть люстры. Публика сбилась в кучу, поэтому ей худо пришлось. У колченогого Джеффа пропала не только деревянная нога, но и стеклянный глаз. У кого были вставные зубы, ни одного не осталось. Многих словно наголо обрили.

И платья ни на ком я не видел. Ботинки ведь неживые, как и брюки, рубашки, юбки. В два счета все в зале оказались в

чем мать родила. Но это уже пустяк, зубы-то у них перестали болеть, верно?

Часом позже мы сидели дома — все, кроме дяди Леса, — как вдруг открывается дверь и входит дядя Лес, а за ним, шатаясь, — прохвессор. Вид у Гэлбрейта был самый жалкий. Он опустился на пол, тяжело, с хрипом дыша и тревожно поглядывая на дверь.

— Занятная история, — сказал дядя Лес. — Лечу это я над окраиной городка и вдруг вижу: бежит прохвессор, а за ним — целая толпа, и все замотаны в простыни. Вот я его и прихватил. Доставил сюда, как ему хотелось.

И мне подмигнул.

— О-о-о-х! — простонал Гэлбрейт. — А-а-а-х! Они сюда идут?

Мамуля подошла к двери.

— Вон сколько факелов лезут в гору, — сообщила она. — Не к добру это.

Прохвессор свирепо глянул на меня.

— Ты говорил, что можешь меня спрятать! Так вот, теперь прячь! Все из-за тебя!

— Чушь, — говорю.

— Прячь, иначе пожалеешь! — завизжал Гэлбрейт. — Я... я вызову сюда комиссию.

— Ну вот что, — сказал я. — Если мы вас укроем, обещаете забыть о комиссии и оставить нас в покое?

Прохвессор пообещал.

— Минуточку, — сказал я и поднялся в мезонин к дедуле. Он не спал.

— Как, дедуля? — спросил я.

С секунду он прислушивался к крошке Сэму.

— Прохвост лукавит, — сказал он вскоре. — Желает все-непременно вызвать ту шелудивую комиссию, вопреки всем своим посулам.

— Может, не стоит его прятать?

— Нет, отчего же, — сказал дедуля. — Хогбены дали слово — больше не убивать. А укрыть беглеца от преследователей — право же, дело благое.

Может быть, он подмигнул. Дедулю не разберешь. Я спустился по лестнице. Гэлбрейт стоял у двери — смотрел, как в гору взбираются факелы.

Он в меня так и вцепился.

— Сонк! Если ты меня не спрячешь...

— Спрячу, — ответил я. — Пошли.

Отвели мы его в подвал...

Когда к нам ворвалась толпа во главе с шерифом Эбернати, мы прикинулись простаками. Позволили перерыть весь дом. Крошка Сэм и дедуля на время стали невидимыми, их никто не заметил. И, само собой, толпа не нашла никаких следов Гэлбрейта. Мы его хорошо укрыли, как и обещали.

С тех пор прошло несколько лет. Прохвессор как сыр в масле катается. Но только нас он не обследует. Порой мы вынимаем его из бутылки, где он хранится, и обследуем сами. А бутылочка-то ма-ахонькая!

Котел с неприятностями

Лемюэла мы прозвали Горбун, потому что у него три ноги. Кода Лемюэл подрос (как раз в войну Севера с Югом), он стал поджимать лишнюю ногу внутрь штанов, чтобы никто ее не видел и зря язык не чесал. Ясное дело, вид у него при этом был самый что ни на есть верблюжий, но ведь Лемюэл не любитель форсить. Хорошо, что руки и ноги у него сгибаются не только в локтях и коленях, но и еще в двух суставах, иначе поджатую ногу вечно сводили бы судороги.

Мы не видели Лемюэла годков шестьдесят. Все Хогбены живут в Кентукки, но он в южной части гор, а мы в северной. И, надо полагать, обошлось бы без неприятностей, не будь Лемюэл таким безалаберным. Одно время мы уже подумали — каша заваривается не на шутку. Нам, Хогбенам, доводилось хлебнуть горя и раньше, до того как мы переехали в Пайпервилл: бывало, люди все подглядывают за нами да подслушивают, норовят дознаться, с чего это в округе собаки лаем исходят. До того дошло — совсем невозможно стало летать. В конце концов дедуля рассудил, что пора смотать удочки, перебраться южнее, к Лемюэлу.

Терпеть не могу путешествий. Последний раз, когда мы плыли в Америку, меня аж наизнанку выворачивало. Летать и то лучше. Но в семье верховодит дедуля.

Он заставил нас нанять грузовик, чтобы переправить пожитки. Труднее всего было втиснуть Малыша; в нем-то самом весу кило сто сорок, не больше, но цистерна уж больно здоровая. Зато с дедулей никаких хлопот: его просто увязали в старую дерюгу и запихнули под сиденье. Всю работу пришлось выполнять мне. Папуля насосался маисовой водки и совершенно обалдел. Знай ходил на руках да песню горланил «Вверх тормашками весь мир».

Дядя вообще не пожелал ехать. Он забился под ясли в хлеву и сказал, что соснет годков десять. Там мы его и оставили.

— Вечно они скачут! — все жаловался дядя. — И чего им на месте не сидится? Пятисот лет не пройдет, как они опять — хлоп! Бродяги бесстыжие, перелетные птицы! Ну и езжайте, скатертью дорога!

Ну и уехали.

Лемюэл, по прозванию Горбун, — наш родственник. Аккурат пред тем, как мы поселились в Кентукки, там, говорят, пронесся ураган. Всем пришлось засучить рукава и строить дом, один Лемюэл — ни в какую. Ужас до чего никудышный. Так и улетел на юг. Каждый год или через год он ненадолго просыпается, и мы тогда слышим его мысли, но остальное время он бревно бревном.

Решили пожить у него.

Сказано — сделано.

Видим, Лемюэл живет в заброшенной водяной мельнице, в горах неподалеку от города Пайпервилл. Мельница обветшала, на честном слове держится. На крыльце сидит Лемюэл. Когда-то он сел в кресло, но кресло под ним давно уж развалилось. А он и не подумал проснуться и починить. Мы не стали будить Лемюэла. Втащили Малыша в дом, и дедуля с папулей начали вносить бутылки с маисовой.

Мало-помалу устроились. Сперва было не ахти как удобно. Лемюэл, непутевая душа, припасов в доме не держит. Он

проснется ровно настолько, чтоб загипнотизировать в лесу какого-нибудь енота, и, глядишь, тот уже скачет, пришибленный, согласный стать обедом. Лемюэл питается енотами, потому что у них ловкие лапы, прямо как руки. Пусть меня поцарапают, если этот лодырь Лем гипнозом не заставляет енотов разводить огонь и зажариваться. До сих пор не пойму, как он их свежует? Есть люди, которым лень делать самые немудреные вещи. Когда ему хочется пить, он насылает дождь себе на голову и открывает рот. Позор, да и только.

Правда, никто из нас не обращал на Лемюэла внимания. Мамуля с ног сбилась в хлопотах по хозяйству. Папуля, само собой, удрал с кувшином маисовой, и вся работа свалилась на меня. Ее было немного. Главная беда — нужна электроэнергия. На то, чтобы поддерживать жизнь Малыша в цистерне, току уходит прорва, да и дедуля жрет электричество, как свинья помои. Если бы Лемюэл сохранил воду в запруде, мы бы вообще забот не знали, но ведь это же Лемюэл! Он преспокойно дал ручью высохнуть. Теперь по руслу текла жалкая струйка.

Мамуля помогла мне смастерить в курятнике одну штуковину, и после этого у нас электричества стало хоть отбавляй.

Неприятности начались с того, что в один прекрасный день по лесной тропе к нам притопал костлявый коротышка и словно бы обомлел, увидев, как мамуля стирает во дворе.

Я тоже вышел во двор — любопытства ради.

— День выдался на славу, — сказала мамуля. — Хотите выпить, гостенек?

Он сказал, что ничего не имеет против, я принес полный ковш, коротышка выпил маисовой, судорожно перевел дух и сказал, — мол, нет уж, спасибо, больше не хочет, ни сейчас, ни потом, никогда в жизни. Сказал, что есть уйма более дешевых способов надсадить себе глотку.

— Недавно приехали? — спросил он.

Мамуля сказала, что да, недавно, Лемюэл нам родственник.

Коротышка посмотрел на Лемюэла — тот все сидел на крыльце, закрыв глаза, — и сказал:

— По-вашему, он жив?

— Конечно, — ответила мамуля. — Полон жизни, как говорится.

— А мы-то думали, он давно покойник, — сказал коротышка. — Поэтому ни разу не взимали с него избирательного налога. Я считаю, вам лучше и за себя заплатить, если уж вы сюда въехали. Сколько вас тут?

— Примерно шестеро, — ответила мамуля.

— Все совершеннолетние?

— Да вот у нас папуля, Сонк, Малыш...

— Лет-то сколько?

— Малышу уже годочков четыреста, верно, мамуля?— сунулся было я, но мамуля дала мне подзатыльник и велела помалкивать. Коротышка ткнул в меня пальцем и сказал, что про меня-то и спрашивает. Черт, не мог я ему ответить. Сбился со счета еще при Кромвеле. Кончилось тем, что коротышка решил собрать налог со всех, кроме Малыша.

— Не в деньгах счастье, — сказал он, записывая что-то в книжечку. — Главное, в нашем городе голосовать надо по всем правилам. Против избирательной машины не попрешь. В Пайпервилле босс только один, и зовут его Илай Гэнди. С вас двадцать долларов.

Мамуля велела мне набрать денег, и я ушел на поиски. У дедули была одна-единственная монетка, про которую он сказал, что это, во-первых, динарий, а во-вторых, талисман: дедуля прибавил, что свистнул эту монетку у какого-то Юлия где-то в Галлии. Папуля был пьян в стельку. У Малыша завалялись три доллара. Я обшарил карманы Лемюэла, но добыл там только два яичка иволги.

Когда я вернулся к мамуле, она поскребла в затылке, но я ее успокоил:

— К утру сделаем, мамуля. Вы ведь примете золото, мистер?

Мамуля влепила мне затрещину. Коротышка посмотрел как-то странно и сказал, что золото примет, отчего бы и нет. Потом он ушел лесом и повстречал на тропе енота, который нес охапку прутьев на растопку, — как видно, Лемюэл проголодался. Коротышка прибавил шагу.

Я стал искать металлический хлам, чтобы превратить его в золото.

На другой день нас упрятали в тюрьму. Мы-то, конечно, все знали заранее, но ничего не могли поделать. У нас одна линия: не задирать нос и не привлекать к себе лишнего внимания. То же самое наказал нам дедуля и на этот раз. Мы все поднялись на чердак (все, кроме Малыша и Лемюэла, который никогда не почешется), и я уставился в угол, на паутину, чтобы не смотреть на дедулю. От его вида у меня мороз по коже.

— Ну их, холуев зловонных, не стоит мараться, — сказал дедуля. — Лучше уж в тюрьму, там безопасно. Дни инквизиции навеки миновали.

— Нельзя ли спрятать ту штуковину, что в курятнике?

Мамуля меня стукнула, чтобы не лез, когда старшие разговаривают.

— Не поможет, — сказала она. — Сегодня утром приходили из Пайпервилла соглядатаи, видели ее.

— Прорыли вы погреб под домом? — спросил дедуля. — Вот и ладно. Укройте там меня с Малышом. — Он опять сбился на старомодную речь. — Поистине досадно прожить столь долгие годы и вдруг попасть впросак, осрамиться перед гнусными олухами. Надлежало бы им глотки перерезать. Да нет же, Сонк, ведь это я для красного словца. Не станем привлекать к себе внимания. Мы и без того найдем выход.

Выход нашелся сам. Всех нас выволокли (кроме дедули с Малышом, они к тому времени уже сидели в погребе). Отвезли в Пайпервилл и упрятали в каталажку. Лемюэл так и не проснулся. Пришлось тянуть его за ноги.

Что до папули, то он не протрезвел. У него свой коронный номер. Он выпьет маисовой, а потом, я так понимаю, алкоголь попадает к нему в кровь и превращается в сахар или еще во что-то. Волшебство, не иначе. Папуля старался мне растолковать, но до меня туго доходило. Спиртное идет в желудок: как может оно попасть оттуда в кровь и превратиться в сахар? Просто глупость. А если нет, так колдовство. Но я-то к другому клоню: папуля уверяет, будто обучил своих друзей, которых звать Ферменты (не иначе как иностранцы, судя по фамилии), превращать сахар обратно в алкоголь, и потому умеет оставаться пьяным, сколько душе угодно. Но все равно он предпочитает свежую маисовую, если только подвернется. Я-то не выношу колдовских фокусов, мне от них страшно делается.

Ввели меня в комнату, где народу было порядочно, и приказали сесть на стул. Стали сыпать вопросами. Я прикинулся дурачком. Сказал, что ничего не знаю.

— Да не может этого быть! — заявил кто-то. — Не сами же они соорудили... Неотесанные увальни горцы! Но, несомненно, в курятнике у них урановый котел! Чепуха какая.

Я все прикидывался дурачком. Немного погодя отвели меня в камеру. Она кишела клопами. Я выпустил из глаз что-то вроде лучей и поубивал всех клопов — на удивление занюханному человечку со светло-рыжими баками, который спал на верхней койке: я и не заметил, как он проснулся, а когда заметил, было уже поздно.

— На своем веку в каких только чудных тюрьмах я не перебывал, — сказал занюханный человечек, часто-часто помаргивая, — каких только необыкновенных соседей по камере не перевидал, но ни разу еще не встречал человека, в котором заподозрил бы дьявола. Я Армбрестер, хорек Армбрестер,

упекли за бродяжничество. А тебя в чем упрекают, друг? В том, что скупал души по взвинченным ценам?

Я ответил, что рад познакомиться. Нельзя было не восхититься его речью. Просто страсть какой образованный был.

— Мистер Армбрестер, — сказал я, — понятия не имею, за что сижу. Нас сюда привезли ни с того ни с сего — папулю, мамулю и Лемюэла. Лемюэл, правда, все еще спит, а папуля пьян.

— Мне тоже хочется напиться допьяна, — сообщил мистер Армбрестер. — Тогда меня бы не удивляло, что ты повис в воздухе между полом и потолком.

Я засмущался. Вряд ли кому охота, чтобы его застукали за такими делами. Со мной это случилось по рассеянности, но чувствовал я себя круглым идиотом. Пришлось извиниться.

— Ничего,— сказал мистер Армбрестер, переваливаясь на живот и почесывая баки. — Я этого давно жду. Жизнь я прожил в общем и целом весело. А такой способ сойти с ума не хуже всякого другого. Так за что тебя, говоришь, арестовали?

— Сказали, что у нас урановый котел стоит, — ответил я. — Спорим, у нас такого нет. Чугунный, я знаю, есть, сам в нем воду кипятил. А уранового сроду на огонь не ставил.

— Ставил бы, так запомнил бы, — отозвался он. — Скорее всего, тут какая-то политическая махинация. Через неделю выборы. На них собирается выступить партия реформ, а старикашка Гэнди хочет раздавить ее, прежде чем она сделает первый шаг.

— Что ж, пора домой, — сказал я.

— А где вы живете?

Я ему объяснил, и он задумался.

— Интересно. На реке, значит? То есть на ручье? На Медведице?

— Это даже не ручей, — уточнил я.

Мистер Армбрестер засмеялся.

— Гэнди величал его рекой Большой Медведицы, до того как построил недалеко от вас Гэнди-плотину. В том ручье нет воды уже полвека, но лет десять назад старикашка Гэнди получил ассигнования — один бог знает, на какую сумму. Выстроил плотину только благодаря тому, что ручей назвал рекой.

— А зачем ему это было надо? — спросил я.

— Знаешь, сколько шальных денег можно выколотить из постройки плотины? Но против Гэнди не попрешь, по-моему. Если у человека собственная газета, он сам диктует условия. Ого! Сюда кто-то идет.

Вошел человек с ключами и увел мистера Армбрестера. Спустя еще несколько часов пришел кто-то другой и выпустил меня. Отвел в другую комнату, очень ярко освещенную. Там был мистер Армбрестер, были мамуля с папулей и Лемюэлом и еще какие-то дюжие ребята с револьверами. Был там и тощий сухонький тип с лысым черепом и змеиными глазками. Все плясали под его дудку и величали его мистером Гэнди.

— Парнишка — обыкновенный деревенский увалень, — сказал мистер Армбрестер, когда я вошел. — Если он и угодил в какую-то историю, то случайно.

Ему дали по шее и велели закрыться. Он закрылся. Мистер Гэнди сидел в сторонке и кивал с довольно подлым видом. У него был дурной глаз.

— Послушай, мальчик, — сказал он мне. — Кого ты выгораживаешь? Кто сделал урановый котел в вашем сарае? Говори правду, или тебе не поздоровится.

Я только посмотрел на него, да так, что кто-то стукнул меня по макушке. Чепуха. Ударом по черепу Хогбенов не проймешь. Помню, наши враги Адамсы схватили меня и давай дубасить по голове, пока не выбились из сил, — даже не пикнули, когда я побросал их в цистерну.

Мистер Армбрестер подал голос.

— Вот что, мистер Гэнди, — сказал он. — Я понимаю, будет большая сенсация, если вы узнаете, кто сделал урановый котел, но ведь вас и без того переизберут. А может быть, это вообще не урановый котел.

— Кто его сделал, я знаю, — заявил мистер Гэнди. — Ученые-ренегаты. Или беглые военные преступники-нацисты. И я намерен их найти!

— Ого, — сказал мистер Армбрестер. — Понял вашу идею. Такая сенсация взволнует всю страну, не так ли? Вы сможете выставить свою кандидатуру на пост губернатора, или в сенат, или... В общем, диктовать любые условия.

— Что тебе говорил этот мальчишка? — спросил мистер Гэнди. Но мистер Армбрестер заверил его, что я ничего такого не говорил.

Тогда принялись колошматить Лемюэла.

Это занятие утомительное. Никто не может разбудить Лемюэла, если уж его разморило и он решил вздремнуть, а таким разморенным я никого никогда не видел. Через некоторое время его сочли мертвецом. Да он и вправду все равно что мертвец: до того ленив, что даже не дышит, если крепко спит.

Папуля творил чудеса со своими приятелями-ферментами, он был пьянее пьяного. Его пытались отхлестать, но ему это вроде щекотки. Всякий раз, как на него опускали кусок шланга, папуля глупо хихикал. Мне стало стыдно.

Мамулю никто не пытался отхлестать. Когда кто-нибудь подбирался к ней достаточно близко, чтобы ударить, он тут же белел как полотно и пятился, весь в поту, дрожа крупной дрожью. Один наш знакомый прохвессор как-то сказал, что мамуля умеет испускать направленный пучок инфразвуковых волн. Прохвессор врал. Она всего-навсего издает никому не слышный звук и посылает его куда хочет. Ох уж эти мне трескучие слова! А дело-то простое, все равно что белок бить. Я и сам так умею.

Мистер Гэнди распорядился водворить нас обратно, он, мол, с нами еще потолкует. Поэтому Лемюэла выволокли, а мы разошлись по камерам сами. У мистера Армбрестера на голове осталась шишка величиной с куриное яйцо. Он со стоном улегся на койку, а я сидел в углу, поглядывая на его голову и вроде бы стреляя светом из глаз, только этого света никто не мог увидеть. На самом деле такой свет... Эх, образования не хватает. В общем, он помогает не хуже примочки. Немного погодя шишка на голове у мистера Армбрестера исчезла и он перестал стонать.

— Попал ты в переделку, Сонк, — сказал он (к тому времени я ему назвал свое имя). — У Гэнди теперь грандиозные планы. И он совершенно загипнотизировал жителей Пайпервилла. Но ему нужно больше — загипнотизировать весь штат или даже всю страну. Он хочет стать фигурой национального масштаба. Подходящая новость в газетах может это устроить. Кстати, она же гарантирует ему переизбрание на той неделе, хоть он в гарантиях и не нуждается. Весь городок у него в кармане. У вас и вправду урановый котел?

Я только посмотрел на него.

— Гэнди, по-видимому, уверен, — продолжал он. — Выслал несколько физиков, и они сказали, что это явно уран-235 с графитовыми замедлителями. Сонк, я слышал их разговор. Для твоего же блага — перестань укрывать других. К тебе применят наркотик правды — пентатол натрия или скополамин.

— Вам надо поспать, — сказал я, потому что услышал у себя в мозгу зов дедули. Я закрыл глаза и стал вслушиваться. Это было нелегко: все время вклинивался папуля.

— Пропусти рюмашку, — весело предложил папуля, только без слов, сами понимаете.

— Чтоб тебе сдохнуть, клейменая вошь, — сказал дедуля совсем не так весело. — Убери отсюда свой неповоротливый мозг. Сонк!

— Да, дедуля, — сказал я мысленно.

— Надо составить план...

Папуля повторил:

— Пропусти рюмашку, Сонк.

— Да замолчи же, папуля, — ответил я. — Имей хоть каплю уважения к старшим. Это я про дедулю. И вообще, как я могу пропустить рюмашку? Ты же далеко, в другой камере.

— У меня личный трубопровод, — сказал папуля. — Могу сделать тебе... Как это называется... Переливание. Телепортация, вот это что. Я просто накоротко замыкаю пространство между твоей кровеносной системой и моей, а потом перекачиваю алкоголь из своих вен в твои. Смотри, это делается вот так.

Он показал мне, как — вроде картинку нарисовал у меня в мозгу.

Действительно легко. То есть легко для Хогбена.

Я осатанел.

— Папуля, — говорю, — пень ты трухлявый, не заставляй своего любящего сына терять к тебе больше уважения, чем требует естество. Я ведь знаю, ты книг сроду не читал. Просто подбираешь длинные слова в чьем-нибудь мозгу.

— Пропусти рюмашку, — не унимался папуля, и вдруг как заорет.

Я услыхал смешок дедули.

— Крадешь мудрость из умов людских, а? — сказал дедуля. — Это я тоже умею. Сейчас я в своей кровеносной системе вывел культуру возбудителя мигрени и телепортировал ее к тебе в мозг, пузатый негодник! Чумы нет на изверга! Внемли мне, Сонк. Ближайшее время твой ничтожный родитель не будет нам помехой.

— Есть, дедуля, — говорю. — Ты в форме?

— Да.

— А Малыш?

— Тоже. Но действовать должен ты. Это твоя задача, Сонк. Вся беда в той... Все забываю слово... В том урановом котле.

— Значит, это все-таки он, — сказал я.

— Кто бы подумал, что хоть одна душа в мире может его распознать? Делать такие котлы научил меня мой прародитель; они существовали еще в его времена. Поистине благодаря им мы, Хогбены, стали мутантами. Господи, твоя воля, теперь я сам должен обворовать чужой мозг, чтобы внести ясность. В городе, где ты находишься, Сонк, есть люди, коим ведомы нужные мне слова... Вот погоди.

Он порылся в мозгу у нескольких человек. Потом продолжил:

— При жизни моего прародителя люди научились расщеплять атом. Появилась... гм... вторичная радиация. Она оказала влияние на гены и хромосомы некоторых мужчин и женщин... у нас, Хогбенов, мутация доминантная. Вот потому мы и мутанты.

— То же самое говорил Роджер Бэкон, точно? — припомнил я.

— Так. Но он был дружелюбен и хранил молчание. Кабы в те дни люди дознались о нашем могуществе, нас сожгли бы на костре. Даже сегодня открываться небезопасно. Под конец... Ты ведь знаешь, что воспоследует под конец, Сонк.

— Да, дедуля, — подтвердил я, потому что и в самом деле знал.

— Вот тут-то и закавыка. По-видимому, люди вновь расщепили атом. Оттого и распознали урановый котел. Его надлежит уничтожить; он не должен попасть на глаза людям. Но нам нужна энергия. Не много, а все же. Легче всего получить ее от уранового котла, но теперь им нельзя пользоваться. Сонк, вот что надо сделать, чтобы нам с Малышом хватило энергии.

Он растолковал мне, что надо сделать.

Тогда я взял да и сделал.

Стоит мне глаза скосить, как я начинаю видеть интересные картинки. Взять хоть решетку на окнах. Она дробится на малюсенькие кусочки, и все кусочки бегают взад-вперед как шальные. Я слыхал, это атомы. До чего же они веселенькие — суетятся, будто спешат к воскресной проповеди. Ясное дело, ими легко жонглировать, как мячиками. Посмотришь на них пристально, выпустишь что-то такое из глаз — они сгрудятся, а это смешно до невозможности. По первому разу я ошибся и нечаянно превратил железные прутья в золотые. Пропустил, наверное, атом. Зато после этого я научился и превратил прутья в ничто. Выкарабкался наружу, а потом обратно превратил их в железо. Сперва удостоверился, что мистер Армбрестер спит. В общем, легче легкого.

Нас поместили на седьмом этаже большого здания — наполовину мэрии, наполовину тюрьмы. Дело было ночью, меня никто не заметил. Я и улетел. Один раз мимо меня прошмыгнула сова — думала, я в темноте не вижу, а я в нее плюнул. Попал, между прочим.

С урановым котлом я справился. Вокруг него полно было охраны с фонарями, но я повис в небе, куда часовые не могли досягнуть, и занялся делом. Для начала разогрел котел так, что штуки, которые мистер Армбрестер называл графитовыми замедлителями, превратились в ничто, исчезли. После этого можно было без опаски заняться... ураном-235, так, что ли? Я и занялся, превратил его в свинец. В самый хрупкий. До того хрупкий, что его сдуло ветром. Вскорости ничего не осталось.

Тогда я полетел вверх по ручью. Воды в нем была жалкая струйка, а дедуля объяснил, что нужно гораздо больше. Слетал я к вершинам гор, но и там ничего подходящего не нашел. А дедуля заговорил со мной. Сказал, что Малыш плачет. Надо было, верно, сперва найти источник энергии, а уж потом рушить урановый котел.

Осталось одно — наслать дождь.

Насылать дождь можно по-разному, но я решил просто заморозить тучу. Пришлось спуститься на землю, по-быстрому смастерить аппаратик, а потом лететь высоко вверх, где есть тучи; времени убил порядком, зато довольно скоро грянула буря и хлынул дождь. Но вода не пошла вниз по ручью. Искал я, искал, обнаружил место, где у ручья дно провалилось. Видно, под руслом тянулись подземные пещеры. Я скоренько законопатил дыры. Стоит ли удивляться, что в ручье столько лет нет воды, о которой можно говорить всерьез? Я все уладил.

Но ведь дедуле требовался постоянный источник, я и давай кругом шарить, пока не разыскал большие родники. Я их вскрыл. К тому времени дождь лил как из ведра. Я завернул проведать дедулю.

Часовые разошлись по домам — надо полагать, Малыш их вконец расстроил, когда начал плакать. По словам дедули, все они заткнули уши пальцами и с криком бросились врассыпную. Я, как велел дедуля, осмотрел и кое-где починил водяное колесо. Ремонт там был мелкий. Сто лет назад вещи делали на совесть, да и дерево успело стать мореным. Я любовался колесом, а оно вертелось все быстрее — ведь вода в ручье прибывала... Да что я — в ручье! Он стал рекой.

Но дедуля сказал, — это что, видел бы я Аппиеву дорогу, когда ее прокладывали.

Его и Малыша я устроил со всеми удобствами, потом улетел назад в Пайпервилл. Близился рассвет, а я не хотел, чтобы меня заметили.

На обратном пути плюнул в голубя.

В мэрии был переполох. Оказывается, исчезли мамуля, папуля и Лемюэл. Я-то знал, как это получилось. Мамуля в мыслях переговорила со мной, велела идти в угловую камеру, там просторнее. В той камере собрались все наши. Только невидимые.

Да, чуть не забыл: я ведь тоже сделался невидимым, после того как пробрался в свою камеру, увидел, что мистер Армбрестер все еще спит, и заметил переполох.

— Дедуля мне дал знать, что творится, — сказала мамуля. — Я рассудила, что не стоит пока путаться под ногами. Сильный дождь, да?

— Будьте уверены, — ответил я. — А почему все так волнуются?

— Не могут понять, что с нами сталось, — объяснила мамуля. — Как только шум стихнет, мы вернемся домой. Ты, надеюсь, все уладил?

— Я сделал все, как дедуля велел... — начал было я, и вдруг из коридора послышались вопли. В камеру вкатился матерый жирный енот с охапкой прутьев. Он шел прямо, прямо, пока не уперся в решетку. Тогда он сел и начал раскладывать прутья, чтоб разжечь огонь. Взгляд у него был ошалелый, поэтому я догадался, что Лемюэл енота загипнотизировал.

Под дверью камеры собралась толпа. Нас-то она, само собой, не видела, зато глазела на матерого енота. Я тоже глазел, потому что до сих пор не могу сообразить, как Лемюэл сдирает с енотов шкурку. Как они разводят огонь, я и раньше видел (Лемюэл умеет их заставить), но почему-то ни разу не был рядом, когда еноты раздевались догола — сами себя свежевали. Хотел бы я на это посмотреть.

Но не успел енот начать, один из полисменов цап его в сумку — и унес; так я и не узнал секрета. К тому времени рассвело. Откуда-то непрерывно доносился рев, а один раз я различил знакомый голос.

— Мамуля, — говорю, — это, похоже, мистер Армбрестер. Пойду погляжу, что там делают с бедолагой.

— Нам пора домой, — уперлась мамуля. — Надо выпустить дедулю и Малыша. Говоришь, вертится водяное колесо?

— Да, мамуля, — говорю. — Теперь электричества вволю.

Она пошарила в воздухе, нащупала папулю и стукнула его.

— Проснись!

— Пропусти рюмашку, — завел опять папуля.

Но она его растолкала и объявила, что мы идем домой. А вот разбудить Лемюэла никто не в силах. В конце концов мамуля с папулей взяли Лемюэла за руки и за ноги и вылетели с ним в окно (я развеял решетку в воздухе, чтоб они пролезли). Дождь все лил, но мамуля сказала, что они не сахарные, да и я пусть лечу следом, не то мне всыплют пониже спины.

— Ладно, мамуля, — поддакнул я, но на самом деле и не думал лететь. Я остался выяснить, что делают с мистером Армбрестером.

Его держали в той же ярко освещенной комнате. У окна, с самой подлой миной, стоял мистер Гэнди, а мистеру Армбрестеру закатали рукав, вроде стеклянную иглу собирались всадить. Ну, погодите! Я тут же сделался видимым.

— Не советую, — сказал я.

— Да это же младший Хогбен! — взвыл кто-то. — Хватай его!

Меня схватили. Я позволил. Очень скоро я уже сидел на стуле с закатанным рукавом, а мистер Гэнди щерился на меня по-волчьи.

— Обработайте его наркотиком правды, — сказал он. — А бродягу теперь не стоит допрашивать.

Мистер Армбрестер, какой-то пришибленный, твердил:

— Куда делся Сонк, я не знаю! А знал бы — не сказал бы...

Ему дали по шее.

Мистер Гэнди придвинул лицо чуть ли не к моему носу.

— Сейчас мы узнаем всю правду об урановом котле, — объявил он. — Один укол, и ты все выложишь. Понятно?

Воткнули мне в руку иглу и впрыснули лекарство. Щекотно стало.

Потом стали расспрашивать. Я сказал, что знать ничего не знаю. Мистер Гэнди распорядился сделать мне еще один укол. Сделали.

Совсем невтерпеж стало от щекотки.

Тут кто-то вбежал в комнату — и в крик.

— Плотину прорвало! — орет. — Гэнди-плотину! В южной долине затоплена половина ферм!

Мистер Гэнди попятился и завизжал:

— Вы с ума сошли! Не может быть! В Большой Медведице уже сто лет нет воды!

Потом все сбились в кучку и давай шептаться. Что-то насчет образчиков. И внизу уже толпа собралась.

— Вы должны их успокоить, — сказал кто-то мистеру Гэнди. — Они кипят от возмущения. Посевы загублены...

— Я их успокою, — заверил мистер Гэнди. — Доказательств никаких. Эх, как раз за неделю до выборов!

Он выбежал из комнаты, за ним бросились остальные.

Я встал со стула и почесался. Лекарство, которым меня накачали, дико зудело под кожей. Я обозлился на мистера Гэнди.

— Живо! — сказал мистер Армбрестер. — Давай уносить ноги. Сейчас самое время.

Мы унесли ноги через боковой вход. Это было легко. Подошли к парадной двери, а там под дождем куча народу мокнет. На ступенях суда стоит мистер Гэнди, все с тем же подлым видом, лицом к лицу с рослым, плечистым парнем, который размахивает обломком камня.

— У каждой плотины свой предел прочности, — объяснял мистер Гэнди, но рослый парень взревел и замахнулся камнем над его головой.

— Я знаю, где хороший бетон, а где плохой! — прогремел он. — Тут сплошной песок! Да эта плотина и галлона воды не удержит!

Мистер Гэнди покачал головой.

— Возмутительно! — говорит. — Я потрясен не меньше, чем вы. Разумеется, мы целиком доверяли подрядчикам. Если строительная компания «Эджекс» пользовалась некондиционными материалами, мы взыщем с нее по суду.

В эту минуту я до того устал чесаться, что решил принять меры. Я так и сделал.

Плечистый парень отступил на шаг и ткнул пальцем в мистера Гэнди.

— Вот что, — говорит. — Ходят слухи, будто строительная компания «Эджекс» принадлежит вам. Это правда?

Мистер Гэнди открыл рот и снова закрыл. Он чуть заметно вздрогнул.

— Да, — говорит, — я ее владелец.

Надо было слышать вопль толпы.

Плечистый парень аж задохнулся.

— Вы сознались? Может быть, сознаетесь и в том, что знали, что плотина никуда не годится, а? Сколько вы нажили на строительстве?

— Одиннадцать тысяч долларов, — ответил мистер Гэнди. — Это чистая прибыль, после того как я выплатил долю шерифу, олдермену и...

Но тут толпа двинулась вверх по ступенькам и мистера Гэнди не стало слышно.

— Так, так, — сказал мистер Армбрестер. — Редкое зрелище. Ты понял, что это означает, Сонк? Гэнди сошел с ума. Не иначе. Но на выборах победит партия реформ, она прогонит мошенников, и для меня снова настанет приятная жизнь в Пайпервилле. Пока не подамся на Юг. Как ни странно, я нашел у себя в кармане деньги. Пойдем выпьем, Сонк?

— Нет, спасибо, — ответил я. — Мамуля рассердится; она ведь не знает, куда я делся. А больше не будет неприятностей, мистер Армбрестер?

— В конце концов когда-нибудь будут, — сказал он, — но очень не скоро. Смотри-ка, старикашку Гэнди ведут в тюрьму! Скорее всего, хотят защитить от разъяренной толпы. Это надо отпраздновать, Сонк. Ты не передумал...Сонк! Ты где?

Но я стал невидимым.

Ну вот и все. Под кожей у меня больше не зудело. Я улетел домой и помог наладить гидроэлектростанцию на водяном колесе. Со временем наводнение схлынуло, но с тех пор по руслу течет полноводная река, потому что в истоках ее я все устроил как надо. И зажили мы тихо и спокойно, как любим. Для нас такая жизнь безопаснее.

Дедуля сказал, что наводнение было законное. Напомнило ему то, про которое рассказывал еще его дедуля. Оказывается, при жизни дедулиного дедули были урановые котлы и многое другое, но очень скоро все это вышло из повиновения и случился настоящий потоп. Дедулиному дедуле пришлось бежать без оглядки. С того дня и до сих пор про его родину никто слыхом не слыхал; надо понимать, в Атлантиде все утонули. Впрочем, подумаешь, важность, какие-то иностранцы.

Мистера Гэнди упрятали в тюрьму. Так и не узнали, что заставило его во всем сознаться; может, в нем совесть заговорила. Не думаю, чтоб из-за меня. Навряд ли. А все же...

Помните тот фокус, что показал мне папуля, как можно коротнуть пространство и перекачать маисовую из его крови в мою? Так вот, мне надоел зуд под кожей, где толком и не почешешься, и я сам проделал такой фокус. От впрыснутого лекарства, как бы оно ни называлось, меня одолел зуд. Я маленько искривил пространство и перекачал эту пакость в кровь к мистеру Гэнди, когда он стоял на ступеньках суда. У меня зуд тут же прошел, но у мистера Гэнди он, видно, начался сильный. Так и надо подлецу!

Интересно, не от зуда ли он всю правду выложил?

До скорого!

Старый Енси, пожалуй, самый подлый человечишка во всем мире. Свет не видел более наглого, закоренелого, тупого, отпетого, гнусного негодяя. То, что с ним случилось, напомнило мне фразу, услышанную однажды от другого малого, — много воды с тех пор утекло. Я уж позабыл, как звали того малого, кажется Людовик, а может, и Тамерлан; но он как-то сказал, что, мол, хорошо бы у всего мира была только одна голова, тогда ее легко было бы снести с плеч.

Беда Енси в том, что он дошел до ручки: считает, что весь мир ополчился против него, и разрази меня гром, если он не прав. С этим Енси настали хлопотные времена даже для нас, Хогбенов.

Енси-то типичный мерзавец. Вообще вся семейка Тарбеллов не сахар, но Енси даже родню довел до белого каления. Он живет в однокомнатной хибарке на задворках у Тарбеллов и никого к себе не подпускает, разве только позволит всунуть продукты в полукруглую дырку, выпиленную в двери.

Лет десять назад делали новое межевание, что ли, и вышло так, что из-за какой-то юридической закавыки Енси должен был заново подтвердить свои права на землю. Для этого ему надо было прожить на своем участке с год. Примерно в те же дни он поругался с женой, выехал за пределы участка и сказал, что,

дескать, пусть земля достается государству, пропади все пропадом, зато он проучит всю семью. Он знал, что жена пропускает иногда рюмочку-другую на деньги, вырученные от продажи репы, и трясется, как бы государство не отняло землицу.

Оказалось, эта земля вообще никому не нужна. Она вся в буграх и завалена камнями, но жена Енси страшно переживала и упрашивала мужа вернуться, а ему характер не позволял.

В хибарке Енси Тарбелл обходился без элементарных удобств, но он ведь тупица и к тому же пакостник. Вскорости миссис Тарбелл померла: она кидалась камнями в хибарку из-за бугра, а один камень ударил в бугор и рикошетом попал ей в голову. Остались восемь Тарбеллов-сыновей да сам Енси. Но и тогда Енси с места не сдвинулся.

Может, там бы он и жил, пока не превратился бы в мощи и не вознесся на небо, но только его сыновья затеяли с нами склоку. Мы долго терпели — ведь они не могли нам повредить. Но вот гостивший у нас дядя Лес разнервничался и заявил, что устал перепелом взлетать под небеса всякий раз, как в кустах хлопнет ружье. Шкура-то у него после ран быстро заживает, но он уверял, что страдает головокружениями оттого, что на высоте двух-трех миль воздух разреженный.

Так или иначе, травля все продолжалась, и никто из нас от нее не страдал, что особенно бесило восьмерых братьев Тарбеллов. И однажды на ночь глядя они гурьбой вломились в наш дом с оружием в руках. А нам скандалы были ни к чему.

Дядя Лем — он близнец дяди Леса, но только родился намного позже — давно впал в зимнюю спячку где-то в дупле, так что его все это не касалось. Но вот малыша, дай ему бог здоровья, стало трудновато таскать взад-вперед, ведь ему уже исполнилось четыреста лет и он для своего возраста довольно крупный ребенок — пудов восемь будет.

Мы все могли попрятаться или уйти на время в долину, в Пайпервилл, но ведь в мезонине у нас дедуля, да и к про-

хвессору, которого держим в бутылке, я привязался. Не хотелось его оставлять — ведь в суматохе бутылка чего доброго разобьется, если восьмеро братьев Тарбеллов налижутся как следует.

Прохвессор славный, хоть в голове у него винтика не хватает. Все твердит, что мы мутанты (ну и словечко!), и треплет языком про каких-то своих знакомых, которых называет хромосомами. Они как будто попали, по словам прохвессора, под жесткое излучение и народили потомков, не то доминантную мутацию, не то Хогбенов, но я вечно это путаю с заговором круглоголовых — было такое у нас в Старом свете. Ясное дело, не в *настоящем Старом свете*, тот давно затонул.

И вот, раз уж дедуля велел нам молчать в тряпочку, мы дожидались, пока восьмеро братьев Тарбеллов высадят дверь, а потом все сделались невидимыми, в том числе и малыш. И стали ждать, чтобы все прошло стороной, но не тут-то было.

Побродив по дому и вдоволь натешась, восьмеро братьев Тарбеллов спустились в подвал. Это было хуже, потому что застигло нас врасплох. Малыш-то стал невидимым, и цистерна, где мы его держим, тоже, но ведь цистерна не может тягаться с нами проворством.

Один из восьмерки Тарбеллов со всего размаху налетел на цистерну и как следует расшиб голень. Ну и ругался же он! Нехорошо, когда ребенок слышит такие слова, но в ругани наш дедуля кому угодно даст сто очков вперед, так что я-то ничему новому не научился.

Он, значит, ругался на чем свет стоит, прыгал на одной ноге, и вдруг ни с того ни с сего дробовик выстрелил. Там, верно, курок на волоске держался. Выстрел разбудил малыша, тот перепугался и завопил. Такого вопля я еще не слыхал, а ведь мне приходилось видеть, как мужчины бледнеют и начинают трястись, когда малыш орет. Наш прохвессор как-то сказал, что малыш издает инфразвуки. Надо же!

В общем, семеро братьев Тарбеллов из восьми тут же отдали богу душу, даже пикнуть не успели. Восьмой только начинал спускаться вниз по ступенькам; он затрясся мелкой дрожью, повернулся — и наутек. У него, верно, голова пошла кругом, и он не соображал, куда бежит. Окончательно сдрейфив, он очутился в мезонине и наткнулся прямехонько на дедулю.

И вот ведь грех: дедуля до того увлекся, поучая нас уму-разуму, что сам напрочь забыл стать невидимым. По-моему, один лишь взгляд, брошенный на дедулю, прикончил восьмого Тарбелла. Бедняга повалился на пол, мертвый, как доска. Ума не приложу, с чего бы это, хоть и должен признать, что в те дни дедуля выглядел не лучшим образом. Он поправлялся после болезни.

— Ты не пострадал, дедуля? — спросил я, слегка встряхнув его.

Он меня отчехвостил.

— А я-то причем, — возразил я.

— Кровь Христова! — воскликнул он, разъяренный. — И этот сброд, эти лицемерные олухи вышли из моих чресел! Положи меня обратно, юный негодяй.

Я снова уложил его на дерюжную подстилку, он поворочался с боку на бок и закрыл глаза. Потом объявил, что хочет вздремнуть и пусть его не будят, разве что настанет Судный день. При этом он нисколько не шутил.

Пришлось нам самим поломать головы над тем, как теперь быть. Мамуля сказала, что мы не виноваты, в наших силах только погрузить восьмерых братьев Тарбеллов в тачку и отвезти их домой, что я и исполнил. Только в пути я застеснялся, потому что не мог придумать, как бы повежливее рассказать о случившемся. Да и мамуля наказывала сообщить эту весть осторожно. «Даже хорек способен чувствовать», — повторяла она.

Тачку с братьями Тарбеллами я оставил в кустах, сам поднялся на бугор и увидел Енси: он грелся на солнышке, книгу

читал. Я стал медленно прохаживаться перед ним, насвистывая «Янки-Дудль». Енси не обращал на меня внимания.

Енси — маленький, мерзкий, грязный человечишка с раздвоенной бородой. Росту в нем метра полтора, не больше. На усах налипла табачная жвачка, но, может, я несправедлив к Енси, считая его простым неряхой. Говорят, у него привычка плевать себе в бороду, чтобы на нее садились мухи: он их ловит и обрывает им крылышки.

Енси не глядя поднял камень и швырнул его, чуть не угодив мне в голову.

— Заткни пасть и убирайся, — сказал он.

— Воля ваша, мистер Енси, — ответил я с облегчением и совсем было собрался. Но тут же вспомнил, что мамуля чего доброго отхлещет меня кнутом, если я не выполню ее наказа, тихонько сделал круг, зашел Енси за спину и заглянул ему через плечо — посмотреть, что он там читает. Потом я еще капельку передвинулся и встал с ним лицом к лицу.

Он захихикал себе в бороду.

— Красивая у вас картинка, мистер Енси, — заметил я.

Он все хихикал и, видно, на радостях подобрел.

— Уж это точно! — сказал он и хлопнул себя кулаком по костлявому заду. — Ну и ну! С одного взгляда захмелеешь!

Он читал не книгу. Это был журнал (такие продаются у нас в Пайпервилле), раскрытый на картинке. Художник, который ее сделал, умеет рисовать. Правда, не так здорово, как тот художник, с которым я когда-то водился в Англии. Того звали Крукшенк[1] или Крукбек, если не ошибаюсь.

Так или иначе, у Енси тоже была стоящая картинка. На ней были нарисованы люди, много-много людей, все на одно лицо и выходят из большой машины, которая — мне сразу стало

---

[1] *Джордж Крукшенк* — иллюстратор Диккенса.

ясно — ни за что не будет работать. Но все люди были одинаковые, как горошины в стручке. Еще там красное пучеглазое чудовище хватало девушку — уж не знаю зачем. Красивая картинка.

— Хорошо бы такое случилось в жизни, — сказал Енси.

— Это не так уж трудно, — объяснил я. — Но вот эта штука неправильно устроена. Нужен только умывальник да кое-какой металлический лом.

— А?

— Вот эта штука, — повторил я. — Аппарат, что превращает одного парня в целую толпу людей. Он неправильно устроен.

— Ты, надо понимать, умеешь лучше? — окрысился он.

— Приходилось когда-то, — ответил я. — Не помню, что там папуля задумал, но он был обязан одному человеку, по имени Кадм. Кадму срочно потребовалось много воинов, папуля устроил так, что Кадм мог разделиться на целый полк солдат. Подумаешь! Я и сам так умею.

— Да что ты там бормочешь? — удивился Енси. — Ты не туда смотришь. Я-то говорю об этом красном чудище. Видишь, что оно собирается сделать? Откусить этой красотке голову, вот что. Видишь, какие у него клыки? Хе-хе-хе. Жаль, что я сам не это чудище. Уж я бы тьму народу сожрал.

— Вы бы ведь не стали жрать свою плоть и кровь, бьюсь об заклад, — сказал я, почуяв способ сообщить весть осторожно.

— Биться об заклад грешно, — провозгласил он. — Всегда плати долги, никого не бойся и не держи пари. Азартные игры — грех. Я никогда не бился об заклад и всегда платил долги. — Он умолк, почесал в баках и вздохнул. — Все, кроме одного, — прибавил он хмуро.

— Что же это за долг?

— Да задолжал я одному малому. Беда только, с тех пор никак не могу его разыскать. Лет тридцать тому будет. Я тогда, помню, налакался вдрызг и сел в поезд. Наверное, еще и ограбил кого-нибудь, потому что у меня оказалась пачка денег — коню пасть заткнуть хватило бы. Как поразмыслить, этого-то я и не пробовал. Вы держите лошадей?

— Нет, сэр, — ответил я. — Но мы говорили о вашей плоти и крови.

— Помолчи, — оборвал меня старый Енси. — Так вот, и повеселился же я! — он слизнул жвачку с усов. — Слыхал о таком городе — Нью-Йорк? Речь там у людей такая, что слов не разберешь. Там-то я и повстречал этого малого. Частенько я жалею, что потерял его из виду. Честному человеку вроде меня противно умирать, не разделавшись с долгами.

— У ваших восьмерых сыновей были долги? — спросил я.

Он покосился на меня, хлопнул себя по тощей ноге и кивнул.

— Теперь понимаю, — говорит. — Ты сын Хогбенов?

— Он самый. Сонк Хогбен.

— Как же, слыхал про Хогбенов. Все вы колдуны, точно?

— Нет, сэр.

— Уж я что знаю, то знаю. Мне о вас все уши прожужжали. Нечистая сила, вот вы кто. Убирайся-ка отсюда подобру-поздорову, живо!

— Я-то уже иду. Хочу только сказать, что, к сожалению, вы бы не могли сожрать свою плоть и кровь, даже если бы стали таким чудищем, как на картинке.

— Интересно, кто бы мне помешал!

— Никто, — говорю, — но все они уже в раю.

Тут старый Енси расхихикался. Наконец, переведя дух, он сказал:

— Ну, нет! Эти ничтожества попали прямой наводкой в ад, и поделом им. Как это произошло?

— Несчастный случай, — говорю. — Семерых, если можно так выразиться, уложил малыш, а восьмого — дедуля. Мы не желали вам зла.

— Да и не причинили, — опять захихикал Енси.

— Мамуля шлет извинения и спрашивает, что делать с останками. Я должен отвезти тачку домой.

— Увози их. Мне они не нужны. Туда им и дорога, — отмахнулся Енси.

Я сказал «ладно» и собрался в путь. Но тут он заорал, что передумал. Велел свалить трупы с тачки. Насколько я понял из его слов (разобрал я немного, потому что Енси заглушал себя хохотом), он намерен был попинать их ногами.

Я сделал, как велено, вернулся домой и все рассказал мамуле за ужином — были бобы, треска и домашняя настойка. Еще мамуля напекла кукурузных лепешек. Ох и вкуснотища! Я откинулся на спинку стула, рассудив, что заслужил отдых, и задумался, а внутри у меня стало тепло и приятно. Я старался представить, что чуйствует боб в моем желудке. Но боб, наверно, вовсе бесчуйственный.

Не прошло и получаса, как во дворе завизжала свинья, как будто ей ногой наподдали, и кто-то постучался в дверь. Это был Енси. Не успел он войти, как выудил из штанов цветной носовой платок и давай шмыгать носом. Я посмотрел на мамулю круглыми глазами. Ума, мол, не приложу, в чем дело. Папуля с дядей Лесом пили маисовую водку и сыпали шуточками в углу. Сразу видно было, что им хорошо: стол между ними так и трясся. Ни папуля, ни дядя не притрагивались к столу, но он все равно ходил ходуном — старался наступить то папуле, то дяде на ногу. Папуля с дядей раскачивали стол мысленно. Это у них такая игра.

Решать пришлось мамуле, и она пригласила старого Енси посидеть, отведать бобов. Он только всхлипнул.

— Что-нибудь не так, сосед? — вежливо спросила мамуля.

— Еще бы, — ответил Енси, шмыгая носом. — Я совсем старик.

— Это уж точно, — согласилась мамуля. — Может, и помоложе Сонка, но все равно на вид вы дряхлый старик.

— А? — вытаращился на нее Енси. — Сонка? Да Сонку от силы семнадцать, хоть он и здоровый вымахал.

Мамуля смутилась.

— Разве я сказала Сонк? — быстро поправилась она. — Я имела в виду дедушку Сонка. Его тоже зовут Сонк.

Дедулю зовут вовсе не Сонк, он и сам не помнит своего настоящего имени. Как его только не называли в старину: пророком Илией, и по-всякому. Я даже не уверен, что в Атлантиде, откуда дедуля родом, вообще были в ходу имена. По-моему, там людей называли цифрами. Впрочем, неважно.

Старый Енси, значит, все шмыгал носом, стонал и охал, прикидывался, — мол, мы убили восьмерых его сыновей и теперь он один-одинешенек на свете. Правда, получасом раньше его это не трогало, я ему так и выложил. Но он заявил, что не понял тогда, о чем это я толкую, и приказал мне заткнуться.

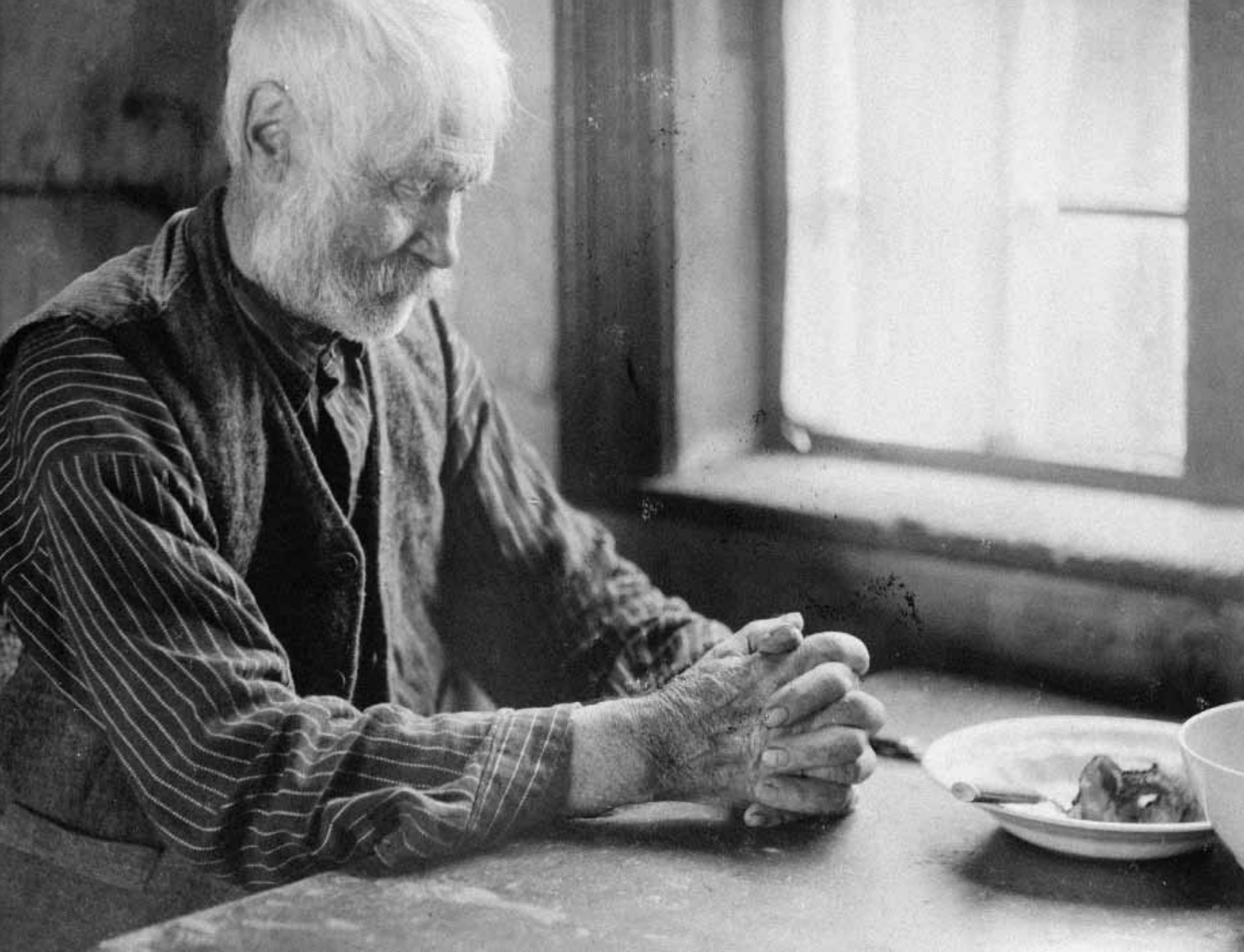
— У меня семья могла быть еще больше, — сказал он. — Было еще двое ребят, Зебб и Робби, да я их как-то пристрелил. Косо на меня посмотрели. Но все равно, вы, Хогбены, не имели права убивать моих ребятишек.

— Мы не нарочно, — ответила мамуля. — Просто несчастный случай вышел. Мы будем рады хоть как-нибудь возместить вам ущерб.

— На это-то я и рассчитывал, — говорит старый Енси. — Вам уже не отвертеться после всего, что вы натворили. Даже если моих ребят убил малыш, как уверяет Сонк, а ведь он у вас враль. Тут в другом дело: я рассудил, что все вы, Хогбены, должны держать ответ. Но, пожалуй, мы будем квиты, если вы окажете мне одну услугу. Худой мир лучше доброй ссоры.

— Все что угодно, — сказала мамуля, — лишь бы это было в наших силах.

— Сущая безделица, — заявляет старый Енси. — Пусть меня на время превратят в целую толпу.



— Да ты что, Медеи наслушался? — вмешался папуля, спьяну не сообразив, что к чему. — Ты ей не верь. Это она с Пелеем злую шутку сыграла. Когда его зарубили, он так и остался мертвым: вовсе не помолодел, как она ему сулила.

— Чего? — Енси вынул из кармана старый журнал и сразу раскрыл его на красивой картинке. — Вот это самое. Сонк говорит, что вы так умеете. Да и все кругом знают, что вы, Хогбены, колдуны. Сонк сказал, вы как-то устроили такое одному голодранцу.

— Он, верно, о Кадме, — говорю.

Енси помахал журналом. Я заметил, что глаза у него стали масленые.

— Тут все видно, — сказал он с надеждой. — Человек входит в эту штуковину, а потом только знай выходит оттуда десятками, снова и снова. Колдовство. Уж я-то про вас, Хогбенов, все знаю. Может, вы и дурачили городских, но меня вам не одурачить. Все вы до одного колдуны.

— Какое там, — вставил папуля из своего угла. — Мы уже давно не колдуем.

— Колдуны, — упорствовал Енси. — Я слыхал всякие истории. Даже видал, как он, — и в дядю Леса пальцем тычет, — летает по воздуху. Если это не колдовство, то я уж ума не приложу, что тогда колдовство.

— Неужели? — спрашиваю. — Нет ничего проще. Это когда берут чуточку...

Но мамуля велела мне придержать язык.

— Сонк говорит, вы умеете, — продолжал Енси. — А я сидел и листал этот журнал, картинки смотрел. Пришла мне в голову хорошая мысль. Спору нет, всякий знает, что колдун может находиться в двух местах сразу. А может он находиться сразу в трех местах?

— Где два, там и три, — сказала мамуля. — Да только никаких колдунов нет. Точь-в-точь как эта самая хваленая наука.

О которой кругом твердят. Все досужие люди из головы выдумывают. На самом деле так не бывает.

— Так вот, — заключил Енси, откладывая журнал, — где двое или трое, там и целое скопище. Кстати, сколько всего народу на земле?

— Два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шешнадцать, — говорю.

— Тогда...

— Стойте, — говорю, — теперь два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот семнадцать. Славный ребеночек, оторва.

— Мальчик или девочка? — полюбопытствовала мамуля.

— Мальчик, — говорю.

— Так пусть я окажусь сразу в двух миллиардах и сколько-то там еще местах сразу. Мне бы хоть на полминутки. Я не жадный. Да и хватит этого.

— Хватит на что? — поинтересовалась мамуля.

Енси хитренько посмотрел на меня исподлобья.

— Есть у меня забота, — ответил он. — Хочу разыскать того малого. Только вот беда: не знаю, можно ли его теперь найти. Времени уж прошло порядком. Но мне это позарез нужно. Мне земля пухом не будет, если я не рассчитаюсь со всеми долгами, а я тридцать лет как хожу у того малого в должниках. Надо снять с души грех.

— Это страсть как благородно с вашей стороны, сосед, — похвалила мамуля.

Енси шмыгнул носом и высморкался в рукав.

— Тяжкая будет работа, — сказал он. — Уж очень долго я ее откладывал на потом. Я-то собирался при случае отправить восьмерых моих ребят на поиски того малого, так что, сами понимаете, я вконец расстроился, когда эти никудышники вдруг сгинули ни с того ни с сего. Как мне теперь искать того малого?

Мамуля с озабоченным видом пододвинула Енси кувшин.

— Ух ты! — сказал он, хлебнув здоровенную порцию. — На вкус — прямо адов огонь. Ух ты! — налил себе по новой, перевел дух и хмуро глянул на мамулю.

— Если человек хочет спилить дерево, а сосед сломал его пилу, то сосед, я полагаю, должен отдать ему взамен свою. Разве не так?

— Конечно, так, — согласилась мамуля. — Только у нас нет восьми сыновей, которых можно было бы отдать взамен.

— У вас есть кое-что получше, — сказал Енси. — Злая черная магия, вот что у вас есть. Я не говорю ни да, ни нет. Дело ваше. Но, по-моему, раз уж вы убили этих бездельников и теперь мои планы летят кувырком, вы должны хоть как-то мне помочь. Пусть я только найду того малого и рассчитаюсь с ним, больше мне ничего не надо. Так вот, разве не святая правда, что вы можете размножить меня, превратить в целую толпу моих двойников?

— Да, наверно, правда, — подтвердила мамуля.

— А разве не правда, что вы можете устроить, чтобы каждый из этих прохвостов двигался так быстро, что увидел бы всех людей во всем мире?

— Это пустяк, — говорю.

— Уж тогда бы, — сказал Енси, — я бы запросто разыскал того малого и выдал бы ему все, что причитается. — Он шмыгнул носом. — Я честный человек. Не хочу помирать, пока не расплачусь с долгами. Черт меня побери, если я согласен гореть в преисподней, как вы, грешники.

— Да полно, — сморщилась мамуля. — Пожалуй, сосед, мы вас выручим, — если вы это так близко к сердцу принимаете. Да, сэр, мы все сделаем так, как вам хочется.

Енси заметно приободрился.

— Ей-богу? — спросил он. — Честное слово? Поклянитесь.

Мамуля как-то странно на него посмотрела, но Енси снова вытащил платок, так что нервы у нее не выдержали и она дала торжественную клятву. Енси повеселел.

— А долго надо произносить заклинание? — спрашивает.

— Никаких заклинаний, — говорю. — Я же объяснял, нужен только металлолом да умывальник. Это недолго.

— Я скоро вернусь. — Енси хихикнул и выбежал, хохоча уже во всю глотку. Во дворе он захотел пнуть ногой цыпленка, промазал и захохотал пуще прежнего. Видно, хорошо у него стало на душе.

— Иди же, смастери ему машинку, пусть стоит наготове, — сказала мамуля. — Пошевеливайся.

— Ладно, мамуля, — говорю, а сам застыл на месте, думаю. Мамуля взяла в руки метлу.

— Знаешь, мамуля...

— Ну?

— Нет, ничего. — Я увернулся от метлы и ушел, а сам все старался разобраться, что же меня грызет. Что-то грызло, а что, я никак не мог понять. Душа не лежала мастерить машинку, хотя ничего зазорного в ней не было.

Я, однако, отошел за сарай и занялся делом. Минут десять потратил — правда, не очень спешил. Потом вернулся домой с машинкой и сказал «готово». Папуля велел мне заткнуться.

Что ж, я уселся и стал разглядывать машинку, а на душе у меня кошки скребли. Загвоздка была в Енси. Наконец я заметил, что он позабыл свой журнал, и начал читать рассказ под картинкой — думал, может, пойму что-нибудь. Как бы не так.

В рассказе описывались какие-то чудные горцы, они будто бы умели летать. Это-то не фокус, непонятно было, всерьез ли писатель все говорит или шутит. По-моему, люди и так смешные, незачем выводить их еще смешнее, чем в жизни.

Кроме того, к серьезным вещам надо относиться серьезно. По словам прохвессора, очень многие верят в эту самую

науку и принимают ее всерьез. У него-то всегда глаза разгораются, стоит ему завести речь о науке. Одно хорошо было в рассказе: там не упоминались девчонки. От девчонок мне становится как-то не по себе.

Толку от моих мыслей все равно не было, поэтому я спустился в подвал поиграть с малышом. Цистерна ему становится тесна. Он мне обрадовался. Замигал всеми четырьмя глазками по очереди. Хорошенький такой.

Но что-то в том журнале я вычитал, и теперь оно не давало мне покоя. По телу у меня мурашки бегали, как давным-давно в Лондоне, перед пожаром. Тогда еще многие вымерли от страшной болезни.

Тут я вспомнил, как дедуля рассказывал, что его точно так же кинуло в дрожь, перед тем как Атлантиду затопило. Правда, дедуля умеет предвидеть будущее, хоть в этом нет ничего хорошего, потому что оно то и дело меняется. Я еще не умею предвидеть. Для этого надо вырасти. Но я нутром чуял что-то неладное, пусть даже ничего пока не случилось.

Я совсем было решился разбудить дедулю, так встревожился. Но тут у себя над головой я услышал шум. Поднялся в кухню, а там Енси распивает кукурузный самогон (мамуля поднесла). Только я увидел старого хрыча, как у меня опять появилось дурное предчувствие.

Енси сказал: «ух ты», поставил кувшин и спросил, готовы ли мы. Я показал на свою машинку и ответил, что вот она, как она ему нравится.

— Только и всего? — удивился Енси. — А сатану вы не призовете?

— Незачем, — отрезал дядя Лес. — И тебя одного хватит, галоша ты проспиртованная.

Енси был страшно доволен.

— Уж я таков, — откликнулся он. — Скользкий, как галоша, и насквозь проспиртован. А как она действует?

— Да просто делает из одного тебя много-много Енси, вот и все, — ответил я.

До сих пор папуля сидел тихо, но тут он, должно быть, подключился к мозгу какого-нибудь прохвессора, потому что вдруг понес дикую чушь. Сам-то он длинных слов сроду не знал.

Я тоже век бы их не знал, от них даже самые простые вещи запутываются.

— Человеческий организм, — заговорил папуля важно-преважно, — представляет собой электромагнитное устройство, мозг и тело испускают определенные лучи. Если изменить полярность на противоположную, то каждая ваша единица, Енси, автоматически притянется к каждому из ныне живущих людей, ибо противоположности притягиваются. Но прежде вы войдете в аппарат Сонка и вас раздробят...

— Но-но! — взвыл Енси.

— ...на базовые электронные матрицы, которые затем можно копировать до бесконечности, точно так же как можно сделать миллионы идентичных копий одного и того же портрета — негативы вместо позитивов. Поскольку для электромагнитных волн земные расстояния ничтожны, каждую копию мгновенно притянет каждый из остальных жителей Земли, — продолжал папуля как заведенный. — Но два тела не могут иметь одни и те же координаты в пространстве-времени, поэтому каждую Енси-копию отбросит на расстояние полуметра от каждого человека.

Енси беспокойно огляделся по сторонам.

— Вы забыли очертить магический пятиугольник, — сказал он. — В жизни не слыхал такого заклинания. Вы ведь вроде не собирались звать сатану?

То ли потому, что Енси и впрямь похож был на сатану, то ли еще по какой причине, но только невмоготу мне стало терпеть — так скребло на душе. Разбудил я дедулю. Про себя,

конечно, ну, и малыш подсобил — никто ничего не заметил. Тотчас же в мезонине что-то заколыхалось: это дедуля проснулся и приподнялся в постели. Я и глазом моргнуть не успел, как он давай нас распекать на все корки.

Брань-то слышали все, кроме Енси. Папуля бросил выпендриваться и закрыл рот.

— Олухи царя небесного! — гремел разъяренный дедуля. — Тунеядцы! Да будет вам ведомо: мне снились дурные сны, и надлежит ли тому удивляться? В хорошенькую ты влип историю, Сонк. Чутья у тебя нет, что ли? Неужто не понял, что замышляет этот медоточивый проходимец? Берись-ка за ум, Сонк, да поскорее, а не то ты и после совершеннолетия останешься сосунком. — Потом он прибавил что-то на санскрите. Дедуля прожил такой долгий век, что иногда путает языки.

— Полно, дедуля, — мысленно сказала мамуля, — что такого натворил Сонк?

— Все вы хороши! — завопил дедуля. — Как можно не сопоставить причину со следствием? Сонк, вспомни, что узрел ты в том бульварном журнальчике. С чего это Енси изменил намерения, когда чести в нем не больше, чем в старой сводне? Ты хочешь, чтобы мир обезлюдел раньше времени? Спроси-ка Енси, что у него в кармане штанов, черт бы тебя побрал!

— Мистер Енси, — спрашиваю, — что у вас в кармане штанов?

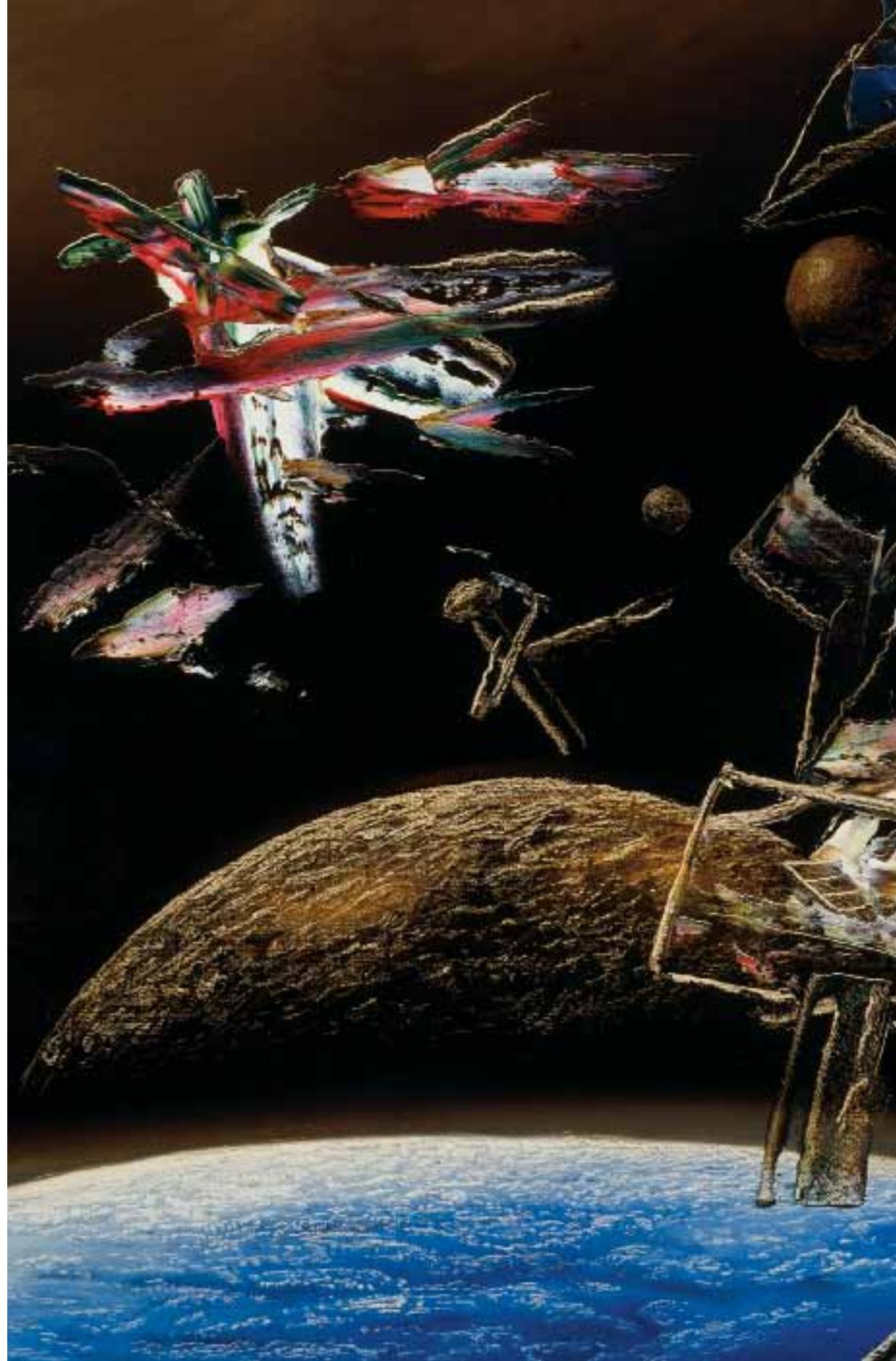
— А? — он запустил лапу в карман и вытащил оттуда здоровенный ржавый гаечный ключ. — Ты об этом? Я его подобрал возле сарая. — А у самого морда хитрая-прехитрая.

— Зачем он вам? — быстро спросила мамуля.

Енси нехорошо так на нас посмотрел.

— Не стану скрывать, — говорит. — Я намерен трахнуть по макушке всех и каждого, до последнего человека в мире, и вы обещали мне помочь.

— Господи помилуй, — только и сказала мамуля.



— Вот так! — прыснул Енси. — Когда вы меня заколдуете, я окажусь везде, где есть хоть кто-нибудь еще, и буду стоять у человека за спиной. Уж тут-то я наверняка расквитаюсь. Один человек непременно будет тот малый, что мне нужен, и он получит с меня должок.

— Какой малый? — спрашиваю. — Про которого вы рассказывали? Которого встретили в Нью-Йорке? Я думал, вы ему деньги задолжали.

— Ничего такого я не говорил, — огрызнулся Енси. — Долг есть долг, будь то деньги или затрещина. Пусть не воображает, что мне можно безнаказанно наступить на мозоль, тридцать там лет или не тридцать.

— Он вам наступил на мозоль? — удивилась мамуля. — Только и всего?

— Ну да. Я тогда надравшись был, но помню, что спустился по каким-то ступенькам под землю, а там поезда сновали в оба конца.

— Вы были пьяны.

— Это точно, — согласился Енси. — Не может же быть, что под землей и вправду ходят поезда! Но тот малый мне не приснился, и как он мне на мозоль наступил — тоже, это ясно как божий день. До сих пор палец ноет. Ох и разозлился я тогда. Народу было столько, что с места не сдвинуться, и я даже не разглядел толком того малого, который наступил мне на ногу.

Я было замахнулся палкой, но он был уже далеко. Так я и не знаю, какой он из себя. Может, он вообще женщина, но это неважно. Ни за что не помру, пока не уплачу все долги и не рассчитаюсь со всеми, кто поступил со мной по-свински. Я в жизни не спускал обидчику, а обижали меня почти все, знакомые и незнакомые.

Совсем взбеленился Енси. Он продолжал не переводя духа:

— Вот я и подумал, что все равно не знаю, кто мне наступил на мозоль, так уж лучше бить наверняка, никого не обойти, ни одного мужчины, ни одной женщины, ни одного ребенка.

— Легче на поворотах, — одернул я его. — Тридцать лет назад нынешние дети еще не родились, и вы это сами знаете.

— А мне все едино, — буркнул Енси. — Я вот думал-думал, и пришла мне в голову страшная мысль: вдруг тот малый взял да и помер? Тридцать лет — срок немалый. Но потом я прикинул, что даже если и помер, мог ведь он сначала жениться и обзавестись детьми. Если не суждено расквитаться с ним самим, я хоть с детьми его расквитаюсь. Грехи отцов... Это из священного писания. Дам раза всем людям мира — тут уж не ошибусь.

— Хогбенам вы не дадите, — заявила мамуля. — Никто из нас не ездил в Нью-Йорк с тех пор, как вас еще на свете не было. То есть я хочу сказать, что мы там вообще не бывали. Так что нас вы сюда не впутывайте. А может, лучше возьмете миллион долларов? Или хотите стать молодым, или еще что-нибудь? Мы можем вам устроить, только откажитесь от своей злой затеи.

— И не подумаю, — ответил упрямый Енси. — Вы дали честное слово, что поможете.

— Мы не обязаны выполнять такое обещание, — начала мамуля, но тут дедуля с мезонина вмешался.

— Слово Хогбена свято, — сказал он. — На том стоим. Надо выполнить то, что мы обещали этому психу. Но только то, что обещали, больше у нас нет перед ним никаких обязательств.

— Ага! — сказал я, смекнув, что к чему. — В таком случае... Мистер Енси, а что именно мы вам обещали, слово в слово?

Он повертел гаечный ключ у меня перед носом.

— Вы превратите меня ровно в стольких людей, сколько

жителей на земле, и я встану рядом с каждым из них. Вы дали честное слово, что поможете мне. Не пытайтесь увильнуть.

— Да я и не пытаюсь, — говорю. — Надо только внести ясность, чтобы вы были довольны и ничему не удивлялись. Но есть одно условие. Рост у вас будет такой, как у человека, с которым вы стоите рядом.

— Чего?

— Это я устрою запросто. Когда вы войдете в машинку, в мире появятся два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот семнадцать Енси. Теперь представьте, что один из этих Енси очутится рядом с двухметровым верзилой. Это будет не очень-то приятно, как по-вашему?

— Тогда пусть я буду трехметровый, — говорит Енси.

— Нет уж. Какого роста тот, кого навещает Енси, такого роста будет и сам Енси. Если вы навестили малыша ростом с полметра, в вас тоже будет только полметра. Надо по справедливости. Соглашайтесь, иначе все отменяется. И еще одно — сила у вас будет такая же, как у вашего противника.

Он, видно, понял, что я не шучу. Прикинул на руку гаечный ключ.

— Как я вернусь? — спрашивает.

— Это уж наша забота, — говорю. — Даю вам пять секунд. Хватит, чтобы опустить гаечный ключ, правда?

— Маловато.

— Если вы задержитесь, кто-нибудь успеет дать вам сдачи.

— И верно, — сквозь корку грязи стало заметно, что Енси побледнел. — Пяти секунд с лихвой хватит.

— Значит, если мы это сделаем, вы будете довольны? Жаловаться не прибежите?

Он помахал гаечным ключом и засмеялся.

— Ничего лучшего не надо, — говорит. — Ох и размозжу я им голову. Хе-хе-хе.

— Ну, становитесь сюда, — скомандовал я и показал, куда именно. — Хотя погодите. Лучше я сам сперва попробую, выясню, все ли в исправности.

Мамуля хотела было возразить, но тут ни с того ни с сего в мезонине дедуля зашелся хохотом. Наверное, опять заглянул в будущее.

Я взял полено из ящика, что стоял у плиты, и подмигнул Енси.

— Приготовьтесь, — сказал я. — Как только вернусь, вы в ту же минуту сюда войдете.

Я вошел в машинку, и она сработала как по маслу. Я и глазом моргнуть не успел, как меня расщепило на два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шешнадцать Сонков Хогбенов.

Одного, конечно, не хватило, потому что я пропустил Енси, и, конечно, Хогбены ни в одной переписи населения не значатся. Но вот я очутился перед всеми жителями всего мира, кроме семьи Хогбенов и самого Енси. Это был отчаянный поступок.

Никогда я не думал, что на свете столько разных физиономий! Я увидел людей всех цветов кожи, с бакенбардами и без, одетых и в чем мать родила, ужасно длинных и самых что ни есть коротышек, да еще половину я увидел при свете солнца, а половину — в темноте. У меня прямо голова кругом пошла.

Какой-то миг мне казалось, что я узнаю кое-кого из Пайпервилла, включая шерифа, но тот слился с дамой в бусах, которая целилась в кенгуру, а дама превратилась в мужчину, разодетого в пух и прах, — он толкал речугу где-то в огромном зале.

Ну и кружилась же у меня голова.

Я взял себя в руки, да и самое время было, потому что все уже успели меня заметить. Им-то, ясное дело, показалось, что

я с неба свалился, мгновенно вырос перед ними, и... В общем, было с вами такое, чтобы два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шестнадцать человек уставились вам прямо в глаза? Это просто тихий ужас. У меня из головы вылетело, что я задумал. Только я вроде будто слышал дедулин голос — дедуля велел пошевеливаться.

Вот я сунул полено, которое держал (только теперь это было два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шестнадцать поленьев), в столько же рук, а сам его выпустил. Некоторые люди тоже сразу выпустили полено из рук, но большинство вцепились в него, ожидая, что будет дальше. Тогда я стал припоминать речь, которую собрался произнести, — сказать, чтобы люди ударили первыми, не дожидаясь, пока Енси взмахнет гаечным ключом.

Но уж очень я засмущался. Чудно как-то было. Все люди мира смотрели на меня в упор, и я стал такой стеснительный, что рта не мог раскрыть. В довершение всего дедуля завопил, что у меня осталась ровно секунда, так что о речи уже мечтать не приходилось. Ровно через секунду я вернусь в нашу кухню, а там старый Енси уже рвется в машинку и размахивает гаечным ключом. А я никого не предупредил. Только и успел, что каждому дал по полену.

Боже, как они на меня глазели! Словно я нагишом стою. У них аж глаза на лоб полезли. И только я начал истончаться по краям, на манер блина, как я... Даже не знаю, что на меня нашло. Не иначе, как от смущения. Может, и не стоило так делать, но...

Я это сделал!

И тут же снова очутился в кухне. В мезонине дедуля помирал со смеху. По-моему, у старого хрыча странное чуйство юмора. Но у меня не было времени с ним объясняться, потому что Енси шмыгнул мимо меня — и в машинку. Он

растворился в воздухе так же, как и я. Как и я, он расщепился в столько же людей, сколько в мире жителей, и стоял теперь перед всеми ними.

Мамуля, папуля и дядя Лес глядели на меня очень строго. Я заерзал на месте.

— Все устроилось, — сказал я. — Если у человека хватает подлости бить маленьких детей по голове, он заслуживает того, что... — я остановился и посмотрел на машинку, — ...что получил, — закончил я, когда Енси опять появился с ясного неба. Более разъяренной гадюки я еще в жизни не видал. Ну и ну!

По-моему, почти все население мира приложило руку к мистеру Енси. Так ему и не пришлось замахнуться гаечным ключом. Весь мир нанес удар первым.

Уж поверьте мне, вид у Енси был самый что ни на есть жалкий.

Но голоса Енси не потерял. Он так орал, что слышно было за целую милю. Он кричал, что его надули. Пусть ему дадут попробовать еще разок, но только теперь он прихватит с собой ружье и финку. В конце концов мамуле надоело слушать, она ухватила Енси за шиворот и так встряхнула, что у него зубы застучали.

— Ибо сказано в священном писании! — возгласила она исступленно. — Слушай, ты, паршивец, плевок политурный! В Библии сказано — око за око, так ведь? Мы сдержали слово, и никто нас ни в чем не упрекнет.

— Воистину, точно, — поддакнул дедуля с мезонина.

— Ступайте-ка лучше домой и полечитесь арникой, — сказала мамуля, еще раз встряхнув Енси. — И чтобы вашей ноги тут не было, а то малыша на вас напустим.

— Но я же не расквитался! — бушевал Енси.

— Вы, по-моему, никогда не расквитаетесь, — ввернул я. — Просто жизни не хватит, чтобы расквитаться со всем миром, мистер Енси.

Постепенно до Енси все дошло, и его как громом поразило. Он побагровел, точно борщ, крякнул и ну ругаться. Дядя Лес потянулся за кочергой, но в этом не было нужды.

— Весь чертов мир меня обидел! — хныкал Енси, обхватив голову руками.

— Со свету сживают! Какого дьявола они стукнули первыми? Тут что-то не так!

— Заткнитесь. — Я вдруг понял, что беда вовсе не прошла стороной, как я еще недавно думал. — Ну-ка, из Пайпервилла ничего не слышно?

Даже Енси унялся, когда мы стали прислушиваться.

— Ничего не слыхать, — сказала мамуля.

— Сонк прав, — вступил в разговор дедуля. — Это-то и плохо.

Тут все сообразили, в чем дело, — все, кроме Енси. Потому что теперь в Пайпервилле должна была бы подняться страшная кутерьма. Не забывайте, мы с Енси посетили весь мир, а значит, и Пайпервилл; люди не могут спокойно относиться к таким выходкам. Уж хоть какие-нибудь крики должны быть.

— Что это вы все стоите, как истуканы? — разревелся Енси. — Помогите мне сквитаться!

Я не обратил на него внимания. Подошел к машинке и внимательно ее осмотрел. Через минуту я понял, что в ней не все в порядке. Наверное, дедуля понял это так же быстро, как и я. Надо было слышать, как он смеялся. Надеюсь, смех пошел ему на пользу. Ох и особливое же чуйство юмора у почтенного старикана.

— Я тут немножко маху дал с этой машинкой, мамуля, — признался я. — Вот отчего в Пайпервилле так тихо.

— Истинно так, клянусь богом, — выговорил дедуля сквозь смех. — Сонку следует искать убежище. Смываться надо, сынок, ничего не попишешь.

— Ты нашалил, Сонк? — спросила мамуля.

— Все «ля-ля-ля» да «ля-ля-ля»! — завизжал Енси. — Я требую того, что мне по праву положено! Я желаю знать, что сделал Сонк такого, отчего все люди мира трахнули меня по голове? Неспроста это! Я таки не успел...

— Оставьте вы ребенка в покое, мистер Енси, — обозлилась мамуля. — Мы свое обещание выполнили, и хватит. Убирайтесь-ка прочь отсюда и остыньте, а не то еще ляпнете что-нибудь такое, о чем сами потом пожалеете.

Папуля мигнул дяде Лесу, и, прежде чем Енси облаял мамулю в ответ, стол подогнул ножки, будто в них колени были, и тихонько шмыгнул Енси за спину. Папуля сказал дяде Лесу: «раз, два — взяли», стол распрямил ножки и дал Енси такого пинка, что тот отлетел к самой двери.

Последним, что мы услышали, были вопли Енси, когда он кубарем катился с холма. Так он прокувыркался полпути к Пайпервиллу, как я узнал позже. А когда добрался до Пайпервилла, то стал глушить людей гаечным ключом по голове.

Решил поставить на своем, не мытьем, так катаньем.

Его упрятали за решетку, чтоб пришел в себя, и он, наверно, очухался, потому что в конце концов вернулся в свою хибарку. Говорят, он ничего не делает, только знай сидит себе да шевелит губами — прикидывает, как бы ему свести счеты с целым миром. Навряд ли ему это удастся.

Впрочем, тогда мне было не до Енси. У меня своих забот хватало. Только папуля с дядей Лесом поставили стол на место, как в меня снова вцепилась мамуля.

— Объясни, что случилось, Сонк, — потребовала она. — Я боюсь, не нашкодил ли ты, когда сам был в машинке. Помни, сын, ты — Хогбен. Ты должен хорошо себя вести, особенно если на тебя смотрит весь мир. Ты не опозорил нас перед человечеством, а, Сонк?

Дедуля опять засмеялся.

— Да нет пока, — сказал он.

Теперь я услышал, как внизу, в подвале, у малыша в горле булькнуло, и понял, что он тоже в курсе. Просто удивительно. Никогда не знаешь, что еще ждать от малыша. Значит, он тоже умеет заглядывать в будущее.

— Мамуля, я только немножко маху дал, — говорю. — Со всяким может случиться. Я собрал машинку так, что расщепить-то она меня расщепила, но отправила в будущее, в ту неделю. Поэтому в Пайпервилле еще не поднялся тарарам.

— Вот те на! — сказала мамуля. — Дитя, до чего ты небрежен!

— Прости, мамуля, — говорю. — Вся беда в том, что в Пайпервилле меня многие знают. Я уж лучше дам деру в лес, отыщу себе дупло побольше. На той неделе оно мне пригодится.

— Сонк, — сказала мамуля. — Ты ведь набедокурил. Рано или поздно я сама все узнаю, так что лучше признавайся сейчас.

А, думаю, была не была, ведь она права. Вот я и выложил ей всю правду, да и вам могу. Так или иначе, вы на той неделе узнаете. Это просто доказывает, что от всего не убережешься. Ровно через неделю весь мир здорово удивится, когда я свалюсь как будто с неба, вручу всем по полену, а потом отступлю на шаг и плюну прямо в глаза.

По-моему, два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шешнадцать — это все население Земли!

Все население! По моим подсчетам, на той неделе.

До скорого!

Пчхи-хологическая война

Глава 1
Последний из рода Пью

Всякий раз, когда простужаюсь, вспоминаю младшего Пью. В жизни не видел более безобразного мальчишки. Фигурой напоминает маленькую гориллу. От жира так и колышется, лицо одутловатое, взгляд злобный, а глаза расположены настолько близко один от другого, что оба можно выткнуть одним пальцем. А вот его папочка считал пацана центром мироздания. Впрочем, этого и следовало ожидать, потому что младший Пью походил на папочку как две капли воды.

— Последний из рода Пью, — говорил старик, выпячивая грудь, и с гордостью гладил маленькую гориллу по голове. — Мир еще не видел такого прелестного мальчугана.

Когда я встречал их обоих, кровь стыла у меня в жилах. Делалось грустно при воспоминании о тех счастливых днях, когда я не подозревал об их существовании.

Хотите верьте, хотите нет, но эти Пью — отец и сын — едва не стали повелителями мира. Им вот столечко до этого осталось.

Мы, Хогбены, тихие люди. Стараемся не высовываться и вести спокойную жизнь в маленькой долине, куда никто не приходит без нашего согласия. Прошло немало времени, прежде чем соседи и прочее население деревни привыкли к нам.

В конце концов они поняли, что мы делаем все возможное, чтобы не выделяться. И с тех пор идут нам навстречу.

Если папуля напивается, как на прошлой неделе, и летит над главной улицей в одних красных подштанниках, прохожие делают вид, что не замечают его. Они знают, что мамуле будет неловко. К тому же всем известно, что, будучи трезвым, папуля гуляет по деревне одетым, как и подобает настоящему христианину.

На этот раз папуля стал пить из-за Крошки Сэма — нашего младенца, который обычно спит в цистерне глубоко в подвале. У него стали резаться зубы — в первый раз после окончания войны между Севером и Югом. Нам казалось, что зубы у него давно прорезались, но с Крошкой Сэмом чего не бывает. Он вообще беспокойный ребенок.

Прохвессор, которого мы держим в бутылке, сказал однажды, что Крошка Сэм испускает что-то инфразвуковое, когда кричит, но это просто у него такая манера выражаться по-ученому. Кто поверит этой околесице! Мы-то знаем, что от криков Крошки Сэма лишь дергаются нервы, только и всего. Папуля не в силах вынести такое. На этот раз рев Крошки Сэма разбудил даже дедулю, а он с Рождества не просыпался. Едва дедуля открыл глаза, как принялся ругаться хуже сапожника.

— Думаешь, я не видел, да? — завопил он. — Опять летаешь, мерзопакостный поганец! Ну ничего, сейчас я тебя приземлю!

Издалека донесся грохот падения.

— Я упал с высоты в добрый десяток футов! — послышался крик папули откуда-то из долины.— Это безобразие! Так и кости можно переломать!

— Из-за твоей пьянки нас всех переломают! — ответил дедуля. — Подумать только — летает на виду у соседей! Раньше за такое сжигали на костре! Ты что, хочешь, чтобы

о нашем существовании узнало все человечество? А теперь заткнись — мне нужно успокоить Крошку Сэма.

Дедуля умеет успокаивать малыша, как никто другой. На этот раз он спел ему колыбельную на санскрите, и спустя несколько минут оба захрапели дуэтом.

Я мастерил мамуле одну штуковину, чтобы готовить сметану из сливок, — она здорово печет оладьи. Вот только материалов у меня было мало — всего лишь старые санки и несколько кусков проволоки, но мне и этого хватило. Я пытался направить конец проволоки на северо-восток, когда заметил, что в лесу мелькнули полосатые штаны дяди Лема.

Я слышал его мысли.

— Это не я! — громко доносилось до меня. — Занимайся своей работой, Сонк! Меня и в миле от тебя нет. Твой дядя Лем — старый честный джентльмен и никогда не врет. Уж не думаешь ли ты, Сонки, что я тебя обманываю?

— Конечно думаю, — подумал я в ответ. — Только вряд ли тебе это удастся. Признавайся, дядя Лем, в чем дело?

Он замедлил шаг и направился к дому, будто прогуливаясь.

— Просто решил, что твоей мамуле придется по вкусу, если я принесу корзинку смородины, — подумал он вслух, пиная ногой маленький камешек. — Если тебя кто-нибудь спросит, Сонки, скажи, что не видел меня. Разве это не правда? Ты и впрямь меня не видишь.

— Дядя Лем, — высказал я мысль, только не вслух, разумеется, хотя и очень громко. —Я дал слово мамуле, что не буду далеко отпускать тебя, дядя Лем, особенно после того, что ты наделал в прошлый раз, когда тебе удалось улизнуть...

— Ну-ну, мой мальчик,— тут же донесся до меня ответ дяди Лема. —Давай забудем о прошлом.

— Ты не должен отказывать другу, дядя Лем, — напомнил я, обматывая полоз проволокой. — Подожди минутку, пока я приготовлю сметану, и мы отправимся вместе,

если тебе так уж хочется. Я готов следовать за тобой куда угодно.

Кусты раздвинулись, показались клетчатые штаны, дядя Лем вышел на открытое место и виновато улыбнулся. Он маленький толстый мужчина. Вообще-то дядя Лем желает всем только добра, но каждый может убедить его в чем угодно, поэтому мы стараемся не выпускать его из вида.

— И как же ты собираешься готовить сметану? — спросил он, заглядывая в кувшин.— Заставишь этих крошек работать быстрее?

— Ну что ты говоришь, дядя Лем! — возмутился я. — С моей стороны было бы слишком жестоко принуждать их. Эти крошки и так работают изо всех сил, превращая сливки в сметану. Они трудятся в поте лица, и мне их просто жаль. К тому же они такие маленькие, что их даже не видно и рискуешь стать косоглазым, пытаясь разглядеть этих существ. Папуля называет их Ферментами. Думаю, он ошибается — слишком уж они маленькие.

— Тогда как?

— Вот эта штуковина, — с гордостью заявил я, — пошлет мамины сливки вместе с кувшином в будущую неделю. При такой погоде потребуется не больше пары дней, но я решил не торопиться. И когда кувшин снова вернется из будущего в настоящее, внутри будет сметана. — С этими словами я поставил кувшин на полоз, обмотанный проволокой.

— В жизни не встречал более бестолкового парня, — покачал головой дядя Лем, наклонился и согнул выступающий конец проволоки под прямым углом. — Ты что, забыл, что в следующий вторник будет гроза? Теперь все в порядке, действуй.

Я мигнул, и кувшин исчез. Когда он через несколько мгновений вернулся обратно, сметана внутри была такой густой, что по ее поверхности запросто могла гулять мышь. Тут я

заметил, что внутри кувшина оказалась оса из будущей недели, и раздавил ее. И сразу понял, что этого делать не следовало. Понял в ту самую минуту, когда сунул руку в кувшин. Черт бы побрал дядю Лема!

Он скрылся в кустах, злорадно хихикая.

— Ну что, обманул тебя, молокосос? — бросил он, исчезая вдали. — Теперь не достанешь оттуда палец до середины будущей недели!

Мне следовало знать, что я нарушил темпоральный закон. Когда дядя Лем согнул проволоку, он сделал это совсем не из-за какой-то грозы и провел меня за нос. Мне понадобилось почти десять минут, чтобы вытащить палец из кувшина, — мешал некто по имени Инерция, который всегда вмешивается, когда пытаешься нарушить темпоральные законы. Откровенно говоря, я не слишком в этом разбираюсь, ведь мне еще только предстоит многое узнать. Недаром дядя Лем утверждает, что он забыл куда больше, чем я когда-либо узнаю.

Поскольку дяде Лему удалось задержать меня, я едва не упустил его. Не удалось даже переодеться в городской костюм, недавно купленный в магазине, а по тому, что дядя Лем походил на щеголя, я понял, что он направляется куда-то в город.

Но и он волновался. Я то и дело натыкался на обрывки его мыслей, еще не успевших рассеяться в воздухе и походивших на клочья тумана, застрявшие в кустах. Мне не удавалось четко понять их смысл, потому что они расплывались, когда я подбегал к ним; ясно было лишь одно: дядя Лем сделал что-то, что ему делать не следовало. Это было совершенно понятно. Мысли звучали примерно так:

«Неприятности, неприятности — жаль, что я пошел на это — боже мой, надеюсь, что дедуля не узнает; о, эти отвратительные Пью, почему я оказался таким идиотом? Одни неприятности — бедный старик, я всегда был таким добрым,

никогда никому не причинял зла — а теперь посмотрите на меня.

А здорово я проучил этого молокососа Сонка, ха-ха. Возомнил себя кем-то, мальчишка. Что будет, что будет — ничего, нужно поднапрячься, не терять присутствия духа, может быть, в конце концов окажется хорошо. А ты, старина Лемюэл, заслуживаешь только похвалы. Пусть Господь благословит тебя. Дедуля ничего не узнает».

Через несколько минут я увидел вдалеке его клетчатые брюки, мелькающие среди деревьев; прежде чем я догнал его, он сбежал по склону холма, пересек лужайку, отведенную для пикников на окраине города, и принялся нетерпеливо стучать в окошко кассира железнодорожной станции золотым испанским дублоном, который стянул из морского сундука папули.

Меня ничуть не удивило, что дядя Лем потребовал билет до центра города. Я сделал так, что он не заметил моего присутствия. Дядя Лем принялся отчаянно спорить с кассиром, наконец сдался, покопался в кармане, достал серебряный доллар, и кассир успокоился.

Поезд уже отошел от перрона, когда дядя Лем выскочил из-за угла станции. У меня осталось совсем мало времени, но я все-таки догнал последний вагон. Правда, мне пришлось пролететь несколько метров по воздуху, но этого никто не заметил.

Однажды, когда я был еще совсем мальчишкой, в Лондоне, где мы жили в то время, разразилась эпидемия чумы, и всем нам, Хогбенам, пришлось уносить ноги. Я помню панику в городе, но даже она не может сравниться с шумом и гвалтом, царившими на центральном вокзале, когда туда прибыл наш поезд. Наверное, подумал я, времена переменились.

Раздавались гудки, выли сирены, кричало радио — по-видимому, каждое новое изобретение, сделанное за последние двести лет, было более шумным, чем предыдущее. У меня даже

голова разболелась, пока я не вспомнил, что говорил папуля о повышенном шумовом пороге — он любил ушибить слушателей мудреным словом, — и не произвел соответствующие изменения в своем мозгу.

Дядя Лем все еще не подозревал, что я совсем рядом. Я старался думать как можно тише, хотя он так был погружен в свои заботы, что не обращал внимания на происходящее вокруг. Я шел за ним через толпу, заполнившую станцию, и мы оказались на широкой улице, по которой мчался поток транспорта. Отойдя от поезда, я почувствовал облегчение.

Я не любил думать о том, что происходит внутри паровозного котла, где все эти малюсенькие существа — такие крохотные, что их трудно разглядеть, — носятся взад и вперед, бедняжки, разгоряченные, взволнованные, бьются друг о друга головами. Мне просто было жаль их.

Разумеется, размышлять о том, что происходит внутри автомобильных моторов на машинах, мчащихся мимо, было еще ужаснее.

Дядя Лем сразу устремился туда, куда ему хотелось. Он рванул по улице с такой скоростью, что мне все время приходилось бежать вслед и то и дело напоминать самому себе, что в городе нельзя летать. Меня не покидала мысль, а не стоит ли рассказать о происходящем родным, которые остались дома? Вдруг все это обернется так, что я один не смогу справиться? Я пытался несколько раз, но постоянно терпел неудачу. Мамуля на целый день ушла в церковь, и я все еще не забыл, как она врезала мне в прошлый раз, когда я заговорил с ней, забыв о своей невидимости, прямо перед священником Джонсом, изрядно напугав его. Джонс еще не успел привыкнуть к нам, Хогбенам.

Папуля, как всегда, был пьян. Будить его не имело смысла. И я не решался обратиться к дедуле, потому что до смерти боялся разбудить Крошку Сэма.

Дядя Лем прямо-таки мчался через толпу, у него только ноги мелькали. Я чувствовал, как нарастает его тревога. Вскоре я увидел в переулке людей, собравшихся вокруг огромного грузовика. У машины был откинут задний борт, в кузове стоял мужчина и размахивал бутылками, которые держал в обеих руках.

Я прислушался. Мужчина говорил что-то о головной боли, причем так громко, что его было слышно даже на углу переулка. Вдоль бортов виднелись плакаты с надписью:

ЛЕКАРСТВО ПЬЮ ИЗЛЕЧИТ ОТ ГОЛОВНОЙ БОЛИ!

— Неприятности, одни неприятности! — думал дядя Лем, да так громко, что у меня в голове звенело. — Господи боже мой, что же теперь делать? Разве я мог подумать, что кто-нибудь женится на Лили Лу Мутц? Что придумать?

Если уж говорить начистоту, мы все удивились, когда Лили Лу Мутц вдруг нашла себе мужа — где-то лет десять тому назад, по-моему. Но какое отношение это имело к дяде Лему, я не понимал. Лили Лу была самой безобразной женщиной в мире. Да ее даже и безобразной нельзя назвать, бедняжку.

Дедуля однажды сказал, что она напоминает ему о семейке по фамилии Горгоны, с которой он был когда-то знаком. Впрочем, у нее была добрая душа, а поскольку она выглядела такой безобразной, Лили Лу пришлось терпеть немало насмешек от деревенских хулиганов.

Она жила одна-одинешенька в полуразвалившейся хижине на горе, и когда с той стороны реки пришел какой-то мужик и потряс всю долину, сосватав ее, Лили Лу было уже около сорока. Сам-то я не видел этого мужика, но говорят, что и он не выигрывал призов по красоте.

И тут, глядя на грузовик, я вспомнил: точно, никакой ошибки, его звали Пью.

Глава 2

Добрый старый приятель

В следующее мгновение я заметил, что дядя Лем устремился к столбу у края толпы. Мне показалось, что рядом со столбом стоят две гориллы — большая и маленькая — и наблюдают за мужчиной, продающим бутылки.

— Подходите и покупайте! — кричал он, раздавая бутылки обеими руками и засовывая в карманы доллары. — Покупайте бутылки с лекарством Пью, гарантированно излечивающим от головной боли! Торопитесь, всем может не хватить!

— Привет, Пью, вот и я, — сказал дядя Лем, глядя на большую гориллу. — Здорово, малыш, — повернулся он к маленькой горилле, и я заметил, что он вздрогнул.

Да и кто может его обвинить в этом! В жизни не приходилось видеть более отвратительных представителей рода человеческого. Если бы у этих Пью были не такие одутловатые лица или хотя бы будь они чуть стройнее, они не так напоминали бы двух откормленных слизняков — одного большого, а другого поменьше. Папочка Пью был одет в свой лучший костюм с толстенной золотой цепочкой от часов поперек живота. Он расхаживал так важно, будто никогда не видел себя в зеркале.

— Здравствуй, Лем, — небрежно бросил он. — Вижу, что ты прибыл точно по расписанию. Малыш, поздоровайся с мистером Лемом Хогбеном. Надеюсь, сынок, ты не забыл, чем ему обязан? — И он рассмеялся противным смехом.

Младший Пью не обратил на него никакого внимания. Его маленькие глазки были прикованы к толпе на другой стороне улицы. На первый взгляд ему можно было дать лет семь, и трудно было представить себе более безобразного мальчишку.

— Может, пора приступать, папочка? — пропищал он.— Можно, я выдам им как следует, а, папочка? — Его голос был

таким противным, и в нем было столько нетерпения, что я поспешно посмотрел, нет ли у него под рукой пулемета. Нет, пулемета у младшего Пью не оказалось, но, если можно было бы убивать взглядом, он уже давно прикончил бы всю толпу.

— Смотри, какой у меня малыш, Лем, — произнес папа Пью с нескрываемой гордостью. — Настоящий маленький мужчина! Я им очень горжусь, Лем, старина, и не скрываю этого. Жаль, что его милый дедушка не дожил до этого великого дня. Да, у нас старинный знатный род, наша семья Пью. Теперь подобного не сыщешь. Плохо лишь одно: малыш — последний в нашем роду. Теперь ты понимаешь, Лем, почему я вызвал тебя.

Дядя Лем снова вздрогнул.

— Понимаю, — сказал он, — даже слишком хорошо понимаю. Но ты напрасно тратишь время, Пью. Я не сделаю этого.

Младший Пью резко повернулся.

— Давай я дам ему как следует, папочка? — пропищал он голосом, полным нетерпения. — Разреши, папочка? Можно?

— Заткнись, сынок, — ответил старший Пью и отвесил малышу увесистую оплеуху. Руки у мистера Пью были словно окорока. Он действительно напоминал телосложением гориллу.

Когда его огромный кулак опустился на голову малыша, можно было ожидать, что мальчишка перелетит на другую сторону улицы. Но пацан оказался твердым орешком. Он лишь пошатнулся, потряс головой и покраснел от злости.

— Папочка, — завопил он на всю округу, — я предупреждал тебя! Еще в прошлый раз, когда ты врезал мне, я предупредил тебя! А теперь я дам тебе как следует!

Мальчишка глубоко вздохнул, и его крошечные свиные глазки сдвинулись так близко, что я мог бы поклясться — они коснулись друг друга. Одутловатое лицо стало ярко-красным.

— Ну хорошо, малыш, хорошо, — поспешно согласился старший Пью. — Думаю, что пришло время. Не трать на меня силы, сынок. Лучше займись толпой!

Все это время я стоял у края толпы, не спуская глаз с дяди Лема и прислушиваясь к их разговору. В это мгновение кто-то похлопал меня по плечу и тоненький голосок вежливо пропищал:

— Послушайте, мистер! Вы позволите задать вам пару вопросов?

Я посмотрел вниз. Рядом стоял худенький мужчина с добрым лицом. В руке он держал записную книжку.

— Валяйте, — не менее вежливо ответил я. — Спрашивайте, мистер.

— В общем-то, у меня всего один вопрос,— сказал мужчина и поднес карандаш к раскрытой записной книжке. — Как вы себя чувствуете?

— Отлично, — улыбнулся я, польщенный заботой. — С вашей стороны очень любезно поинтересоваться самочувствием ближнего. Надеюсь, что и вы чувствуете себя неплохо.

Он с недоумением кивнул головой.

— В этом-то вся штука! — воскликнул он. — Ничего не понимаю! Я действительно чувствую себя хорошо!

— Что в этом странного? — поинтересовался я. — Такой тихий солнечный день!

— И не только я, — продолжал он, словно не услышал моих слов. — Все остальные тоже. Но минут через пять, по моим расчетам...

И тут что-то обрушилось мне на голову подобно раскаленному молоту.

Вы сами понимаете, что любому Хогбену нельзя причинить боль, ударив его по голове. Только дурак может рассчитывать на такое. Я почувствовал, как у меня подогнулись колени, но через пару секунд оправился и оглянулся по сторонам, чтобы

узнать, кто ударил меня. Вокруг не было ни души. Но зато как стонала и корчилась вся толпа! Люди хватались за головы, шатались из стороны в сторону, расталкивая друг друга, чтобы побыстрее добраться до грузовика, с которого мужчина быстро раздавал бутылки с лекарством и не менее быстро рассовывал по карманам доллары.

Щупленький мужчина рядом со мной пошатнулся, и его глаза закатились, как у утки при ударе грома.

— О, моя голова! — простонал он. — Ну, что я вам говорил? О, моя голова! — И с этими словами он двинулся к грузовику, нащупывая деньги в кармане.

В семье всегда считали меня придурком, но нужно быть совсем уж кретином, чтобы не понять, что вокруг происходит что-то необычное. А я отнюдь не считаю себя недоумком, что бы ни говорила обо мне мамуля, поэтому повернулся и взглянул на младшего Пью.

Он стоял, этот толстомордый хорек, красный, как индюк, надувшийся от важности, и смотрел на толпу злобными крохотными глазками.

— Колдовство,— подумал я совершенно спокойно. — Я никогда в это не верил, но это колдовство, не более и не менее. Каким образом...

Затем я вспомнил Лили Лу Мутц и то, о чем думал про себя дядя Лем. И многое стало мне понятным.

Толпа обезумела. Люди дрались между собой, прорываясь к грузовику за лекарством. Меня едва не смяли, но я все же пробился к месту, где стоял дядя Лем. Мне стало ясно, что придется взять дело в свои руки, потому что у него не только мягкое сердце, но и не иначе как размягчение мозга.

— Нет, сэр, — упрямо твердил он. — Я не сделаю этого. Ни в коем случае.

— Дядя Лем, — позвал я.

Он подпрыгнул в воздух на добрый ярд.

— Сонк! — взвизгнул он, покраснел, смутился, попытался рассердиться, но я-то видел, какое облегчение он испытывает при виде меня.

— Сонк, — повторил он, — я ведь запретил тебе следить за мной.

— Мамуля приказала мне не спускать с тебя глаз, дядя Лем, — напомнил я. — Я дал слово, а мы, Хогбены, никогда не нарушаем обещания. Что здесь происходит, дядя Лем?

— О, Сонк, все пропало! — застонал он. — У меня доброе сердце, я желаю всем людям счастья, а теперь я натворил такое, что лучше бы мне умереть! Познакомься с мистером Эдом Пью, Сонк. Это он пытается погубить меня.

— Ну что ты говоришь, Лем, — упрекнул Пью-старший. — Ты ведь знаешь, что это неправда. Я просто хочу, чтобы ты поступил по справедливости. Привет, юноша. Насколько я понимаю, это еще один Хогбен. Может быть, тебе удастся уговорить дядюшку...

— Извините меня, мистер Пью,— прервал я его тираду.— Но сначала объясните, в чем дело. Пока я ничего не понимаю.

Он откашлялся и надулся, важно выпятив грудь. Мне стало ясно, что Пью-старший любит говорить на эту тему. По-видимому, это возвышало его в собственных глазах.

— Я не знаю, молодой человек, был ли ты знаком с моей покойной женой, добрейшей Лили Лу Мутц, — начал он. — Это — наш ребенок, наш мальчуган. Воплощение прелести и доброты. Очень жаль, что у нас не родилось еще восемь или десять таких малышей. — Пью тяжело вздохнул. — Такова жизнь. Я мечтал жениться еще молодым парнем и стать отцом большого семейства, потому что сам я последний в древнем и славном роду. Но это не значит, что я примирился с тем, что род вымрет.

Тут он бросил угрожающий взгляд на дядю Лема, и тот застонал.

— Я все равно не соглашусь, — вымолвил он. — Ты не заставишь меня.

— Посмотрим, — с расстановкой произнес Пью, не скрывая угрозы. — Может быть, твой юный племянник окажется благоразумнее. Хочу предупредить, что у меня в этом штате большое влияние и мое слово имеет немалый вес.

— Папочка, — вмешался Пью-младший, и от его визга у меня зазвенело в ушах, — Папочка, смотри, они уже не так торопятся. Может быть, на этот раз выдать им посильнее, а? Двойной силы, можно, папочка? Уверен, если постараюсь, то ухлопаю парочку. Понимаешь, папочка...

Эд Пью размахнулся, собираясь как следует врезать своему отпрыску, но в последний момент передумал.

— Не перебивай старших, сынок, — заметил он. — Видишь, папочка занят. Заткнись и занимайся делом. — Пью взглянул на стонущую толпу. — Можешь выдать как следует вон той группе в стороне от грузовика. Они что-то не торопятся покупать наше лекарство. Но только не в полную силу, малыш. Нужно экономить энергию. Не забудь, что ты еще маленький и тебе нужно расти.

Он снова повернулся ко мне.

— Мой мальчуган — талантливый ребенок, — с гордостью сказал он. — Да ты и сам увидишь. Унаследовал способности от своей покойной матери, милой Лили Лу Мутц. Так о чем я говорил? Ах да, о Лили Лу. Я надеялся жениться молодым, но помешали обстоятельства, и я встретил подходящую женщину в зрелом возрасте.

Пью надулся подобно огромной жабе и с восхищением посмотрел вниз. Мне еще никогда не приходилось встречать человека, который бы так гордился собой.

— Мне никогда не попадалась женщина, готовая посмо... я хочу сказать, никогда не попадалась подходящая женщина, — поспешно поправился он, — пока не встретил Лили Лу Мутц.

— Я понимаю вас, — вежливо кивнул я. Действительно, мне были понятны его трудности. Старый Пью потратил немало времени перед тем, как ему попалась настолько безобразная женщина, что не отвела от него взгляда. Даже бедняжка Лили Лу — да упокоится ее душа — долго не могла заставить себя согласиться.

— И вот тут-то, — продолжил рассказ Эд Пью, — важная роль принадлежит твоему дяде Лему. Оказалось, что давным-давно, много лет назад, он обучил Лили Лу колдовству.

— Это неправда! — завопил дядя Лем. — И откуда мне было знать, что она выйдет замуж и передаст эти способности своему ребенку? Кто мог бы подумать, что такая образина, как Лили Лу...

— Он научил ее колдовству. — Эд Пью сделал вид, что не услышал выкрика дяди Лема. — Я узнал об этом, лишь когда она лежала на смертном одре год назад. Да я вышиб бы из нее дух, если бы знал, что скрывала Лили Лу все эти годы! Итак, Лемюэл научил ее колдовству, и ребенок унаследовал его от матери.

— Я сделал это лишь потому, что хотел защитить Лили Лу, — быстро произнес дядя Лем. — Ты ведь знаешь, Сонки, что я говорю правду. Бедная Лили Лу была настолько безобразна, что прохожие бросали в нее камнями даже помимо своей воли. Вроде как бы автоматически. Разве можно винить их? Мне самому не раз хотелось нагнуться за камнем. Но мне стало так жаль бедняжку, Сонк. Ты никогда не узнаешь, сколько времени я боролся с порывами своего доброго сердца. И однажды мне стало так ее жаль, что я научил Лили Лу колдовству. Поверь мне, Сонки, любой поступил бы на моем месте так же.

— Ну и как это тебе удалось? — спросил я, не скрывая интереса. Мне пришло в голову, что когда-нибудь такое может пригодиться. Ведь я еще так молод и мне нужно многому научиться.

Дядя Лем принялся объяснять, и я тут же запутался. Сначала мне стало ясно, что крошечные мохнатые существа по имени Гены Хромосомы послушно исполняли все, что потребовал дядя Лем. А затем он объяснил самыми простыми словами эту чепуху относительно альфа-волн головного мозга.

Черт побери, это я и сам отлично знаю. Каждому известно, что, когда человек думает, у него над макушкой так и вьются разные там волны. Однажды я видел, как у дедули было шестьсот разных мыслей одновременно, так что волны проносились одна за другой по своим каналам и все-таки никогда не сталкивались друг с другом даже над самой макушкой. Вообще-то, когда дедуля думает, лучше не смотреть на него — в глазах рябит.

— Вот так все и произошло, Сонк, — закончил дядя Лем. — И этот маленький вонючий хорек унаследовал все это могущество.

— Почему не заставить этих самых Генов Хромосомов уйти из паршивца — и он станет самым обычным мальчишкой, только намного хуже других? — спросил я. — Ведь я знаю, как это просто для тебя, дядя Лем. Смотри, даже мне все ясно. — Я сконцентрировал все свое внимание на голове малыша Пью, и мои глаза как-то странно перекосились — так случается всегда, когда хочешь заглянуть внутрь человека.

И действительно, я сразу увидел, о чем говорил дядя Лем. Внутри Пью-младшего виднелась масса маленьких крохотулечек, отчаянно цепляющихся друг за друга, и тоненьких палочек, суетящихся во множестве едва видимых клеточек, из которых состоит каждый — за исключением, может быть, Крошки Сэма, нашего младенца.

— Неужели ты не видишь этого, дядя Лем? — спросил я. — Когда ты обучил Лили Лу колдовству, ты перевернул эти тоненькие палочки в ту сторону и соединил вон в те маленькие цепочки, которые все время дрожат. Теперь тебе нужно

всего лишь вернуть все на прежнее место, и Пью-младший будет вести себя совсем по-другому. Неужели это так трудно?

— Совсем легко, — вздохнул дядя Лем и повертел указательным пальцем у своего виска.— Сонк, ты недотепа. Нужно было прислушиваться к тому, что я тебе говорил. Если я верну все эти цепочки, палочки и крохотулечки на прежнее место, мальчишка умрет.

— Мир только выиграет от этого, — заметил я.

— Без тебя знаю. Но ты забыл, что мы обещали дедуле. Больше никаких убийств.

— Послушай, дядя Лем! — воскликнул я, полный негодования. — Неужели этот маленький вонючий хорек будет заколдовывать людей и дальше?

— Нет, Сонк, все обстоит куда хуже, — бедный дядя Лем чуть не плакал. — Он передаст способности своим отпрыскам, подобно тому, как Лили Лу передала их своему ребенку.

Я замолчал. Мне начало казаться, что человечеству угрожает ужасная судьба. И вдруг меня осенило.

— Успокойся, дядя Лем, — сказал я. — Напрасно мы волнуемся. Ты только посмотри на эту маленькую жабу! Да ни одна женщина не подойдет к нему ближе чем на милю! Уже сейчас он выглядит безобразнее своего отца. Не забудь к тому же, что он сын Лили Лу Мутц. Может быть, он, когда вырастет, станет еще безобразнее. Ясно одно — он никогда не женится!

— А вот тут вы ошибаетесь, — встрял в наш разговор Эд Пью. Он так рассвирепел, что стал аж пурпурный. — Вы думаете, я не слышал, о чем вы говорили? Я уже предупредил вас, что в этом городе мое слово — закон. Мы с моим мальчуганом имеем далеко идущие планы, и его талант окажет нам немалую помощь. Только не думайте, что я забуду, как вы говорили о моем ребенке. Так вот, уже сейчас я вхожу в совет олдерменов, а на будущей неделе откроется вакансия в сенат

штата — если только старый кретин, который сейчас занимает этот пост, не окажется куда крепче, чем мне кажется. Так что предупреждаю тебя, юный Хогбен, ты и твоя семья дорого заплатите за оскорбления!

— Стоит ли сердиться, выслушивая истинную правду? — удивился я. — Малыш действительно отталкивающий тип.

— К нему нужно только привыкнуть, — возразил папочка. — Нас, Пью, трудно понять. Это потому, что у нас твердый характер. Зато мы не поступаемся своей честью. И я уж позабочусь о том, чтобы наша родовая линия не прерывалась, будьте уверены. Ты слышал, Лемюэл?

Дядя Лем закрыл глаза и отрицательно покачал головой.

— Нет, сэр, — сказал он. — Я никогда не соглашусь на это. Никогда, никогда, никогда...

— Лемюэл, — произнес Эд Пью мрачным голосом. — Лемюэл, ты хочешь, чтобы я напустил на тебя малыша?

— Напрасно будете стараться, мистер Пью, — заметил я. — Неужели вы не заметили, что он пытался заколдовать меня вместе с толпой, и что из этого вышло? Нас, Хогбенов, не заколдуешь.

— Ну что ж... — Он задумался, стараясь найти выход. — Гмм... Я придумаю что-нибудь. Я... ну конечно! Вы оба добряки, верно? Обещали своему дедуле, что не будете никого убивать? Лемюэл, открой глаза и посмотри на ту сторону улицы. Видишь симпатичную старушку с палочкой? Как тебе понравится, если мой мальчик прикончит ее?

Дядя Лем еще крепче закрыл глаза.

— Не хочу смотреть. Я даже не знаком с этой доброй старушкой. К тому же у нее мучительный ревматизм — может быть, она даже обрадуется своей кончине.

— Ну хорошо, тогда как относительно вон той прелестной молодой женщины с ребенком на руках? Взгляни на нее, Лемюэл. Какой красивый ребенок! Смотри, какая улыбка, какие

ямочки на щечках. Приготовься, сынок. Начнем, пожалуй, с бубонной чумы. А потом...

— Дядя Лем, — в моем голосе звучало беспокойство. — Не знаю, как отнесется к этому дедуля. Может быть...

На мгновение дядя Лем открыл глаза и посмотрел на меня взглядом, полным отчаяния.

— Разве я виноват, что у меня золотое сердце? — произнес он. — Я — старый благородный мужчина, и все этим пользуются. Я не согласен. Теперь мне наплевать, даже если Эд Пью прикончит всю человеческую расу. Меня не интересует, что подумает дедуля, когда узнает, что я натворил. Больше ничто меня не беспокоит. — И он расхохотался диким смехом. — Ничего ни о чем не знаю. Подремлю немного, Сонк.

И с этими словами он рухнул на тротуар, одеревеневший, как бревно.

Глава 3

Безвыходное положение

Несмотря на все беспокойство, я не удержался от улыбки. Иногда дядя Лем способен на забавные выходки. Я понял, что он снова усыпил себя, — он делает так всегда, как только его загоняют в угол.

Дядя Лем грохнулся на асфальт во весь рост и даже подпрыгнул немного. Пью-младший испустил восторженный вопль. Думаю, ему показалось, что дядя Лем упал по его команде. Разумеется, когда мальчуган увидел беспомощного человека, распростершегося на тротуаре, он тут же бросился к нему и изо всех сил пнул дядю Лема в висок.

Как вы помните, я уже говорил, что у нас, Хогбенов, очень твердые головы, прямо чугунные. Пацан взвыл от боли и

начал прыгать на одной ноге, сжимая другую, ушибленную, обеими руками.

У каждого из нас в организме живет целое стадо микробов, вирусов и других крохотных существ, носящихся сломя голову туда и обратно.

Когда заклятье Пью-младшего обрушилось на дядю Лема, все стадо оживилось еще больше, а вдобавок проснулась и начала действовать прорва малюсеньких зверушек, которых папуля называет антителами.

Когда к вам в организм попадает какой-нибудь яд, все эти крохотульки хватают первое попавшееся под руку оружие и устремляются в драку, с криками и руганью. Это и происходило внутри дяди Лема. Вот только у нас, Хогбенов, внутри есть своя собственная милиция. И она тоже вступила в дело.

В организме дяди Лема шло такое сражение, что он из бледно-зеленого стал вроде как пурпурный и на всех видимых частях его тела проступили большие желтые и голубые пятна. На первый взгляд он выглядел отчаянно больным. Разумеется, никакого вреда организму дяди Лема все это не причинило. Милиция Хогбенов запросто одержит верх над микробами, способными дышать. И все-таки выглядел он ужасно.

— Пропустите меня, я врач!

Доктор опустился на колени рядом с дядей Лемом и нащупал его пульс.

— Ну, олдермен Пью, теперь вам крышка! — воскликнул доктор, глядя на Эда Пью. — Уж не знаю, как вам это удалось, но такого вам никто не простит. У этого несчастного бубонная чума! На этот раз я потребую, чтобы против вас и этого маленького чудовища приняли решительные меры!

Эд Пью хихикнул, но я-то видел, что он с трудом сдерживает ярость.

— Вот уж обо мне не беспокойтесь, доктор Браун, — произнес он зловеще. — Как только я займу пост губернатора

штата — а мои планы всегда сбываются, — больница, которой вы так гордитесь, больше не будет получать дотаций из фондов штата. Да и с какой стати? Больницы набиты одними дармоедами! Пусть встают и принимаются за работу, нечего отлеживаться за государственный счет. Мы, Пью, никогда не болеем. Как только я стану губернатором, мы уж сумеем найти применение деньгам, которые тратят сейчас на то, чтобы платить людям, притворяющимся больными!

— Где это запропастилась «скорая помощь»? — пробормотал доктор.

— Если вы говорите про эту длинную машину, которая так громко ревет, — сказал я, — то она примерно милях в трех от нас, но быстро приближается. Только дяде Лему не нужно никакой помощи. У него всего лишь приступ. Такое случается в нашей семье очень часто. Никакой опасности.

— Господи боже мой! — воскликнул врач. — Вы утверждаете, что у него уже было такое и он выжил? — Затем он взглянул на меня и неожиданно улыбнулся. — А, понятно! Боитесь больниц? Не беспокойтесь, мы не причиним ему вреда.

Проницательность доктора немного удивила меня. Ведь я старался не допустить, чтобы дядя Лем попал в больницу, именно по этой причине. Госпитали — не место для нас, Хогбенов. Врачи слишком уж любопытные люди. Поэтому я позвал дядю Лема самым громким голосом — не вслух, разумеется.

— Дядя Лем! — заорал я, не открывая рта. — Дядя Лем, просыпайся! Дедуля сдерет с тебя шкуру и приколотит ее к дверям амбара, если узнает, что тебя отвезли в больницу. Ты что, хочешь, чтобы врачи узнали о том, что у тебя в груди два сердца? И увидели, как устроены твои кости? Или что у тебя в животе? Дядя Лем, просыпайся немедленно!

Он даже не шевельнулся.

Я сперва испугался по-настоящему. Дядя Лем опять поставил меня в безвыходное положение. Вся ответственность за него легла на меня, а я даже не знал, что делать. Ведь я все еще слишком молод для серьезных дел. Настолько, что мое самое раннее воспоминание — это Великий пожар в Лондоне при короле Чарльзе II, помните, ну том самом, с длинными кудрявыми волосами? Впрочем, он действительно выглядел красавчиком.

— Мистер Пью, — сказал я, — нужно заставить вашего малыша снять заклятие. Я не могу позволить, чтобы дядю Лема забрали в больницу, вы же сами знаете это.

— Ну-ка, мальчуган, добавь еще, — скомандовал Эд Пью с мерзкой улыбкой. — А я поговорю с юным Хогбеном. — Врач посмотрел на нас с изумлением, а Эд Пью добавил: — Отойдем в сторону, Хогбен. Не хочу, чтобы нас подслушивали. А ты, малыш, продолжай действовать!

Желтые и голубые пятна на теле дяди Лема стали еще ярче, и вокруг них появились зеленые кольца. Доктор Браун задохнулся от ужаса. Эд Пью взял меня за руку и отвел в сторону. Когда мы отошли достаточно далеко, он уставился на меня своими крохотными свинячьими глазками и доверительно прошептал:

— Ты ведь знаешь, что мне нужно, Хогбен. Лемюэл все время говорил, что не сделает этого, но ни разу не сказал, что не может сделать. Поэтому мне ясно: любой из вашей семьи может сделать это для меня.

— Что конкретно вы имеете в виду, мистер Пью? — вежливо спросил я.

— Мне нужно, чтобы наш старый благородный род, наше семейное древо не умерло. Я хочу, чтобы в мире всегда жили Пью. Мне нелегко было найти жену, и я знаю, что мальчугану будет еще труднее. У современных женщин недостает вкуса. После того как Лили Лу вознеслась на небо, вряд ли найдется другая женщина, которая согласится выйти замуж за Пью.

Поэтому боюсь, что малыш станет последним в нашей династии. А ведь у него такие способности! Если ты сделаешь так, что наша семья не прекратит существования, я заставлю мальчугана снять заклятие с Лемюэля.

— Но ведь если я устрою так, что ваша семья, мистер Пью, никогда не вымрет, — заметил я, — это значит, что вымрут все остальные семьи и в мире останутся одни Пью.

— Ну и что в этом плохого? — усмехнулся Эд Пью. — По моему мнению, наш род ничуть не хуже других, даже сильнее и здоровее. — Он напряг свои здоровенные ручищи и расправил плечи. Ростом Пью-старший был выше, чем я. — Пройдет время, и Пью заселят всю землю. И ты поможешь нам в этом, молодой человек.

— Нет! — воскликнул я. — Никогда! Даже если бы я знал как...

У въезда в переулок послышался ужасный шум, толпа расступилась, машина «скорой помощи» въехала в переулок и остановилась у обочины рядом с дядей Лемом. Из дверей выскочили два парня в белых халатах с чем-то вроде тюфяка на двух палках. Доктор Браун встал, и на его лице было написано облегчение.

— Боялся, что вы так и не приедете, — заметил он. — Думаю, этого мужчину нужно поместить в карантин. Одному богу известно, что мы обнаружим, когда проведем первые анализы. Ну-ка, дайте мне мою сумку. Мне нужен стетоскоп. У больного что-то странное с сердцем.

Говоря по правде, мое сердце провалилось прямо в ботинки. Нам конец, подумал я, всему роду Хогбенов. Едва врачи узнают о нас, нам не останется ни минуты покоя до самой смерти. У нас будет личной жизни и спокойствия меньше, чем у кукурузного початка.

Эд Пью наблюдал за мной с насмешливой улыбкой на бледном одутловатом лице.

— Что, забеспокоился? — спросил он. — Должен сказать, у тебя есть для этого все основания. Знаю я вас, Хогбенов. Дьявольское семя каждый из вас. Вот отвезут его в больницу и мало ли что обнаружат. Быть колдунами, наверно, противозаконно. У тебя осталось с полминуты, чтобы принять решение, юный Хогбен. Что ты теперь скажешь?

Что я мог ему сказать? Ведь я не мог обещать сделать то, что было ему нужно, правда? Отдать весь мир во власть безобразных Пью, овладевших могущественным колдовством. Мы, Хогбены, жили очень долго. У нас были очень важные планы на будущее к тому времени, когда все остальные люди догонят нас. Но если к этому моменту мир будет населен одними Пью, вряд ли стоит осуществлять их. Так что я не мог согласиться.

Но я не мог и отказаться. В этом случае дяде Лему конец. Так что мне стало ясно, что мы, Хогбены, обречены независимо от того, какое решение я приму.

У меня был только один выход. Я глубоко вздохнул, закрыл глаза и громко крикнул — в уме, разумеется:

— Дедуля!

— Что случилось, мой мальчик? — услышал я глубокий громкий голос внутри своего мозга. Могло показаться, что дедуля все время был где-то рядом, ожидая, что его позовут. На самом деле он находился в сотнях миль от меня и крепко спал. Но когда один из Хогбенов зовет на помощь таким голосом, как позвал я, он имеет все основания рассчитывать на немедленный ответ. И дедуля отозвался.

В любое другое время дедуля тянул бы резину минут пятнадцать, задавая вопросы и не прислушиваясь к ответам, причем прибегая к самым разным старомодным диалектам, которые он освоил на протяжении бесчисленных лет. Но сейчас дедуля понял, что дело серьезно.

— Что случилось, мой мальчик? — было все, что он спросил.

Я распахнул свой ум перед ним подобно школьной тетради. У нас не оставалось времени на вопросы и ответы. Доктор уже достал свой аппарат и приготовился слушать, насколько несогласованно бьются два сердца дяди Лема. Как только он выслушает его, для нас, Хогбенов, наступят трудные времена.

— Если только ты не разрешишь мне убить их, дедуля, — добавил я. К этому моменту я знал, что дедуля уже ознакомился с создавшимся положением.

Казалось, что наступила ужасно долгая тишина. Доктор держал в руках инструмент и вставлял длинные черные трубки в уши. Эд Пью следил за мной, словно ястреб. Малыш стоял рядом, готовый врезать любому, кто ему не понравится. Я надеялся, что он выберет меня. Мне удалось разработать способ отбросить заклятие обратно в его отвратительную морду, и, вполне вероятно, это могло прикончить его прямо на месте.

Я услышал у себя в мозгу вздох дедули.

— Мы в безвыходном положении, Сонк, — сказал он. Помню, как меня удивило то, что дедуля может говорить на обычном английском языке — если ему этого хочется, конечно. — Скажи Эду Пью, что мы согласны.

— Но, дедуля... — начал я.

— Делай, как тебе говорят! — Он произнес эти слова с такой твердостью, что у меня заболела голова. — Быстро, Сонк! Передай Пью, что мы сделаем, как он хочет.

Я не решился возражать. И все-таки на этот раз я едва не пренебрег мнением дедули и подумал ему в ответ: «Если ты настаиваешь, дедуля, я так и сделаю, но я не согласен с тобой. Если уж у нас нет выхода, то лучше запереть весь этот яд внутри Пью-младшего, чем рассеять его по всему миру». Но вслух я произнес:

— Хорошо, мистер Пью. Мы сдаемся. Только побыстрее снимите заклятие. Иначе будет поздно.

Глава 4

Пью возвращаются

У мистера Пью был огромный желтый автомобиль, низко сидящий и с открытым верхом. Он мчался ужасно быстро. А уж как он ревел! Один раз я заметил, что мы сбили маленького мальчика, который вышел на шоссе, но мистер Пью не обратил на это никакого внимания, и я не решился сделать что-нибудь. Как сказал дедуля, эти Пью загнали нас в угол.

Было нелегко уговорить их отправиться в нашу долину вместе со мной, но так распорядился дедуля, и я сумел убедить Пью.

— Откуда я знаю, что вы просто не убьете нас, как только мы окажемся за пределами города? — спросил мистер Пью.

— Мне ничего не стоит убить вас обоих прямо сейчас, — ответил я. — Если бы не запрет дедули, я так бы и поступил. Но раз он запретил, вы в безопасности, мистер Пью. Хогбены никогда не нарушают данного ими слова.

Он согласился, хотя скорее его убедило то, что, как я сказал ему, мы можем работать только на своей территории. Дядю Лема погрузили на заднее сиденье и отправились в путь. Пришлось долго спорить с доктором, но мы его уговорили, разумеется. Правда, понадобилось преодолеть упрямство дяди Лема.

Он так и не проснулся, но как только Пью-младший снял с него заклятие, цвет лица дяди Лема снова стал розовый, как у нормального человека. Доктор отказался верить собственным глазам. Мистеру Пью пришлось прибегнуть к самым страшным угрозам, прежде чем мы уехали. Я оглянулся назад и увидел доктора, который сидел на краю тротуара, что-то бормотал себе под нос и потирал лоб с ошеломленным видом. Я чувствовал, как дедуля изучает обоих Пью через мой мозг. Мне показалось, что он вздыхает и качает головой, обдумывая проблемы, которые оставались мне совершенно непонятны-

ми. Когда мы подъехали к дому, там никого не было. Я слышал, как дедуля ворочается и бормочет что-то, лежа в своем дерюжном мешке на чердаке, но папули нигде не было видно — это ничуть не удивило меня, он предпочитал оставаться невидимым, а когда я позвал его, оказалось, что он настолько пьян, что не отзывается. Крошка Сэм спал у себя в цистерне, мамуля еще не вернулась из церкви, и дедуля запретил звать ее.

— Мы сами справимся с этим, Сонк, — сказал он, как только я вышел из автомобиля. —Я кое-что придумал. Помнишь салазки, которые ты оборудовал сегодня утром, чтобы сбивать мамуле сметану? Вытаскивай их, сынок, вытаскивай.

Я сразу понял, что он задумал.

— Нет, дедуля, нет! — воскликнул я вслух, забывшись на мгновение.

— С кем это ты разговариваешь? — спросил Эд Пью, вылезая из автомобиля. — Я никого не вижу. Это и есть ваша ферма? Не дом, а развалюха. Не отходи от меня, малыш. Что-то я не слишком доверяю этим Хогбенам.

— Говорю тебе, сынок, вытаскивай санки, — голос дедули был твердым. — Я все обдумал. Мы пошлем двух этих горилл в прошлое. Им там самое место.

— Ну что ты говоришь, дедуля! — завопил я, на этот раз молча. — Давай сначала обсудим все. Позволь хотя бы позвать мамулю. Да и папуля совсем не дурак, когда трезвый. Подождем, пока он протрезвеет, а? Крошку Сэма тоже неплохо было бы спросить. Мне кажется, дедуля, что нельзя посылать их в прошлое.

— Крошка Сэм спит, — послышался ответ дедули. — Оставь его в покое. Он начитался Эйнштейна, и теперь его не разбудишь.

Если уж быть откровенным, больше всего меня беспокоило то, что дедуля говорил на самом обычном английском языке. Такое никогда не случается с ним, когда он чувствует себя

нормально. А что, если начал сказываться возраст и здравый смысл покинул, так сказать, его голову?

— Дедуля, — начал я, стараясь говорить как можно спокойнее. — Разве тебе не понятно? Если мы пошлем их в прошлое и дадим им то, что обещали, положение станет в миллион раз хуже! Может быть, ты собираешься отослать их в первый год нашего летосчисления, а потом забыть о данном тобой слове?

— Сонк! — упрекнул меня дедуля.

— Знаю-знаю, если мы дали обещание, что династия Пью не вымрет, то должны сдержать данное нами слово. Но если мы пошлем их в первый год, это значит, что начиная с того момента и до сегодняшнего времени они будут размножаться и размножаться. С каждым поколением Пью будет становиться все больше и больше. Дедуля, через пять секунд после того, как эти Пью попадут в первый год, мои глаза сдвинутся к носу, а лицо станет бледным и одутловатым, как у Пью-младшего. Если мы дадим им столько времени, дедуля, в мире останутся одни Пью!

— Не изрекай насупротив, нахальный отпрыск! — завопил дедуля. — Делай, что велено!

Увидев, что дедуля снова заговорил на допотопном жаргоне, я почувствовал себя немного лучше. Пошел в сарай и вытащил санки. Мистер Пью принялся отчаянно возражать.

— Я не катался на салазках с того момента, как был меньше своего мальчугана, — заявил он. — Чего ради буду садиться на них сейчас? Это какой-то трюк. Не согласен.

Малыш попытался укусить меня.

— Послушайте, мистер Пью, — сказал я, — если вы хотите, чтобы мы сдержали данное слово, вы должны слушаться, иначе ничего не выйдет. Я знаю, что делаю. Подойдите к санкам и сядьте. Малыш, для тебя достаточно места впереди папочки. Вот так, отлично.

Если бы Пью-старший не заметил, как я обеспокоен, не думаю, что он пошел бы на это. Но я не сумел скрыть свои чувства.

— А где ваш дедуля? — поинтересовался он. — Уж не собираешься ли ты сделать все один? Неграмотный молокосос! Мне что-то не нравится это. Вдруг ты в чем-нибудь ошибешься?

— Мы дали слово, — напомнил я. — Поэтому будьте добры, мистер Пью, замолчите и не мешайте мне сконцентрироваться. А может быть, вам просто не хочется, чтобы династия Пью продолжалась вечно?

— Да, вы действительно обещали, — согласился Пью и поудобнее устроился на санках. — Надеюсь, что не нарушите слово. Не забудь предупредить меня, когда приступишь к работе.

— Отлично, Сонк, — донесся с чердака бодрый голос дедули. — А теперь смотри. Может быть, чему-нибудь научишься. Внимательно следи за происходящим и делай все, что я скажу. Итак, сконцентрируйся и выбери ген. Любой ген.

Если уж дедуля принимается за что-то, то он делает это хорошо. Итак, он распорядился, чтобы я выбрал ген. Отлично. Гены — это такие малюсенькие скользкие существа, веретенообразные и едва видные невооруженным глазом — невооруженным глазом Хогбенов, разумеется. Они партнеры крошечных существ по имени хромосомы. Куда ни посмотришь, обязательно увидишь гены и хромосомы, нужно только правильно скосить глаза.

— А теперь необходимая порция ультрафиолетового излучения, и все в порядке, — бормотал дедуля. — Давай, Сонк, ты ближе.

— Хорошо, дедуля, — ответил я и вроде как отфильтровал свет, падающий на обоих Пью через иголки сосен. Ультрафиолетовый свет обладает цветом, находящимся на противоположной стороне гаммы цветов, там, где цвета перестают иметь наименования для большинства людей.

— Спасибо, сынок, — услышал я голос дедули. — В самый раз. Подержи его еще немного.

Гены принялись извиваться в унисон со световыми волнами.

— Папочка, меня что-то щекочет, — пожаловался Пью-младший.

— Заткнись, — оборвал его отец.

Дедуля продолжал что-то бормотать себе под нос. Я почти не сомневался, что он украл слова у прохвессора, которого мы держим в бутылке, но не был все-таки полностью уверен. С дедулей никогда нельзя быть уверенным, это уж точно. Не исключено, что он придумал их сам.

— Эухроматин, — шептал он. — Пожалуй, в этом вся разгадка. Ультрафиолетовые лучи дают нам наследственную мутацию, а эухроматин содержит гены, передающие наследственность. А вот гетерохроматин вызывает эволюционные перемены катаклизмического типа. Отлично, отлично. Новые виды всегда могут нам пригодиться. Гмм... Думаю, шесть вспышек гетерохроматического облучения — и хватит.— Он помолчал. — Ик ам энд ек магти! — сказал дедуля наконец.— Все в порядке, Сонк, отправляй их.

Я отпустил ультрафиолетовый свет туда, откуда он появился.

— Значит, в первый год, дедуля? — спросил я, все еще сомневаясь.

— Примерно, — донесся ответ. — Ты знаешь, как это делается?

— Конечно, дедуля, — ответил я, наклонился и дал соответствующий толчок.

Последнее, что я услышал, был рев мистера Пью.

— Да что же здесь происходит? — вопил он. — Что вы тут придумали? Смотри, юный Хогбен, если... куда нас посылают?

Послушай, Сонк, предупреждаю тебя, если это какой-то фокус, я нашлю на тебя своего мальчугана! Он устроит тебе такое заклятие, которого да-да...

Тут голос его стал все тише и слабее и постепенно затих вдали, превратившись во что-то вроде жужжания комара. Во дворе наступила тишина.

Я замер на месте, напрягся, полный решимости сопротивляться превращению в Пью. Эти гены — хитрющие существа.

Я был уверен, что дедуля совершил ужасную ошибку.

Мне было ясно, что произойдет, как только эти Пью попадут в первый год и начнут затем прыгать из столетия в столетие, приближаясь к нам.

Я плохо представлял, как давно от нас находится первый год, но не сомневался, что у Пью окажется достаточно времени, чтобы населить всю планету. В качестве меры предосторожности я сжал двумя пальцами переносицу, чтобы мои глаза не столкнулись друг с другом, когда начнут сближаться подобно тому, как это происходит со всеми нами, Пью...

— Ты еще не Пью, сынок, — хихикнул дедуля. — Ты их больше не видишь?

— Нет,— ответил я. — Что с ними происходит?

— Санки сбавляют скорость, — пояснил дедуля. — Остановились. Да, это действительно первый год нашего летосчисления. Ты только посмотри, как мужчины и женщины выскакивают из пещер, чтобы приветствовать новых компаньонов! А плечи у мужчин! Куда шире, чем даже у Пью-старшего! И... что за женщины! Клянусь, Пью-младший без труда найдет себе жену, когда наступит время.

— Дедуля, но это ужасно! — простонал я.

— Не перебивай старших, Сонк, — упрекнул дедуля. — Слушай, что там происходит. Малыш только что взялся за колдовство. Чей-то маленький мальчик упал. Его мать лупит Пью-младшего почем зря. Ага, теперь отец упавшего мальчика

взялся за Пью-старшего. Ну что за драка! Ты только посмотри! Думаю, все в порядке — с семьей Пью там разберутся, Сонк.

— Как относительно нашей семьи? — спросил я, не скрывая горечи.

— Не беспокойся, Сонк, — заметил дедуля. — Время все уладит. Подожди минутку, я понаблюдаю. Гмм... Когда знаешь, куда смотреть, поколение пролетает очень быстро. Какие безобразные существа эти десять маленьких Пью! Очень походят на своего папу и дедушку. Как жаль, что Лили Лу Мутц не видит своих внучат. Как интересно! Каждый из этих десяти малышей мгновенно повзрослел, и у каждого появилось десяток своих отпрысков. Как приятно, что мои обещания сбываются, Сонк. Вот ведь я сказал, что сделаю это, — и сделал!

Я застонал.

— Ну хорошо, — деловито произнес дедуля. — Перенесемся на пару столетий вперед. Ага, вот они! Все на месте и размножаются, как кролики. Да и семейное сходство ничуть не ослабевает. Гмм... Теперь совершим прыжок на тысячу лет. Господи боже мой! Да ведь это Древняя Греция! За все эти годы она ничуть не изменилась! Подумать только, Сонк!

Радостный смех дедули резал мне уши.

— Помнишь, я рассказывал однажды, что лицо Лили Лу напомнило мне о моей приятельнице по имени Горгона? И неудивительно! Все совершенно нормально! Ты бы только посмотрел на пра-пра-пра-пра-внуков Лили Лу! С другой стороны, как раз этого делать не стоит. Ну и ну, как интересно.

Наступило молчание, которое длилось минуты три. Затем послышался хохот дедули:

— Бах! Первый гетерохроматический прорыв. Теперь начинаются изменения.

— Какие изменения, дедуля? — спросил я упавшим голосом.

— Изменения, которые подтверждают, что твой старый дедуля совсем не такой дурак, как ты думаешь? Я знаю, что делать. Теперь, когда все началось, изменения будут следовать одно за другим. Смотри, вот второй скачок. Как быстро происходит мутация этих крохотных генов!

— Значит, дедуля, — спросил я с надеждой в голосе, — я все-таки не превращусь в одного из Пью? Но ведь мне казалось, дедуля, что мы обещали — династия Пью не прекратится?

— Я сдержал свое обещание, — сказал дедуля, полный достоинства. — Гены будут распространять это семейство до самого Судного дня. И вместе с ними сохранится способность к колдовству.

И он рассмеялся.

— На твоем месте я бы приготовился к неприятностям, Сонк, — предупредил он. — Мне показалось, что, когда папаша Пью исчезал во тьме прошлого, он пригрозил тебе заклятием, верно? Так вот, он совсем не шутил. Это заклятие вот-вот настигнет тебя.

— Господи! — воскликнул я, полный смятения. — Но к тому времени, когда они прибудут в наш век, их будет не меньше миллиона! Что же мне делать, дедуля?

— Просто быть наготове, — в голосе дедули сочувствие начисто отсутствовало. — Ты думаешь, их будет миллион? Ошибаешься, намного больше.

— Сколько именно? — поинтересовался я.

Он начал называть число будущих Пью. Хотите верьте, хотите нет, но дедуля все еще не кончил. Так их много.

Видите ли, оказалось, что это очень походило на семью Джюксов, которая жила к югу от нас. Те, что плохие, всегда немного хуже своих детей, и то же самое случилось с Генами Хромосомами и их потомками, так сказать. Династия Пью осталась династией Пью и сохранила способности колдовать —

мне кажется, можно сказать, что они в конце концов покорили весь мир.

Все могло обернуться гораздо хуже. Все эти Пью могли остаться такого же размера на протяжении всех поколений. Вместо этого они начали уменьшаться, становились все меньше и меньше. Когда я видел их в человеческом образе, они были выше и крупнее большинства людей — по крайней мере, папочка Пью точно был огромным.

Но после того как прошло бесчисленное количество поколений Пью, начиная с первого года, они настолько уменьшились в росте, что теперь размером с этих крошечных бледных существ в крови. И постоянно сражаются с ними.

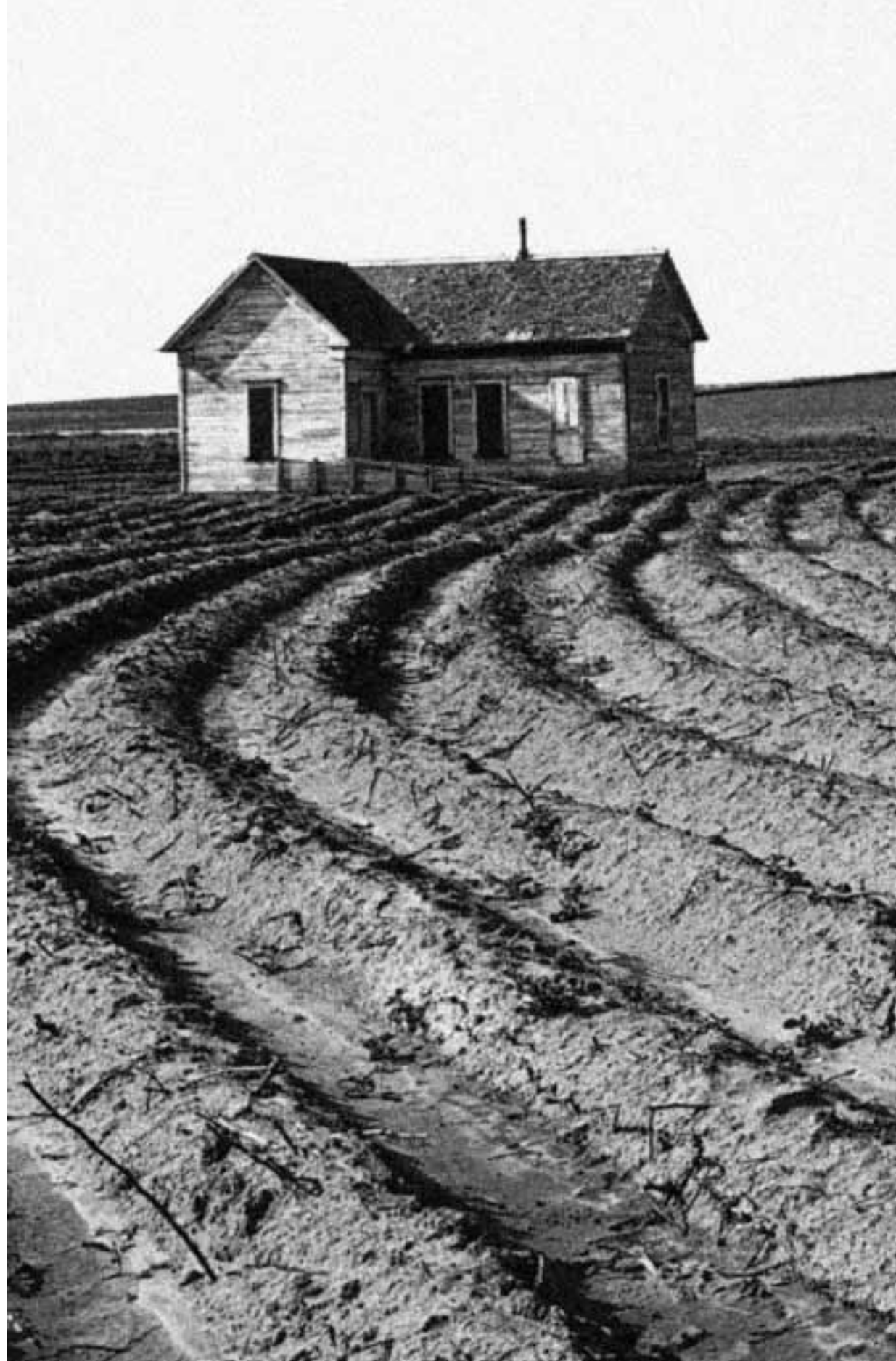
Эти Пью так пострадали от вспышек гетерохроматического излучения, о котором говорил мне дедуля, что утратили свои прежние размеры. Теперь их называют вирусами — конечно, вирус примерно то же самое, что и ген, только он намного подвижнее. Призываю в свидетели небесные силы, это все равно что сравнивать потомков Джюкса с Джорджем Вашингтоном!

И тут на меня обрушилось заклятие.

Я принялся чихать. Затем услышал, как начал чихать дядя Лем, которого мы забыли в желтом автомобиле. Дедуля все еще говорил о том, сколько миллионов, миллионов, миллионов и так далее Пью нападает сейчас на меня, так что спрашивать его не имело смысла.

Я скосил глаза и в самый момент чиха попытался рассмотреть, кто же это щекочет мне нос...

Никогда в жизни я не видел так много Пью-младших! Это было настоящее колдовство. Более того, эти Пью все еще трудятся, посылая проклятия на всех людей, которые живут на земле. Можно предположить, что их работа продлится еще долго, потому что династия Пью должна жить вечно — так обещал дедуля.



Я слышал, что некоторые вирусы трудно разглядеть даже в микроскоп. Представляете, как будут удивлены все эти прохвессоры, когда им удастся должным образом сфокусировать микроскоп и они увидят в поле зрения этих бледных дьяволят с одутловатыми лицами, безобразных, как смертный грех, с глазами, сидящими вплотную друг к другу, заколдовывающих всех, кого увидят!

Потребовалось немало времени с первого года, но Гены Хромосомы добились своего с помощью дедули. Так что теперь Пью-младший больше не доставляет неприятностей.

Впрочем, нет, доставляет — всякий раз, когда я простужаюсь в холодную погоду.

Робот-зазнайка

С Гэллегером, который занимался наукой не систематически, а по наитию, сплошь и рядом творились чудеса. Сам он называл себя нечаянным гением. Ему, например, ничего не стоило из обрывка провода, двух-трех батареек и крючка для юбки смастерить новую модель холодильника.

Сейчас Гэллегер мучился с похмелья. Он лежал на тахте в своей лаборатории — долговязый, взъерошенный, гибкий, с непокорной темной прядкой на лбу — и манипулировал механическим баром. Из крана к нему в рот медленно текло сухое мартини.

Гэллегер хотел что-то припомнить, но не слишком старался. Что-то относительно робота, разумеется. Ну да ладно.

— Эй, Джо, — позвал Гэллегер.

Робот гордо стоял перед зеркалом и разглядывал свои внутренности. Его корпус был сделан из прозрачного материала, внутри быстро-быстро крутились какие-то колесики.

— Если уж ты ко мне так обращаешься, то разговаривай шепотом, — потребовал Джо. — И убери отсюда кошку.

— У тебя не такой уж тонкий слух.

— Именно такой. Я отлично слышу, как она разгуливает.

— Как же звучат ее шаги? — заинтересовался Гэллегер.

— Как барабанный бой! — важно ответил робот. — А твоя

речь — как гром. — Голос его неблагозвучно скрипел, и Гэллегер собрался было напомнить роботу пословицу о тех, кто видит в чужом глазу соринку, а в своем... Не без усилия он перевел взгляд на светящийся экран входной двери — там маячила какая-то тень. «Знакомая тень», — подумал Гэллегер.

— Это я, Брок, — произнес голос в динамике. — Хэррисон Брок. Впустите меня!

— Дверь открыта. — Гэллегер не шевельнулся. Он внимательно оглядел вошедшего — хорошо одетого человека средних лет, — но так и не вспомнил его. Броку шел пятый десяток; на холеном, чисто выбритом лице застыла недовольная мина. Может быть, Гэллегер и знал этого человека. Он не был уверен. Впрочем, неважно.

Брок окинул взглядом большую неприбранную лабораторию, вытаращил глаза на робота, поискал себе стул, но так и не нашел. Он упер руки в боки и, покачиваясь на носках, смерил распростертого изобретателя сердитым взглядом.

— Ну? — сказал он.

— Никогда не начинайте так разговор, — пробормотал Гэллегер и принял очередную порцию мартини. — Мне и без вас тошно. Садитесь и будьте как дома. На генератор у вас за спиной. Кажется, он не очень пыльный.

— Получилось у вас или нет? — запальчиво спросил Брок. — Вот все, что меня интересует. Прошла неделя. У меня в кармане чек на десять тысяч. Нужен он вам?

— Конечно, — ответил Гэллегер и не глядя протянул руку: — Давайте.

— Caveat emptor[1]. Что я покупаю?

— Разве вы не знаете? — искренне удивился изобретатель.

Брок недовольно заерзал на месте.

---

[1] Пусть покупатель будет осмотрителен *(лат.)*.

— О боже, — простонал он. — Мне сказали, будто вы один можете помочь. И предупредили, что с вами говорить — все равно что зуб рвать.

Гэллегер задумался.

— Погодите-ка. Припоминаю. Мы с вами беседовали на той неделе, не так ли?

— Беседовали... — Круглое лицо Брока порозовело. — Да! Вы валялись на этом самом месте, сосали спиртное и бормотали себе под нос стихи. Потом исполнили «Фрэнки и Джонни». И наконец соблаговолили принять мой заказ.

— Дело в том, — пояснил Гэллегер, — что я был пьян. Я часто бываю пьян. Особенно в свободное время. Тем самым я растормаживаю подсознание, и мне тогда лучше работается. Свои самые удачные изобретения, — продолжал он радостно, — я сделал именно под мухой. В такие минуты все проясняется. Все ясно как тень. Как тень, так ведь говорят? А вообще... — Он потерял нить рассуждений и озадаченно посмотрел на гостя. — А вообще, о чем это мы толкуем?

— Да помолчишь ли ты? — осведомился робот, не покидая своего поста перед зеркалом.

Брок так и подпрыгнул. Гэллегер небрежно махнул рукой.

— Не обращайте внимания на Джо. Вчера я его закончил, а сегодня уже раскаиваюсь.

— Это робот?

— Робот. Но, знаете, он никуда не годится. Я сделал его спьяну, понятия не имею, отчего и зачем. Стоит тут перед зеркалом и любуется сам собой. И поет. Завывает, как пес над покойником. Сейчас услышите.

С видимым усилием Брок вернулся к первоначальной теме.

— Послушайте, Гэллегер. У меня неприятности. Вы обещали помочь. Если не поможете, я — конченый человек.

— Я сам кончаюсь вот уже много лет, — заметил ученый. — Меня это ничуть не беспокоит. Продолжаю зарабатывать

себе на жизнь, а в свободное время придумываю разные штуки. Знаете, если бы я учился, из меня вышел бы второй Эйнштейн. Все говорят. Но получилось так, что подсознательно я где-то нахватался первоклассного образования. Потому-то, наверно, и не стал утруждать себя учебой. Стоит мне выпить или отвлечься, как я разрешаю самые немыслимые проблемы.

— Вы и сейчас пьяны, — тоном прокурора заметил Брок.

— Приближаюсь к самой приятной стадии. Как бы вам понравилось, если бы вы, проснувшись, обнаружили, что по неизвестной причине создали робота и при этом понятия не имеете о его назначении?

— Ну, знаете ли...

— Нет уж, я с вами не согласен, — проворчал Гэллегер. — Вы, очевидно, чересчур серьезно воспринимаете жизнь. «Вино — глумливо, сикера — буйна»[1]. Простите меня. Я буйствую. — Он снова отхлебнул мартини.

Брок стал расхаживать взад и вперед по захламленной лаборатории, то и дело натыкаясь на таинственные запыленные предметы.

— Если вы ученый, то науке не поздоровится.

— Я Гарри Эдлер от науки, — возразил Гэллегер. — Был такой музыкант несколько веков назад. Я вроде него. Тоже никогда в жизни ничему не учился. Что я могу поделать, если мое подсознание любит меня разыгрывать?

— Вы знаете, кто я такой? — спросил Брок.

— Откровенно говоря, нет. А это обязательно?

В голосе посетителя зазвучали горестные нотки.

— Могли бы хоть из вежливости припомнить, ведь всего неделя прошла. Хэррисон Брок. Это я. Владелец фирмы «Вокс-вью пикчерс».

---

[1] Библия, Книга притчей Соломоновых (20:1).

— Нет, — внезапно изрек робот, — бесполезно. Ничего не поможет, Брок.

— Какого...

Гэллегер устало вздохнул.

— Все забываю, что проклятая тварь одушевлена. Мистер Брок, познакомьтесь с Джо. Джо, это мистер Брок... из фирмы «Вокс-вью».

— Э-э-э... — невнятно проговорил телемагнат, — здравствуйте.

— Суета сует и всяческая суета, — вполголоса вставил Гэллегер. — Таков уж Джо, павлин. С ним тоже бесполезно спорить.

Робот не обратил внимания на реплику своего создателя.

— Право же, все это ни к чему, мистер Брок, — продолжал он скрипучим голосом. — Деньги меня не трогают. Я понимаю, многих осчастливило бы мое появление в ваших фильмах, но слава для меня ничто. Нуль. Мне достаточно сознавать, что я прекрасен.

Брок прикусил губу.

— Ну вот что, — свирепо произнес он, — я пришел сюда вовсе не для того, чтобы предлагать вам роль. Понятно? Я ведь не заикнулся о контракте. Редкостное нахальство... пф-ф! Вы просто сумасшедший.

— Я вижу вас насквозь, — холодно заметил робот. — Понимаю, вы подавлены моей красотой и обаянием моего голоса — такой потрясающий тембр! Вы притворяетесь, будто я вам не нужен, надеясь заполучить меня по дешевке. Не стоит, я ведь сказал, что не заинтересован.

— Сумасшедший! — прошипел выведенный из себя Брок, а Джо хладнокровно повернулся к зеркалу.

— Не разговаривайте так громко, — предупредил он. — Диссонанс просто оглушает. К тому же вы урод, и я не желаю вас видеть. — Внутри прозрачной оболочки зажужжали

колесики и шестеренки. Джо выдвинул до отказа глаза на кронштейнах и стал с явным одобрением разглядывать себя.

Гэллегер тихо посмеивался, не вставая с тахты.

— У Джо повышенная раздражительность, — сказал он. — Кроме того, я, видно, наделил его необыкновенными чувствами. Час назад он вдруг стал хохотать до колик. Ни с того ни с сего. Я готовил себе закуску. Через десять минут я наступил на огрызок яблока, который сам же бросил на пол, упал и сильно расшибся. Джо посмотрел на меня. «То-то и оно, — сказал он. — Логика вероятности. Причина и следствие. Еще когда ты ходил открывать почтовый ящик, я знал, что ты уронишь этот огрызок и потом наступишь на него». Какая-то Кассандра. Скверно, когда память подводит.

Брок уселся на генератор (в лаборатории их было два — один, побольше, назывался «Монстр», а другой служил скамейкой) и перевел дыхание.

— Роботы устарели.

— Ну, не этот. Этого я не перевариваю. Он создает во мне комплекс неполноценности. Жаль, что я не помню, зачем его сделал. — Гэллегер вздохнул. — Ну, черт с ним. Хотите выпить?

— Нет. Я пришел к вам по делу. Вы серьезно говорите, что всю прошедшую неделю мастерили робота, вместо того чтобы работать над проблемой, которую обязались решить?

— Оплата по выполнении, так ведь? — уточнил Гэллегер. — Мне как будто что-то такое помнится.

— По выполнении, — с удовольствием подтвердил Брок. — Десять тысяч, когда решите и если решите.

— Отчего бы не выдать мне денежки и не взять робота? Он того стоит. Покажете его в каком-нибудь фильме.

— У меня не будет никаких фильмов, если вы не додумаетесь до ответа, — обозлился Брок. — Я ведь вам все объяснял.

— Да я пьян был, — сказал Гэллегер. — В таких случаях мой мозг чист, как грифельная доска, вытертая мокрой тряп-

кой. Я как ребенок. И вот-вот стану пьяным ребенком. Но пока, если вы растолкуете мне все сначала...

Брок совладал с приливом злости, вытащил наудачу первый попавшийся журнал из книжного шкафа и достал из кармана авторучку.

— Ну ладно. Мои акции идут по двадцати восьми, то есть намного ниже номинала... — Он вывел на обложке журнала какие-то цифры.

— Если бы вы схватили вон тот средневековый фолиант, что стоит рядом, это вам влетело бы в изрядную сумму, — лениво заметил Гэллегер. — Вы, я вижу, из тех, кто пишет на чем попало? Да бросьте болтать про акции и всякую чепуху. Переходите к делу. Кому вы морочите голову?

— Все напрасно, — вмешался робот, который торчал у зеркала. — Я не стану подписывать контракта. Пусть приходят и любуются мною, если им так хочется, но в моем присутствии пусть разговаривают шепотом.

— Сумасшедший дом, — пробормотал Брок, стараясь не выходить из себя. — Слушайте, Гэллегер. Все это я вам уже говорил неделю назад, но...

— Тогда еще не было Джо. Делайте вид, что рассказываете не мне, а ему.

— Э-э... Так вот... Вы по крайней мере слыхали о фирме «Вокс-вью пикчерс»?

— Само собой. Крупнейшая и лучшая телевизионная компания. Единственный серьезный соперник — фирма «Сонатон».

— «Сонатон» меня вытесняет.

Гэллегер был непритворно озадачен.

— Не понимаю, каким образом. Ваши программы лучше. У вас объемное цветное изображение, вся современная техника, первоклассные актеры, музыканты, певцы...

— Бесполезно, — повторил робот. — Не стану.

— Заткнись, Джо. Никто не может с вами тягаться, Брок. Это вовсе не комплимент. И все говорят, что вы вполне порядочный человек. Как же удалось «Сонатону» вас обскакать?

Брок беспомощно развел руками.

— Тут все дело в политике. Контрабандные театры. С ними не очень-то поборешься. Во время избирательной кампании «Сонатон» поддерживал правящую партию, а теперь, когда я пытаюсь организовать налет на контрабандистов, полиция только глазами хлопает.

— Контрабандные театры? — Гэллегер нахмурился. — Я что-то такое слыхал...

— Это началось давно. Еще в добрые старые времена звукового кино. Телевидение вытеснило звуковые фильмы и крупные кинотеатры. Люди отвыкли собираться толпами перед экраном. Усовершенствовались домашние телевизоры. Считалось, что гораздо приятнее сидеть в кресле, потягивать пиво и смотреть телепрограмму. Телевидение перестало быть привилегией миллионеров; система счетчиков снизила стоимость этого развлечения до уровня, доступного средним слоям. То, что я рассказываю, общеизвестно.

— Мне не известно, — возразил Гэллегер. — Без крайней необходимости никогда не обращаю внимания на то, что происходит за стенами моей лаборатории. Спиртное плюс избирательный ум. Игнорирую все, что меня не касается. Расскажите-ка подробнее, чтобы я мог представить себе картину целиком. Если будете повторяться — не страшно. Итак, что это за система счетчиков?

— Телевизоры устанавливаются в квартирах бесплатно. Мы ведь не продаем их, а даем напрокат. Оплата — в зависимости от того, сколько времени они включены. Наша программа не прерывается ни на секунду — пьесы, снятые на видеомагнитопленку фильмы, оперы, оркестры, эстрадные певцы, водевили — все, что душе угодно. Если вы много смотрите

телевизор, вы и платите соответственно. Раз в месяц приходит служащий и проверяет показания счетчика. Справедливая система. Держать в доме «Вокс-вью» может себе позволить каждый. Такой же системы придерживается «Сонатон» и другие компании, но «Сонатон» — это мой единственный крупный конкурент. Во всяком случае, конкурент, который считает, что в борьбе со мной все средства хороши. Остальные — мелкие сошки, но я их не хватаю за глотку. Никто еще не говорил про меня, что я подонок, — мрачно сказал Брок.

— Ну и что?

— Ну и вот, «Сонатон» сделал ставку на эффект массового присутствия. До последнего времени это считалось невозможным — объемное изображение нельзя было проецировать на большой телевизионный экран, оно двоилось и расплывалось полосами. Поэтому применяли стандартные бытовые экраны, девятьсот на тысячу двести миллиметров. С отличными результатами. Но «Сонатон» скупил по всей стране массу гнилых кинотеатров...

— Что такое гнилой кинотеатр? — прервал Гэллегер.

— Это... до того как звуковое кино потерпело крах, мир был склонен к бахвальству. Гигантомания, понимаете? Приходилось вам слышать о мюзик-холле Радио-сити? Так это еще пустяк! Появилось телевидение, и конкуренция между ним и кино шла жестокая. Театры звуковых фильмов становились все огромнее, все роскошнее. Настоящие дворцы. Гиганты. Но, когда телевидение было усовершенствовано, люди перестали ходить в кинотеатры, а снести их стоило слишком дорого. Заброшенные театры, понимаете? Большие и маленькие. Их отремонтировали. И крутят там программы «Сонатона». Эффект массового присутствия — это, доложу я вам, фактор. Билеты в театр дорогие, но народ туда валом валит. Новизна плюс стадный инстинкт.

Гэллегер прикрыл глаза.

— А кто вам мешает сделать то же самое?

— Патенты, — коротко ответил Брок. — Я, кажется, упоминал, что до последнего времени объемное телевидение не было приспособлено к большим экранам. Десять лет назад владелец фирмы «Сонатон» подписал со мной соглашение, по которому всякое изобретение, позволяющее увеличить размер экрана, может быть использовано обеими сторонами. Но потом он пошел на попятный. Заявил, что документ подложный, а суд его поддержал. А он поддерживает суд — рука руку моет. Так или иначе, инженеры «Сонатона» разработали метод, позволяющий применять большие экраны. Они запатентовали свое изобретение — сделали двадцать семь заявок, получили двадцать семь патентов и тем самым приняли меры против любых вариаций этой идеи. Мои конструкторы бьются день и ночь, пытаясь найти аналогичный метод и в то же время обойти чужие патенты, но у «Сонатона» предусмотрено решительно все. Его система называется «Магна». Работает с телевизорами любого типа, но мой конкурент разрешает устанавливать ее только на телевизорах марки «Сонатон». Понимаете?

— Неэтично, но в рамках закона, — заметил Гэллегер. — А все-таки от вас за свои деньги зрители получают больше. Людям нужен хороший товар. Величина изображения роли не играет.

— Допустим, — горько сказал Брок, — но это не все. Последние известия только и твердят об ЭМП — это новомодное словечко. Эффект массового присутствия. Стадный инстинкт. Вы правы, людям нужен хороший товар... Не станете же вы покупать виски по четыре за кварту, если можно достать за полцены?

— Все зависит от качества. Так в чем же дело?

— В контрабандных театрах, — ответил Брок. — Они открываются по всей стране. Показывают программу «Вокс-вью», но пользуются системой увеличения «Магна», которую запатентовал «Сонатон». Плата за вход невелика — дешевле, чем обходится домашний телевизор «Вокс-вью». К тому же эффект массового присутствия. К тому же азарт нарушения закона. Все поголовно возвращают телевизоры «Вокс-вью». Причина ясна. Взамен можно пойти в контрабандный театр.

— Это незаконно, — задумчиво сказал Гэллегер.

— Так же как забегаловки в период сухого закона. Все дело в том, налажены ли отношения с полицией. Я не могу обратиться с иском в суд. Пытался. Себе дороже. Так и прогореть недолго. И не могу снизить плату за прокат телевизоров «Вокс-вью». Она и без того ничтожна. Прибыль идет за счет количества. А теперь прибыли конец. Что же до контрабандных театров, то совершенно ясно, чье это начинание.

— «Сонатона»?

— Конечно. Непрошенный компаньон. Снимает сливки с моей продукции у себя в кассе. Хочет вытеснить меня с рынка и добиться монополии. После этого начнет показывать халтуру и платить актерам по нищенскому тарифу. У меня все иначе. Я-то своим плачу, сколько они стоят, а это немало.

— А мне предлагаете жалкие десять тысяч, — подхватил Гэллегер. — Фи!

— Да это только первый взнос, — поспешно сказал Брок. — Назовите свою цену. В пределах благоразумия, — добавил он.

— Обязательно назову. Астрономическую цифру. А что, неделю назад я согласился принять ваш заказ?

— Согласились.

— В таком случае, должно быть, у меня мелькнула идея, как разрешить вашу проблему, — размышлял Гэллегер вслух. — Дайте сообразить. Я упоминал что-нибудь конкретное?

— Вы все твердили о мраморном столе и о своей... э-э... милашке.

— Значит, я пел, — благодушно пояснил Гэллегер. — «Больницу св. Джеймса». Пение успокаивает нервы, а Бог видит, как нужен покой моим нервам. Музыка и спиртное. Дивлюсь, что продают его виноторговцы...

— Как-как?

— ...Где вещь, что ценностью была б ему равна? Неважно. Это я цитирую Омара Хайяма. Пустое. Ваши инженеры хоть на что-нибудь годны?

— Самые лучшие инженеры. И самые высокооплачиваемые.

— И не могут найти способа увеличить изображение, не нарушая патентных прав «Сонатона»?

— Ну, в двух словах — именно так.

— Очевидно, придется провести кое-какие исследования, — грустно подытожил Гэллегер. — Для меня это хуже смерти. Однако сумма состоит из нескольких слагаемых. Вам это понятно? Мне — нисколько. Беда мне со словами. Скажу что-нибудь, а после сам удивляюсь, чего это я наговорил. Занятнее, чем пьесу смотреть, — туманно заключил он. — У меня голова трещит. Слишком много болтовни и мало выпивки. На чем это мы остановились?

— На полпути к сумасшедшему дому, — съязвил Брок. — Если бы вы не были моей последней надеждой, я...

— Бесполезно, — заскрипел робот. — Можете разорвать контракт в клочья, Брок. Я его не подпишу. Слава для меня — ничто. Пустой звук.

— Если ты не заткнешься, — пригрозил Гэллегер, — я заору у тебя над самым ухом.

— Ну и ладно! — взвизгнул Джо. — Бей меня! Давай, бей! Чем подлее ты будешь поступать, тем скорее разрушишь мою нервную систему, и я умру. Мне все равно. У меня нет инстинкта самосохранения. Бей. Увидишь, что я тебя не боюсь.

— А знаете, ведь он прав, — сказал ученый, подумав. — Это единственный здравый ответ на шантаж и угрозы. Чем

скорее все кончится, тем лучше. Джо не различает оттенков. Мало-мальски чувствительное болевое ощущение погубит его. А ему наплевать.

— Мне тоже, — буркнул Брок. — Для меня важно только одно...

— Да-да. Знаю. Что ж, похожу, погляжу, может, что-нибудь меня и осенит. Как попасть к вам на студию?

— Держите пропуск. — Брок написал что-то на обороте визитной карточки. — Надеюсь, вы тотчас же возьметесь за дело?

— Разумеется, — солгал Гэллегер. — А теперь ступайте и ни о чем не тревожьтесь. Постарайтесь успокоиться. Ваше дело в надежных руках. Либо я очень быстро придумаю выход, либо...

— Либо что?

— Либо не придумаю, — жизнерадостно докончил Гэллегер и потрогал кнопки над тахтой на пульте управления баром. — Надоело мне мартини. И почему это я не сделал робота-бармена, раз уж взялся творить роботов? Временами даже лень выбрать и нажать на кнопку. Да-да, я примусь за дело немедля, Брок. Не волнуйтесь.

Магнат колебался.

— Ну что ж, на вас вся надежда. Само собой разумеется, если я могу чем-нибудь помочь...

— Блондинкой, — промурлыкал Гэллегер. — Вашей блистательной-преблистательной звездой, Силвер О'Киф. Пришлите ее ко мне. Больше от вас ничего не требуется.

— Всего хорошего, Брок, — проскрипел робот. — Жаль, что мы не договорились о контракте, но зато вы получили ни с чем не сравнимое удовольствие — послушали мой изумительный голос, не говоря уж о том, что увидели меня воочию. Не рассказывайте о моей красоте слишком многим. Я действительно не хочу, чтобы ко мне валили толпами. Чересчур шумно.

— Никто не поймет, что такое догматизм, пока не потолкует с Джо, — сказал Гэллегер. — Ну, пока. Не забудьте про блондинку.

Губы Брока задрожали. Он поискал нужные слова, махнул рукой и направился к двери.

— Прощайте, некрасивый человек, — бросил ему вслед Джо.

Когда хлопнула дверь, Гэллегер поморщился, хотя сверхчувствительным ушам робота пришлось еще хуже.

— С чего это ты завелся? — спросил он. — Из-за тебя этого малого чуть кондрашка не хватила.

— Не считает же он себя красавцем, — возразил Джо.

— Нам с лица не воду пить.

— До чего ты глуп. И так же уродлив, как тот.

— А ты — набор дребезжащих зубчаток, шестерен и поршней. Да и червяки в тебе водятся, — огрызнулся Гэллегер; он подразумевал, естественно, червячные передачи в теле робота.

— Я прекрасен, — Джо восхищенно вперился в зеркало.

— Разве что с твоей точки зрения. Чего ради я сделал тебя прозрачным?

— Чтобы мною могли полюбоваться и другие. У меня-то зрение рентгеновское.

— У тебя шарики за ролики заехали. И зачем я упрятал радиоактивный мозг к тебе в брюхо? Для лучшей сохранности?

Джо не отвечал. Невыносимо скрипучим истошным голосом он напевал какую-то песню без слов. Некоторое время Гэллегер терпел, подкрепляя силы джином из сифона.

— Да замолчи ты! — не выдержал он наконец. — Все равно что древний поезд метро на повороте.

— Ты просто завидуешь, — поддел его Джо, но послушно перешел на ультразвуковую тональность. С полминуты стояла тишина. Потом во всей округе взвыли собаки.

Гэллегер устало поднялся с тахты. Надо уносить ноги. Покоя в доме явно не будет, пока одушевленная груда металлолома бурно источает себялюбие и самодовольство. Джо издал немелодичный кудахтающий смешок. Гэллегер вздрогнул.

— Ну, что еще?

— Сейчас узнаешь.

Логика причин и следствий, подкрепленная теорией вероятности, рентгеновским зрением и прочими перцепциями, несомненно присущими роботу. Гэллегер тихонько выругался, схватил бесформенную черную шляпу и пошел к двери. Открыв ее, он нос к носу столкнулся с толстым коротышкой, и тот больно стукнул его головой в живот.

— Ох? Ф-фу. Ну и чувство юмора у этого кретина робота. Здравствуйте, мистер Кенникотт. Рад вас видеть. К сожалению, некогда предложить вам рюмочку.

Смуглое лицо мистера Кенникотта скривилось в злобной гримасе.

— Не надо мне рюмочки, мне нужны мои кровные доллары. Деньги на бочку. И зубы не заговаривайте.

Гэллегер задумчиво посмотрел сквозь гостя.

— Собственно, если на то пошло, я как раз собирался получить деньги по чеку.

— Я продал вам бриллианты. Вы сказали, что хотите из них что-то сделать. И сразу дали мне чек. Но по нему не платят ни гроша. В чем дело?

— Он и не стоит ни гроша, — пробормотал Гэллегер себе под нос. — Я невнимательно следил за своим счетом в банке. Перерасход.

Кенникотт чуть не хлопнулся там, где стоял, — на пороге.

— Тогда гоните назад бриллианты.

— Да я их уже использовал в каком-то опыте. Забыл, в каком именно. Знаете, мистер Кенникотт, положа руку на сердце: ведь я покупал их в нетрезвом виде?

— Да, — согласился коротышка. — Налакались до бесчувствия, факт. Ну и что с того? Больше ждать я не намерен. Вы и так долго водили меня за нос. Платите-ка, или вам не поздоровится.

— Убирайтесь прочь, грязная личность, — донесся из лаборатории голос Джо. — Вы омерзительны.

Гэллегер поспешно оттеснил Кенникотта на улицу и запер входную дверь.

— Попугай, — объяснил он. — Никак не соберусь свернуть ему шею. Так вот, о деньгах. Я ведь не отрекаюсь от долга. Только что мне сделали крупный заказ, и, когда заплатят, вы свое получите.

— Нет уж, дудки! Вы что, безработный? Вы ведь служите в крупной фирме. Вот и попросите там аванс.

— Просил, — вздохнул Гэллегер. — Выбрал жалованье за полгода вперед. Ну вот что, я приготовлю вам деньги на днях. Может быть, получу аванс у своего клиента. Идет?

— Нет.

— Нет?

— Ну, так и быть. Жду еще один день. От силы два. Хватит. Найдете деньги — порядок. Не найдете — упеку в долговую тюрьму.

— Двух дней вполне достаточно, — с облегчением сказал Гэллегер. — Скажите, а есть тут поблизости контрабандные театры?

— Вы бы лучше принимались за работу и не тратили время черт знает на что.

— Но это и есть моя работа. Мне надо написать о них статью. Как найти контрабандный притон?

— Очень просто. Пойдете в деловую часть города. Увидите в дверях парня. Он продаст вам билет. Где угодно. На каждом шагу.

— Отлично, — сказал Гэллегер и попрощался с коротышкой.

Зачем он купил у Кенникотта бриллианты? Такое подсознание стоило бы ампутировать. Оно проделывает самые невообразимые штуки. Работает по незыблемым законам логики, но самая эта логика совершенно чужда сознательному мышлению Гэллегера. Тем не менее результаты часто бывают поразительно удачными и почти всегда — поразительными. Нет ничего хуже положения ученого, который не в ладах с наукой и работает по наитию.

В лабораторных ретортах осталась алмазная пыль — следы какого-то неудачного опыта, поставленного подсознанием Гэллегера; в памяти сохранилось мимолетное воспоминание о том, как он покупал у Кенникотта драгоценные камни. Любопытно. Быть может... Ах да! Они ушли в Джо! На подшипники или что-то в этом роде. Разобрать робота? Поздно — огранка наверняка не сохранилась. С какой стати бриллианты чистейшей воды — неужто не годились промышленные алмазы? Подсознание Гэллегера требовало самых лучших товаров. Оно знать не желало о масштабах цен и основных принципах экономики.

Гэллегер бродил по деловой части города, как Диоген в поисках истины. Вечерело, над головой мерцали неоновые огни — бледные разноцветные полосы света на темном фоне. В небе над башнями Манхэттена ослепительно сверкала реклама. Воздушные такси скользили на разной высоте, подбирали пассажиров с крыш. Скучища.

В деловом квартале Гэллегер стал присматриваться к дверям. Нашел наконец дверь, где кто-то стоял, но оказалось, что тот просто-напросто торгует открытками. Гэллегер отошел от него и двинулся в ближайший бар, так как почувствовал, что надо подзаправиться. Бар был передвижной и сочетал худшие свойства ярмарочной карусели и коктейлей, приготовленных равнодушной рукой; Гэллегер постоял в нерешительности на пороге. Но кончилось тем, что он поймал проносившийся

мимо стул и постарался усесться поудобнее. Заказал три «рикки» и осушил их один за другим. Затем подозвал бармена и справился о контрабандных кинотеатрах.

— Есть, черт меня побери, — ответил тот и извлек из фартука пачку билетов. — Сколько надо?

— Один. А где это?

— Два двадцать восемь. По этой же улице. Спросить Тони.

— Спасибо.

Гэллегер сунул бармену непомерно щедрые чаевые, сполз со стула и поплелся прочь. Передвижные бары были новинкой, которую он не одобрял. Он считал, что пить надо в состоянии покоя, так как все равно рано или поздно этого состояния не миновать.

Дверь с зарешеченной панелью находилась у подножия лестницы. Когда Гэллегер постучался, на панели ожил видеоэкран, скорее всего односторонний, так как лицо швейцара не показывалось.

— Можно пройти к Тони? — спросил Гэллегер.

Дверь отворилась, появился усталый человек в пневмобрюках, но даже эта одежда не придавала внушительности его тощей фигуре.

— Билет есть? Ну-ка, покажь. Все в порядке, друг. Прямо по коридору. Представление уже началось. Выпить можно в баре, по левой стороне.

В конце недлинного коридора Гэллегер протиснулся сквозь звуконепроницаемые портьеры и очутился в фойе старинного театра постройки 1980-х годов; в ту эпоху царило повальное увлечение пластиками. Он нюхом отыскал бар, выпил дрянного виски по бешеной цене и, подкрепив таким образом силы, вошел в зрительный зал — почти полный. На огромном экране — очевидно, системы «Магна» — вокруг космолета толпились люди. «Не то приключенческий фильм, не то хроника», — подумал Гэллегер.

Только азарт нарушения законов мог завлечь публику в контрабандный театр. Это было заведение самого низкого пошиба. На его содержание денег не тратили, и билетеров там не было. Но театр стоял вне закона и потому хорошо посещался. Гэллегер сосредоточенно смотрел на экран. Никаких полос, ничего не двоится. На незарегистрированном телевизоре «Вокс-вью» стоял увеличитель «Магна», и одна из талантливейших звезд Брока успешно волновала сердца зрителей. Просто грабеж среди бела дня. Точно.

Чуть позже, пробираясь к выходу, Гэллегер заметил, что на приставном стуле сидит полисмен в форме, и сардонически усмехнулся. Фараон, конечно, не платил за вход. И тут политика.

На той же улице, на расстоянии двух кварталов, ослепительные огни реклам гласили: «СОНАТОН-БИЖУ». Это, разумеется, театр легальный и потому дорогой. Гэллегер безрассудно промотал целое состояние, уплатив за билет на хорошие места. Он хотел сравнить впечатления. Насколько он мог судить, в «Бижу» и в нелегальном театре аппараты «Магна» были одинаковы. Оба работали безупречно. Сложная задача увеличения телевизионных экранов была успешно разрешена.

Все остальное в «Бижу» напоминало дворец. Лощеные билетеры склонялись в приветственном поклоне до самого ковра. В буфетах бесплатно отпускали спиртное (в умеренных количествах). При театре работали турецкие бани. Гэллегер прошел за дверь с табличкой «Для мужчин» и вышел, совершенно одурев от тамошнего великолепия. Целых десять минут после этого он чувствовал себя сибаритом.

Все это означало, что те, кому позволяли средства, шли в легализованные театры «Сонатон», а остальные посещали контрабандные притоны. Все, кроме немногочисленных домоседов, которых не захлестнула повальная мода. В конце концов Брок вылетит в трубу, потому что у него не останется

зрителей. Его фирма перейдет к «Сонатону», который тут же вздует цены и начнет делать деньги. В жизни необходимы развлечения; людей приучили к телевидению. Никакой замены нет. Если в конце концов «Сонатону» удастся все же задушить соперника, публика будет платить и платить за второсортную продукцию.

Гэллегер покинул «Бижу» и поманил воздушное такси. Он назвал адрес студии «Вокс-вью» на Лонг-айленде, безотчетно надеясь вытянуть из Брока первый чек. Кроме того, он хотел кое-что выяснить.

Здания «Вокс-вью» буйно заполняли весь Лонг-айленд беспорядочной коллекцией разномастных домов. Безошибочным инстинктом Гэллегер отыскал ресторан, где принял горячительного в порядке предосторожности. Подсознанию предстояла изрядная работа, и Гэллегер не хотел стеснять его недостатком свободы. Кроме того, виски было отличное.

После первой же порции он решил, что пока — хватит. Он же не сверхчеловек, хотя емкость у него почти невероятная. Надо лишь достигнуть объективной ясности мышления и субъективного растормаживания...

— Студия всегда открыта ночью? — спросил он у официанта.

— Конечно. Какие-то павильоны всегда работают. Это же круглосуточная программа.

— В ресторане полно народу.

— К нам приходят и из аэропорта. Повторить?

Гэллегер покачал головой и вышел. Визитная карточка Брока помогла ему пройти за ворота, и прежде всего он посетил кабинеты высшего начальства. Брока там не было, но раздавались громкие голоса, пронзительные чисто по-женски.

Секретарша сказала: «Подождите минутку, пожалуйста» — и повернулась к внутреннему служебному видеофону. И тотчас же: «Прошу вас, проходите». Гэллегер так и сделал.

Кабинет был что надо, одновременно роскошный и деловой. В нишах вдоль стен красовались объемные фотографии виднейших звезд «Вокс-вью». За письменным столом сидела миниатюрная, хорошенькая взволнованная брюнетка, а перед ней стоял разъяренный светловолосый ангел. В ангеле Гэллегер узнал Силвер О'Киф. Он воспользовался случаем:

— Салют, мисс О'Киф! Не нарисуете ли мне автограф на кубике льда? В коктейле?

Силвер стала похожа на кошечку.

— К сожалению, дорогой, мне приходится самой зарабатывать на жизнь. И я сейчас на службе.

Брюнетка провела ногтем по кончику сигареты.

— Давай утрясем это дело чуть позже, Силвер. Папаша велел принять этого типа, если он заскочит. У него важное дело.

— Все утрясется, — пообещала Силвер. — И очень скоро. — Она демонстративно вышла. Гэллегер задумчиво присвистнул ей вслед.

— Этот товар вам не по зубам, — сообщила брюнетка. — Она связана контрактом. И хочет развязаться, чтобы заключить контракт с «Сонатоном». Крысы покидают тонущий корабль. Силвер рвет на себе волосы с тех самых пор, как уловила штормовые сигналы.

— Вот как?

— Садитесь и закуривайте. Я Пэтси Брок. Вообще тут заправляет папаша, но, когда он выходит из себя, я хватаюсь за штурвал. Старый осел не выносит скандалов. Считает их личными выпадами.

Гэллегер сел.

— Значит, Силвер пытается дезертировать? И много таких?

— Не очень. Большинство хранят нам верность. Но, само собой, если мы обанкротимся... — Пэтси Брок пожала плечами. — То ли переметнутся к «Сонатону» зарабатывать на хлеб с маслом, то ли обойдутся без масла.

— Угу. Ну что ж, надо повидать ваших инженеров. Хочу ознакомиться с их мыслями об увеличении экрана.

— Дело ваше, — сказала Пэтси. — Толку будет немного. Невозможно изготовить увеличитель к телевизору, не ущемляя патентных прав «Сонатона».

Она нажала на кнопку, что-то проговорила в видеофон, и из щели на письменном столе появились два высоких бокала.

— Как, мистер Гэллегер?

— Ну, раз уж это коктейль «Коллинс»...

— Догадалась по вашему дыханию, — туманно пояснила Пэтси. — Папаша рассказывал, как побывал у вас. По-моему, он немножко расстроился, особенно из-за вашего робота. Кстати, что это за чудо?

— Сам не знаю, — смешался Гэллегер. — У него масса способностей... по-видимому, какие-то новые чувства... но я понятия не имею, на что он годен. Разве только любоваться собою в зеркале.

Пэтси кивнула.

— При случае я бы не прочь на него взглянуть. Но вернемся к проблеме «Сонатона». Вы думаете, вам удастся найти решение?

— Возможно. Даже вероятно.

— Но не безусловно?

— Пусть будет безусловно. Сомневаться вообще-то не стоит, даже самую малость.

— Для меня это очень важно. «Сонатон» принадлежит Элии Тону. Это вонючий пират. К тому же бахвал. У него сын Джимми. А Джимми — хотите верьте, хотите нет — читал «Ромео и Джульетту».

— Хороший парень?

— Гнида. Здоровенная мускулистая гнида. Хочет на мне жениться.

— Нет повести печальнее на свете...

— Пощадите, — прервала Пэтси: — И вообще, я всегда считала, что Ромео — размазня. Если бы у меня хоть на секунду мелькнула мысль выйти за Джимми, я бы тут же взяла билет в один конец и отправилась в сумасшедший дом. Нет, мистер Гэллегер, все совсем иначе. Никакого флердоранжа. Джимми сделал мне предложение... между прочим, сделал, как умел, а умеет он сгрести девушку по-борцовски в полузахвате и объяснить, как он ее осчастливил.

— Ага, — промычал Гэллегер и присосался к коктейлю.

— Вся эта идея — монополия на патенты и контрабандные театры — идет от Джимми. Голову даю на отсечение. Его отец, конечно, тоже руку приложил, но Джимми Тон — именно тот гениальный ребенок, который все начал.

— Зачем?

— Чтобы убить двух зайцев. «Сонатон» станет монополистом, а Джимми, как он себе представляет, получит меня. Он слегка помешанный. Не верит, что я ему отказала всерьез, и ждет, что я вот-вот передумаю и соглашусь. А я не передумаю, что бы ни случилось. Но это мое личное дело. Я не могу сидеть сложа руки и допускать, чтобы он сыграл с нами такую штуку. Хочу стереть с его лица самодовольную усмешку.

— Он вам просто не по душе, да? — заметил Гэллегер. — Я вас не осуждаю, если он таков, как вы рассказываете. Что ж, буду из кожи вон лезть. Однако мне нужны деньги на текущие расходы.

— Сколько?

Гэллегер назвал цифру. Пэтси выписала чек на гораздо более скромную сумму. Изобретатель принял оскорбленный вид.

— Не поможет, — сказала Пэтси с лукавой улыбкой. — Мне о вас кое-что известно, мистер Гэллегер. Вы совершенно безответственный человек. Если дать больше, вы решите, что вам достаточно, и тут же обо всем забудете. Я выпишу новые чеки, когда потребуется... но попрошу представить детальный отчет об издержках.

— Вы ко мне несправедливы, — повеселел Гэллегер. — Я подумывал пригласить вас в ночной клуб. Естественно, не в какую-нибудь дыру. А шикарные заведения обходятся дорого. Так вот, если бы вы мне выписали еще один чек...

Пэтси рассмеялась.

— Нет.

— Может, купите робота?

— Во всяком случае, не такого.

— Будем считать, что у меня ничего не вышло, — вздохнул Гэллегер. — А как насчет...

В этот миг загудел видеофон. На экране выросло бессмысленное прозрачное лицо. Внутри круглой головы быстро щелкали зубчатки. Пэтси тихонько вскрикнула и отшатнулась.

— Скажи Гэллегеру, что Джо здесь, о счастливое создание, — провозгласил скрипучий голос. — Можешь лелеять память о моем облике и голосе до конца дней своих. Проблеск красоты в тусклом однообразии мира...

Гэллегер обошел письменный стол и взглянул на экран.

— Какого дьявола! Как ты ожил?

— Мне надо было решить задачу.

— А откуда ты узнал, где меня искать?

— Я тебя опространствил.

— Что-что?

— Я опространствил, что ты в студии «Вокс-вью», у Пэтси Брок.

— Что такое «опространствил»? — осведомился Гэллегер.

— Это у меня такое чувство. У тебя нет даже отдаленно похожего, так что я не могу тебе его описать. Что-то вроде смеси сагражи с предзнанием.

— Сагражи?

— Ах да, у тебя ведь и сагражи нет. Ладно, не будем терять время попусту. Я хочу вернуться к зеркалу.

— Он всегда так разговаривает? — спросила Пэтси.

— Почти всегда. Иногда еще менее понятно. Ну хорошо, Джо. Так что тебе?

— Ты уже не работаешь на Брока, — заявил робот. — Будешь работать на ребят из «Сонатона».

Гэллегер глубоко вздохнул.

— Говори, говори. Но учти, ты спятил.

— Кенникотта я не люблю. Он слишком уродлив. И его вибрации раздражают мое сагражи.

— Да бог с ним, — перебил Гэллегер, которому не хотелось посвящать девушку в свою деятельность по скупке бриллиантов. — Не отвлекайся от...

— Но я знал, что Кенникотт будет ходить и ходить, пока не получит свои деньги. Так вот, когда в лабораторию пришли Элия и Джеймс Тоны, я взял у них чек.

Рука Пэтси напряглась на локте Гэллегера.

— А ну-ка! Что здесь происходит? Обыкновенное надувательство?

— Нет. Погодите. Дайте мне докопаться до сути дела. Джо, черт бы побрал твою прозрачную шкуру, что ты натворил? И как ты мог взять чек у Тонов?

— Я притворился тобой.

— Вот теперь ясно, — сказал Гэллегер со свирепым сарказмом в голосе. — Это все объясняет. Мы же близнецы. Похожи как две капли воды.

— Я их загипнотизировал, — разъяснил Джо. — Внушил им, что я — это ты.

— Ты умеешь?

— Да. Я и сам немного удивился. Хотя, если вдуматься, я мог бы опространствить эту свою способность.

— Ты... Да, конечно. Я бы и сам опространствил такую штуковину. Так что же произошло?

— Должно быть, Тоны — отец и сын — заподозрили, что Брок обратился к тебе за помощью. Они предложили

контракт на особо льготных условиях — ты работаешь на них и больше ни на кого. Обещали кучу денег. Вот я и прикинулся, будто я — это ты, и согласился. Подписал контракт (между прочим, твоей подписью), получил чек и отослал Кенникотту.

— Весь чек? — слабым голосом переспросил Гэллегер. — Сколько же это было?

— Двенадцать тысяч.

— И это все, что они предложили?

— Нет, — ответил робот, — они предложили сто тысяч единовременно и две тысячи в неделю, контракт на пять лет. Но мне нужно было только рассчитаться с Кенникоттом, чтобы он больше не ходил и не приставал. Я сказал, что хватит двенадцати тысяч, и они были очень довольны.

В горле Гэллегера раздался нечленораздельный булькающий звук.

Джо глубокомысленно кивнул.

— Я решил поставить тебя в известность, что отныне ты на службе у «Сонатона». А теперь вернусь-ка я к зеркалу и буду петь для собственного удовольствия.

— Ну, погоди, — пригрозил изобретатель, — ты только погоди. Я своими руками разберу тебя по винтику и растопчу обломки.

— Суд признает этот контракт недействительным, — сказала Пэтси, судорожно глотнув.

— Не признает, — радостно ответил Джо. — Можешь полюбоваться на меня последний раз, и я пойду.

Он ушел.

Одним глотком Гэллегер осушил свой бокал.

— Я до того потрясен, что даже протрезвел, — сказал он девушке. — Что я вложил в этого робота? Какие патологические чувства в нем развил? Загипнотизировать людей до того,

чтобы они поверили, будто я — он... он — я... Я уже заговариваюсь.

— Это шуточка, — заявила Пэтси, помолчав. — Вы случайно не столковались ли с «Сонатоном» сами и не заставили робота состряпать вам алиби? Мне просто... интересно.

— Не надо так. Контракт с «Сонатоном» подписал Джо, а не я. Но... посудите сами: если подпись — точная копия моей, если Джо гипнозом внушил Тонам, что они видят меня, а не его, если есть свидетели заключения контракта... Отец и сын, конечно, годятся в свидетели, поскольку их двое... Ну и дела.

Пэтси прищурилась.

— Мы заплатим вам столько же, сколько предлагал «Сонатон». После выполнения работы. Но вы на службе у «Вокс-вью» — это решено.

— Конечно.

Гэллегер тоскливо покосился на пустой бокал. Конечно. Он на службе у «Вокс-вью». Но с точки зрения закона он подписал контракт, по которому в течение пяти лет обязан работать только на «Сонатон». И всего за двенадцать тысяч долларов! Ну и ну! Сколько они предлагали? Сто тысяч на кон и... и...

Дело было не в принципе, а в деньгах. Теперь Гэллегер связан по рукам и ногам, он как стреноженная лошадь. Если «Сонатон» обратится в суд с иском и выиграет дело, Гэллегер будет обязан отработать свои пять лет. Без дополнительного вознаграждения. Надо как-то выпутаться из этого контракта... и заодно разрешить проблему Брока.

А Джо на что? Своими удивительными талантами робот впутал Гэллегера в неприятность. Пусть теперь и распутывает. Иначе робот-зазнайка скоро будет любоваться металлическим крошевом, которое от него осталось.

— Вот именно, — пробормотал Гэллегер себе под нос. — Поговорю с Джо. Пэтси, налейте мне скоренько еще бокал

и проводите в конструкторский отдел. Хочу взглянуть на чертежи.

Девушка подозрительно посмотрела на него.

— Ладно. Но только попробуйте нас предать...

— Меня самого предали. Продали с потрохами. Боюсь я этого робота. В хорошенькую историю он меня опространствил. Правильно, мне «Коллинс».

Гэллегер пил медленно и смачно.

Потом Пэтси отвела его в конструкторский отдел. Чтение объемных чертежей упрощал сканнер — устройство, не допускающее никакой путаницы. Гэллегер долго и внимательно изучал проекты. Были там и кальки чертежей к патентам «Сонатона»; судя по всему, «Сонатон» исследовал данную область на редкость добросовестно. Никаких лазеек. Если не открыть нового принципа...

Однако новые принципы на деревьях не растут. Да они и не помогут полностью разрешить проблему. Даже если бы «Вокс-вью» обзавелся новым увеличителем, не ущемляющим патентных прав «Магны», останутся контрабандные театры, которые отнимают львиную долю дохода. Теперь ведь главный фактор — ЭМП, эффект массового присутствия. С ним нельзя не считаться. Задача не была отвлеченной и чисто научной. В нее входили уравнения с человеческими неизвестными.

Гэллегер спрятал полезные сведения в своем мозгу, аккуратно разделенном на полочки. Позднее он воспользуется тем, что нужно. Пока же он был в тупике. И что-то сверлило мозг, не давая покоя.

Что именно?

История с «Сонатоном».

— Мне надо связаться с Тонами, — сказал он Пэтси. — Что вы посоветуете?

— Можно вызвать их по видеофону.

Гэллегер покачал головой.

— Психологический проигрыш. Им легко будет прервать разговор.

— Если это срочно, можно их найти в каком-нибудь ночном клубе. Постараюсь уточнить.

Пэтси торопливо вышла, а из-за экрана появилась Силвер О'Киф.

— Я не щепетильна, — объявила она. — Всегда подглядываю в замочную скважину. Нет-нет да услышу что-нибудь занятное. Если хотите увидеть Тонов, то они сейчас в клубе «Кастл». И я решила поймать вас на слове — помните, насчет коктейля?

Гэллегер ответил:

— Отлично. Садитесь в такси. Я только скажу Пэтси, что мы уходим.

— Ей это не придется по вкусу, — заметила Силвер. — Встречаемся у входа в ресторан через десять минут. Заодно побрейтесь.

Пэтси Брок в кабинете не было, но Гэллегер оставил ей записку. Затем он посетил салон обслуживания, где покрыл лицо невидимым кремом для бритья, выждал две минуты и вытерся особо обработанным полотенцем. Щетина исчезла вместе с кремом. Принявший чуть более благообразный вид Гэллегер встретился в условленном месте с Силвер и подозвал воздушное такси. Через десять минут оба сидели, откинувшись на подушки, дымили сигаретами и настороженно поглядывали друг на друга.

— Итак? — нарушил молчание Гэллегер.

— Джимми Тон пытался назначить мне свидание на сегодняшний вечер. Поэтому я случайно знаю, где его искать.

— Ну и что?

— Сегодня вечером я только и делала, что задавала вопросы. Как правило, посторонних в административные корпуса «Вокс-вью» не пускают. Я повсюду спрашивала: «Кто такой Гэллегер?»

— Что же вы узнали?

— Достаточно, чтобы домыслить остальное. Вас нанял Брок, верно? А зачем, я сама сообразила.

— Что отсюда следует?

— Я, как кошка, всегда падаю на все четыре лапы, — сказала Силвер, пожимая плечами. Это у нее очень хорошо получалось. — «Вокс-вью» летит в трубу. «Сонатон» приставил ему нож к горлу. Если только...

— Если только я чего-нибудь не придумаю.

— Именно. Я должна знать, по какую сторону забора стоит падать. Может быть, подскажете? Кто победит?

— Вот как, вы всегда ставите на победителя? Разве у тебя нет идеалов, женщина? Неужто тебе не дорога истина? Ты когда-нибудь слыхала об этике и порядочности?

Силвер просияла.

— А ты?

— Я-то слыхал. Обычно я слишком пьян, чтобы вдумываться в эти понятия. Вся беда в том, что подсознание у меня совершенно аморальное и, когда оно берет во мне верх, остается один закон — логика.

Силвер швырнула сигарету в Ист-ривер.

— Хоть намекни, какая сторона забора вернее?

— Восторжествует правда, — нравоучительно ответил Гэллегер. — Она неизменно торжествует. Однако правда — величина переменная, и, значит, мы вернулись к тому, с чего начали. Так и быть, детка. Отвечу на твой вопрос. Если не хочешь прогадать, оставайся на моей стороне.

— А ты на чьей стороне?

— Кто знает, — вздохнул Гэллегер. — Сознанием я на стороне Брока. Но, возможно, у моего подсознания окажутся иные взгляды. Поживем — увидим.

У Силвер был недовольный вид, но она ничего не сказала. Такси спикировало на крышу «Кастла» и мягко опустилось.

Сам клуб помещался под крышей, в исполинском зале, по форме напоминающем опрокинутую половинку тыквы. Столики были установлены на прозрачных площадках, которые можно было передвигать вверх по оси на любую высоту. Маленькие служебные лифты развозили официантов, доставляющих напитки. Такая архитектура зала не была обусловлена особыми причинами, но радовала новизной, и лишь самые горькие пьяницы сваливались из-за столиков вниз. Последнее время администрация натягивала под площадками предохранительную сетку.

Тоны — отец и сын — сидели под самой крышей, выпивали с двумя красотками. Силвер отбуксировала Гэллегера к служебному лифту, и изобретатель зажмурился, взлетая к небесам. Все выпитое им бурно возмутилось. Он накренился вперед, уцепился за лысую голову Элии Тона и плюхнулся на стул рядом с магнатом. Рука его нащупала бокал Джимми Тона, и он залпом проглотил содержимое.

— Какого дьявола!.. — только и выговорил Джимми.

— Это Гэллегер, — объявил Элия. — И Силвер. Приятный сюрприз. Присоединяйтесь к нам.

— Только на один вечер, — кокетливо улыбнулась Силвер.

Гэллегер, приободренный чужим бокалом, вгляделся в мужчин. Джимми Тон был здоровенный, загорелый, красивый детина с выдвинутым подбородком и оскорбительной улыбкой. Отец представлял собой помесь Нерона с крокодилом.

— Мы тут празднуем, — сказал Джимми. — Как это ты передумала, Силвер? А говорила, что будешь ночью работать.

— Гэллегер захотел с вами повидаться. Зачем — не знаю.

Холодные глаза Элии стали совсем ледяными.

— Т-ак зачем же?

— Говорят, мы с вами подписали какой-то контракт, — ответил Гэллегер.

— Точно. Вот фотокопия. Что дальше?

— Минутку. — Гэллегер пробежал глазами документ. Подпись была явно его собственная. Черт бы побрал робота!

— Это подлог, — сказал он наконец.

Джимми громко засмеялся.

— Все понял. Попытка взять нас на пушку. Жаль мне вас, приятель, но вы никуда не денетесь. Подписали в присутствии свидетелей.

— Что же, — тоскливо проговорил Гэллегер. — Полагаю, вы не поверите, если я буду утверждать, что мою подпись подделал робот...

— Ха! — вставил Джимми.

— ...который гипнозом внушил вам, будто вы видите меня.

Элия погладил себя по блестящей лысой макушке.

— Откровенно говоря, не поверим. Роботы на это не способны.

— Мой способен.

— Так докажите. Докажите это на суде. Если вам удастся, тогда, конечно... — Элия хмыкнул. — Тогда, возможно, вы и выиграете дело.

Гэллегер сощурился.

— Об этом я не подумал. Но я о другом. Говорят, вы предлагали мне сто тысяч долларов сразу, не считая еженедельной ставки.

— Конечно, предлагали, разиня, — ухмыльнулся Джимми. — Но вы сказали, что с вас и двенадцати тысяч довольно. Вы их и получили. Однако утешьтесь. Мы будем выплачивать вам премию за каждое изобретение, полезное «Сонатону».

Гэллегер встал.

— Эти рожи неприятны даже моему беспринципному подсознанию, — сообщил он Силвер. — Пошли отсюда.

— Я, пожалуй, еще побуду здесь.

— Помните о заборе, — таинственно предостерег он. — Впрочем, воля ваша. Я побегу.

Элия сказал:

— Не забывайте, Гэллегер, вы работаете у нас. Если до нас дойдет слух, что вы оказали Броку хоть малейшую любезность, то вы и вздохнуть не успеете, как получите повестку из суда.

— Да ну?

Тоны не удостоили его ответом. Гэллегер невесело вошел в лифт и спустился к выходу.

А теперь что? Джо.

Спустя четверть часа Гэллегер входил в свою лабораторию. Там были зажжены все лампы; в близлежащих кварталах собаки исходили лаем — перед зеркалом беззвучно распевал Джо.

— Я решил пройтись по тебе кувалдой, — сказал Гэллегер. — Молился ли ты на ночь, о незаконнорожденный набор шестеренок? Да поможет мне бог, я иду на диверсию.

— Ну и ладно, ну и бей, — заскрипел Джо. — Увидишь, что я тебя не боюсь. Ты просто завидуешь моей красоте.

— Красоте!

— Тебе не дано познать ее до конца — у тебя только шесть чувств.

— Пять!

— Шесть. А у меня много больше. Естественно, мое великолепие полностью открывается только мне. Но ты видишь и слышишь достаточно, чтобы хоть частично осознать мою красоту.

— Ты скрипишь, как несмазанная телега, — огрызнулся Гэллегер.

— У тебя плохой слух. А мои уши сверхчувствительны. Богатый диапазон моего голоса для тебя пропадает. А теперь — чтоб было тихо. Меня утомляют разговоры. Я любуюсь своими зубчатками.

— Предавайся иллюзиям, пока можно. Погоди, дай только мне найти кувалду.

— Ну и ладно, бей. Мне-то что?

Гэллегер устало прилег на тахту и уставился на прозрачную спину робота.

— Ну и заварил же ты кашу. Зачем подписывал контракт с «Сонатоном»?

— Я же тебе объяснял. Чтобы меня больше не беспокоил Кенникотт.

— Ах ты, самовлюбленная, тупоголовая... эх! Так вот, из-за тебя я влип в хорошенькую историю. Тоны вправе требовать, чтобы я соблюдал букву контракта, если не будет доказано, что не я его подписывал. Ладно. Теперь ты мне поможешь. Пойдешь со мной в суд и включишь свой гипнотизм или что там у тебя такое. Докажешь судье, что умеешь представляться мною и что дело было именно так.

— И не подумаю, — отрезал робот. — С какой стати?

— Ты ведь втянул меня в этот контракт! — взвизгнул Гэллегер. — Теперь сам и вытягивай!

— Почему?

— «Почему»? Потому что... э-э... да этого требует простая порядочность!

— Человеческая мерка к роботам неприменима, — возразил Джо. — Какое мне дело до семантики? Не буду терять время, которое могу провести, созерцая свою красоту. Встану перед зеркалом на веки вечные...

— Черта лысого! — рассвирепел Гэллегер. — Да я тебя на атомы раскрошу.

— Пожалуйста. Меня это не трогает.

— Не трогает?

— Ох уж этот мне инстинкт самосохранения, — произнес робот, явно глумясь. — Хотя вам он, скорее всего, необходим. Существа, наделенные столь неслыханным уродством, истребили бы друг друга из чистой жалости, если бы не страховка-инстинкт, благодаря которому они живы до сих пор.

— А что, если я отниму у тебя зеркало? — спросил Гэллегер без особой надежды в голосе.

Вместо ответа Джо выдвинул глаза на кронштейнах.

— Да нужно ли мне зеркало? Кроме того, я умею пространствить себя локторально.

— Не надо подробностей. Я хочу пожить еще немножко в здравом уме. Слушай, ты, зануда. Робот должен что-то делать. Что-нибудь полезное.

— Я и делаю. Красота — это главное.

Гэллегер крепко зажмурил глаза, чтобы получше сосредоточиться.

— Вот слушай. Предположим, я изобрету для Брока увеличенный экран нового типа. Его ведь конфискуют Тоны. Мне нужно развязать себе руки, иначе я не могу работать...

— Смотри! — вскрикнул Джо в экстазе. — Вертятся! Какая прелесть! — Он загляделся на свои жужжащие внутренности. Гэллегер побледнел в бессильной ярости.

— Будь ты проклят! — пробормотал он. — Уж я найду способ прищемить тебе хвост. Пойду спать. — Он встал и злорадно погасил свет.

— Неважно, — сказал робот. — Я вижу и в темноте.

За Гэллегером хлопнула дверь. В наступившей тишине Джо беззвучно напевал самому себе.

В кухне Гэллегера целую стену занимал холодильник. Он был наполнен в основном жидкостями, требующими охлаждения, в том числе импортным консервированным пивом, с которого неизменно начинались запои Гэллегера. Наутро, невыспавшийся и безутешный, Гэллегер отыскал томатный сок, брезгливо глотнул и поспешно запил его виски. Поскольку головокружительный запой продолжался вот уже неделю, пиво теперь было противопоказано — Гэллегер всегда накапливал эффект, действуя по нарастающей. Пищевой автомат выбросил на стол герметически запечатанный пакет с за-

втраком, и Гэллегер стал угрюмо тыкать вилкой в полусырой бифштекс.

— Ну-с?

По мнению Гэллегера, единственным выходом был суд. В психологии робота он слабо разбирался. Однако таланты Джо, безусловно, ошеломят любого судью. Выступления роботов в качестве свидетелей законом не предусмотрены... но все же, если представить Джо как машину, способную гипнотизировать, суд может признать контракт с «Сонатоном» недействительным и аннулировать его.

Чтобы взяться за дело не мешкая, Гэллегер воспользовался видеофоном. Хэррисон Брок все еще сохранял некоторое политическое влияние и вес, так что предварительное слушание дела удалось назначить на тот же день. Однако что из этого получится, знали только Бог да робот.

Несколько часов прошли в напряженных, но бесплодных раздумьях. Гэллегер не представлял себе, как заставить робота повиноваться. Если бы хоть вспомнить, для какой цели создан Джо... но Гэллегер забыл. А все-таки... В полдень он вошел в лабораторию.

— Вот что, дурень, — сказал он, — поедешь со мной в суд. Сейчас же.

— Не поеду.

— Ладно. — Гэллегер открыл дверь и впустил двух дюжих парней в белых халатах и с носилками. — Грузите его, ребята.

В глубине души он слегка побаивался. Могущество Джо совершенно не изучено, его возможности — величина неизвестная. Однако робот был не очень-то крупный, и, как он ни отбивался, ни вопил, ни скрипел, его легко уложили на носилки и облачили в смирительную рубашку.

— Прекратите! Вы не имеете права! Пустите меня, понятно? Пустите!

— На улицу, — распорядился Гэллегер.

Джо храбро сопротивлялся, но его вынесли на улицу и погрузили в воздушную карету. Там он сразу утихомирился и бессмысленно уставился перед собой. Гэллегер сел на скамейку рядом с поверженным роботом. Карета взмыла в воздух.

— Ну что?

— Делай что хочешь, — ответил Джо. — Ты меня очень расстроил, иначе я бы вас всех загипнотизировал. Еще не поздно, знаешь ли. Могу заставить вас всех бегать по кругу и лаять по-собачьи.

Гэллегер поежился.

— Не советую.

— Да я и не собираюсь. Это ниже моего достоинства. Буду просто лежать и любоваться собой. Я ведь говорил, что могу обойтись без зеркала? Свою красоту я умею пространствить и без него.

— Послушай, — сказал Гэллегер. — Ты едешь в суд, в зал суда. Там будет тьма народу. Все тобой залюбуются. Их восхищение усилится, если ты покажешь им, как гипнотизируешь. Как ты загипнотизировал Тонов, помнишь?

— Какое мне дело до того, сколько людей мною восхищаются? — возразил Джо. — Если люди меня увидят, тем лучше для них. Значит, им повезло. А теперь помолчи. Если хочешь, можешь смотреть на мои зубчатки.

Гэллегер смотрел на зубчатки робота, и в глазах его тлела ненависть. Ярость не улеглась в нем и тогда, когда карета прибыла к зданию суда. Служители внесли Джо — под руководством Гэллегера, — бережно положили на стол и после непродолжительного судебного совещания сочли «вещественным доказательством № 1».

Зал суда был полон. Присутствовали и главные действующие лица; у Элии и Джимми Тонов вид был неприятно самоуверенный, а у Пэтси Брок и ее отца встревоженный. Силвер

О'Киф, как всегда осторожная, уселась ровнехонько посередине между представителями «Сонатона» и «Вокс-вью». Председательствующий, судья Хэнсен, отличался педантизмом, но, насколько знал Гэллегер, был человеком честным. А это уже немало.

Хэнсен перевел взгляд на Гэллегера.

— Не будем злоупотреблять формальностями. Я ознакомился с краткой пояснительной запиской, которую вы мне направили. В основе дела лежит вопрос, заключали ли вы некий контракт с корпорацией «Сонатон телевижн эмьюзмент». Правильно?

— Правильно, ваша честь.

— По данному делу вы отказались от услуг адвоката. Правильно?

— Совершенно верно, ваша честь.

— В таком случае дело будет слушаться без участия адвоката. Решение может быть обжаловано любой из сторон. Не будучи обжалованным, оно вступит в законную силу в десятидневный срок.

Позднее эта новая форма упрощенного судебного разбирательства стала очень популярной: она всем и каждому сберегала время, не говоря уж о нервах. Кроме того, после недавних скандальных историй адвокаты приобрели дурную славу. К ним стали относиться с предубеждением.

Судья Хэнсен опросил Тонов, затем вызвал на свидетельскую скамью Хэррисона Брока. Магнат, казалось, волновался, но отвечал без запинки.

— Восемь дней назад вы заключили с заявителем соглашение?

— Да. Мистер Гэллегер подрядился выполнить для меня работу...

— Контракт был заключен письменно?

— Нет. Словесно.

Хэнсен задумчиво посмотрел на Гэллегера.

— Заявитель был в то время пьян? С ним это, по-моему, часто случается.

Брок запнулся.

— Испытаний на алкогольные пары я не проводил. Не могу утверждать с увереннностью.

— Поглощал ли он в вашем присутствии спиртные напитки?

— Не знаю, были ли напитки спиртными...

— Если их потреблял мистер Гэллегер, значит, были. Что и требовалось доказать. Я когда-то приглашал этого джентльмена в качестве эксперта... Значит, доказательств того, что вы заключили с мистером Гэллегером соглашение, не существует. Ответчик же — «Сонатон» — представил письменный контракт. Подпись Гэллегера признана подлинной.

Хэнсен знаком отпустил Брока со свидетельской скамьи.

— Теперь вы, мистер Гэллегер. Подойдите, пожалуйста. Спорный контракт был подписан вчера, приблизительно в восемь часов вечера. Вы категорически отрицаете свою причастность. Утверждаете, будто вещественное доказательство номер один, прибегнув к гипнозу, притворилось вами и успешно подделало вашу подпись. Я консультировался с экспертами, и все они единодушно считают, что роботы на такие чудеса не способны.

— Мой робот — нового типа.

— Очень хорошо. Пусть ваш робот загипнотизирует меня так, чтобы я поверил, будто он — это вы или кто-нибудь третий. Пусть предстанет передо мной в любом облике, по своему выбору.

Гэллегер сказал: «Попытаюсь» — и покинул свидетельское место. Он подошел к столу, где лежал робот в смирительной рубашке, и мысленно прочел молитву.

— Джо!

— Да?

— Ты слышал?

— Да.

— Загипнотизируешь судью Хэнсена?

— Уйди, — ответил Джо. — Я занят — любуюсь собой.

Гэллегер покрылся испариной.

— Послушай. Я ведь немного прошу. Все, что от тебя требуется...

Джо закатил глаза и томно сказал:

— Мне тебя не слышно. Я пространствлю.

Через десять минут судья Хэнсен напомнил:

— Итак, мистер Гэллегер...

— Ваша честь! Мне нужно время. Я уверен, что заставлю этого пустоголового Нарцисса подтвердить мою правоту, дайте только срок.

— Здесь идет справедливый и беспристрастный суд, — заметил судья. — В любое время, как только вам удастся доказать, что вещественное доказательство номер один умеет гипнотизировать, я возобновлю слушание дела. А пока что контракт остается в силе. Вы работаете на «Сонатон», а не на «Вокс-вью». Судебное заседание объявляю закрытым.

Он удалился. С противоположного конца зала Тоны бросали на противников ехидные взгляды. Потом они тоже ушли в сопровождении Силвер О'Киф, которая наконец-то смекнула, кого выгоднее держаться. Гэллегер посмотрел на Пэтси Брок и беспомощно пожал плечами.

— Что делать, — сказал он.

Девушка криво усмехнулась.

— Вы старались. Не знаю, усердно ли, но... Ладно. Кто знает, может быть, все равно вы бы ничего не придумали.

Шатаясь, подошел Брок; на ходу он утирал пот со лба.

— Я погиб. Сегодня в Нью-Йорке открылись еще шесть контрабандных театров. С ума сойти.

— Хочешь, я выйду замуж за Тона? — сардонически осведомилась Пэтси.

— Нет, черт возьми! Разве что ты обещаешь отравить его сразу же после венчания. Эти гады со мной не справятся. Что-нибудь придумаю.

— Если Гэллегер не может, то ты и подавно, — возразила девушка. — Ну, так что теперь?

— Вернусь-ка я в лабораторию, — сказал ученый. — In vino veritas[1]. Все началось, когда я был пьян, и, возможно, если я как следует напьюсь опять, все выяснится. Если нет, продайте мой труп не торгуясь.

— Ладно, — согласилась Пэтси и увела отца. Гэллегер вздохнул, распорядился отправкой Джо в той же карете и погрузился в безнадежное теоретизирование.

Часом позже Гэллегер валялся на тахте в лаборатории, с увлечением манипулировал механическим баром и бросал свирепые взгляды на робота, который скрипуче распевал перед зеркалом. Запой грозил стать основательным. Гэллегер не был уверен, под силу ли такая пьянка простому смертному, но решил держаться, пока не найдет ответа или не свалится без чувств.

Подсознание знало ответ. Прежде всего, на кой черт он сделал Джо? Уж наверняка не для того, чтобы потакать нарциссову комплексу! Где-то в алкогольных дебрях скрывалась другая причина, здравая и логичная.

Фактор *x*. Если знать этот фактор, можно найти управу на Джо. Тогда робот стал бы послушен; *x* — это главный выключатель. В настоящее время робот, если можно так выразиться, не объезжен и потому своенравен. Если поручить ему дело,

[1] Истина в вине *(лат.)*.

для которого он предназначен, может наступить психологическое равновесие; *x* — катализатор, *x* низведет Джо до уровня вменяемости.

Отлично. Гэллегер хлебнул крепчайшего рому. Ух! Суета сует, всяческая суета. Как найти фактор *x*? Дедукцией? Индукцией? Осмосом? Купанием в шампанском?.. Гэллегер пытался собраться с мыслями, но те стремительно разбегались. Что же было в тот вечер, неделю назад?

Он пил пиво. Брок пришел. Брок ушел. Гэллегер стал делать робота... Ага. Опьянение от пива отличается от опьянения, вызванного более крепкими напитками. Может быть, он пьет не то, что нужно? Вполне вероятно. Гэллегер встал, принял тиамин, чтобы протрезветь, извлек из кухонного холодильника несколько десятков жестянок с импортным пивом и сложил их столбиками в подоконном холодильнике возле тахты. Он воткнул в одну банку консервный нож, и пиво брызнуло в потолок.

Фактор *x*. Робот-то знает, чему равен *x*. Но Джо ни за что не скажет. Вон он стоит, нелепо прозрачный, разглядывает вертящиеся колесики в своем чреве.

— Джо!

— Не мешай. Я погружен в размышления о прекрасном.

— Ты не прекрасен.

— Нет, прекрасен. Разве тебя не восхищает мой тарзил?

— А что это такое?

— Ах, я и забыл, — с сожалением ответил Джо. — Твои чувства его не воспринимают, не так ли? Если на то пошло, я встроил тарзил сам, уже после того, как ты меня сделал. Он необычайно красив.

— Угу.

Пустых банок из-под пива скапливалось все больше. В мире осталась только одна фирма — какая-то европейская, — которая по-прежнему продавала пиво в жестянках, а не в вездесущих пластиколбах. Гэллегер предпочитал жестянки: они при-

дают пиву особый вкус. Но вернемся к Джо. Джо знает, для чего создан. Или нет? Сам Гэллегер не знает, но его подсознание...

Стоп! А как насчет подсознания у Джо?

Есть ли у робота подсознание? Ведь если у него есть мозг...

Гэллегер грустно раздумывал о том, что нельзя подействовать на Джо «наркотиком правды». Черт! Как растормозить подсознание робота?

Гипнозом.

Но Джо невозможно загипнотизировать. Он слишком ловок.

Разве что...

Самогипноз?

Гэллегер поспешно долил себя пивом. К нему возвращалась ясность мышления. Предвидит ли Джо будущее? Нет. Его удивительные предчувствия основаны на неумолимой логике и на законах вероятности. Более того, у Джо есть ахиллесова пята — самовлюбленность.

Возможно, — не наверняка, но возможно — выход есть.

Гэллегер сказал:

— Мне ты вовсе не кажешься красавцем, Джо.

— Какое мне дело до тебя. Я действительно красив, и я это вижу. С меня достаточно.

— М-да. Возможно, у меня меньше чувств. Я недооцениваю твоих возможностей. Но все же теперь я вижу тебя в новом свете. Я пьян. Просыпается мое подсознание. Я сужу о тебе и сознанием, и подсознанием. Понятно?

— Тебе повезло, — одобрил робот.

Гэллегер закрыл глаза.

— Ты видишь себя полнее, чем я тебя вижу. Но все-таки не полностью, верно?

— Почему? Я вижу себя таким, каков я на самом деле.

— С полным пониманием и всесторонней оценкой?

— Ну да, — насторожился Джо. — Конечно. А разве нет?

— Сознательно и подсознательно? У твоего подсознания, знаешь ли, могут оказаться другие чувства. Или те же, но более развитые. Я знаю, что, когда я пьян, или под гипнозом, или когда подсознание как-нибудь еще берет во мне верх, мое восприятие мира количественно и качественно отличается от обычного.

— Вот как. — Робот задумчиво поглядел в зеркало. — Вот как.

— Жаль, что тебе не дано напиться.

Голос Джо заскрипел сильнее, чем когда-либо.

— Подсознание... Никогда не оценивал своей красоты с этой точки зрения. Возможно, я что-то теряю.

— Что толку об этом думать, — сказал Гэллегер, — ведь ты же не можешь растормозить подсознание.

— Могу, — заявил робот. — Я могу сам себя загипнотизировать.

Гэллегер боялся дохнуть.

— Да? А подействует ли гипноз?

— Конечно. Займусь-ка этим сейчас же. Мне могут открыться неслыханные достоинства, о которых я раньше и не подозревал. К вящей славе... Ну, поехали.

Джо выпятил глаза на шарнирах, установил их один против другого и углубился в самосозерцание. Надолго воцарилась тишина.

Но вот Гэллегер окликнул:

— Джо!

Молчание.

— Джо!

Опять молчание. Где-то залаяли собаки.

— Говори так, чтобы я мог тебя слышать.

— Есть, — откликнулся робот; голос его скрипел, как обычно, но доносился словно из другого мира.

— Ты под гипнозом?

— Да.

— Ты красив?

— Красив, как мне и не мечталось.

Гэллегер не стал спорить.

— Властвует ли в тебе подсознание?

— Да.

— Зачем я тебя создал?

Никакого ответа. Гэллегер облизал пересохшие губы и сделал еще одну попытку:

— Джо! Ты должен ответить. В тебе преобладает подсознание, — помнишь, ты ведь сам сказал? Так вот, зачем я тебя создал?

Никакого ответа.

— Припомни. Вернись к тому часу, когда я начал тебя создавать. Что тогда происходило?

— Ты пил пиво, — тихо заговорил Джо. — Плохо работал консервный нож. Ты сказал, что сам смастеришь консервный нож, побольше и получше. Это я и есть.

Гэллегер чуть не свалился с тахты.

— Что?

Робот подошел к нему, взял банку с пивом и вскрыл с неимоверной ловкостью. Пиво не пролилось. Джо был идеальным консервным ножом.

— Вот что получается, когда играешь с наукой в жмурки,— вполголоса подытожил Гэллегер. — Сделать сложнейшего в мире робота только для того, чтобы... — Он не договорил.

Джо вздрогнул и очнулся.

— Что случилось? — спросил он.

Гэллегер сверкнул на него глазами.

— Открой вон ту банку! — приказал он.

Чуть помедлив, робот подчинился.

— Ага. Вы, значит, догадались. В таком случае я попал в рабство.

— Ты прав, как никогда. Я обнаружил катализатор — главный выключатель. Попался ты, дурень, как миленький, будешь теперь делать ту работу, для какой годен.

— Ну что ж, — стоически ответил робот, — по крайней мере буду любоваться своей красотой в свободное время, когда вам не понадобятся мои услуги.

Гэллегер проворчал:

— Слушай, ты, консервный нож — перероcток! Предположим, я отведу тебя в суд и велю загипнотизировать судью Хэнсена. Тебе ведь придется так и сделать, правда?

— Да. Я потерял свободу воли. Я ведь запрограммирован на повиновение вам. До сих пор я был запрограммирован на выполнение единственной команды — на открывание банок с пивом. Пока мне никто не приказывал открывать банок, я был свободен. А теперь я должен повиноваться вам во всем.

— Угу, — буркнул Гэллегер. — Слава богу. Иначе я бы через неделю свихнулся. Теперь по крайней мере избавлюсь от контракта с «Сонатоном». Останется только решить проблему Брока.

— Но вы ведь уже решили, — вставил Джо.

— Чего?

— Когда сделали меня. Перед тем вы беседовали с Броком, вот и вложили в меня решение его проблемы. Наверное, подсознательно.

Гэллегер потянулся за пивом.

— Ну-ка, выкладывай. Каков же ответ?

— Инфразвук, — доложил Джо. — Вы наделили меня способностью издавать инфразвуковой сигнал определенного тона, а Брок в ходе своих телепередач должен транслировать его через неравные промежутки времени...

Инфразвуки не слышны. Но они ощущаются. Сначала чувствуешь легкое, необъяснимое беспокойство, потом оно нарастает и переходит в панический страх. Это длится недолго. Но в сочетании с ЭМП — эффектом массового присутствия — дает превосходные результаты.

Те, у кого телевизор «Вокс-вью» стоял дома, почти ничего не заметили. Все дело было в акустике. Визжали коты; траурно выли собаки. Семьи же, сидя в гостиных у телевизоров, считали, что все идет как полагается. Ничего удивительного — усиление было ничтожным.

Другое дело — контрабандный театр, где на нелегальных телевизорах «Вокс-вью» стояли увеличители «Магна»...

Сначала появлялось легкое, необъяснимое беспокойство. Оно нарастало. Люди устремлялись к дверям. Публика чего-то пугалась, но не знала, чего именно. Знала только, что пора уносить ноги.

Когда во время очередной телепередачи «Вокс-вью» впервые воспользовался инфразвуковым свистком, по всей стране началось паническое бегство из контрабандных театров. О причине никто не подозревал, кроме Гэллегера, Брока с дочерью и двух-трех техников, посвященных в тайну.

Через час инфразвуковой сигнал повторился. Поднялась вторая волна паники, люди опять бежали из зала.

Через несколько недель ничем нельзя было заманить зрителя в контрабандный театр. Куда спокойнее смотреть телевизор у себя дома! Резко повысился спрос на телевизоры производства «Вокс-вью».

Контрабандные театры перестали посещать. У эксперимента оказался и другой, неожиданный результат: немного погодя все перестали посещать и легальные театры «Сонатона». Закрепился условный рефлекс.

Публика не знала, отчего, сидя в контрабандных театрах, все поддаются панике. Слепой, нерассуждающий страх люди объясняли всевозможными причинами, в частности большими скоплениями народа и боязнью замкнутого пространства.

В один прекрасный вечер некая Джейн Уилсон, особа ничем не примечательная, сидела в контрабандном театре. Когда был подан инфразвуковой сигнал, она бежала вместе со всеми.

На другой вечер Джейн отправилась в великолепный «Сонатон-бижу». Посреди драматического спектакля она поглядела по сторонам, увидела, что ее окружает бесчисленная толпа, перевела полные ужаса глаза на потолок и вообразила, будто он сейчас рухнет. Джейн захотела немедленно, во что бы то ни стало выйти!

Ее пронзительный крик вызвал небывалую панику. В зале присутствовали и другие зрители, которым довелось послушать инфразвук. Во время паники никто не пострадал: в соответствии с законом о противопожарной безопасности двери театра были достаточно широки. Никто не пострадал, но всем вдруг стало ясно, что у публики создан новый рефлекс — избегать толп в сочетании со зрелищами. Простейшая психологическая ассоциация...

Четыре месяца спустя контрабандные театры исчезли, а супертеатры «Сонатона» закрылись из-за низкой посещаемости. Отец и сын Тоны не радовались. Зато радовались все, кто был связан с «Вокс-вью».

Кроме Гэллегера. Он получил у Брока головокружительный чек и тут же по телефону заказал в Европе неимоверное количество пива в жестянках. И вот он хандрил на тахте в лаборатории и прополаскивал горло виски с содовой. Джо, как всегда, разглядывал в зеркале крутящиеся колесики.

— Джо, — позвал Гэллегер.

— Да? Чем могу служить?

— Да ничем. В том-то и беда. — Гэллегер выудил из кармана и перечитал скомканную телеграмму. Пивоваренная промышленность Европы решила сменить тактику. Отныне, говорилось в телеграмме, пиво будет выпускаться в стандартных пластиколбах в соответствии со спросом и обычаем. Конец жестянкам.

В эти дни, в этот век ничего не упаковывают в жестянки. Даже пиво.

Какая же польза от робота, предназначенного и запрограммированного для открывания жестянок?

Гэллегер со вздохом смешал с содовой еще одну порцию виски — на этот раз побольше. Джо гордо позировал перед зеркалом.

Внезапно он выпятил глаза, устремил их один в другой и быстро растормозил свое подсознание при помощи самогипноза. Таким образом Джо мог лучше оценить собственные достоинства.

Гэллегер снова вздохнул. В окрестных кварталах залаяли собаки. Ну да ладно.

Он выпил еще и повеселел. Скоро, подумал он, запою «Франки и Джонни». А что, если они с Джо составят дуэт — один баритон, одно неслышное ультразвуковое или инфразвуковое сопровождение? Будет полная гармония.

Через десять минут Гэллегер уже пел дуэт со своим консервным ножом.

Идеальный тайник

Гэллегер играл без нот и не глядя на клавиатуру. Это было бы совершенно естественно, будь он музыкантом, но Гэллегер был изобретателем. Пьяницей и сумасбродом, но хорошим изобретателем. Он хотел быть инженером-экспериментатором и, вероятно, достиг бы в этом выдающихся успехов, поскольку моментами его осеняло. К сожалению, на систематические исследования ему не хватало средств, поэтому Гэллегер, консерватор интеграторов по профессии, держал свою лабораторию для души. Это была самая кошмарная лаборатория во всех Штатах. Десять месяцев он провел, создавая устройство, которое назвал алкогольным органом, и теперь мог, лежа на удобном мягком диване и нажимая кнопки, вливать в свою луженую глотку напитки любого качества и в любом количестве. Только вот сделал он этот орган, пребывая в состоянии сильного алкогольного опьянения, и, разумеется, теперь не помнил принцип его действия. А жаль...

В лаборатории было всего понемногу, причем большинство вещей — ни к селу ни к городу. Реостаты были намотаны на фаянсовых статуэтках балерин в пышных пачках и с пустыми улыбками на личиках. Большой генератор бросался в глаза намалеванным названием «Чудовище», а на меньшем висела табличка с надписью «Тарахтелка». В стеклянной реторте

сидел фарфоровый кролик, и только Гэллегер знал, как он там оказался. Сразу за дверью караулил железный пес, предназначавшийся поначалу для украшения газонов на старинный манер или, может быть, для адских врат; сейчас его пустые глазницы служили подставками для пробирок.

— И что ты намерен делать дальше? — спросил Ваннинг.

Гэллегер, растянувшийся под алкогольным органом, впрыснул себе в рот двойное мартини.

— Что?

— Ты хорошо слышал. Я мог бы дать тебе отличную работу, если бы ты умел пользоваться своим сумасшедшим мозгом или по крайней мере начал следить за собой.

— Пробовал, — вздохнул Гэллегер. — Не выходит. Я не могу работать, если сосредоточусь. Разве что какую-нибудь механическую рутину. Зато у моего подсознания очень высокий коэффициент интеллекта.

Ваннинг, невысокий коренастый мужчина со смуглым лицом в шрамах, постукивал каблуками по «Чудовищу». Временами Гэллегер его беспокоил. Этот человек не отдавал себе отчета в своих возможностях и в том, как много могут они значить для Хораса Ваннинга, коммерческого консультанта. Разумеется, «коммерция» была совершенно легальной — ведь современное коммерческое право оставляло множество лазеек, в которые умный человек вполне мог протиснуться. Честно говоря, Ваннинг давал клиентам советы, как ловчее обойти закон, и это хорошо оплачивалось. Отличное знание законов было редкостью в те времена. Инструкции и указы образовывали такой лабиринт, что изучение законов требовало многолетних трудов. Но Ваннинг имел великолепный персонал, огромную библиотеку, содержащую всевозможные инструкции, судебные решения и постановления, и за приличный гонорар мог сказать доктору Криппену, например, как уклониться от уплаты налогов. Самые щекотливые

дела он улаживал в полной тайне, безо всяких помощников. К примеру, насчет нейроружья...

Гэллегер изобрел его, понятия не имея, что это исключительное оружие. Однажды вечером у него испортился сварочный аппарат, и он собрал новый, соединив части пластырем. Гэллегер дал это устройство Ваннингу, но тот, хоть и недолго держал ружье у себя, заработал тысячи кредитов, одалживая его потенциальным убийцам и этим причиняя немало хлопот полиции.

Например, к нему приходил человек и говорил:

«Я слышал, вы можете помочь, даже если кому-то грозит приговор за убийство. Если бы, к примеру...»

«Задний ход, приятель! Я не желаю заниматься такими делами».

«Гммм. Но...»

«Я думаю, что теоретически идеальное убийство возможно. Допустим, изобрели новый вид оружия, и образец находится в камере хранения, скажем, на Пассажирском ракетодроме в Ньюарке».

«Гммм?»

«Это всего лишь допущения. Сейф номер 79, шифр тридцать-ну-скажем-восемь. Такие мелкие детали хорошо помогают представить ситуацию, правда?»

«Вы хотите сказать...»

«Разумеется, если бы наш убийца добрался до этого теоретического оружия, он мог бы оказаться достаточно хитер, чтобы иметь наготове абонированный ящик... например: сейф 40 в Бруклин-Порте. Он мог бы положить оружие в посылочный ящик и избавиться от улики в ближайшем почтовом отделении. Но все это, конечно, только теория. Мне очень жаль, но я ничем не могу вам помочь. Гонорар за разговор — три тысячи кредитов. Секретарша примет у вас чек».

Обвинительный приговор был бы в таком случае невозможен. Прецедент: вердикт суда 875-М по делу штата Иллинойс

против Добсона. Необходимо установить причину смерти, не исключая возможность несчастного случая. Как отметил судья Верховного суда Дуккет во время процесса Сандерсона против Сандерсона, где речь шла о смерти свекрови обвиняемой...

«Безусловно, прокурор со своим штабом экспертов-токсикологов должен согласиться, что...

Короче говоря, ваша честь, я ходатайствую о прекращении дела ввиду недостатка улик и невозможности выяснить причину смерти...»

Гэллегер так никогда и не узнал, что его сварочный аппарат оказался таким опасным оружием, а Ваннинг время от времени навещал его запущенную лабораторию, внимательно следя за плодами научных забав приятеля. Не раз он получал таким образом весьма полезные приспособления. Однако все дело было в том, что Гэллегер не хотел работать по-людски!

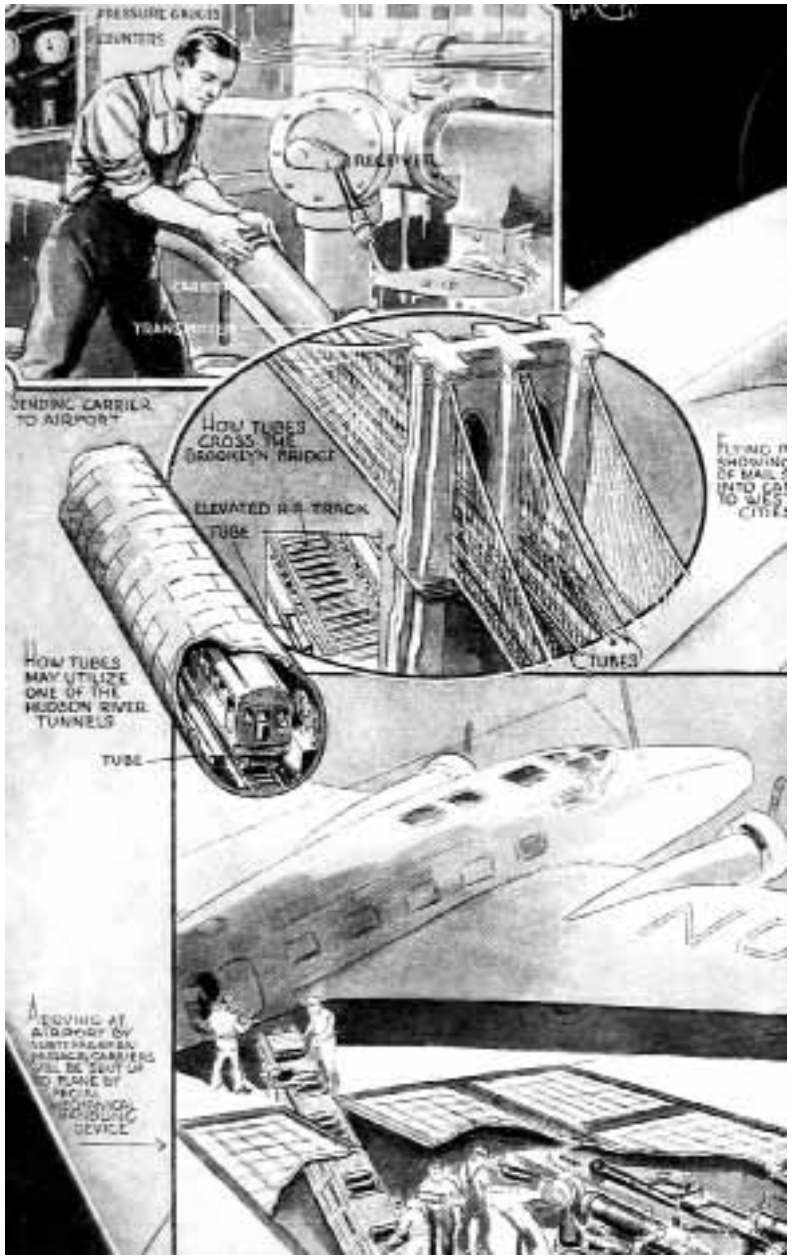
Он еще раз глотнул мартини, тряхнул головой и поднял свое худое тело с дивана. Потом лениво подошел к заваленному каким-то хламом столу и принялся перебирать обрывки проводов.

— Что ты делаешь?

— Не знаю. Играю, наверно. Я просто складываю вместе различные вещи, и порой из этого что-то получается... Только я никогда не знаю, что это будет. — Гэллегер бросил провода и вернулся на диван. — А, к черту все это!

«Вот чудак», — подумал Ваннинг. Гэллегер был типом в принципе аморальным, совершенно неуместным в сложном современном мире. С первобытным весельем смотрел он на мир со своей личной колокольни и... делал весьма полезные вещи. Но только для собственного удовольствия.

Ваннинг вздохнул и оглядел лабораторию — его педантичная натура страдала при виде такого бардака. Машинально подняв с пола мятый халат, он поискал глазами какой-нибудь



крючок и, конечно, не нашел. Гэллегер, вечно страдающий от недостатка проводящих металлов, давно повырывал из стен все крючки.

Ваннинг подошел к металлическому шкафу, стоящему в углу, и открыл его. Внутри не было никаких вешалок, поэтому он сложил халат и положил на дно, а сам снова присел на «Чудовище».

— Выпьешь? — спросил Гэллегер.

Ваннинг покачал головой.

— Нет, спасибо. Завтра у меня дела.

— Ерунда, примешь тиамин. Бр-р, дрянь. Я работаю гораздо лучше, если голова обложена надувными подушками.

— А я нет.

— Это дело опыта, — буркнул Гэллегер. — А опыта может набраться каждый, если только... На что ты там уставился?

— Этот шкаф... — сказал Ваннинг, удивленно хмуря брови. — Ну-ка, что там такое...

Металлическая дверь была закрыта неплотно и медленно приоткрывалась. А от халата, который Ваннинг только что туда положил, не было и следа.

— Это краска такая, — сонно объяснил Гэллегер. — Что-то вроде пропитки. Я обработал внутренность шкафа гамма-лучами. Но он ни к черту не годится.

Ваннинг передвинул лампу, чтобы лучше видеть. Шкаф не был пуст, как он решил в первый момент. В нем, правда, не было халата, зато находилось что-то маленькое, бледно-зеленое и почти сферическое.

— Он что, растворяет вещи? — спросил Ваннинг, вытаращив глаза.

— Ага. Вытащи его и увидишь.

Ваннинг не торопился засовывать руку внутрь. Найдя длинный штатив для пробирок, он подцепил им шарик и тут же отвернулся, потому что разболелись глаза. Зеленый шарик

менял цвет, форму и размер и вскоре превратился во что-то бесформенное. Внезапно штатив стал удивительно тяжелым.

И ничего странного: на нем висел халат.

— Вот такие штуки он и вытворяет, — равнодушно объяснил Гэллегер.

— Но должна же быть причина. Вещи, которые я засовываю в шкаф, становятся маленькими, но стоит их вынуть, как они обретают нормальные размеры. Может, продать его какому-нибудь фокуснику? — с сомнением предположил он.

Ваннинг сел, сжимая в руках халат и поглядывая на металлический шкаф. Это был смолисто-черный параллелепипед размерами три на три и на пять футов, покрашенный изнутри серой краской.

— Как ты это сделал?

— Что? Сам не знаю. Как-то само получилось. — Гэллегер меланхолично потягивал свою гремучую смесь. — Может, дело тут в растяжимости измерений. Моя пропитка могла изменить свойства пространства-времени внутри шкафа. Интересно, что это может значить? — буркнул он в сторону. — Такие словеса порой пугают меня самого.

— Это значит... ты хочешь сказать, что этот шкаф внутри больше, чем снаружи?

— Парадокс, не так ли? Я думаю, его внутренность находится вообще не в нашем пространстве-времени. Попробуй сунуть туда стол и убедишься. — Гэллегер даже не приподнялся, а лишь махнул рукой в сторону упомянутого стола.

— Ты прав. Этот стол больше шкафа.

— Ну, так суй его как-нибудь бочком. Смелее!

Ваннинг некоторое время возился со столом. Несмотря на небольшой рост, он был силен, как многие коренастые люди.

— Положи шкаф, легче будет.

— Я... уф... Ну, и что дальше?

— Суй туда стол.

Ваннинг искоса посмотрел на приятеля, пожал плечами и попытался.

Разумеется, стол не хотел входить в шкаф. Вошел только угол, а остальное застряло, чуть покачиваясь.

— И что дальше?

— Подожди чуток.

Стол шевельнулся и медленно пополз вниз. У Ваннинга отвалилась челюсть, когда он увидел, как стол постепенно входит внутрь, словно в воде тонет не очень тяжелый предмет. Однако ничто его не всасывало, он просто растворялся. Неизменным оставалось лишь то, что торчало снаружи, но постепенно в шкаф ушло все.

Ваннинг заглянул в шкаф, и вновь у него заболели глаза. Внутри некое нечто меняло форму, съеживалось и в конце концов превратилось в колючую неправильную пирамиду темно-красного цвета.

В самом широком месте в ней было не более четырех дюймов.

— Не верю, — выдохнул Ваннинг.

Гэллегер улыбнулся.

— Как сказал герцог Веллингтон: «Это была очень маленькая бутылка, сэр».

— Погоди минутку. Как, черт возьми, можно засунуть восьмифутовый стол в пятифутовый шкаф?

— Благодаря Ньютону, — ответил Гэллегер. — Сила тяжести, сечешь? Налей в пробирку воды, и я тебе покажу.

— Сейчас... Вот, готово. И что теперь?

— Полную налил? Хорошо. В коробке с надписью «Предохранители» лежит сахар. Положи кусок поверх пробирки, так чтобы одним углом он касался воды.

Ваннинг сделал, как было сказано.

— Ну и что?

— Что ты видишь?

— Ничего. Сахар напитывается водой и растворяется.

— Вот именно, — с нажимом сказал Гэллегер.

Ваннинг задумчиво посмотрел на него и повернулся к пробирке. Кусок сахара медленно растворялся и исчезал. Вскоре его не стало вовсе.

— Воздух и вода — это совершенно различные физические среды. В воздухе кусок сахара может существовать в виде куска сахара, а в воде только в виде раствора. Та его часть, которая достает до воды, подчиняется условиям, присущим воде, и значит, изменяется в физическом смысле. Остальное — дело силы гравитации.

— Говори яснее.

— Аналогия и так проще некуда, балбес. Вода — это как бы особые условия внутри шкафа. А сахар — это стол. Ты же видел: сахар постепенно напитался водой, а сила тяжести втянула растворяющийся кусок в пробирку. Допер?

— Пожалуй. Стол впитался... его впитал элемент, находящийся внутри шкафа, так? Элемент, который заставил стол съежиться...

— In partis, а не in toto[1]. Понемногу. Например, человеческое тело можно запихнуть в небольшой сосуд с серной кислотой — тоже по кусочку.

— О-о, — протянул Ваннинг, исподлобья глядя на шкаф. — А можно вытащить этот стол обратно?

— Пожалуйста. Сунь туда руку и вынь его.

— Сунуть туда руку? Я не хочу, чтобы она растворилась!

— Не бойся. Процесс этот не мгновенный, ты же сам видел. Прежде чем начнется изменение, должно пройти несколько минут. Ты без опаски можешь сунуть руку в шкаф,

[1] По частям, а не целиком *(лат.)*.

при условии, что будешь держать ее там не больше минуты. Сейчас я тебе покажу.

Гэллегер нехотя поднялся, огляделся, взял пустую бутылку и сунул ее в шкаф.

Изменение действительно не было мгновенным, а шло постепенно — бутылка меняла размер и форму и наконец превратилась в перекошенный куб размером с кусок сахара. Гэллегер вынул его и положил на пол. Куб начал расти и вскоре вновь стал бутылкой.

— А теперь стол. Смотри.

Гэллегер вынул небольшую пирамидку, и та через минуту обрела первоначальную форму.

— Видишь? Держу пари, что компания, занимающаяся складированием, много дала бы за это. Там можно разместить мебель со всего Бруклина, но будут сложности с изъятием нужных вещей. Сам понимаешь: изменение физической природы...

— Нужно просто составлять план, — рассеянно сказал Ваннинг. — Сделать рисунки находящихся внутри предметов и обозначить их.

— Сразу видно юриста, — заметил Гэллегер. — А я бы чего-нибудь выпил.

Он вернулся на диван и присосался к мундштуку.

— Я дам тебе за этот шкаф шесть кредитов, — предложил Ваннинг.

— Можешь забирать. Все равно он занимает тут слишком много места. Жаль, что его самого нельзя сунуть внутрь его самого. — Гэллегер засмеялся. — Забавно звучит...

— Ты так считаешь? Держи. — Ваннинг вынул из бумажника деньги. — Куда их положить?

— Сунь их в «Чудовище», там у меня банк... Спасибо.

— Готово... Слушай, объясни мне получше эту хохму с куском сахара. Не одна же сила тяжести втягивает кусок в пробирку, правда?

— Точно. Еще и осмос. Или нет, осмос как-то связан с яйцами. Может, это овуляция? Проводимость, конвекция, абсорбция? Жаль, что я не изучал физику, тогда бы я знал нужные слова. А так я полный осел. — Гэллегер снова потянул из мундштука. — Абсорбция... Дело не только в том, что сахар поглощает воду. В данном случае стол как бы пропитался условиями, царящими внутри шкафа... Как губка или промокашка.

— Что, стол?

— Нет, я, — коротко ответил Гэллегер, и воцарилась тишина, прерываемая бульканьем — это он вливал себе в горло алкоголь.

Ваннинг вздохнул и повернулся к шкафу. Прежде чем поднять его своими мускулистыми руками, он старательно закрыл дверцу на ключ.

— Уже уходишь? Спокойной ночи. Всего хорошего... всего хорошего...

— Спокойной ночи.

— Все-го хо-ро-ше-го! — пропел Гэллегер, заваливаясь спать.

Ваннинг еще раз вздохнул и вышел в ночной холод. На небе сверкали звезды, и лишь на юге их перекрывало зарево Нижнего Манхэттена. Горящие белым огнем небоскребы слагались в рваный узор. Огромная реклама превозносила достоинства вамбулина: «Вамбулин тебя воскресит!»

Машина Ваннинга стояла у тротуара. Он сунул шкаф внутрь и кратчайшим путем направился в свой офис. Ему вдруг вспомнился По. «Украденное письмо», лежавшее на самом верху, просто вывернутое наизнанку и переадресованное, изменилось до неузнаваемости. Господи, какой отличный сейф выйдет из этого шкафа! Ни один вор не будет его взламывать по той простой причине, что он не будет закрыт. Ваннинг мог бы наполнить сейф деньгами, и те тут же стали бы неузнаваемы. Идеальный тайник.

Но на каком принципе он действует? Гэллегера спрашивать было бесполезно, он творил по наитию и не знал, что примула, растущая на берегу реки, обычная примула, зовется primula vulgaris. Понятие силлогизма для него не существовало, он делал выводы, не прибегая ни к общим, ни к частным предпосылкам.

Ваннинг задумался. Два предмета не могут одновременно занимать одно и то же место, значит, в шкафу все-таки есть какое-то пространство... Однако это были только догадки, а должен быть и точный ответ. Пока Ваннинг его не нашел.

Он добрался до центра и направил машину к зданию, в котором занимал целый этаж. На грузовом лифте он поднял шкаф наверх, однако не стал ставить в своем кабинете — зачем привлекать внимание? — а поместил в небольшую кладовку.

Вернувшись в кабинет, Ваннинг задумался. А может... Негромко звякнул звонок. Задумавшись, Ваннинг не услышал его, а когда звук все-таки проник в его мозг, подошел к видеофону и нажал кнопку. Серое, мрачное и бородатое лицо адвоката Хэттона заполнило экран.

— Добрый день, — сказал Ваннинг.

Хэттон кивнул.

— Я пытался застать вас дома, но не успел и потому звоню в офис...

— Не думал, что вы сегодня позвоните. Дело разбирается завтра. Не поздновато ли для разговоров?

— «Дугон и сыновья» хотели, чтобы я с вами поговорил. Кстати, я был против.

— Вот как?

Хэттон нахмурил густые темные брови.

— Как вам известно, я представляю истца. Есть очень много улик против Макилсона.

— Это вы так говорите, но доказать что-то невероятно тяжело.

— Вы против применения скополамина?

— Разумеется, — ответил Ваннинг. — Я не допущу, чтобы моему клиенту кололи эту дрянь!

— Присяжным это не понравится.

— Ничуть не бывало. Дело в том, что Макилсону скополамин противопоказан. У меня есть медицинская справка.

Голос Хэттона стал еще резче.

— Ваш клиент растратил эти облигации, и я могу это доказать.

— Стоимостью в двадцать пять тысяч, верно? Большая потеря для «Дугана и сыновей». А что вы скажете о моем предположении? Скажем, двадцать тысяч найдутся...

— Это частный разговор? Вы не записываете?

— Разумеется. Вот смотрите... — Ваннинг поднял вверх шнур с разъемом. — Строго между нами.

— Это хорошо, — ответил адвокат Хэттон. — Тогда я могу объявить вам, что вы вульгарный мошенник...

— Фу!

— Это старый трюк, во-от с такой бородой. Макилсон стянул пять кусков в облигациях, обмениваемых на кредиты; ревизоры уже проверяют это. Потом он пришел к вам, и вы убедили его взять еще двадцать тысяч, а затем предлагаете их вернуть, если «Дуган и сыновья» закроют дело. И делите эти пять тысяч со своим клиентом, что не так уж и мало.

— Ничего подобного я не признаю.

— Конечно, не признаете, даже в разговоре по частной линии. Но это само собой разумеется. Только трюк этот давно устарел, и мои клиенты не собираются с вами возиться, а передают дело в суд.

— И вы позвонили, только чтобы мне это сказать?

— Нет, я хочу обсудить вопрос с присяжными. Вы согласны на применение к ним скополамина?

— Вполне, — ответил Ваннинг. Присяжные его не интере-

совали. Испытание скополамином избавит от многих дней, а может, и недель судебной возни.

— Хорошо, — буркнул Хэттон. — Предупреждаю: от вас и мокрого места не останется.

Ваннинг ответил грубым жестом и выключил видеофон. Предстоящая схватка в суде вытеснила из головы мысли о шкафе и четвертом измерении. Ваннинг вышел из конторы. У него еще будет время детально изучить возможности, которые таит в себе этот тайник, а сейчас он не хотел забивать голову. Дома он распорядился приготовить себе выпить и повалился на постель.

Назавтра Ваннинг выиграл дело, применяя сложные юридические крючки и используя двусмысленные прецеденты. Свое доказательство он построил на том, что облигации не были обменены на деньги. Сложные экономические таблицы доказали это за Ваннинга. Обмен облигаций даже на пять тысяч кредитов вызвал бы подвижку на рынке ценных бумаг, а ничего подобного не произошло. Эксперты Ваннинга завели присяжных в совершенно непроходимые дебри. Чтобы доказать вину, требовалось показать или буквально, или косвенным путем, что облигации существовали с двадцатого декабря, то есть с даты последней ревизии. Прецедентом послужило дело Донована против Джонса.

Хэттон тут же вскочил с места.

— Ваша честь, Джонс позднее признался в растрате!

— Что никак не влияет на первоначальное решение, — тут же парировал Ваннинг. — Закон не имеет обратной силы. Вердикт не был изменен.

— Прошу защиту продолжать.

И защита продолжала, возводя сложное здание казуистической логики. Хэттон выходил из себя.

— Ваша честь, я!..

— Если мой почтенный оппонент представит суду хотя бы одну облигацию — всего одну из вышеупомянутых — я сдамся.

Председатель иронически улыбнулся.

— Действительно, если такое доказательство будет представлено, обвиняемый окажется в тюрьме сразу же после оглашения приговора. Вам это хорошо известно, мистер Ваннинг. Пожалуйста, продолжайте.

— Охотно. Итак, согласно моей версии, эти облигации никогда не существовали. Это просто результат ошибки при счете.

— Но ведь подсчет выполняли на калькуляторе Педерсона?

— Такие ошибки случаются, и сейчас я это докажу. Пригласите моего следующего свидетеля...

Свидетель, специалист по вычислительной технике, объяснил, как может ошибаться калькулятор Педерсона, и привел примеры. На одном Хэттон его поймал.

— Протестую, ваша честь. В Родезии, как всем известно, локализованы объекты экспериментального характера. Свидетель не уточнил, о какой именно продукции идет речь. Не потому ли, что Объединенные Предприятия Гендерсона занимаются главным образом радиоактивными рудами?

— Свидетель, вам задан вопрос.

— Я не могу на него ответить. В моих документах нет такой информации.

— Довольно красноречивый пробел! — рявкнул Хэттон. — Радиоактивность выводит из строя хрупкий механизм калькулятора Педерсона. Но в конторах фирмы «Дуган и сыновья» нет ни радиоактивных элементов, ни продуктов их распада.

Встал Ваннинг.

— Я хотел бы спросить, окуривались ли в последнее время эти конторы?

— Да. Этого требует закон.

— Использовался определенный тип соединения хлора?

— Да.

— Прошу пригласить моего следующего свидетеля.

Свидетель, физик и одновременно работник Ультрарадиевого института, объяснил, что гамма-лучи сильно воздействуют на хлор, вызывая ионизацию. Живые организмы могут ассимилировать продукты распада радия и передавать их дальше. Некоторые клиенты фирмы «Дуган и сыновья» подвергались воздействию радиоактивности...

— Это смешно, ваша честь! Спекуляция чистейшей воды...

Ваннинг изобразил обиду.

— Хочу напомнить дело Дэнджерфилда против «Астро Продактс», Калифорния, тысяча девятьсот шестьдесят третий год. Все сомнения трактуются в пользу обвиняемого. Я настаиваю, что калькулятор Педерсона, которым считали облигации, мог быть неисправен. Если так оно и было на самом деле, следовательно, облигации не существовали, и мой клиент невиновен.

— Пожалуйста, продолжайте, — сказал судья, жалея, что он не Джеффрис[1] и не может послать всю эту чертову банду на эшафот.

Юриспруденция должна опираться на факты, это вам не трехмерные шахматы. Впрочем, это неизбежное следствие политических и экономических сложностей современной цивилизации. Вскоре стало понятно, что Ваннинг выиграет дело. Он его и выиграл. Присяжные были вынуждены признать правоту ответчика. Под конец отчаявшийся Хэттон выступил с предложением использовать скополамин, но это

[1] Судья-вешатель, известный своими суровыми приговорами участникам восстания Монмута против английского короля Якова II.

предложение было отклонено. Ваннинг подмигнул своему оппоненту и с шумом захлопнул папку.

Он вернулся в контору, а в половине пятого начались неприятности. Едва секретарша успела сообщить о некоем мистере Макилсоне, как ее отпихнул худощавый мужчина средних лет, тащивший замшевый чемодан гигантских размеров.

— Ваннинг, мне позарез нужно с тобой поговорить!..

Адвокат нахмурился, встал из-за стола и кивком отослал секретаршу. Когда дверь за ней закрылась, он бесцеремонно спросил:

— Что ты здесь делаешь? Я же сказал, чтобы ты держался от меня подальше. Что у тебя в чемодане?

— Облигации, — неуверенно объяснил Макилсон. — Что-то не получилось...

— Идиот! Приволочь сюда облигации!.. — Одним прыжком Ваннинг оказался у двери и старательно запер ее на ключ.— Как только Хэттон наложит на них лапу, ты вмиг окажешься за решеткой! А меня лишат диплома! Убирайся немедленно!

— Ты сначала выслушай, ладно? Я пошел с этими облигациями в Финансовое объединение, как ты и сказал, но... но там меня уже поджидал фараон. К счастью, я вовремя его засек. Если бы он меня поймал...

Ваннинг глубоко вздохнул.

— Я же велел тебе оставить облигации на два месяца в тайнике на станции подземки...

Макилсон вытащил из кармана бюллетень.

— Правительство начало замораживать рудные акции и облигации. В одну неделю все будет кончено. Я не мог ждать — деньги оказались бы заморожены до второго пришествия.

— Покажи-ка этот бюллетень. — Ваннинг полистал его и тихо выругался. — Откуда он у тебя?

— Купил у мальчишки перед тюрьмой. Я хотел проверить курс рудных акций.

— Гмм... понятно. А не пришло тебе в голову, что бюллетень может быть фальшивым?

У Макилсона отвисла челюсть.

— Фальшивым?

— Вот именно. Хэттон догадался, что я хочу вытащить тебя из тюрьмы, и держал его наготове. А ты купил этот номер, дал полиции улики, а меня подвел под монастырь.

— Но я...

Ваннинг сморщился.

— Как по-твоему, почему ты увидел того фараона в Финансовом объединении? Они могли сцапать тебя в любой момент, но решили испугать настолько, чтобы ты приперся ко мне, и одним выстрелом убить двух зайцев! Для тебя — камера, а для меня — прощание с адвокатурой. Проклятье!

Макилсон облизал губы.

— А может, мне уйти через черный ход?

— Сквозь кордон полиции, который там, конечно, торчит? Вздор! Не прикидывайся большим идиотом, чем ты есть!

— А ты... ты не можешь их спрятать?

— Где? Они просветят мой стол рентгеновскими лучами. Нет, я просто... — Ваннинг вдруг замолчал. — Гмм, спрятать, говоришь... Спрятать!..

Он повернулся к диктофону.

— Мисс Хартон? У меня очень важная встреча. Ни под каким предлогом меня не отвлекать. Если вам предъявят ордер на обыск, потребуйте подтверждения через центр. Ясно? О'кей.

Макилсон слегка ожил.

— Э... все в порядке?

— Заткнись! — взорвался Ваннинг. — Подожди меня здесь, я скоро вернусь. — Он подошел к боковой двери и исчез, но очень быстро вернулся, таща металлический шкафчик. — Помоги мне... уф... Ставь вон туда, в угол. А теперь убирайся.

— Но...

— Давай-давай, вали! — поторопил Ваннинг. — Я сам знаю, что нужно делать. И молчи громче. Тебя арестуют, но без улик долго держать не смогут. Придешь, как только выпустят.

Он толкнул Макилсона к двери, открыл ее и вышвырнул гостя. Потом вернулся к шкафу и заглянул внутрь. Пусто. Итак, замшевый чемодан...

Тяжело дыша, Ваннинг запихнул его в шкаф. Это потребовало времени, поскольку чемодан был больше шкафа. Однако в конце концов он съежился, изменил форму и наконец превратился во что-то вроде вытянутого яйца цвета медного цента.

— Фью, фью! — сказал Ваннинг. Он заглянул в шкаф. Внутри что-то шевелилось — какое-то гротескное создание ростом не более четырех дюймов. Это было что-то удивительное — оно состояло из одних кубов и углов, было ярко-зеленым и явно живым.

В дверь постучали.

Маленькое существо возилось с медным яйцом, как муравей с дохлой гусеницей, пытаясь поднять его и переместить. Ваннинг сунул руку в шкаф. Существо из четвертого измерения уклонилось, но недостаточно быстро. Ваннинг схватил его, почувствовал в кулаке шевеленье и крепко стиснул пальцы.

Шевеленье прекратилось. Ваннинг выпустил мертвое существо и торопливо вынул руку из шкафа.

Дверь тряслась от ударов.

— Минуточку! — крикнул он, закрывая шкаф.

— Ломайте! — распорядился кто-то за дверью.

Однако нужды в этом не было. Ваннинг скроил болезненную улыбку и открыл дверь. Вошел Хэттон в сопровождении тучного полицейского.

— Мы взяли Макилсона, — сообщил он.

— Да? А на каком основании?

Вместо ответа Хэттон сделал знак рукой, и полицейские начали обыскивать комнату. Ваннинг пожал плечами.

— Думаю, вы слишком торопитесь, — сказал он. — Посягательство на неприкосновенность частной собственности...

— У нас есть ордер!

— И в чем меня обвиняют?

— Разумеется, речь идет об облигациях, — голос Хэттона звучал устало. — Не знаю, где вы спрятали чемодан, но рано или поздно мы его найдем.

— Какой чемодан? — продолжал допытываться Ваннинг.

— Тот, с которым Макилсон вошел сюда. И без которого он вышел.

— Игра закончена, — печально сказал Ваннинг. — Я сдаюсь.

— Что?

— А если я скажу, что сделал с чемоданом, вы замолвите за меня словечко?

— Ну... пожалуй... А где он?

— Я его съел, — ответил Ваннинг, укладываясь на диван и явно собираясь вздремнуть.

Хэттон послал ему взгляд, полный ненависти.

Полицейские прошли мимо шкафа, мельком заглянув внутрь. Рентгеновские лучи не обнаружили ничего ни в стенах, ни в полу, ни в потолке, ни в мебели. Остальные помещения офиса тоже обыскали, но безрезультатно.

Наконец Хэттон сдался.

— Утром я подам жалобу, — пообещал ему Ваннинг. — А в отношении Макилсона воспользуюсь принципом Habeas corpus[1].

— Иди ты к черту! — буркнул Хэттон.

— До свидания.

---

[1] Здесь: личной неприкосновенности.

Ваннинг подождал, пока непрошенные гости уберутся, потом, тихонько посмеиваясь, подошел к шкафу и открыл его.

Медное яйцо исчезло. Ваннинг пошарил внутри, но без толку. Значение этого дошло до него не сразу. Он повернул шкаф к окну и снова заглянул туда — с тем же результатом.

Шкаф был пуст. Двадцать пять тысяч кредитов в облигациях пропали.

Ваннинга прошиб холодный пот. Схватив металлический шкаф, он встряхнул его, но это не помогло. Потом перенес в другой угол комнаты, а сам вернулся на прежнее место и принялся внимательно осматривать пол.

— Проклятье!

Неужели Хэттон?

Нет, невозможно. Ваннинг не спускал со шкафа глаз, пока здесь была полиция. Один из полицейских открыл шкаф, заглянул внутрь и снова закрыл. После этого шкаф все время оставался закрытым. Но облигации исчезли. Так же, как и странное существо, которое Ваннинг раздавил. Все это вместе означало, что... Вот именно: что?

Он метнулся к видеофону и вызвал Гэллегера.

— Что случилось, а? Чего тебе? — На экране появилось худое лицо изобретателя, еще более осунувшееся от пьянства. — У меня похмелье, а тиамин кончился. А как твои дела?

— Послушай, — сказал Ваннинг, — я положил кое-что в твой чертов шкаф и потерял.

— Шкаф? Забавно...

— Да нет, то, что в него положил... чемодан.

Гэллегер покачал головой.

— Никогда заранее не знаешь... Помню, однажды я сделал...

— К черту воспоминания! Мне нужен мой чемодан!

— Фамильные драгоценности? — спросил Гэллегер.

— Нет. Там были деньги.

— С твоей стороны это было неразумно. Ты знаешь, что с сорок девятого года не разорился ни один банк? Вот уж не думал, Ваннинг, что ты так скуп. Хотел иметь деньги при себе, чтобы перебирать их своими загребущими лапами, да?

— Ты снова пьян!

— Нет, только стараюсь напиться, — уточнил Гэллегер. — Со временем у меня выработался иммунитет к алкоголю, и чтобы напиться, мне нужно ужасно много времени. Из-за твоего звонка я отстал на две с половиной порции. Нужно приделать к органу удлинитель, чтобы разговаривать и пить одновременно.

— Мой чемодан! Что с ним случилось? Я должен его найти!

— У меня его нет.

— А ты можешь сказать, где он?

— Понятия не имею. Выкладывай подробности, посмотрим, что можно сделать.

Ваннинг последовал совету, правда, из осторожности несколько сократил рассказ.

— О'кей, — неохотно сказал Гэллегер. — Ненавижу выдвигать теории, но в исключительных случаях... Мой диагноз обойдется тебе в пятьдесят кредитов.

— Что?! Послушай...

— Пятьдесят кредитов, — упрямо повторил Гэллегер. — Или разбирайся сам.

— А откуда мне знать, что ты сможешь вернуть чемодан.

— Приходится допустить возможность, что у меня ничего не выйдет. Однако шанс есть... Я должен буду воспользоваться счетными машинами, а это стоит дорого.

— Ладно-ладно, — буркнул Ваннинг. — Иди, считай. Без чемодана мне конец.

— Меня больше интересует тот карапуз, которого ты придушил. Честно говоря, это единственная причина, по которой я вообще занимаюсь твоим делом. Жизнь в четвертом измерении... — продолжал Гэллегер, вяло поводя руками.

Потом лицо его исчезло с экрана, и Ваннинг выключил видеофон.

Он еще раз обыскал шкаф, но так и не нашел в нем ничего. Замшевый чемодан словно испарился.

Ваннинг надел пальто и отправился в «Манхеттен Руф», где съел ужин, обильно сдобренный вином. Ему было очень жалко себя.

Назавтра его жалость к себе усугубилась. Он раз за разом пытался связаться с Гэллегером, но в лаборатории никого не было, так что Ваннинг попусту переводил время. Около полудня ввалился Макилсон. Он был сильно взволнован.

— Не очень-то ты спешил вытащить меня из тюрьмы, — с ходу набросился он на Ваннинга. — И что теперь? У тебя найдется что-нибудь выпить?

— Зачем тебе? — буркнул Ваннинг. — Судя по твоему виду, ты уже напился. Езжай во Флориду и жди, пока все успокоится.

— Хватит с меня ожидалок. Я еду в Южную Америку, и мне нужны бабки.

— Подожди, пока можно будет реализовать облигации.

— Я забираю половину. Как и договорились.

Ваннинг прищурился.

— И попадешь прямо в лапы полиции. Ясно, как дважды два.

Макилсон был явно не в себе.

— Согласен, я совершил ошибку. Но теперь... нет, теперь я буду умнее.

— Значит, подождешь.

— На крыше в вертолете ждет мой приятель. Я отдам ему облигации, а потом спокойно уйду. Полиция ничего у меня не найдет.

— Я сказал, нет, — повторил Ваннинг. — Дело слишком рискованное.

— Рискованное оно сейчас. Если они найдут облигации...

— Не найдут.

— Где ты их спрятал?

— Это мое дело.

Макилсон занервничал.

— Возможно. Но они в этом здании. Вчера ты не мог их никуда сплавить до прихода фараонов. Не стоит искушать судьбу. Они искали рентгеном?

— Ага.

— Я слышал, что Хэттон с целой бандой экспертов изучает планы здания. Он найдет твой сейф, и я хочу убраться отсюда раньше, чем это произойдет.

Ваннинг отмахнулся.

— Прекрати истерику. Я тебя вытащил, верно? Несмотря на то, что ты едва не провалил дело.

— Это правда, — признал Макилсон, дергая себя за губу. — Но я... — он принялся грызть ногти. — Проклятье, я сижу на кратере вулкана, да еще и на термитнике. Не хочу торчать здесь и ждать, пока они найдут облигации! А от страны, куда я собираюсь смыться, они не смогут потребовать выдачи.

— Нужно ждать, — настаивал Ваннинг. — Это твой единственный шанс.

В руке Макилсона невесть откуда появился пистолет.

— Гони половину облигаций, да поживее. Я тебе не верю. Думаешь, можно бесконечно водить меня за нос? Ну, отдашь или нет?

— Нет, — ответил Ваннинг.

— Я не шучу!

— Знаю. Но у меня нет этих облигаций.

— Как это «нет»?

— Ты когда-нибудь слышал о возможностях четвертого измерения? — спросил Ваннинг, не сводя глаз с пистолета. — Я спрятал чемодан в особый сейф, который не могу открыть раньше определенного времени.

— Гммм... — задумался Макилсон. — А когда...

— Завтра.

— Хорошо. Значит, завтра ты отдашь мне облигации?

— Если тебе так уж невтерпеж. Но советую тебе подумать. Гораздо безопаснее подождать.

Вместо ответа Макилсон только усмехнулся через плечо. Когда он вышел, Ваннинг долго сидел не двигаясь. Он был не на шутку перепуган. Дело было в том, что Макилсон был склонен к маниакально-депрессивному психозу и вполне мог убить. Сейчас он испытывал сильный стресс — ему нечего терять. Ну что ж... Следует принять меры предосторожности.

Ваннинг еще раз позвонил Гэллегеру, но и на этот раз никто не отозвался. Он оставил для него сообщение и еще раз осторожно заглянул в шкаф. Он был по-прежнему пуст.

Вечером Ваннинг явился к Гэллегеру сам. Изобретатель казался пьяным и усталым, впрочем, так оно и было. Он небрежно махнул рукой, указывая на стол, заваленный бумагой.

— Ну и задал ты мне работенку! Если бы знал принцип действия этого устройства, я и пальцем бы его не тронул. Садись и выпей. Принес пятьдесят кредитов?

Ваннинг молча вручил Гэллегеру деньги, и тот сунул их в «Чудовище».

— Хорошо. А теперь... — Он сел на диван. — Начинаем решение задачи стоимостью в пятьдесят кредитов.

— Я получу чемодан?

— Нет, — решительно ответил Гэллегер. — Я, по крайней мере, не вижу никакой возможности. Он находится в ином фрагменте пространства-времени.

— Но что это значит?

— Это значит, что шкаф действует как телескоп, но не в видимой части спектра. Это что-то вроде окна. В него можно выйти или просто заглянуть. Это выход в Сейчас плюс *x*.

Ваннинг поглядел на него исподлобья.

— Ты мне ничего такого не говорил.

— Все, что я до сих пор знал об этом, — чистая теория и, боюсь, ничего больше не будет. Так вот: сначала я ошибался. Предметы, попадавшие в шкаф, не появлялись в ином пространстве, потому что должна существовать некая пространственная постоянная. То есть они не уменьшались бы. Размер — это размер. Факт перенесения куба с гранью в один дюйм, скажем, на Марс не уменьшил бы его и не увеличил.

— А как быть с плотностью окружающей среды? Разве предмет не был бы раздавлен?

— Конечно, он был бы и остался таким. После извлечения из шкафа он не восстановил бы свои изначальные размер и форму. *X* плюс *У* никогда не равно *XY*. Но *X* минус *У*...

— Равно, что ли?

— Именно тут собака и зарыта. — Гэллегер начал лекцию за пятьдесят кредитов. — Предметы, которые мы вкладывали в шкаф, путешествовали во времени, причем их скорость не менялась, чего нельзя сказать о пространственных условиях. Две вещи не могут находиться одновременно в одном и том же месте. Следовательно, твой чемодан отправился в другое время: Сейчас плюс *x*. А что в данном случае значит *x*, я понятия не имею, хотя подозреваю, что несколько миллионов лет.

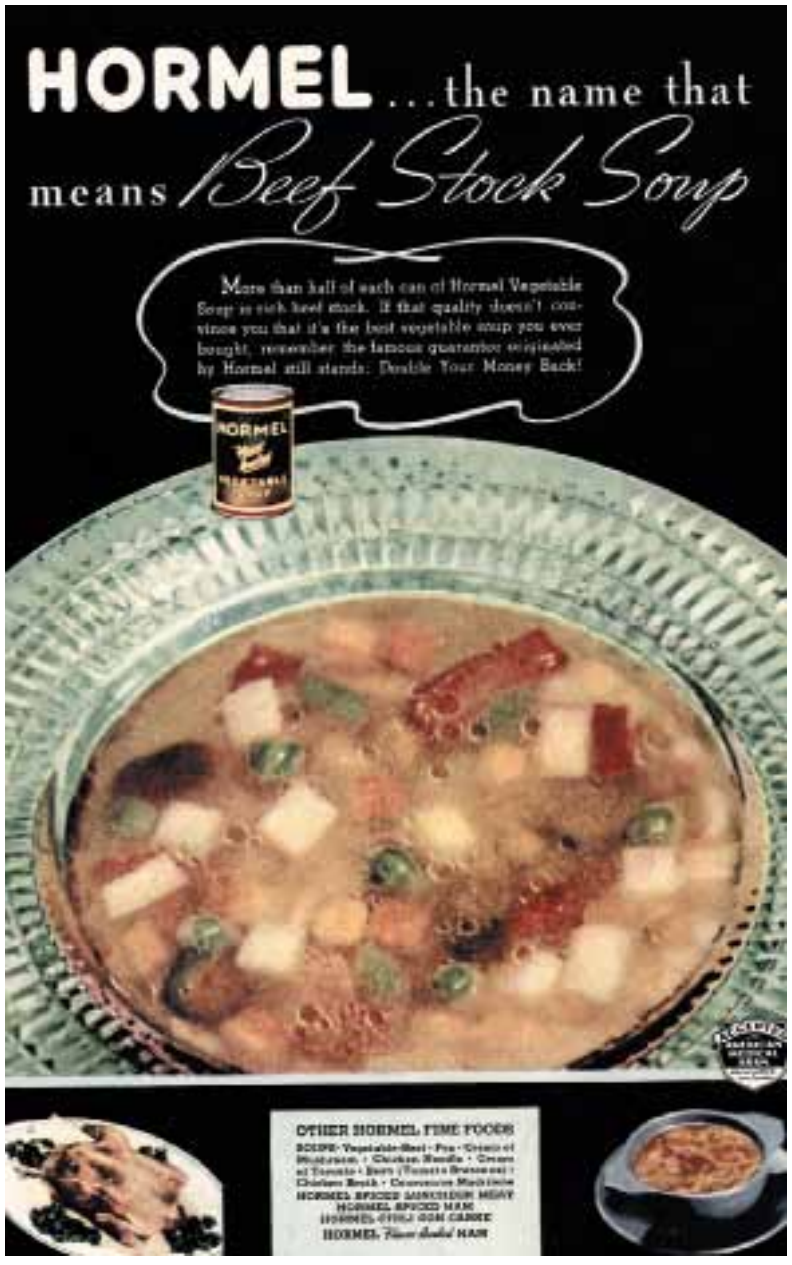
Ваннинг был ошеломлен.

— Так значит, чемодан находится в будущем, отстоящем на миллион лет?

— Не знаю, насколько далеко, но думаю, что очень. Слишком мало данных для решения такого сложного уравнения. Я делал выводы главным образом с помощью индукции, но результаты совершенно безумные. Эйнштейн был бы в восторге. Моя теория утверждает, что Вселенная одновременно сжимается и увеличивается.

— Но как это связано...

— Движение — понятие относительное, — неумолимо



продолжал Гэллегер, — это главный принцип. Разумеется, Вселенная увеличивается, расползается, как газ, но вместе с тем ее составные части сжимаются. Это значит, что они не растут в буквальном смысле слова... во всяком случае, не солнца и не атомы. Они просто удаляются от центра, мчатся во всех возможных направлениях... Погоди, о чем это я говорил? Ах да, Вселенная, взятая как единое целое, сжимается.

— Хорошо, пусть себе сжимается. А где мой чемодан?

— Я тебе уже сказал: в будущем. Я дошел до этого с помощью индуктивного рассуждения. Все просто и логично, но доказать ничего нельзя. Сто, тысячу, миллион лет назад Земля — как и вся прочая Вселенная — была больше, чем сейчас. И все продолжает сжиматься. Когда-нибудь в будущем она будет вполовину меньше, но мы этого не заметим, потому что и Вселенная уменьшится пропорционально.

Гэллегер зевнул и сонно продолжал:

— Мы сунули в шкаф стол, который оказался где-то в будущем, потому что шкаф, как я уже говорил, это окно в другое время. И на стол подействовали условия, типичные для того времени. Стол съежился после того, как мы дали ему несколько секунд на поглощение энтропии или чего-то там еще. Только вот была ли это энтропия? А бог ее знает!..

— Но он превратился в пирамиду.

— Видимо, процесс сопровождается метрическим искажением. А может, это просто оптическая иллюзия. Может, мы просто не так все видим. Сомневаюсь, что в будущем вещи и вправду будут выглядеть иначе — кроме того, что станут меньше, — но сейчас мы пользуемся окном в четвертое измерение, как если бы мы смотрели через призму. Размер действительно меняется, а форма и цвет кажутся иными нашим глазам, смотрящим сквозь призму четвертого измерения.

— Значит, мой чемодан попал в будущее, да? Но почему он исчез из шкафа?

— А помнишь существо, которое ты раздавил? Может, у него есть приятель? Они могли быть невидимы вне очень узкого... как же его... — ага! — поля зрения. Представь: где-то в будущем — через сто, тысячу или миллион лет ни с того ни с сего появляется чемодан. Один из наших потомков начинает разбираться с ним, и тут ты его убиваешь. Приходят его друзья и забирают чемодан, вынося его за пределы шкафа. Если говорить о пространстве, чемодан может быть где угодно. А вот время здесь — величина неизвестная. Сейчас плюс *x*. На этом и основано действие сейфа. Ну, что скажешь?

— Черт возьми! — взорвался Ваннинг. — И это все, что ты можешь сказать? Значит, о чемодане можно забыть?!

— Ага. Разве что ты сам за ним отправишься. Но бог знает, где ты окажешься. За несколько тысяч лет состав воздуха, вероятно, изменится. А может, будут и другие перемены.

— Ну, уж не настолько я глуп.

Ну и дела! Облигации исчезли, и не было надежды получить их обратно. Ваннинг смирился бы с потерей, зная, что облигации не попадут в руки полиции, но оставалась еще проблема Макилсона, особенно после того, как пуля разбила стекло в конторе адвоката.

Встреча с Макилсоном не дала положительного результата: растратчик не сомневался, что Ваннинг хочет его надуть. Когда адвокат выкидывал его из конторы, он ругался и грозил, что пойдет в полицию и признается...

Ну и пусть идет, все равно улик никаких. Чтоб его черти взяли! Однако для верности Ваннинг решил засадить своего бывшего клиента за решетку. Впрочем, из этого ничего не вышло. Макилсон дал в зубы посыльному, принесшему вызов в полицию, и удрал. И сейчас Ваннинг подозревал, что тот где-то скрывался, вооруженный и готовый его пристрелить. Вот всегда так с типами, склонными к маниакально-депрессивному психозу.

Ваннинг потребовал двух полицейских для охраны — ввиду угрозы для жизни он имел на это право. До поимки Макилсона Ваннинг будет пользоваться их услугами, а уж он позаботится, чтобы охраняли его двое самых крепких парней во всей манхэттенской полиции. Кстати, он имел случай убедиться, что им поручили и дело о замшевом чемодане.

Ваннинг позвонил Хэттону и улыбнулся экрану.

— Ну, как успехи?

— Что вы имеете в виду?

— Моих телохранителей и ваших шпиков. Они не найдут облигаций, Хэттон, так что лучше отзовите их. Два дела одновременно — слишком сложно для этих бедняг.

— Достаточно, если они справятся с одним и найдут вещественное доказательство. А если Макилсон размозжит вам голову, я плакать не буду.

— Встретимся в суде, — сказал Ваннинг. — Вы обвиняете Уотсона, так?

— Так. А вы отказываетесь от скополамина?

— В отношении присяжных? Конечно. Дело у меня в кармане.

— Это вам так кажется, — сказал Хэттон и выключил связь.

Весело смеясь, Ваннинг надел пальто, забрал своих телохранителей и отправился в суд. Макилсона не было и следа...

Дело он выиграл, как и ожидал. Вернувшись в офис, он выслушал несколько несущественных новостей, которые передала ему девушка, обслуживающая коммутатор, и прошел в свой личный кабинет. Первое, что он увидел, открыв дверь, — это замшевый чемодан, лежавший на ковре в углу комнаты.

Ваннинг так и застыл с рукой на ручке двери. Позади слышались тяжелые шаги охранников. «Минуточку»... — сказал он через плечо, метнулся в кабинет, закрыл за собой дверь и еще услышал удивленный вопрос. Чемодан. Несомненно, тот

самый. И так же несомненно за его спиной были два фараона, которые после краткого совещания принялись колотить в дверь, пытаясь ее выломать.

Ваннинг позеленел. Он неуверенно шагнул вперед и увидел в углу шкаф.

Идеальный тайник... Именно то, что надо! Если он сунет туда чемодан, тот станет неузнаваем. Неважно, если он снова исчезнет, главное — избавиться от улики.

Дверь начала подаваться. Ваннинг подбежал к чемодану, поднял его с пола и тут краем глаза заметил какое-то движение. В воздухе над ним появилась рука. Это была рука гиганта с идеально белым манжетом, расплывающимся где-то вверху. Огромные пальцы тянулись к нему...

Ваннинг заорал и отскочил, но недостаточно быстро. Рука схватила его, и напрасно адвокат молотил руками по ладони — она тут же сомкнулась в кулак. Когда кулак раскрылся, из него, пятная ковер, выпало то, что осталось от Ваннинга. Рука исчезла, дверь сорвалась с петель, рухнула на пол, и охранники, спотыкаясь о нее, ввалились в комнату.

Вскоре явился Хэттон со своими людьми. Впрочем, тут мало что можно было сделать, разве что прибрать. Замшевый чемодан, содержащий двадцать пять тысяч кредитов в облигациях, перенесли в безопасное место, тело Ваннинга собрали и отправили в морг. Фотографы сверкали вспышками, эксперты-дактилоскописты сыпали порошок, рентгенотехники суетились со своим оборудованием. Все было сделано быстро и умело; через час контора была пуста и опечатана.

Потому-то никто и не видел второго явления гигантской руки, которая опять возникла ниоткуда, пощупала вокруг, словно чего-то искала, и исчезла...

Единственным, кто мог пролить на это дело хоть какой-то свет, был Гэллегер, но его слова, произнесенные в одиночестве лаборатории, слышало только «Чудовище».

— Так вот почему лабораторный стол появился здесь вчера на несколько минут. Гммм... Сейчас плюс *x* равно примерно неделе. А почему бы и нет? Все в мире относительно. Вот уж не думал, что Вселенная сжимается с такой скоростью!

Он поудобнее вытянулся на диване и влил себе в глотку двойное мартини.

— Да, так оно и есть, — буркнул он. — Ваннинг, пожалуй, единственный человек, который оказался в середине будущей недели и... погиб! По такому случаю я, пожалуй, напьюсь.

И напился.

Ex machina

— Идею мне подсказала бутылка с надписью «Выпей меня», — неуверенно произнес Гэллегер. — В технике я ничего не смыслю, разве что когда напьюсь. Не могу отличить электрона от электрода, знаю только, что один из них невидим. То есть иногда отличаю, но, бывает, путаю. Семантика — вот моя главная слабина.

— Твоя главная слабина — пьянство, — откликнулся прозрачный робот, со скрипом закидывая ногу на ногу. Гэллегер скривился.

— Ничего подобного. Когда я пью, голова у меня работает нормально, и только протрезвев, я начинаю делать глупости. У меня техническое похмелье. Настроение в жидком виде вытекает у меня через глаза. Верно я говорю?

— Нет, — ответил робот, которого звали Джо. — Ты просто разнюнился и ничего больше. Ты включил меня только для того, чтобы было кому поплакаться в жилетку? Я сейчас занят.

— Занят? Чем же?

— Анализом философии. Вы, люди, уродливые создания, но идеи у вас бывают превосходные. Ясная логика чистой философии была для меня настоящим откровением.

Гэллегер буркнул что-то о вредном излучении, похожем на алмаз, и продолжал плакаться, потом вспомнил бутылку с

надписью «Выпей меня», а та в свою очередь напомнила ему об алкогольном органе, стоящем возле дивана. Гэллегер, пошатываясь, побрел через лабораторию, огибая пузатые предметы, которые могли бы быть генераторами — «Чудовищем» и «Тарахтелкой» — не будь их три штуки. Эта мысль мгновение поплескалась в его мозгу. Кстати, один из генераторов все время на него таращился. Гэллегер отвернулся, упал на диван и принялся манипулировать ручками. Несмотря на все старания, в его пересохшее горло не вытекло из трубки ни единой капли алкоголя, он вынул изо рта мундштук и приказал Джо принести пиво.

Стакан был полон до краев, когда он подносил его к губам, но опустел прежде, чем он успел сделать хотя бы глоток.

— Очень странно, — сказал Гэллегер. — Я не готов к роли Тантала.

— Кто-то выпивает твое пиво, — объяснил Джо. — А теперь оставь меня в покое. Мне пришло в голову, что если я овладею основами философии, то смогу еще полнее оценить свою красоту.

— Несомненно, — ответил Гэллегер. — Пшел прочь от зеркала. А кто выпил мое пиво? Маленький зеленый чертик?

— Маленькая коричневая зверушка, — невразумительно объяснил Джо и вновь повернулся к зеркалу, не обращая внимания на разъяренного Гэллегера.

Бывали минуты, когда Гэллоуэй Гэллегер мечтал связать Джо и уничтожить его, облив соляной кислотой. Но вместо этого он налил себе еще стакан пива. Впрочем, с тем же результатом.

В ярости вскочил он на ноги и налил себе содовой. Вероятно, маленькая коричневая зверушка любила этот напиток еще меньше, чем он сам: вода не исчезла. Уже не так мучимый жаждой, но по-прежнему ошеломленный Гэллегер обошел третий генератор со светло-голубыми глазами и угрюмо осмотрел

инструменты, валявшиеся на лабораторном столе. Еще там стояли бутылки, полные подозрительных жидкостей, явно безалкогольных, но этикетки говорили ему либо мало, либо вообще ничего. Подсознание Гэллегера, освобожденное накануне алкоголем, пометило их, чтобы облегчить опознание, но поскольку Гэллегер Бис, хоть и был гениальным изобретателем, мыслил довольно странно, этикетки ничем не могли помочь. Одна из них сообщала: «Только кролики», другая спрашивала: «Почему бы и нет?», а третья извещала: «Рождественская ночь».

Кроме этого там громоздилась сложная конструкция из колесиков, шестеренок, трубок и лампочек, подключенная к сети.

— Cogito ergo sum[1], — тихо пробормотал Джо. — Если мне никто не мешает. Гмм...

— Что ты там болтал о маленькой коричневой зверушке? — поинтересовался Гэллегер. — Она и вправду существует, или ты так бредишь?

— А что такое реальность? — спросил Джо, еще более запутывая ситуацию. — Я еще не пришел к удовлетворительному ответу на этот вопрос.

— Удовлетворительному ответу!? — взвился Гэллегер. — Я просыпаюсь с жутким похмельем и не могу ничего выпить, а ты болтаешь о каких-то маленьких коричневых зверушках, которые пьют мое пойло. Да еще цитируешь устаревшие философские формулы! Дай мне только добраться до лома — вон он стоит в углу, — и сразу кончатся и твое мышление, и твое существование.

Джо сдался.

---

[1] *Cogito ergo sum (лат.)* — Мыслю — следовательно, существую. Исходный принцип философии Рене Декарта.

— Это очень маленькое существо, которое движется с огромной скоростью. Так быстро, что его просто не видно.

— Как же ты его заметил?

— Я его не замечал. Я его сенсировал, — объяснил Джо, наделенный неведомыми людям органами чувств.

— А где она сейчас?

— Минуту назад вышла.

— Ну что ж... — Гэллегер никак не мог найти подходящих слов. — Вчера вечером тут явно что-то произошло.

— Разумеется, — согласился Джо. — Но ты меня выключил, как только вошел тот гадкий человек с большими ушами.

— Ты слишком много болтал своим пластиковым языком... Какой еще человек?

— Гадкий. Ты сказал дедушке, чтобы он шел погулять, но никак не мог оторвать его от бутылки.

— Дедушка. Ага... А где он сейчас?

— Может, вернулся к себе в Мэйн, — предположил Джо. — Он все время грозился уехать.

— Старик никогда не уезжает, пока не осушит весь погреб, — сказал Гэллегер.

Он включил аудиосистему и проверил все комнаты, но не получил ответа. Потом встал и начал поиски. Деда нигде не было.

Вернувшись в лабораторию и пытаясь не обращать внимания на третий генератор с большими голубыми глазами, Гэллегер вновь принялся разглядывать предметы на столе. Джо, все так же торчащий перед зеркалом, заявил, что верит в основополагающую философию интеллектуализма. Однако, добавил он, видя, что интеллект Гэллегера по-прежнему пребывает в состоянии невесомости, стоит включить магнитофон и послушать, что происходило здесь вчера вечером. Это была недурная мысль. Некоторое время назад, отлично зная, что трезвый Гэллегер не может вспомнить приключений Гэллегера пьяного даже под угрозой смертной казни, изобретатель

установил в лаборатории видеокамеру, которая включалась сама, если того требовала обстановка. На каких принципах действовало это устройство, Гэллегер не смог бы объяснить. Каким-то чудесным образом оно проверяло содержание алкоголя в крови своего хозяина и начинало запись, когда тот достигал определенной кондиции. Сейчас аппарат был закрыт тканью. Придвинув поближе экран, Гэллегер начал просматривать события прошлого вечера и слушать запись разговоров.

Джо стоял в углу отключенный и, вероятно, размышлял. Дедушка — маленький сухой человечек с бурым лицом, похожий на щелкунчика — сидел на стуле, прижимая к себе бутылку. Гэллегер как раз вынимал изо рта мундштук алкогольного органа, закачав в себя достаточно много, чтобы включилась камера.

Средних лет худощавый мужчина с большими ушами, очень оживленный, подпрыгивал на краю дивана, не сводя глаз с хозяина.

— Вздор! — сказал дедушка писклявым голосом. — Когда я был молод, медведей убивали голыми руками. Все эти ваши современные идеи...

— Дедушка, — прервал его Гэллегер, — заткнись. Не настолько ты стар. А кроме того, ты известный враль.

— Помню, однажды в лесу на меня вышел медведь. Оружия у меня не было. И знаете, что я сделал? Сунул ему руку в пасть и...

— Твоя бутылка пуста, — заметил Гэллегер.

Последовала пауза, во время которой удивленный старик проверял, правда ли это. Оказалось, что нет.

— Мне горячо рекомендовали вас, — сказал мужчина с большими ушами. — Надеюсь, вы мне поможете. Мы с партнером оказались в трудном положении.

Гэллегер недовольно посмотрел на него.

— Так у вас есть партнер? И кто же он? И, кстати, сами-то кто такой?

Воцарилась мертвая тишина — мужчина с большими ушами пытался преодолеть замешательство. Дедушка опустил бутылку и сказал:

— Она не была пуста, но теперь опустела. Где следующая?

Человек с большими ушами произнес слабым голосом:

— Мистер Гэллегер, мы же обговорили...

— Знаю, — ответил Гэллегер. — Извините. Это все потому, что я ни черта не смыслю в технике, пока... э-э... меня не осенит. Тогда я делаюсь гением. Но страшно рассеянным. Я наверняка смогу решить вашу проблему, но, к сожалению, забыл, в чем она заключается. Вам лучше всего начать сначала. Кто вы такой и сколько мне уже заплатили?

— Меня зовут Джонас Хардинг, — ответил мужчина. — У меня с собой пятьдесят тысяч кредитов, но мы с вами еще не пришли к соглашению.

— Гоните бабки — и сразу договоримся, — заметил Гэллегер с плохо скрываемой жадностью. — Деньги мне нужны.

— Конечно, они тебе нужны, — вставил дедушка, не прекращая искать бутылку. — Твой счет пуст, в банке при виде тебя закрывают двери. Кстати, я бы выпил.

— Попробуй орган, — подсказал ему Гэллегер. — Итак, мистер Хардинг...

— Лучше бутылку. Не верю я этим твоим штучкам.

Мужчина, несмотря на свою заинтересованность, не скрывал растущего скептицизма.

— Что касается денег, — заметил он, — думаю, сначала нам нужно поговорить. Мне горячо рекомендовали вас, но, возможно, я пришел не вовремя и вы не в форме.

— Ничуть не бывало.

— Не понимаю, почему я должен давать вам деньги, пока мы не договорились, — осторожничал Хардинг. — Ведь вы даже не помните, кто я и что мне нужно.

Гэллегер вздохнул и сдался.

— Ну ладно. Тогда расскажите, кто вы и что вам нужно. То есть...

— Я уеду домой, — пригрозил дедушка. — Где бутылка?

Хардинг в отчаянии произнес:

— Мистер Гэллегер, все имеет свои границы. Я прихожу к вам, ваш робот с ходу меня оскорбляет, а ваш дед поит меня самогоном. Вы меня почти отравили...

— Самогон я всосал с молоком матери, — буркнул дедушка. — Нынешняя молодежь пить не умеет.

— В таком случае перейдем к делу, — предложил Гэллегер. — Мне уже лучше. Я только лягу на диван, и — можете начинать. — Он улегся, лениво потягивая джин из мундштука органа. Дед выругался. — Я вас слушаю. С самого начала.

Хардинг слабо вздохнул.

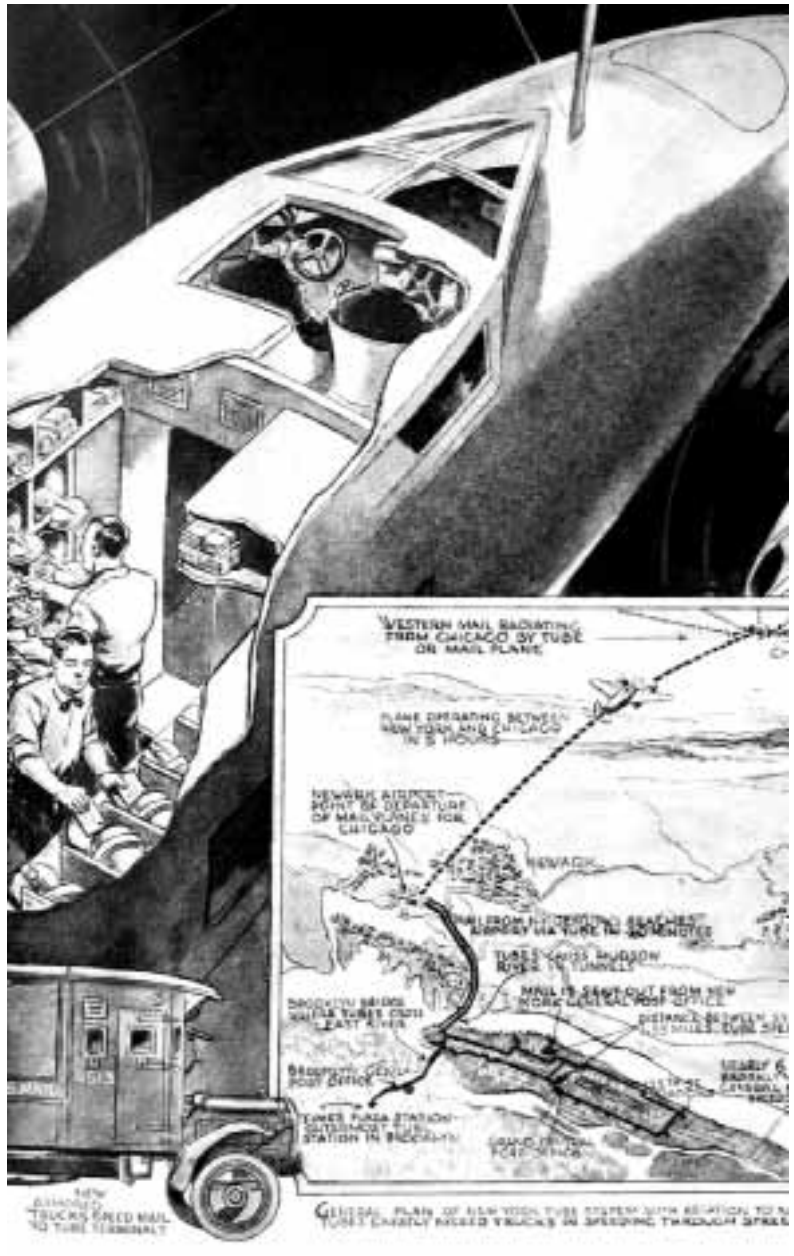
— Я совладелец фирмы «Надпочечники Лимитед». Мы предлагаем обслуживание в духе нашего времени. Как я уже говорил...

— Я все забыл, — буркнул Гэллегер. — Нужно было снять копию. Чем вы, собственно, занимаетесь?

— Пожалуйста, вот копия для вас. Мы занимаемся стимуляцией работы надпочечных желез. Сегодня человек живет спокойно и безопасно...

— Ха! — с горечью вставил Гэллегер.

— ...благодаря различным удобствам и устройствам, развитию медицины и общей структуре общественной жизни. Так вот, надпочечная железа выполняет очень важную роль в организме нормального здорового человека. — Хардинг явно оседлал любимого конька. — Когда-то давно мы жили в пещерах и, когда из джунглей выходил тигр, наши надпочечные железы начинали работать, поставляя организму адреналин. Следовала вспышка активности, побуждающая либо к схватке, либо наоборот — к бегству, и именно этот временный приток в кровь адреналина регулировал весь химизм организма.



Я уже не говорю о достоинствах психической природы. Человек — существо агрессивное. Постепенно этот инстинкт утрачивается, но его можно пробудить, искусственно стимулируя надпочечные железы.

— Может, выпьем? — с надеждой в голосе предложил дедушка. Из лекции Хардинга он не понял ни черта.

Хардинг доверительно наклонился вперед.

— Развлечения, — сказал он. — Вот в чем дело. Мы предлагаем людям приключение. Безопасное, возбуждающее, очаровательное приключение для пресыщенных современных мужчин и женщин. Это не тот суррогат, который предлагает телевидение; мы даем настоящее приключение. «Надпочечники Лимитед» обеспечивает суперприключение, гарантируя при этом как физическое, так и психическое здоровье. Вы должны были видеть наши рекламы: «Ты хандришь? Ты устал? Отправляйся на охоту и вернешься иным человеком — мир будет принадлежать тебе».

— На охоту?

— Организация охоты — самая популярная из наших услуг, — ответил Хардинг, вновь переходя на деловой тон. — Впрочем, здесь нет ничего нового. Уже долгие годы бюро путешествий предлагают волнующую охоту на тигров в Мексике...

— В Мексике нет никаких тигров, — вставил дедушка. — Я там бывал. Предупреждаю, если ты не найдешь мне бутылку, я сейчас же уеду в Мэйн.

Однако Гэллегера проблема захватила.

— Откровенно говоря, не понимаю, чем могу вам помочь. Я не могу поставлять вам тигров.

— Мексиканский тигр относился к семейству кошачьих. Кажется, его называют пумой. По всему миру у нас размещены заповедники — они влетают нам в копеечку, — где и проходят охоты, заранее спланированные до мельчайших деталей. Опасность нужно свести до минимума, точнее, исключить

совершенно. Однако должна существовать видимость опасности, в противном случае клиент не оценит приключения. Мы пытались так дрессировать животных, чтобы в последний момент они отступали, но, честно сказать, особых успехов не добились. С грустью должен признать, что таким образом мы потеряли нескольких клиентов. Деньги в дело вложены большие и их нужно возвращать, однако мы пришли к выводу, что нельзя использовать ни тигров, ни каких-то иных крупных хищников. Это просто опасно. Но какая-то видимость опасности, конечно, необходима. Проблема заключается в том, что мы постепенно опускаемся до уровня стрелкового клуба, а в стрельбе по тарелочкам опасности ни на грош.

— Если вы хотите получить настоящее удовольствие, поезжайте со мной в Мэйн, и я покажу вам настоящую охоту. В наших горах и сейчас водятся медведи.

— Я начинаю понимать, — сказал Гэллегер. — Но если говорить об элементе опасности... интересно! Собственно, что такое опасность?

— Опасность — это когда кто-то хочет до тебя добраться, — объяснил дедушка.

— Неизвестное или чуждое тоже опасно по той простой причине, что мы его не понимаем. Поэтому истории о призраках всегда пользовались успехом. Рычание в темноте пугает сильнее, чем сам тигр при дневном свете.

Хардинг кивнул.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, но есть еще одна заковыка. Зверь не должен быть легкой добычей — что за удовольствие убивать кролика! И, разумеется, мы должны снабжать наших клиентов самым современным оружием.

— Почему?

— По соображениям безопасности. Проблема в том, что со всеми этими радарами и усилителями обоняния любой дурак сумеет выследить и подстрелить зверя. В этом нет никакого

риска, разве что дело коснется тигра-людоеда, но такой риск великоват для наших клиентов.

— Ну, так чего же вы от меня хотите?

— Я и сам не знаю, — медленно произнес Хардинг. — Может, какое-то новое животное. Чтобы оно соответствовало требованиям «Надпочечников». Но я просто не знаю, что бы это могло быть, иначе не пришел бы к вам.

— Трудно создавать новых животных из ничего.

— А где же их взять?

— Об этом я и думаю. С других планет? Из иных потоков времени, иных вселенных? Были у меня когда-то забавные зверушки из марсианского будущего, но они бы тут не подошли.

— Значит, с других планет?

Гэллегер встал, подошел к лабораторному столу и начал соединять какие-то шестеренки и трубки.

— Есть у меня одна идея. Скрытые резервы человеческого мозга... Мои скрытые резервы начинают пробуждаться к жизни. Сейчас, сейчас... А может...

Под руками Гэллегера начало складываться какое-то новое устройство, однако изобретатель непрерывно думал о чем-то. Внезапно он выругался, бросил все и вновь прильнул к алкогольному органу. Дед попытался сделать то же самое, но, поперхнувшись первым же глотком джина, пригрозил, что вернется домой, заберет с собой Хардинга и покажет тому настоящую охоту.

Гэллегер столкнул старика с дивана.

— Мистер Хардинг, — сказал он, — завтра все будет готово. Еще один штрих...

— Я много о вас слышал, мистер Гэллегер, — сказал Хардинг, вынимая пачку банкнот. — Вы умеете работать только под нажимом. Вам нужно чувствовать нож у горла, иначе вы ничего не сделаете. Ну так как? Пятьдесят тысяч кредитов. — Он посмотрел на часы. — Даю вам час. Если за это время вы не решите мою проблему, наш договор будет расторгнут.

Гэллегер вскочил с дивана как ошпаренный.

— Вы шутите. Что такое один час?

Хардинг упрямо повторил:

— Я человек серьезный и знаю о вас достаточно, чтобы понять, какой вы породы. Я могу найти других специалистов, и вам это хорошо известно. Итак, даю вам час. Если нет, я ухожу и уношу с собой пятьдесят тысяч кредитов!

Гэллегер пожирал деньги глазами. Он наскоро глотнул спиртного, тихо выругался и вернулся к начатому агрегату. На этот раз он работал без остановок.

Через несколько минут с лабораторного стола прямо ему в глаза ударил луч света. Гэллегер с воплем отскочил.

— С вами все в порядке? — обеспокоенно поинтересовался Хардинг.

— Разумеется, — буркнул Гэллегер, отключая ток. — Кажется, я понял, в чем тут дело. Этот свет... о-о-о!

Он быстро заморгал, потом подошел к алкогольному органу, глотнул и повернулся к Хардингу.

— Я начинаю понимать, что вам нужно. Но не знаю, сколько времени это займет. — Он скривился. — Дед, ты ковырялся в органе?

— Не знаю, я только нажал несколько клавиш.

— Так я и думал. Это вовсе не джин. Бр-р-р!

— А что, самогон? — заинтересовался старик и направился к органу, чтобы снова попробовать.

— Ничего подобного, — ответил Гэллегер, подползая на коленях к видеокамере. — А это что? Шпион? Мы тут знаем, что делать со шпионами, ты, мерзкий доносчик. — С этими словами он встал, схватил одеяло и накинул на агрегат.

Разумеется, экран тут же погас.

— Каждый раз я умудряюсь перехитрить самого себя, — заметил Гэллегер, выключая магнитофон. — Я взял на себя труд сделать это устройство, а потом заслонил его в тот момент,

когда начались действительно интересные события. Теперь я знаю меньше, чем прежде, потому что увеличилось число неизвестных.

— Мир познаваем, — буркнул Джо.

— Любопытная концепция, — признался Гэллегер. — Но греки додумались до этого уже довольно давно. Думаю, если ты хорошенько поработаешь головой, то вскоре откроешь, что дважды два — четыре.

— Тихо, жалкий человек, — сказал Джо. — Сейчас я перехожу к абстракциям. Пойди открой дверь и оставь меня в покое.

— Дверь? А зачем? Ведь никто не звонил.

— Сейчас позвонят, — заверил его Джо. — О, слышишь?

— Гости с самого утра, — вздохнул Гэллегер. — Впрочем, может, это дед. — Он нажал кнопку, вгляделся в экран, но так и не узнал типа с лошадиной челюстью и густыми бровями. — Входите, — пригласил он, — и следуйте за ведущей линией.

Он алчно метнулся к органу.

Человек с лошадиной челюстью вошел в комнату, а Гэллегер сказал:

— Быстро, а то за мной гонится маленькая коричневая зверушка, которая выпивает все спиртное. Есть и еще парочка проблем, но эта самая главная. Я умру, если не выпью, так что говорите, в чем дело, и уходите. Надеюсь, я не должен вам денег?

— Это как посмотреть, — ответил мужчина с сильным шотландским акцентом. — Меня зовут Мердок Маккензи, а вы, надо полагать, мистер Гэллегер. Доверия вы у меня не вызываете. Где мой партнер и пятьдесят тысяч кредитов, которые были при нем?

Гэллегер задумался.

— Ваш партнер? Может, вы имеете в виду Джонаса Хардинга?

— Именно его. Моего партнера по фирме «Надпочечники Лимитед».

— Я его и в глаза не видел...

Однако тут вмешался Джо:

— Это тот мерзкий тип с большими ушами. Ну и гадок же он был!

— Все сходится, — кивнул Маккензи. — Я заметил, что эта ваша жужжащая машинка использовала прошедшее время. Вы случайно не убили моего партнера и не избавились от его тела с помощью какого-нибудь вашего изобретения?

— Интересно, с чего вы это решили, — сказал Гэллегер. — Может, у меня на лбу каинова печать? Или вы просто спятили?

Маккензи массировал свою лошадиную челюсть, одновременно разглядывая Гэллегера из-под густых бровей.

— Честно сказать, не велика потеря, — признался он. — В делах от него толку нет, он слишком пунктуален. Но, отправляясь к вам вчера вечером, он взял с собой пятьдесят тысяч кредитов. К тому же остается вопрос насчет тела, ведь страховая сумма огромна. Между нами, мистер Гэллегер, я бы ничего не имел против, если бы вы убили моего незадачливого партнера и забрали себе эти пятьдесят тысяч. Более того, я, пожалуй, оставил бы вам из них, скажем... десять тысяч. Но с условием, что вы представите документальное доказательство смерти Джонаса, чтобы мои доверители были удовлетворены.

— Логика, — восхищенно заметил Джо. — Чудесная логика. Удивительно, как эта логика может исходить от такого непрозрачного чудовища.

— Я выглядел бы еще чудовищнее, если бы имел такую же прозрачную кожу, как ты, — ответил Маккензи. — Конечно, если анатомические атласы не врут. Однако мы говорили о теле моего партнера.

— Невероятно! — со злостью сказал Гэллегер. — Ведь в этом случае вы становитесь соучастником преступления.

— Ага, значит, вы признаетесь?

— Ни в коем случае! Вы слишком самоуверенны, мистер Маккензи. Держу пари, что вы сами убили Хардинга, а теперь пытаетесь подставить меня. С чего вы решили, что он мертв?

— Согласен, это требует объяснения, — заметил Маккензи. — Джонас был человеком серьезным, ни разу не бывало, чтобы он не явился на встречу, что бы ни случилось. Вчера вечером и сегодня утром у него были назначены встречи, в том числе и со мной. Кроме того, отправляясь к вам, он имел при себе пятьдесят тысяч кредитов.

— Откуда вам известно, что он сюда дошел?

— Я подвез его, высадил у ваших дверей и видел, как он входил.

— Однако вы не видели, как он выходит, а он все-таки вышел, — сказал Гэллегер.

Маккензи, нисколько не смущенный, принялся загибать свои костлявые пальцы:

— Мистер Гэллегер, сегодня утром я просмотрел записи о вас, и результат, признаться, неутешительный. В прошлом вы были замешаны в какие-то темные дела и не раз обвинялись в различных преступлениях. Доказать ничего не удавалось, но я подозреваю, что вы просто очень хитры. Полиция наверняка согласилась бы со мной.

— И на этот раз они ничего не докажут. Хардинг скорее всего дома, в своей кровати.

— А вот и нет. А пятьдесят тысяч кредитов — это куча денег, не говоря уже о его страховке, она еще больше. Фирма окажется в неприятном положении, если Джонас не отыщется, и дело наверняка кончится судебным процессом, а это дорогое удовольствие.

— Но я не убивал вашего партнера! — закричал Гэллегер.

— Ага, — усмехнулся Маккензи. — А если я сумею доказать, что это сделали вы, выигрыш для меня будет огромный. Надеюсь, вы понимаете ситуацию, мистер Гэллегер. Не лучше

ли признаться, сказать, что вы сделали с телом, и получить свои пятьдесят тысяч?

— Вы говорили о десяти.

— Вы, наверное, сошли с ума, — с нажимом сказал Маккензи. — Я ничего такого не говорил. По крайней мере, вы не сможете этого доказать.

— Может, выпьем и поговорим? Мне пришла в голову новая мысль.

— Отличная идея!

Гэллегер нашел два стакана и настроил алкогольный орган. Один стакан он протянул Маккензи, но мужчина покачал головой и взял себе второй.

— В этом может быть яд, — сказал он. — Ваше лицо не внушает доверия.

Гэллегер игнорировал его замечание. Он надеялся, что с двумя полными стаканами таинственная коричневая зверушка не справится, и попытался выпить виски залпом, но вновь испытал танталовы муки: на язык попала всего одна капля. Стакан был пуст. Опустив его, он посмотрел на Маккензи.

— Дешевый трюк, — сказал гость, ставя свой стакан на стол. — Я не напрашивался на даровую выпивку. Но как вы сделали, что виски исчезло?

Разочарованный Гэллегер буркнул:

— Я колдун, продал душу дьяволу. За два цента я могу сделать так, чтобы вы тоже исчезли.

Маккензи пожал плечами.

— Я не боюсь. Если бы вы могли, то давно бы так и сделали. Но что касается колдовства, я не настолько скептичен, особенно после того, как увидел это чудовище в углу. Он указал на третий генератор, который вовсе не был генератором.

— Вы хотите сказать, что тоже его видите?

— Я вижу больше, чем вы можете себе представить, мис-

тер Гэллегер, — загадочно ответил Маккензи. — И вообще, я иду в полицию.

— Минуточку... Это вам ничего не даст.

— Разговор с вами даст мне еще меньше. Раз вы так упираетесь, я попробую вызвать полицию. Если они сумеют доказать, что Хардинг мертв, я хоть получу его страховку.

— Подождите немного. Ваш партнер действительно был здесь. Он хотел, чтобы я помог решить одну проблему.

— И вы помогли?

— Н-нет, но вообще-то...

— Тогда и говорить не о чем, — ответил Маккензи и направился к дверям. — Мы вскоре увидимся.

Маккензи вышел, а Гэллегер задумчиво опустился на диван. Потом он поднял голову и принялся разглядывать третий генератор. Это был приземистый бесформенный предмет, нечто вроде усеченной пирамиды, и он пялился на него парой голубых глаз. Глаз, агатов или покрашенных в голубой цвет кусочков металла — Гэллегер не был уверен, что у него там такое. Предмет имел три фута в высоту и около трех футов в основании каждой стороны.

— Джо, — позвал Гэллегер, — почему ты мне об этом не сказал?

— Я думал, ты сам видишь.

— Я вижу, но не знаю, что это такое.

— Я тоже понятия не имею.

— А откуда он взялся?

— Только твое подсознание может знать, что ты сотворил вчера вечером. Может, знают еще дедушка и Джонас Хардинг, но их нигде нет.

Гэллегер подошел к видеофону и заказал разговор с Мэйном.

— Дедушка мог вернуться домой. Маловероятно, чтобы он взял с собой Хардинга, но нельзя исключать и эту возможность. Лучше проверить. Одно я знаю точно: у меня перестали

слезиться глаза. Что это за штуку я собрал вчера вечером? — Он подошел к лабораторному столу и принялся изучать таинственную конструкцию. — Интересно, зачем я сунул туда рожок для обуви...

— Если бы у тебя всегда были под рукой нужные детали, Гэллегеру Бис не приходилось бы использовать что попало, — безжалостно заметил Джо.

— Угу... должно быть, я упился, и мое подсознание снова взяло верх... Нет, так нельзя! Джо, я больше не могу! Нужно бросать пить!

— Интересно, был ли прав Декарт?

— Что ты на меня таращишься?! — рявкнул Гэллегер. — Мне нужна помощь!

— От меня ты ее не получишь, — ответил Джо. — Дело совершенно ясное, нужно лишь пошевелить мозгами.

— Ясное? Ну, валяй, я тебя слушаю.

— Сначала я должен проверить одну философскую концепцию.

— Можешь не спешить. Когда я буду гнить в тюрьме, ты сможешь посвятить все время философским абстракциям. Налей-ка мне пива! Впрочем, не надо, все равно я не смогу его выпить. Как выглядит эта маленькая коричневая зверушка?

— Поработай, наконец, головой, — сказал Джо.

— В таком состоянии из нее вышла бы хорошая гиря, — буркнул Гэллегер. — Ты знаешь ответы на все вопросы, так почему не скажешь мне, вместо того, чтобы нести всякий вздор?

— Мир познаваем, — изрек Джо. — Сегодня — это логическое следствие вчера. Разумеется, ты решил проблему, поставленную перед тобой «Надпочечниками Лимитед».

— Правда? Ага, Хардинг говорил о каком-то новом животном или о чем-то в этом духе.

— И что?

— У меня есть два, — ответил Гэллегер. — Маленький невидимый алкоголик и вот это голубоглазое создание, что сидит на полу. Гмм... но откуда я их взял? Из другого измерения?

— А я почем знаю? Откуда-то взял.

— Да уж, наверняка, — согласился Гэллегер. — Может, я собрал машину, которая принадлежит иному миру. И может, дедушка и Хардинг сейчас в том мире! Что-то вроде обмена пленными. Впрочем, не знаю... Хардинг имел в виду животных, которые были бы не опасны, и в то же время создавали видимость опасности, чтобы заставить клиентов дрожать от страха. Но где же тут элемент опасности? — Он глотнул. — Разумеется, эти создания производят впечатление. Я, во всяком случае, дрожу.

— «Поступление адреналина в кровь регулирует химизм всего организма», — процитировал Джо.

— Получается, что, решая проблему Хардинга, я поймал этих существ или приобрел их каким-то иным образом... гмм... — Гэллегер встал напротив бесформенного голубоглазого чудовища. — Эй, ты!.. — позвал он.

Ответа не было, лишь голубые глаза продолжали вглядываться в него. Гэллегер осторожно коснулся пальцем одного из них.

Никакой реакции. Глаз был неподвижен и тверд, как стекло. Гэллегер коснулся гладкой голубоватой кожи — она напоминала металл. Превозмогая страх, он попытался поднять создание с пола, но безуспешно. Либо оно было невероятно тяжело, либо имело снизу присоски.

— Глаза, — произнес Гэллегер, — и никаких других органов чувств. Нет, Хардингу нужно было явно не это.

— Это очень умно со стороны черепахи, — сказал Джо.

— Черепахи? А, что-то вроде броненосца, верно? Ты прав, пожалуй. Вот только как убить или хотя бы поймать такое? Внешняя оболочка твердая, а само существо неподвижно.

Такому животному не нужно сражаться или убегать — черепаха ведь ничего такого не делает. А барракуда бы просто спятила, если бы попыталась сожрать черепаху. Идеальное животное для изнеженного интеллектуала, нуждающегося в острых ощущениях. Да, но как быть с адреналином?

Джо молчал. Гэллегер задумался, потом взялся за реактивы и аппаратуру. Сначала он попробовал на неподвижном чудище алмазное сверло, потом различные кислоты. Всеми возможными способами он пытался расшевелить голубоглазое создание и, наконец, после часа усилий робот прервал его яростные проклятия.

— Ну, и как у тебя с адреналином? — с иронией спросил он.

— Заткнись! — рявкнул Гэллегер. — Эта штука только сидит и таращится на меня!

— Злость, так же как и страх, подстегивает надпочечники. Я думаю, что таким вот пассивным сопротивлением можно привести в бешенство любого человека.

— Верно, — признался Гэллегер, с которого стекал седьмой пот. Он пнул странное создание и направился к дивану. — Достаточно поднять показатель огорчения, и можно злость заменить раздражением. А что с этой коричневой зверушкой? На нее я нисколько не злюсь.

— Попробуй-ка выпить, — предложил Джо.

— Ты прав, я бешусь из-за этого маленького пьянчуги! Но если эта тварь движется так быстро, что ее не видно, то как ее можно схватить?

— Должен быть какой-то способ.

— Это существо так же неуловимо, как первое неприступно. Может, оно остановится, если накачается как следует?

— Тут все дело в обмене веществ.

— А-а, оно слишком быстро трезвеет, чтобы напиться? Возможно. Но тогда ему нужно очень много еды.

— А ты заглядывал на кухню? — спросил Джо.

Мысленно представляя пустую кладовку, Гэллегер встал и остановился перед голубоглазым созданием.

— А у этого вообще нет обмена веществ. Но должно же оно чем-то жить. Только вот чем? Воздухом? Возможно...

В дверь позвонили.

— Интересно, кто на этот раз? — буркнул Гэллегер и впустил гостя.

Вошел мужчина с воинственным выражением на румяном лице, сообщил Гэллегеру, что тот временно арестован, и вызвал своих людей, которые тут же принялись обыскивать квартиру.

— Вас прислал Маккензи? — спросил Гэллегер.

— Точно. Меня зовут Джонсон, криминальная полиция. Недоказанный акт насилия. Желаете связаться со своим адвокатом?

— Да, — подтвердил Гэллегер, ухватившись за эту возможность.

Он позвонил знакомому адвокату и принялся описывать ситуацию, в которой оказался. Однако собеседник прервал его:

— Очень жаль, но я не берусь за дела, где пахнет мошенничеством. Вы знаете мои условия.

— А кто говорит о мошенничестве?

— Ваш последний чек оказался без покрытия. На этот раз или наличные, или разговор окончен.

— Я... минуточку! Я только что закончил одну работу. У меня будут деньги...

— Прежде чем стать вашим адвокатом, я хотел бы увидеть их, — ответил неприятный голос, и экран погас.

Детектив Джонсон похлопал Гэллегера по плечу.

— Ага, значит, у вас на счету пусто? Вам нужны деньги?

— Это ни для кого не тайна. Но нельзя сказать, что я вылетел в трубу. Я только что закончил...

— Одну работу. Это я слышал. И разбогатели. А на какую сумму? Случайно не на пятьдесят тысяч кредитов?

Гэллегер глубоко вздохнул.

— Больше я не скажу ни слова, — произнес он и вернулся на диван, стараясь не обращать внимания на полицейских, переворачивающих его лабораторию вверх ногами. Ему нужен был адвокат. И срочно. Но как нанять адвоката без денег? А если связаться с Маккензи?..

Он позвонил ему. Маккензи выглядел довольным.

— О, — сказал он, — я вижу, полиция уже пришла.

— Я о той работе, которую подкинул мне ваш партнер, — начал Гэллегер. — Я решил вашу проблему. У меня есть то, что вам требуется.

— Неужто тело Хардинга? — оживился Маккензи.

— Нет, животные, которых вы просили. Идеальная дичь.

— Жаль, что вы не сказали этого раньше.

— Приезжайте немедленно и отзовите полицию, — настаивал Гэллегер. — Я говорю серьезно: у меня есть для вас идеальная дичь для охоты.

— Не знаю, смогу ли я отозвать этих гончих псов, — ответил Маккензи, — но уже еду. Только помните: я не заплачу вам ни гроша.

— Вот тебе на! — буркнул Гэллегер и выключил видеофон. Тот тут же зазвонил. Гэллегер коснулся трубки, и на экране появилось лицо женщины, которая сказала:

— Мистер Гэллегер, в связи с вашим запросом о дедушке сообщаем: он не вернулся в Мэйн. Это все.

Лицо исчезло, а Джонсон тут же сказал:

— А что случилось с вашим дедом?

— Я его съел, — скривился Гэллегер. — Почему бы вам не оставить меня в покое?

Джонсон что-то пометил в блокноте.

— Ваш дедушка. Хорошо... нужно проверить. А кста-

ти, что это такое сидит там? — он указал на голубоглазое существо.

— Я изучал случаи воспаления костного мозга у головоногих.

— Ага, понятно. Спасибо... Фред, проверь, что там с дедом этого парня. Куда ты смотришь?

— На этот экран. Он включен.

Джонсон подошел к магнитофону.

— Думаю, нужно его конфисковать. Вероятно, там нет ничего важного, но... — Он коснулся переключателя. Экран остался пустым, но голос Гэллегера произнес: «Мы тут знаем, что делать со шпионами, ты, мерзкий доносчик».

Джонсон вновь нажал переключатель и посмотрел на Гэллегера. Его румяное лицо оставалось неподвижным, пока перематывалась лента. Гэллегер сказал:

— Джо, дай мне тупой нож. Я хочу перерезать себе горло, но медленно и со вкусом.

Однако Джо, занятый философскими рассуждениями, не потрудился даже ответить.

Джонсон начал просматривать видеозапись. Достав какой-то снимок, он сравнил его с тем, что показывал экран.

— Отлично, это Хардинг. Спасибо, мистер Гэллегер, что сохранили это для нас.

— Пустяки, — откликнулся тот. — Я даже готов показать палачу, как ловчей завязать петлю у меня на шее.

— Ты записываешь, Фред? Вот хорошо.

Пленка неумолимо вращалась, а Гэллегер старался убедить себя, что на ней не может быть ничего особенного.

Его надежды развеялись дымом, когда изображение исчезло с экрана — это был момент, когда он накинул на камеру одеяло. Джонсон поднял руку, требуя тишины. На экране по-прежнему ничего не было видно, но голоса звучали отчетливо.

«У вас еще тридцать семь минут, мистер Гэллегер».

«Подождите немного, сейчас будет готово. Мне очень нужны ваши пятьдесят тысяч кредитов».

«Но...»

«Спокойно, все уже готово. Еще чуть-чуть, и все ваши проблемы кончатся».

— Неужели я все это говорил? — бросил в пространство Гэллегер. — Ну и идиот! Почему я не отключил микрофон, когда накрыл объектив?!

«Ты же медленно убиваешь меня, сопляк!»

— Старик имел в виду всего лишь еще одну бутылку, — простонал Гэллегер. — Ну, не будь дураком, приятель, и сделай так, чтобы фараоны тебе поверили! Эге... — Он вдруг оживился. — Может, так я смогу узнать, что случилось с дедом и Хардингом. Если я выстрелил их в иной мир, может, будет какой-нибудь след.

«А теперь внимание, — сказал голос Гэллегера с пленки. — *Я объясню вам, как это делаю. Да, еще одно: я хочу потом это запатентовать, поэтому не желаю никаких шпионов. Вы двое никому ничего не скажете, но магнитофон по-прежнему включен на запись. Когда я прослушаю это завтра, то скажу себе: Гэллегер, ты слишком много болтаешь. Есть только один способ сохранить тайну. Раз — и все!»*

Кто-то крикнул, но крик оборвался на середине. Магнитофон умолк, воцарилась полная тишина.

Открылась дверь, и вошел, потирая руки, Мердок Маккензи.

— А вот и я, — сказал он. — Я понял так, что вы решили нашу проблему, мистер Гэллегер. Может, мы с вами и договоримся. В конце концов, нет точных доказательств того, что вы убили Джонаса. Я возьму назад обвинение, если у вас действительно есть то, в чем нуждается наша фирма.

— Дай-ка мне наручники, Фред, — потребовал Джонсон.

— Вы не имеете права! — запротестовал Гэллегер.

— Ошибочное утверждение, — заметил Джо, — опровергаемое в данный момент эмпирическим способом. До чего же вы, люди, нелогичны.

Развитие общества всегда отстает от развития техники. В те времена, когда техника стремилась все упростить, общественная система была исключительно сложна, частично в результате исторических условий, а частично из-за тогдашнего развития науки. Возьмем, к примеру, юриспруденцию. Кокберн, Блеквуд и многие другие установили некие общие и частные правила относительно, скажем, патентов, однако одно небольшое устройство могло лишить их всякого смысла. Интеграторы могли решать проблемы, с которыми не справлялся человеческий мозг, и потому в эти полумеханические коллоиды требовалось встраивать различные системы безопасности. Более того, электронный умножитель мог не только опрокинуть патентные правила, но также нарушить право собственности, и потому юристы исписывали целые тома о том, является ли право на «новинку» действительной собственностью, считать ли сделанное на умножителе поддевкой или копией; а также о том, можно ли считать массовое дублирование шиншилл непорядочным по отношению к производителю, использующему традиционные способы. Мир, упоенный техническим прогрессом, отчаянно пытался удержать равновесие. В конце концов вся эта неразбериха должна была кончиться. Но еще не сейчас.

Таким образом машина правосудия была конструкцией гораздо более сложной, нежели интегратор. Прецеденты противоречили абстрактной теории точно так же, как адвокат адвокату. Теоретикам все казалось ясным, но они были слишком непрактичны, чтобы давать советы; можно было нарваться на язвительное замечание: «Что, мое изобретение нарушает право собственности? Ха! Значит, к черту право собственности!»

Но ведь так же нельзя!

Во всяком случае не в мире, который тысячелетиями обретал относительное чувство безопасности в прецедентах общественных отношений. Плотина формальной культуры начала протекать во многих местах одновременно, и если бы человек обратил на это внимание, он увидел бы сотни тысяч маленьких фигурок, мечущихся от одной дыры к другой и отважно затыкающих их пальцами, руками и головами. Однажды людям предстояло обнаружить, что за этой плотиной нет грозного океана, но и этот день еще не пришел.

В некотором смысле это было на руку Гэллегеру. Официальные лица неохотно принимали решения, поскольку необоснованный арест мог означать для них огромные неприятности. Упрямый Мердок Маккензи воспользовался этим положением: он поговорил со своим адвокатом и сунул палку в спицы колеса закона. Адвокат, в свою очередь, побеседовал с Джонсоном.

Прежде всего, не было тела. Видеозапись — недостаточное доказательство, а кроме того, были серьезные сомнения в правомерности ордеров на арест и обыск. Джонсон позвонил в Юридический центр, и над головами Гэллегера и беззаботного Маккензи разразилась настоящая буря. Кончилась она тем, что Джонсон и его люди убрались восвояси, забрав с собой вещественные доказательства и пригрозив, что вернутся, как только кто-нибудь из судей подпишет нужные бумаги. «А пока, — пообещал Джонсон, — перед домом останутся сотрудники полиции». Послав Маккензи бешеный взгляд, он вышел.

— А теперь к делу, — сказал Маккензи, потирая руки. — Между нами говоря, — он доверительно наклонился вперед, — я очень доволен тем, что избавился от своего партнера. Независимо от того, убили вы его или нет, я надеюсь, что его так и не найдут. Теперь я смогу вести дела по-своему.

— Ну хорошо, — сказал Гэллегер, — а как быть со мной? Меня арестуют, как только Джонсон получит нужные документы.

— Но не осудят, — подчеркнул Маккензи. — Ловкий адвокат вытащит вас. Однажды возбудили похожее дело, но адвокат прибег к метафизике и доказал, что убитый никогда не существовал. Истинность доказательства была спорна, но убийцу оправдали.

— Я обыскал дом, — сказал Гэллегер, — впрочем, люди Джонсона тоже. Нет ни следа ни Джонаса Хардинга, ни моего деда. И, говоря откровенно, мистер Маккензи, я понятия не имею, что с ними произошло.

Маккензи неопределенно махнул рукой.

— Прежде всего нужно действовать методически. Вы говорили, что решили некую проблему для «Надпочечников Лимитед». Признаться, меня это заинтересовало.

Гэллегер молча указал на голубоглазый генератор. Маккензи задумчиво взглянул на него.

— Ну и что? — спросил он.

— Это именно оно. Идеальная дичь.

Маккензи подошел к странному объекту, постучал по нему и заглянул в лазурные глаза.

— И быстро бегает это создание? — спросил он.

— Ему совсем незачем бегать, — ответил Гэллегер. — Оно вообще с места не двигается.

— Гмм... Если бы вы объяснили мне...

Впрочем, объяснение явно не понравилось Маккензи.

— Нет, — сказал он. — Я не вижу в этом толка. Охота на такую дичь не заставит человека волноваться. Вы забываете, что нашим клиентам требуется возбуждение, результатом которого будет стимуляция надпочечных желез и выделение адреналина.

— Они получат его вдоволь. Ярость дает тот же эффект, что и возбуждение... — Гэллегер углубился в объяснения.

WHEN the Navy's newest airship, the *Akron*, com through a fog bank, a radio will tell her skipper whether t clear below and a landing can safely. This robot instrument, on a cable through the fog, a cally broadcasts information humidity, temperature, and sure. A radio receiver in the cabin instantly records on paper the feeler's report. The radio feeler is an adaptation of an instrument designed by a Russian, Prof. Moltschanov, and intended to be attached to an eight-foot balloon and sent aloft to broadcast conditions in the upper air. This remarkable instrument houses in compact space a thermometer composed of two metallic strips fastened together, a tiny barometer, a hygrometer for measuring moisture, and a radio set complete with batteries for auto-

Above, radio feeler lowered through fog reports if air below is clear. At right, the receiving instrument that records "feeler's" report of weather conditions

FLYING TAUGHT IN PLANE ON CABL

STUDENT flyers take the stick in that actually flies be safe from any of crashing. The

В ответ Маккензи покачал головой.

— И страх и ярость приводят к избытку энергии, которую нужно на что-то расходовать, а поскольку дичь совершенно пассивна, это невозможно. Так можно вызвать только невроз, тогда как мы стараемся с ним бороться.

Отчаявшийся Гэллегер вспомнил о маленькой коричневой зверушке и принялся расписывать ее достоинства, но когда Маккензи потребовал показать ее, быстро ушел от этого.

— Нет, — сказал наконец Маккензи. — Как можно охотиться на что-то невидимое?

— Но есть ведь усилители обоняния, ультрафиолет... Кроме того, это хороший тест на изобретательность.

— Наши клиенты не изобретательны. Им это ни к чему. Им требуется встряска, отдых от слишком тяжелой или слишком легкой работы — словом, разрядка. Они не собираются ломать головы над изобретением способа поймать нечто, передвигающееся быстрее призрака, или гоняться за дичью, которая не двигается с места. Вы башковитый парень, мистер Гэллегер, но, похоже, мне лучше всего заняться страховкой Джонаса.

— Минуточку...

Маккензи поджал губы.

— Признаться, в этих животных что-то есть, но какая польза от дичи, которую нельзя поймать? Если бы вы разработали какой-то метод ловли этих созданий из другого мира, может, мы и договорились бы. Но пока я не собираюсь покупать кота в мешке.

— Я наверняка найду какой-нибудь способ, — в отчаянии пообещал Гэллегер. — Но не в тюрьме же.

— Вы меня обманули, мистер Гэллегер, уверяя, будто решили нашу проблему. А что касается тюрьмы, то, возможно, доза адреналина разбудит ваш мозг настолько, что вы найдете способ охоты на своих животных. Но, разумеется, и в этом случае я не могу давать вам поспешных обещаний...

Мердок Маккензи улыбнулся Гэллегеру и вышел, тихо закрыв за собой дверь. Гэллегер принялся грызть ногти.

— Мир познаваем, — убежденно произнес Джо.

Положение еще более осложнилось, когда на экране телевизора появился седой мужчина и сообщил, что один из чеков Гэллегера оказался без покрытия. Триста пятьдесят кредитов, сказал он. Что прикажете с ними делать? Гэллегер рассмотрел плакетку на пиджаке мужчины.

— Вы из Объединенных лабораторий «Новая Жизнь»? А что это такое?

— Биологическое, медицинское и лабораторное оборудование, мистер Гэллегер.

— А что я у вас заказывал?

— Вы заказали шестьсот фунтов витаплазмы высшего сорта. В течение часа товар был доставлен.

— А когда...

Седовласый пустился в детальные объяснения. Когда он закончил, Гэллегер дал несколько лживых обещаний и отвернулся от погасшего экрана. Потом он в отчаянии оглядел лабораторию.

— Шестьсот фунтов искусственной протоплазмы, — буркнул он. — Заказ Гэллегера Бис.

— И ее доставили, — добавил Джо. — Ты расписывался в получении в тот вечер, когда исчезли дедушка и Джонас Хардинг.

— Но что я мог с ней сделать? Ее используют в пластической хирургии и для производства эндопротезов. Искусственные конечности и тому подобное. Неужели я использовал ее для производства каких-то животных? Нет, это биологически невозможно. Как я мог сделать из витаплазмы маленькую коричневую зверушку, к тому же невидимую? А где же мозг и нервная система? Джо, шестьсот фунтов витаплазмы просто исчезли. Куда она могла деться?

Джо молчал.

Несколько часов подряд Гэллегер трудился, как безумный.

— Сейчас мне нужно побольше узнать об этих созданиях, — объяснил он Джо. — Только тогда можно будет сказать, откуда они взялись и как оказались у меня. А также выяснить, куда делись Хардинг и дедушка. А потом...

— Сядь и подумай.

— Именно в этом и заключается разница между нами. У тебя нет инстинкта самосохранения. Ты бы спокойно сидел и размышлял, даже если в пальцах твоих ног начиналась цепная реакция. Но я — другое дело. Я слишком молод, чтобы умирать. Я все время думаю о тюрьме. Пожалуй, нужно выпить. Если бы я мог выйти на орбиту, мое чертово подсознание все бы устроило наилучшим образом. Как там насчет маленькой коричневой зверушки? Ты ее видишь?

— Нет, — ответил Джо.

— Тогда, может, удастся пропустить стаканчик. — После очередной попытки, закончившейся полным крахом, Гэллегер взорвался: — Никто не может двигаться так быстро!

— Ускоренный обмен веществ. Видимо, она почувствовала алкоголь. А может, у нее есть какие-то дополнительные чувства. Даже я едва ее сенсирую.

— Если я смешаю виски с нефтью, то, может, тогда это маленькое пьяное чудовище оставит меня в покое. Но такое я и сам не смогу выпить! Ну ладно, за дело, — буркнул Гэллегер и принялся испытывать на голубоглазом генераторе один реактив за другим, без малейшего, впрочем, успеха.

— Мир познаваем, — вновь постулировал Джо.

— Заткнись. Интересно, можно ли посеребрить это создание? Тогда оно будет неподвижно. Впрочем, оно и так не двигается. А как оно питается?

— Я бы сказал, с помощью осмоса.

— Возможно. Но чем?

Джо раздраженно забренчал.

— Имеется масса способов решить твою проблему. Инструментализм. Эмпиризм. Витализм. Начни с a posteriori и перейди к a priori[1]. Для меня совершенно очевидно, что ты решил проблему, поставленную перед тобой «Надпочечниками».

— Решил?

— Конечно.

— А каким образом?

— Очень простым. Мир познаваем.

— Перестань повторять этот трюизм и помоги мне! Кстати, ты не прав. Мир познаваем, но только для совокупного разума всего человечества.

— Вздор. Философское невежество. Если ты не можешь доказать свой тезис с помощью чистой логики, значит, ты проиграл. Те, кто во главу угла ставит эксперимент, достойны лишь презрения.

— Какого черта я сижу и обсуждаю с роботом философские абстракции? А что ты скажешь, если я докажу, что твое мышление кончится, как только я разобью ломом твой радиоатомный мозг?

— Ладно, убей меня, — предложил Джо. — От этого проиграет все человечество, да и ты тоже. Мир обеднеет, когда меня не станет. Но насилие ничего не значит для меня, у меня ведь нет инстинкта самосохранения.

— Слушай, Джо, — Гэллегер решил зайти с другой стороны. — Если ты знаешь ответ на мой вопрос, то почему же молчишь? Продемонстрируй мне свою великолепную логику. Убеди меня, не прибегая к эксперименту, а с помощью одних рассуждений.

---

[1] *A priori (лат.)* — принимаемое на веру, без экспериментального подтверждения. *A posteriori (лат.)* — принимаемое на основании опыта.

— А чего ради мне убеждать тебя? Хватит того, что я сам убежден. Кроме того, я так красив и совершенен, что не представляю себе ничего лучшего, чем наслаждение самим собой.

— Нарцисс, — буркнул Гэллегер. — Помесь Нарцисса с ницшеанским сверхчеловеком.

— Мир познаваем, — ответил Джо.

Дальнейшее развитие событий принесло повестку в суд для Джо. Шестеренки машины правосудия начали вращаться. Сам Гэллегер по какому-то странному капризу закона оставался пока вне его досягаемости. Однако основной принцип гласил, что сумма отдельных частей равняется целому. Джо квалифицировали как одну из частей, сумма которых равнялась Гэллегеру. Короче говоря, робот оказался в суде, где презрительно прислушивался к полемике сторон.

Сопровождали его Гэллегер и Мердок Маккензи в окружении отряда адвокатов. Это было предварительное следствие. Гэллегер не обращал на Джо внимания, поглощенный вопросом, как бы обуздать строптивого робота, который знал все нужные ответы, но не желал говорить. Он даже начал изучать философию, чтобы побить Джо его собственным оружием, но пока единственным результатом усилий была головная боль и невыносимая жажда. Даже за пределами своей лаборатории он испытывал танталовы муки. Невидимая коричневая зверушка следовала за ним по пятам, исправно воруя алкоголь.

Внезапно один из адвокатов Маккензи вскочил, как ошпаренный.

— Протестую, — воскликнул он. Последовал яростный спор о том, квалифицировать ли Джо как свидетеля или как вещественное доказательство, и если как последнее, то вызов в суд не имеет силы. Судья задумался.

— По-моему, — заявил он, — проблема сводится к следующему: детерминизм против волюнтаризма. Если этот... гмм... робот обладает свободой воли...

— Ха! — фыркнул Гэллегер и тут же получил замечание от бейлифа.

— ...тогда он свидетель. Но, с другой стороны, имеется возможность, что робот в вопросах мнимо свободного выбора является механическим продуктом наследственности и окружающей среды. Само собой, говоря о наследственности, следует подразумевать...

— Разумен робот или нет, ваша честь, не имеет для нас значения, — заметил прокурор.

— Не согласен. Закон требует уваж...

— Можно мне сказать, ваша честь? — вмешался Джо.

— Твоя способность говорить почти автоматически дает тебе такое право, — ответил судья, сконфуженно поглядывая на робота. — Мы слушаем.

Джо явно нашел связь между законом, логикой и философией и радостно заговорил:

— Я уже все это обдумал. Мыслящий робот — существо разумное. Я мыслящий робот, следовательно, разумное существо.

— Ну и кретин, — охнул Гэллегер. — Даже я могу указать слабые стороны этого ублюдочного силлогизма.

— Тихо, — прошептал Маккензи. — Все юристы стараются так запутать дело, чтобы никто не мог в нем разобраться. Возможно, ваш робот не такой идиот, как вы думаете.

Началась перепалка о том, являются мыслящие роботы разумными существами или нет. Гэллегер не знал, что и думать. Вопрос оставался неясным, пока из лабиринта противоречий не вывели рабочее положение, что Джо все-таки разумное существо. Этому здорово обрадовался прокурор.

— Ваша честь, — заявил он, — мы узнали, что два дня назад мистер Гэллоуэй Гэллегер отключил робота, представшего сегодня перед нами. Это правда, мистер Гэллегер?

Рука Маккензи пригвоздила Гэллегера к месту. Один из защитников встал, чтобы ответить на вопрос.

— Мы ни в чем не признаемся, — заявил он. — Однако если обвинение сформулирует теоретический вопрос, мы на него ответим.

Теоретический вопрос был сформулирован.

— Итак, господин прокурор, теоретический ответ: «да». Робота этого типа можно включать и выключать.

— А может робот этого типа выключить себя сам?

— Да.

— Но в данном случае такого не было? Мистер Гэллегер отключил робота два дня назад в то самое время, когда в его лаборатории находился мистер Джонас Хардинг.

— Теоретически все верно. Имело место временное отключение.

— В таком случае, — сказал прокурор, — мы хотим допросить робота, квалифицированного судом как разумное существо.

— Решение по этому вопросу должно носить рабочий характер, — запротестовал один из защитников.

— Согласен, ваша честь...

— Хорошо, — сказал судья, таращась на Джо. — Задавайте вопросы.

— Э-э... — Прокурор, оказавшись перед роботом, заколебался.

— Зови меня Джо, — подсказал тот.

— Спасибо. Так вы подтверждаете, что мистер Гэллегер отключал вас в упомянутое время?

— Да.

— В таком случае, — торжествующе сообщил прокурор, — я обвиняю мистера Гэллегера в нападении и... побоях. Поскольку работ признан разумным существом, всякие действия, направленные на лишение его сознания или способности передвигаться, противоречат закону и могут быть квалифицированы как сознательное нанесение увечья.

Адвокаты Маккензи зашевелились.

— Что это означает? — спросил Гэллегер.

— Вас вместе с роботом могут задержать как свидетелей, — шепнул один из адвокатов, потом встал. — Ваша честь, все наши ответы давались на чисто теоретические вопросы.

— Но заявление робота было ответом на совершенно конкретный вопрос, — заметил прокурор.

— Робот не был приведен к присяге.

— Это легко исправить, — сказал прокурор, и Гэллегер почувствовал, как разлетаются его последние надежды. Он принялся лихорадочно рассуждать, а разбирательство продолжалось.

— Клянетесь ли вы говорить правду, только правду и ничего кроме правды?

Гэллегер вскочил.

— Ваша честь, я протестую!

— А против чего, собственно?

— Против приведения робота к присяге.

— Ага! — сказал Маккензи.

Судья задумался.

— Пожалуйста, объяснитесь, мистер Гэллегер. Почему этого робота нельзя приводить к присяге?

— Такая присяга имеет смысл только для человека.

— Почему?

— Потому что она предполагает существование души. Или, по крайней мере, теизм, личную религию.

Судья взглянул на Джо.

— Пожалуй, в этом что-то есть. Джо, вы верите в какое-нибудь божество?

— Верю.

Прокурор просиял.

— Значит, мы можем продолжать.

— Минуточку, — поднялся Мердок Маккензи. — Могу я задать свидетелю вопрос?

— Пожалуйста.

Маккензи повернулся к роботу.

— Джо, ты не мог бы нам сказать, каково твое божество?

— Разумеется, — ответил робот. — Это я сам.

С этого момента судебное разбирательство превратилось в теологический спор.

Когда временно освобожденный Гэллегер вместе с Джо отправлялся домой, юристы обсуждали животрепещущий вопрос: сколько ангелов могут поместиться на кончике иглы. Дело не могло двинуться с места до той поры, пока не будут установлены религиозные принципы робота. Все время, пока они летели в воздушном такси, Маккензи пытался убедить Джо в преимуществах кальвинизма.

Уже у самой двери он позволил себе небольшую угрозу.

— Я не хотел ставить вас в такое трудное положение, — обратился он к Гэллегеру, — однако под угрозой тюрьмы вы будете работать гораздо эффективнее. Не знаю, долго ли мне удастся покрывать вас, но если вы быстро выполните условия...

— Какие условия?

— О, мне нужно немного. Для начала — тело Джонаса...

— Ха! — ответил Гэллегер.

Вернувшись в лабораторию, он сел и впрыснул себе в рот порцию алкоголя, прежде чем успел подумать о маленькой коричневой зверушке. Потом лег, переводя взгляд с голубоглазого негенератора на Джо и обратно.

— Старая китайская пословица гласит, — наконец заговорил он, — что тот, кто первый откажется от словесных аргументов и начнет размахивать руками, признается в интеллектуальной несостоятельности.

— Разумеется, — ответил Джо. — Это не подлежит ни малейшему сомнению: если для доказательства своей правоты тебе нужен эксперимент, значит, ты плохой философ и логик.

Гэллегер вновь прибег к казуистике:

— Первый уровень: человекообразное животное — размахивание кулаками. Второй уровень: человек — чистая логика. А как быть с третьим уровнем?

— С каким еще третьим уровнем?

— Мир познаваем. Но только для человека, а ты не человек. Твое божество не антропоморфно. Итак, три уровня: животное, человек и то, что мы для удобства назовем сверхчеловеком, хотя ему вовсе не обязательно иметь с человеком что-то общее. Мы всегда приписывали теоретическому сверхсуществу божественные черты. Пусть это существо третьего уровня называется Джо.

— Резонно, — заметил Джо.

— В данной ситуации две основные логические концепции не находят применения. Мир познаваем для чистого разума, но вместе с тем и для опыта, соединенного с разумом. Но такие концепции второго уровня настолько же элементарны для Джо, насколько идеи Платона для Бэкона. — Гэллегер скрестил пальцы за спиной. — Возникает вопрос: что означают для Джо операции третьего уровня?

— Божественность? — предположил робот.

— Не забывай, что у тебя есть дополнительные чувства. Ты можешь сенсировать, что бы это ни значило. Нужны ли тебе еще традиционные логические методы? Скажем...

— Да, — признался Джо, — я сенсирую. А еще могу когитовать. Гмм...

Гэллегер вдруг вскочил с дивана.

— Ну и дурень же я! «Выпей меня» — вот он ответ. Заткнись, Джо, иди в угол и сенсируй себе на здоровье.

— Но я сейчас когитую.

— Тогда когитуй. Меня наконец-то осенило. Когда я вчера проснулся, то думал о бутылке с надписью «Выпей меня». Алиса, когда выпила бутылочку, уменьшилась, верно? Та-ак... где у меня энциклопедия? Жаль, что я так слаб в технике.

Вазоконстриктор... гомеостатический... — о, есть! — демонстрирует механизм метаболизма, регулирующего вегетативную нервную систему. Метаболизм. Интересно...

Гэллегер направился к лабораторному столу и осмотрел все бутылки.

— Жизнь — вот сущность всего, а все прочее лишь ее проявления. Я должен был решить некую проблему для фирмы «Надпочечники Лимитед». Здесь были Джонас Хардинг и дедушка. Хардинг дал мне час на выполнение своего заказа. Вопрос заключался... в создании опасного и вместе с тем безвредного животного. Парадокс. Нет, не то. Клиенты Хардинга хотели переживать волнующее приключение и одновременно оставаться в безопасности. Лабораторных животных у меня нет... Джо!

— Ну что еще?

— Смотри, — сказал Гэллегер, налил в стакан выпивку и смотрел, как она исчезает. — Что случилось с выпивкой?

— Ее выпила маленькая коричневая зверушка.

— А случайно, это не мой дед?

— Он самый, — ответил Джо.

Гэллегер виртуозно выругался.

— Что же ты мне сразу не сказал, ты...

— Я ответил на твой вопрос, — откликнулся робот. — Дедушка ведь смуглый, верно? И он, несомненно, животное.

— Но почему маленькое? Я думал, это будет существо размером с кролика.

— Единственным критерием оценки является сравнение с размерами данного вида. В сравнении со средним человеческим ростом дедушка мал. Вот и получается маленькая коричневая зверушка.

— Итак, это дед, — повторил Гэллегер, возвращаясь к лабораторному столу. — Просто его переключили на большую скорость. Ускоренный обмен веществ. Адреналин... Гммм... Теперь, когда я знаю, что искать, возможно...

Он умолк. Уже темнело, когда он влил в стакан содержимое небольшой пробирки, добавил туда порцию виски и подождал, пока смесь исчезнет.

Вскоре что-то замелькало то в одном, то в другом углу комнаты, начало постепенно материализоваться и наконец превратилось в дедушку. Дед стоял перед Гэллегером, трясясь как студень, по мере того, как проходило действие ускоряющего средства.

— Как дела, дедуля? — успокаивающе спросил Гэллегер.

Лицо старика выражало ярость, впервые в жизни он был пьян. Гэллегер с безграничным удивлением таращился на него.

— Я возвращаюсь в Мэйн, — заплакал дед и рухнул навзничь.

— Никогда я не видел столько рохлей одновременно, — сказал он, пожирая жаркое. — Боже, как я голоден. В следующий раз хорошенько подумаю, прежде чем дам сделать себе укол. Сколько месяцев я был в этом состоянии?

— Два дня, — ответил Гэллегер, старательно перемешивая микстуру. — Это было средство, ускоряющее обмен веществ. Ты просто жил быстрее, вот и все.

— Вот и все! Да я вообще не мог есть! Все было для меня слишком твердым. Единственное, что мне подходило, это алкоголь.

— Да?

— Я не мог кусать, даже искусственными зубами. А виски имело такой вкус, словно его раскалили докрасна. Жаркое вроде этого было просто исключено.

— Ты просто жил быстрее. — Гэллегер посмотрел на робота, продолжавшего молча когитовать в углу. — Э-э... минуточку. Противоположностью ускорению является замедление... Дед, а где Джонас Хардинг?

— Вон он, — ответил старик, указывая на голубоглазый негенератор и тем самым подтверждая подозрение Гэллегера.

— Витаплазма. Да, именно так. Потому мне и прислали

столько витаплазмы. — Гэллегер осмотрел гладкую поверхность мнимого генератора, попытался сделать подкожную инъекцию, но не сумел воткнуть иглу. Тогда он капнул немного вещества, полученного от смешивания содержимого различных бутылок, на кожу существа. Помогло. Он ввел в это место иглу шприца и с удовольствием смотрел, как меняется цвет кожи, а все создание становится светлым и пластичным. — Витаплазма! — торжествовал он. — Обычные искусственные белковые клетки. Ничего удивительного, что оно казалось таким твердым. Я применил формулу замедления, перейдя к молекулярному гомеостазису. Существо с таким медленным обменом веществ должно казаться твердым как железо. — Он принялся собирать руками протоплазму и вкладывать в контейнер. Вокруг голубых глаз начал формироваться череп, помалу обретали форму широкие плечи, торс...

Вскоре на полу сидел неподвижный, как статуя, Джонас Хардинг.

Его сердце не билось, он не дышал. Замедлитель поддерживал его в состоянии нерушимой инертности.

Впрочем, не такой уж нерушимой. Гэллегер, уже взявшийся за шприц, остановился и посмотрел сначала на Джо, потом на деда.

— А собственно, зачем я это сделал? — спросил он и тут же ответил: — Ограниченное время. Хардинг дал мне час на решение его проблемы. А время — штука относительная, особенно при таком медленном обмене веществ. Я сделал Хардингу укол замедлителя, чтобы он не ощущал течения времени. Ну-ка, посмотрим. — Гэллегер капнул чем-то на непроницаемую кожу Хардинга и смотрел, как это место смягчается и меняет цвет.

— Гмм... Заморозив Хардинга, я мог бы работать неделями, а проснувшись, он решил бы, что прошло совсем немного времени. Но зачем мне понадобилась витаплазма?

Дедушка осушил стакан пива.

— В пьяном виде ты сам не знаешь, что творишь, — сказал он и потянулся за очередной порцией жаркого.

— Это точно. Но Гэллегер Бис, по крайней мере, логичен. Его логика безумна, но она все-таки остается логикой. Так, подумаем. Я вспрыснул Хардингу замедляющую микстуру, и он стал твердым и неподвижным. Не мог же я оставить его в таком виде, правильно? Все решили бы, что у меня в лаборатории труп.

— Значит, он не мертвый? — спросил дедушка.

— Боже сохрани! Он просто замедлен. Понял! Таким образом я замаскировал его тело. Заказал витаплазму, облепил ею Хардинга, а потом впрыснул ему замедлитель, который так действует на живую клеточную ткань, что она становится непроницаема и неподвижна.

— Совсем сбрендил! — сказал дед.

— Да, я безумен, — признался Гэллегер. — По крайней мере, таков Гэллегер Бис. И подумать только, ведь я оставил ему открытыми глаза, чтобы не забыть, когда протрезвею, кто скрывается подо всем этим. Для чего я, собственно, сделал магнитофон? Логика Гэллегера Бис еще фантастичнее логики Джо.

— Не мешай мне,— отмахнулся Джо.— Я все еще когитую.

Гэллегер вонзил иглу в вену Хардинга и ввел ему ускоряющее средство. Вскоре Джонас Хардинг шевельнулся, заморгал своими голубыми глазами и поднялся с пола.

— Вы мне что-то кольнули? — спросил он, растирая руку.

— У вас был обморок, — ответил Гэллегер, внимательно глядя на него.

— Что касается вашей проблемы...

Хардинг придвинул стул и сел, зевая.

— Вы ее решили?

— Вы дали мне на это час.

— Действительно. — Хардинг посмотрел на часы. — Стоят. Итак?

— Как вы считаете, сколько прошло времени с вашего прихода ко мне?

— Полчаса? — предположил Хардинг.

— Два месяца, — буркнул старик.

— Оба вы правы, — заметил Гэллегер. — Я могу назвать третий срок, и тоже буду прав.

Хардинг явно решил, что Гэллегер все еще пьян, и продолжал гнуть свое:

— Ну так что с животным, которое нам нужно? У вас есть еще полчаса...

— Они мне не нужны, — ответил Гэллегер, в мозгу которого вдруг вспыхнул яркий свет. — Ответ уже готов. Но не совсем такой, какого вы ждете. — Он удобно вытянулся на диване и задумчиво посмотрел на алкогольный орган. Сейчас, когда он снова мог пить, Гэллегер сознательно оттягивал упоительный момент. — Я не встречал вина прекраснее жажды, — заметил он.

— А, болтовня все это! — бросил дед.

— Клиенты «Надпочечников Лимитед» хотят охотиться, а поскольку им требуются сильные ощущения, животные должны быть опасны. Это кажется парадоксальным, но только на первый взгляд. Проблема состоит не в животном, а в охотнике.

Хардинг недоуменно уставился на него.

— То есть?

— Тигры. Кровожадные людоеды. Львы. Ягуары. Африканские буйволы. Самые злобные и хищные животные. Вот частичный ответ на ваш вопрос.

— Минуточку, — сказал Хардинг. — Я вижу, вы меня неправильно поняли. Наши клиенты не тигры. Мы поставляем не людей зверям, а наоборот.

— Понадобится еще несколько опытов, — продолжал Гэллегер, — но основное уже ясно. Ускоритель. Замаскированный

ускоритель обмена веществ с адреналином в качестве катализатора. Примерно так...

И Гэллегер в ярких красках представил свою идею.

Вооруженный ружьем клиент пробирается сквозь искусственные джунгли в поисках дичи. Он заплатил фирме некую сумму и получил внутривенный укол ускорителя. Эта субстанция уже включилась в его кровообращение, но пока не дает никакого эффекта — дожидается катализатора.

Из зарослей выскакивает тигр и, оскалив клыки, бросается на клиента. Когда он почти касается когтями человека, надпочечная железа впрыскивает в кровь дозу концентрированного адреналина.

Это и есть катализатор, приводящий ускоритель в действие. Клиент обретает невероятную скорость. Он уклоняется от лап тигра, внезапно застывшего в прыжке, и расправляется с ним раньше, чем перестанет действовать ускоритель. А когда это происходит, возвращается в фирму «Надпочечники и т. д.», где может получить очередной укол.

Все очень просто.

— Десять тысяч кредитов, — радостно произнес Гэллегер, пересчитывая деньги. — Остальное получу, как только решу вопрос с катализатором. Но это уже мелочи, любой химик справится. Однако меня забавляет перспектива встречи Хардинга с Мердоком Маккензи. Когда они сравнят время, может получиться потеха.

— Я бы выпил, — сообщил дед. — Где у тебя бутылка?

— Пожалуй, я даже смог бы доказать в суде, что решение проблемы заняло у меня не больше часа. Разумеется, часа Хардинга, но, в конце концов, время относительно. Энтропия, метаболизм — какая прекрасная дискуссия могла бы из этого выйти! Но не выйдет. Потому что это я знаю формулу ускорителя, а не Хардинг. Он заплатит остальные сорок тысяч, а вот Маккензи не получит ничего. В конце концов, я даю фирме

«Надпочечники Лимитед» то, что определит ее успех и в чем они так нуждаются.

— Как бы то ни было, я возвращаюсь в Мэйн, — заявил дед, довольный собой. — Разве что ты дашь мне бутылку.

— Так пойди и купи, — Гэллегер бросил старику несколько кредитов. — Купи парочку. Посмотрим, что нового придумали виноделы... Нет, я не пьян. Но вскоре буду.

Гэллегер сунул мундштук органа в рот и принялся играть на клавиатуре алкогольные арпеджио. Дед вышел, скептически улыбаясь: не верил он всем этим новомодным штучкам.

В лаборатории воцарилась тишина. «Тарахтелка» и «Чудовище» — два генератора — стояли и молчали. Ни у одного из них не было голубых глаз. Гэллегер экспериментировал с коктейлями и чувствовал, как его душу потихоньку наполняет приятное тепло.

Джо вышел из угла, остановился перед зеркалом и залюбовался своими шестеренками.

— Ты закончил когитовать? — с иронией спросил Гэллегер.

— Да.

— Разумное существо, ничего не скажешь. Ох уж эта твоя философия! Ну что ж, дружок, в конце концов оказалось, что я прекрасно обхожусь без твоей помощи. Проваливай.

— Ты неблагодарен, — сказал Джо. — Но выводы из моей суперлогики ты все же сделал.

— Из твоей... чего? Шестеренки у тебя заело, что ли? Из какой еще суперлогики?

— Третьего уровня, конечно. Мы говорили об этом недавно, потому я и когитовал. Не думаешь же ты, что решил проблему своим слабеньким мозгом, запертым в непрозрачном черепе?

Гэллегер резко сел.

— О чем ты болтаешь? Логика третьего уровня? Но ведь ты не...

— Тебе не понять. Это более сложно, чем «ноумен» Канта, который можно постичь только мысленно. Чтобы это понять, ты должен уметь когитовать, но... Что ж, собственно, это и есть третий уровень. Это... сейчас, сейчас... демонстрация природы вещей, исходя из того, что они происходят не сами по себе.

— Эксперимент?

— Нет, когитация. Я перевожу все вещи из материальной сферы в область чистой мысли и только тогда делаю логические выводы.

— Но... минуточку. Ведь кое-что произошло! Я понял, что случилось с дедушкой и Хардингом, и разработал ускоряющее средство...

— Это тебе только кажется, — сказал Джо. — Я просто когитовал, а это процесс суперинтеллектуальный. Когда же я закончил, события просто не могли не произойти. Но, надеюсь, ты не думаешь, будто они происходили сами по себе?

— Так что же это за когитация такая?

— Этого ты никогда не узнаешь.

— Но... но ведь ты уверяешь, будто явился первопричиной... нет, это волюнтаризм или... логика третьего уровня? — Гэллегер вновь опустился на диван, вглядываясь в робота. — Кем это ты себя вообразил? Deus ex machina[1]?

Джо взглянул на узор шестеренок, заполняющих его грудную клетку.

— А кем же еще? — важно вопросил он.

---

[1] *Deus ex machina (лат.)* — «бог из машины». Традиционно этот термин употребляется для обозначения развязки вследствие вмешательства непредвиденного обстоятельства. В античной трагедии развязка иногда наступала благодаря вмешательству какого-либо бога, появлявшегося на сцене при помощи скрытого механического приспособления.

Гэллегер Бис

Протирая затуманенные глаза, Гэллегер смотрел туда, где должен был находиться его двор, но вместо него видел невероятную дыру в земле. Дыра была большая. И глубокая. Достаточно глубокая, чтобы вместить в себя гигантское похмелье Гэллегера.

Гэллегер прикинул, не стоит ли посмотреть на календарь, но тут же решил, что лучше не надо. У него было такое чувство, что с начала попойки прошло несколько тысяч лет. Даже для человека с его практикой и возможностями выдул он много.

— Выдул, — пожаловался Гэллегер, доковыляв до дивана, на который тут же и повалился. — Лучше уж говорить «выхлестал», в этом слове больше экспрессии. Слово «выдул» напоминает мне духовой оркестр и автомобильные клаксоны, к тому же ревущие во всю мочь. — Слабой рукой он потянулся к алкогольному органу, но заколебался и решил сперва проконсультироваться со своим желудком.

Гэллегер: Можно капельку?

Желудок: Боже упаси!

Г.: Наперсточек...

Ж.: О-о-о!

Г.: Но я должен выпить. У меня украли двор!

Ж.: Жалко, что меня у тебя не украли.

В этот момент открылась дверь и на пороге появился робот, его колесики, шестеренки и прочие детальки быстро кружились под прозрачным корпусом. Гэллегер взглянул на него и тут же зажмурился, обливаясь холодным потом.

— Убирайся! — рявкнул он. — Будь проклят день, когда я тебя сделал. Твои крутящиеся кишки доведут меня до безумия.

— Ты лишен чувства прекрасного, — оскорбился робот. — На вот, я принес тебе пиво.

— Гмм... — Гэллегер взял из руки робота пластиколбу и жадно приник к ней. Холодный напиток с мятным вкусом приятно освежил горло. — А-ах! — вздохнул он, садясь. — Немного лучше. Совсем немного...

— Может, сделать тебе укол тиамина?

— У меня от него уже аллергия, — мрачно ответил Гэллегер. — Я одержим демоном жажды. — Он посмотрел на орган. — Может...

— К тебе какой-то полицейский.

— Какой-то... кто?

— Полицейский. Он ждет уже довольно долго.

— Да? — сказал Гэллегер и посмотрел в угол возле открытого окна. — А это что?

Штуковина походила на машину. Гэллегер разглядывал ее с интересом, с удивлением и с некоторым остолбенением. Не было никаких сомнений — он сам построил этот чертов ящик. Сумасшедший изобретатель Гэллегер именно так и работал. У него не было никакого технического образования, но по воле случая его подсознание было наделено истинной гениальностью. В трезвом виде Гэллегер был совершенно нормальным, хоть и несколько сумасбродным, но когда на просцениум выходило его демоническое подсознание, могло произойти все что угодно. Именно в пьяном угаре он сделал этого робота, а потом несколько дней пытался определить, для чего тот должен служить. Как выяснилось, он был почти

бесполезен, но Гэллегер оставил робота у себя, несмотря на то что тот обладал мерзкой привычкой: все время торчал перед зеркалом, с гордостью и самодовольством разглядывая свои металлические внутренности.

«Снова здорово», — подумал Гэллегер, а вслух произнес: — Еще пива. И побыстрее.

Когда робот вышел, Гэллегер стащил свое худое тело с дивана, подошел к машине и с любопытством осмотрел ее. Машина не была включена. В открытое окно уходили какие-то светлые гибкие провода толщиной в палец, они неподвижно висели над краем ямы, там, где должен был находиться его двор. Заканчивались они... Гмм! Гэллегер втащил в комнату один провод и внимательно осмотрел его. Заканчивался он металлическим соплом и был полым. Странно.

Машина была метра два длиной и более всего походила на кучу металлолома. Во хмелю Гэллегер отличался склонностью к импровизации и, если не мог найти подходящего провода, хватал то, что попадалось под руку, будь то пряжа или вешалка для одежды. Это означало, что качественный анализ вновь созданной машины был нелегким делом. Что, например, означала эта нейлоновая утка, обмотанная проводами и сидящая на старой вафельнице?

— На этот раз, кажется, пронесло, — рассуждал Гэллегер. — Похоже, я ни во что не вляпался, как обычно. Ну, где там пиво?!

Робот торчал перед зеркалом, зачарованно разглядывая собственное нутро.

— Пиво? А, вот оно. Я на минутку остановился, чтобы взглянуть на себя.

Гэллегер наградил робота крепким ругательством, но банку взял. Он продолжал разглядывать стоявшее под окном устройство, его лошадиное лицо с торчащими скулами кривила гримаса изумления. Интересно, что она умеет делать?..

Из большой камеры — бывшего помойного ведра — выходили тонкие трубки. Ведро было сейчас плотно закрыто, и лишь зигзагообразный провод соединял его с небольшим генератором или чем-то в этом роде. «Нет, — подумал Гэллегер, — генераторы должны быть больше. Как жалко, что у меня нет технического образования. Как же все это расшифровать?»

В машине было еще много всего, например, серая металлическая шкатулка. Гэллегер попытался вычислить ее объем в кубометрах и получил сто, что, конечно, было ошибкой, поскольку каждая сторона шкатулки была не более десяти сантиметров.

Крышка шкатулки была закрыта. Гэллегер временно отложил эту проблему и занялся дальнейшим осмотром. Загадочных устройств оказалось довольно много, а под конец он заметил диск сантиметров в десять диаметром и с канавкой по ребру.

— И все-таки, что она делает? Эй, Нарцисс!

— Меня зовут не Нарцисс, — обиженно ответил робот.

— У меня голова болит от одного взгляда на тебя, а ты еще хочешь, чтобы я помнил твое имя, — рявкнул Гэллегер. — Кстати, у машин и не должно быть имен. Ну-ка, иди сюда.

— Слушаю...

— Что это такое?

— Машина, — ответил робот, — но ей далеко до моей красоты.

— Надеюсь, она полезнее тебя. Что она, по-твоему, делает?

— Глотает землю.

— Ага. И потому на дворе дырка.

— Двора-то нет, — напомнил ему робот.

— Есть.

— Двор, — заявил робот, не совсем точно цитируя Томаса Вулфа, — это не только двор, но также и отрицание двора.

Это встреча в пространстве двора и в пространстве его отсутствия. Двор — это конечное количество грязной земли, это факт, детерминированный отрицанием себя.

— Ты сам-то понял, что намолол? — спросил Гэллегер, желая и сам это узнать.

— Да.

— Отлично. Ну, хватит болтать о грязи. Я хочу знать, зачем я сделал эту машину.

— Вопрос не по адресу. Ты меня выключил на много дней и даже недель.

— Да, помню. Ты торчал перед зеркалом и не давал мне побриться.

— Это был вопрос артистической интегральности. Плоскости моего функционального лица гораздо конкретнее и экспрессивнее твоих.

— Слушай, Нарцисс, — сказал Гэллегер, стараясь держать себя в руках, — я пытаюсь узнать хоть что-нибудь. Могут понять это плоскости твоего хренова функционального мозга?

— Разумеется, — холодно ответил Нарцисс. — Я ничем не могу тебе помочь. Ты включил меня только сегодня утром, перед тем, как заснуть пьяным сном. Машина была уже закончена, но не включена. Я прибрал дом и принес тебе пиво, когда ты проснулся, как всегда, с похмелья.

— Ну так заткнись и принеси мне еще.

— А что с полицейским?

— О-о, совсем забыл. Гмм... Пожалуй, лучше поговорить с этим типом.

Нарцисс тихо вышел, а Гэллегер подошел к окну и еще раз взглянул на невероятную дыру. Почему? Откуда? Он попытался вспомнить, разумеется, без толку. Его подсознание, конечно, знало ответ, но надежно хранило его. Ясно было, что он не сделал бы эту машину без важной причины. Впрочем, так ли? Его подсознание обладало собственной логикой, причем

довольно своеобразной и запутанной. Нарцисс, например, был всего лишь консервным ножом.

Робот вернулся. Следом за ним в комнату вошел мускулистый молодой человек в хорошо скроенном мундире.

— Мистер Гэллегер? — спросил он.

— Да.

— Мистер Гэллоуэй Гэллегер?

— И снова я вынужден ответить утвердительно. Чем могу служить?

— Вы можете принять эту повестку в суд, — ответил фараон и вручил Гэллегеру сложенный вдвое листок бумаги.

Запутанная юридическая фразеология мало что сообщила Гэллегеру.

— А кто такой этот Делл Хоппер? — спросил он. — Я никогда о нем не слышал.

— Это уже не мое дело, — буркнул полицейский. — Повестку я доставил, и на этом моя роль кончается.

Он вышел, оставив Гэллегера таращиться на бумагу.

Высмотрел он в ней немного.

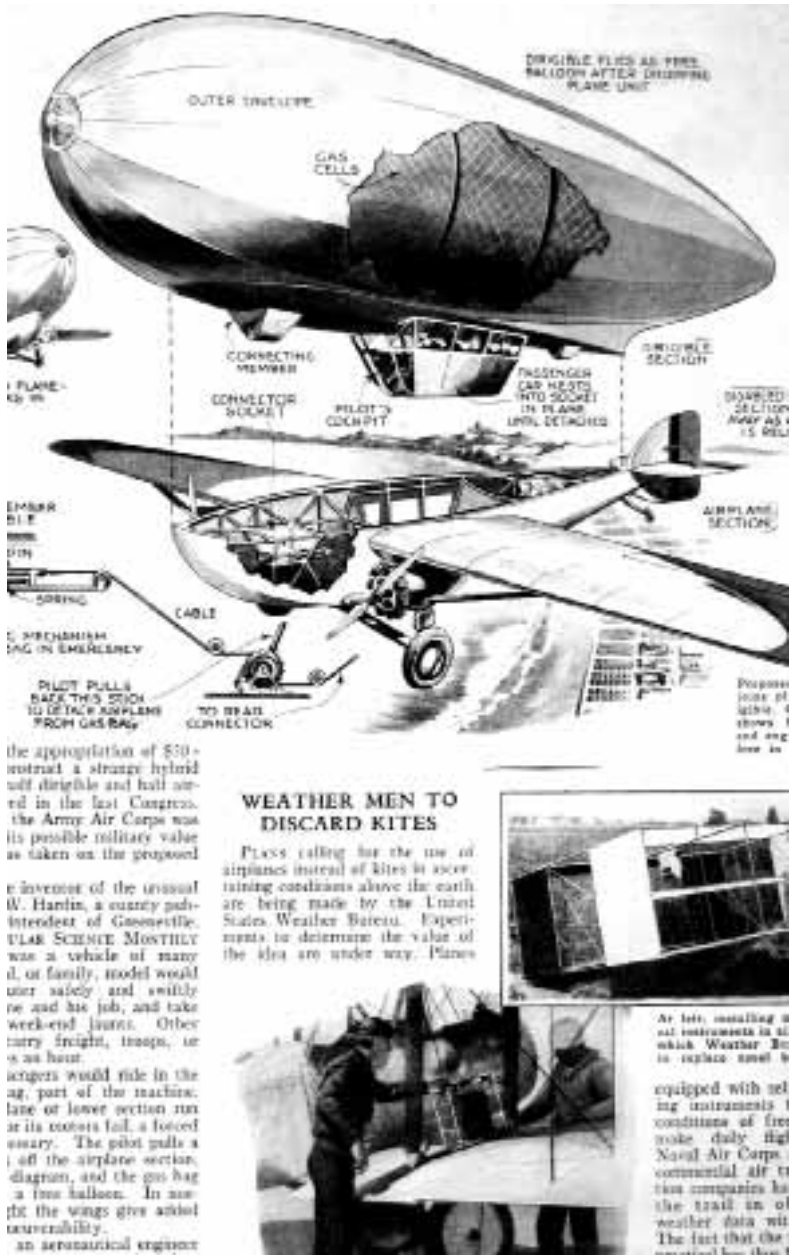
Наконец, не придумав ничего лучшего, он переговорил по видеофону с адвокатом, соединился с картотекой юристов и узнал, что юрисконсультом Хоппера является некий Тренч, шишка из Законодательного собрания. Тренч располагал взводом секретарш для ответов на звонки, но с помощью угроз, уговоров и прямой лжи Гэллегеру удалось связаться с самим шефом.

На экране появился седой, худой и засушенный человечек с коротко подстриженными усами. Голос у него был пронзительный, как полицейская сирена.

— В чем дело, мистер Гэллегер?

— Видите ли, — начал изобретатель, — мне только что принесли повестку...

— Значит, она уже у вас? Прекрасно.



— Что значит «прекрасно»? Я понятия не имею, в чем дело.

— Да ну? — притворно изумился Тренч. — Попробую освежить вашу память. У моего клиента мягкое сердце, и он решил не обвинять вас в обмане, угрозе применения силы, нападении и избиении. Он просто хочет вернуть свои деньги или получить то, что ему причитается.

Гэллегер закрыл глаза.

— Он х-хочет? А я... гмм... я его оскорбил?

— Вы назвали его, — сказал Тренч, заглянув в толстый блокнот, — тараканом на утиных ногах, вонючим неандертальцем и грязной коровой. Кроме того, вы его пнули.

— Когда это было? — прошептал Гэллегер.

— Три дня назад.

— Гм... вы что-то говорили о деньгах?

— Тысяча кредитов аванса, которые он вам уплатил.

— В счет чего?

— В счет заказа, который вы должны были выполнить. Детали мне не сообщили. Я знаю лишь, что вы не только не выполнили заказ, но и отказались вернуть деньги.

— Ой-ой-ой! А кто такой этот Хоппер?

— Делл Хоппер, владелец «Хоппер Энтерпрайсиз». Но вам, конечно, все это известно. Встретимся в суде, мистер Гэллегер. А сейчас извините, я занят. Я сегодня выступаю обвинителем по некоему делу и надеюсь, что подсудимый получит изрядный срок.

— А что он натворил? — слабым голосом спросил Гэллегер.

— Обычное дело о нападении и побоях, — ответил Тренч. — До свидания.

Когда лицо адвоката исчезло с экрана, Гэллегер схватился за голову и потребовал пива. Потягивая пиво из пластиколбы со встроенным охладителем, он просмотрел корреспонденцию. Ничего. Никаких следов.

Тысяча кредитов... он не помнил, как получал их. Может, что-то найдется в приходной книге...

И верно, нашлось. Под разными датами двухнедельной давности значилось: Получ. Д. Х. — зак. — ав. — 1000 к.

Получ. Дж. У. — зак. — ав. — 1500 к.

Получ. Толстячок — зак. — ав. — 800 к.

Три тысячи триста кредитов! А на счету — ни следа этой суммы. Там нашлась только запись о выплате семисот кредитов, после чего на счету осталось еще всего пятнадцать. Гэллегер застонал и вновь обыскал стол. Под пресс-папье оказался конверт, а в нем — акции, как обычные, так и привилегированные, какой-то фирмы под названием «Любые Задания». Сопроводительное письмо подтверждало получение четырех тысяч кредитов, на каковую сумму мистеру Гэллоуэю Гэллегеру и были отправлены акции, согласно заявке...

— Проклятье, — пробормотал Гэллегер.

Он продолжал сосать пиво. В голове был полный кавардак. Неприятности надвигались сразу с трех сторон. Делл Хоппер заплатил ему тысячу кредитов, чтобы он что-то там сделал. Кто-то с инициалами Дж. У. заплатил за то же самое полторы тысячи. А скряга Толстячок дал всего восемьсот кредитов аванса.

За что?

Только безумное подсознание Гэллегера могло ответить на этот вопрос. Это оно, проклятое, заключило договоры, собрало деньги, опустошило банковский счет Гэллегера, практически ликвидировав его, и на кой-то черт купило акции фирмы «Любые Задания». Ха-ха!

Гэллегер вновь уселся перед видеофоном и связался со своим маклером.

— Эрни?

— Привет, Гэллегер, — сказал Эрни, глядя в камеру над столом. — Что случилось?

— Слушай, я в последнее время покупал какие-то акции?

— Конечно. «Любые Задания».

— Ну так я хочу их продать. Мне нужны деньги, причем быстро.

— Подожди минутку. — Эрни нажал несколько кнопок. На стене-экране высветился текущий курс акций.

— Ну и как?

— Ничего не выйдет. Падают, как в бездонный колодец. Просят четыре, а дают вообще нисколько.

— А я за сколько купил?

— За двадцать.

Гэллегер взвыл, как подстреленный волк.

— Двадцать?! И ты мне позволил?

— Я пытался тебя переубедить, — устало произнес Эрни. — Говорил, что эти акции падают. Есть у них какая-то закорючина в строительном контракте, не знаю точно, какая. Но ты сказал, что у тебя точные сведения. Что мне было делать?

— Бить меня по голове, пока не поумнею, — сказал Гэллегер. — Ну да ладно, и так уж слишком поздно. Есть у меня еще какие-нибудь акции?

— Сто штук «Марсианской Бонанзы».

— Сколько дают?

— За все кредитов двадцать пять.

— Ясненько. Ну пока, старина. — И Гэллегер отключился.

Почему, за каким чертом он купил эти акции?

Что он наобещал Деллу Хопперу, владельцу «Хоппер Энтерпрайсиз»?

Кто такие Дж. У. (тысяча пятьсот кредитов) и Толстячок (восемьсот кредитов)?

Почему вместо двора на дворе дыра?

Что это за машину построило его подсознание и зачем?

Он нажал кнопку информации на видеофоне и крутил диск до тех пор, пока не нашел номер «Хоппер Энтерпрайсиз». Гэллегер набрал его.

— Я хочу поговорить с мистером Хоппером.

— Ваша фамилия?

— Гэллегер.

— Пожалуйста, обратитесь к нашему юрисконсульту, мистеру Тренчу.

— Я уже говорил с ним, — сказал Гэллегер. — Послушайте...

— Мистер Хоппер занят.

— Передайте ему, — поспешно бросил Гэллегер, — что я выполнил заказ.

Это подействовало. На экране появился Хоппер — настоящий буйвол с гривой седых волос, черными как уголь глазами и носом, похожим на птичий клюв. Нацелясь выступающим подбородком в экран, он рявкнул:

— Гэллегер?! Еще бы немного, и я... — Он вдруг сменил тон. — Ты говорил с Тренчем, да? Я знал, что это поможет. Знаешь, что я за пару пустяков могу тебя посадить?

— Ну, может быть...

— Никаких «может быть»! Ты думаешь, я лично хожу ко всем полудуркам-изобретателям, которые что-то для меня делают? Если бы мне не прожужжали уши, что ты, мол, лучший в этом деле, ты бы давно уже сидел!

«Изобретатель»?

— Дело в том, — осторожно начал Гэллегер, — что я был болен...

— Брехня! — отмахнулся Хоппер. — Ты был пьян хуже свиньи. А я не плачу за пьянство. Может, ты забыл, что эта тысяча только аванс, а будет еще девять?

— Э-э... нет. Гмм... девять тысяч?

— Плюс премия за быстрое выполнение заказа. Ты еще можешь ее получить. Прошло всего две недели, ты очень вовремя вышел из запоя. Я уже присмотрел несколько заводов, а мои люди ищут по всей стране хорошие зрительные залы. Это

годится для небольших аппаратов, Гэллегер? Постоянный доход будет от них, а не от крупных залов.

— Грррммфф, — поперхнулся Гэллегер. — Но...

— Это у тебя? Я уже еду посмотреть.

— Подождите! Я бы хотел еще кое-что дополнить...

— Мне нужна только идея, — сказал Хоппер. — Если она хороша, все остальное — мелочи. Я позвоню Тренчу, пусть отзовет иск. Сейчас приеду.

И он выключил связь.

Гэллегер взревел, требуя еще пива.

— И бритву, — добавил он, когда Нарцисс выходил из комнаты. — Хочу перерезать себе горло.

— Это еще зачем? — спросил робот.

— Чтобы развлечь тебя, зачем же еще? Давай, наконец, пиво!

Нарцисс принес банку.

— Не понимаю, что тебя так беспокоит, — заметил он. — Не лучше ли забыться в экстазе, созерцая мою красоту.

— Бритва лучше, — угрюмо ответил Гэллегер. — Гораздо лучше. У меня трое клиентов, из которых двоих я вообще не помню, и все заказали у меня что-то, чего я тоже не помню. Ха!

Нарцисс задумался.

— Попробуй индуктивный метод, — предложил он. — Эта машина...

— Ну что «эта машина»?

— Когда ты получаешь заказ, то обычно напиваешься до такого состояния, в котором твое подсознание одерживает верх над сознанием и само делает все что нужно. А потом ты трезвеешь. Вероятно, и сейчас было то же самое. Ты сделал машину или нет?

— Ну, сделал, — согласился Гэллегер. — Только для кого? Я даже не знаю, на что она.

— Ты можешь включить ее и проверить.

— Верно... Что-то я поглупел сегодня.

— Ты всегда глупый, — убежденно сказал Нарцисс. — И уродливый. Чем дольше я созерцаю свою красоту, тем большую жалость испытываю к людям.

— Заткнись! — рявкнул Гэллегер, но тут же успокоился, понимая, что спорить с роботом бессмысленно.

Подойдя к таинственной машине, он еще раз оглядел ее. Никаких новых идей не возникло.

У машины был переключатель, который Гэллегер и переключил. Зазвучала песенка о больнице Святого Джекоба: «...я увидел свою дражайшую на мраморном столе...»

— Все ясно, — сказал Гэллегер, снова накаляясь. — Кто-то заказал мне граммофон.

— Минуточку,—Нарцисс вытянул руку.—Выгляни в окно.

— Ну и что там?

Гэллегер перегнулся через подоконник, да так и застыл. Ничего подобного он не ожидал. Пучок трубок, отходящих от машины, оказался невероятно эластичным. Трубки вытянулись до самого дна ямы, метров на десять, и двигались, как пылесосы на лугу. Они мелькали с такой скоростью, что Гэллегер видел лишь смазанные контуры. Выглядело это так, словно горгона Медуза, страдающая пляской Святого Витта, заразила ею своих змей.

— Смотри, как носятся, — задумчиво сказал Нарцисс, всей своей тяжестью налегая на Гэллегера. — Вот потому и дыра. Они пожирают землю.

— Верно, — согласился конструктор, отодвигаясь от робота. — Вот только зачем? Земля... гмм. Сырье. — Он взглянул на машину, которая как раз выводила: «...есть ли где-нибудь на свете другой такой жеребец...»

— Собранная земля попадает в бывшее помойное ведро, — рассуждал Гэллегер, внимательно глядя на машину. —

А что потом? Бомбардировка электронами? Протоны, нейтроны, позитроны... жаль, не знаю, что это такое, — жалобно закончил он.

— Позитрон — это...

— Ничего не говори, — попросил Гэллегер. — Ни к чему мне лишние семантические трудности. Я хорошо знаю, что такое позитрон, только не увязываю этого с названием. Я постиг только его сущность, неизреченную, так сказать.

— Но можно выразить его протяженность, — заметил Нарцисс.

— Это не для меня. Как сказал Шалтай-Болтай, это еще вопрос, кто здесь хозяин. В моем случае это слова. От этих чертовых словечек у меня мурашки по коже бегают. Я просто не улавливаю их значения.

— Ну и глупо, — сказал робот. — «Позитрон» — слово со вполне ясным значением.

— Возможно, для тебя. А для меня в этом смысла не больше, чем в шайке парней с рыбьими хвостами и зелеными усами. Вот почему я никогда не мог понять, что творит мое подсознание. Приходится использовать символическую логику, а символы... В общем, заткнись! — потребовал вдруг Гэллегер. — Чего это ради я буду спорить с тобой о семантике?

— Ты сам начал, — сказал Нарцисс.

Гэллегер одарил робота неприязненным взглядом и вновь повернулся к загадочной машине, продолжавшей пожирать землю и петь о больнице Святого Джекоба.

— Интересно, почему она играет именно эту песню?

— Но ведь ты всегда поешь ее в пьяном виде, разве не так? Особенно в ванной.

— Мне это ничего не говорит, — буркнул Гэллегер и начал изучать машину.

Устройство работало гладко, быстро, выделяя большое количество тепла и слегка дымя. Гэллегер нашел отверстие для

смазки, схватил старую масленку и капнул из нее. Дым исчез, а вместе с ним пропал слабый запах паленого.

— Из нее ничего не выходит, — сказал Гэллегер после долгой паузы.

— А там? — показал робот.

Гэллегер осмотрел быстро вращающийся диск с канавкой. Сразу за ним на гладкой поверхности трубки виднелось небольшое круглое отверстие. Однако не было заметно, чтобы из трубки что-то выходило.

— Передвинь выключатель, — сказал Гэллегер, и Нарцисс выполнил распоряжение. Отверстие закрылось — диск остановился. Тут же все прекратилось. Музыка стихла, щупальца, протянутые за окно, перестали мельтешить и сократились до своей прежней длины.

— Гмм, конечного продукта явно нет, — отметил Гэллегер. — Машина пожирает землю и целиком усваивает ее. Это не имеет смысла.

— Не имеет смысла?

— Естественно. В земле присутствуют различные элементы: кислород, азот... Под Нью-Йорком есть гранит, значит, есть и алюминий, натрий, кремний... много всякого. Ни один вид физических или химических реакций не объясняет такого эффекта.

— Значит, машина должна что-то производить?

— Разумеется, — сказал Гэллегер. — Я был бы гораздо спокойнее, если бы она что-то производила. Хотя бы грязь.

— А музыка? — обратил его внимание Нарцисс. — Конечно, если этот вой можно назвать музыкой.

— Даже мое безумное воображение отвергает подобную чушь! — с жаром возразил конструктор. — Согласен, мое подсознание слегка повернуто, но оно логично, пусть и по-своему. Оно ни за что не построило бы машину для превращения земли в музыку, даже если бы это было возможно.

— Но она же превращает, разве нет?

— Ничего подобного! Интересно, что заказал мне Хоппер? Он все время болтал что-то о заводах и зрительных залах.

— Он сейчас сам будет, — сказал Нарцисс. — У него и спросишь.

Гэллегер не ответил. Он прикинул, не потребовать ли еще пива, но передумал и вместо этого сел к органу, чтобы смешать себе путную выпивку. Потом уселся на генераторе, носившем многозначительное название «Чудовище». Разочарованный результатом, пересел на второй генератор, поменьше, по прозвищу «Тарахтелка».

Обычно Гэллегеру лучше думалось на «Тарахтелке».

Выпивка смазала его мозг, уже довольно плотно затянутый парами алкоголя. Машина без конечного продукта... земля, превращающаяся в ничто. Гмм. Материя не может исчезать, как кролик в шляпе фокусника, она должна куда-то деваться. Превращаться в энергию?

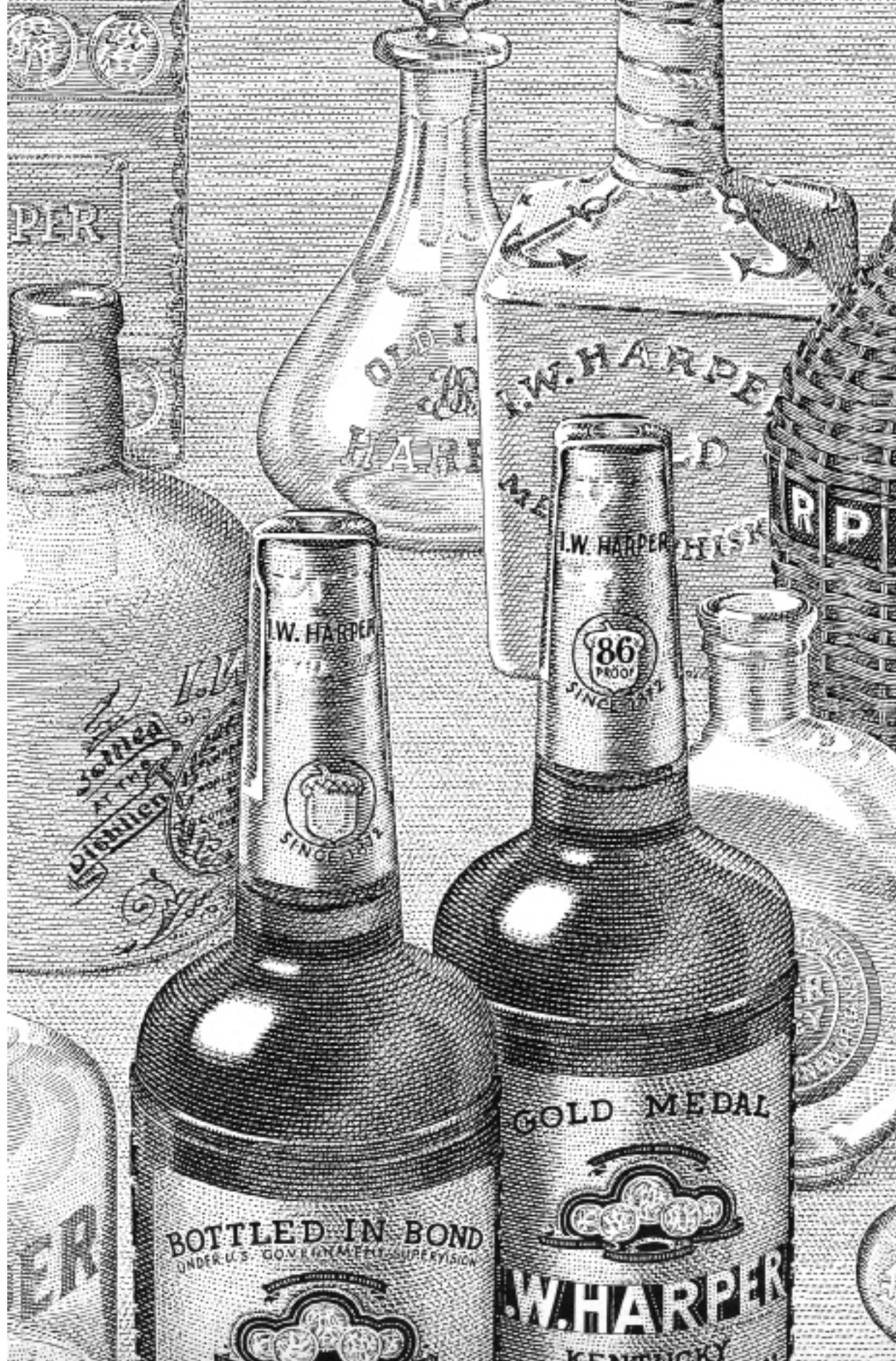
Скорее всего, нет. Машина не производила энергии. Провода и штепсели доказывали, что для работы машине требовалось электричество.

Итак...

Что «итак»?

Попробуем с другой стороны. Подсознание Гэллегера — Гэллегер Бис — построило это устройство по какой-то логически объяснимой причине, усиленной поступлением трех тысяч кредитов. Эту сумму он получил от трех разных людей и должен был сделать, скорее всего, три разные вещи. Которая из них подходила к этой машине?

Составим уравнение. Назовем *A*, *B* и *C*. Примем назначение машины — разумеется, не ее саму, за *x*. Тогда *A*, или *B*, или *C* = *x*. Нет, не совсем. Символ *A* представляет не Делла Хоппера, а лишь то, что ему нужно, и не определяет назначение машины.



Или, может, то, что нужно таинственному Дж. У. или не менее таинственному Толстячку.

Хотя Толстячок был чуть менее таинственным. У Гэллегера имелась тут подсказка, впрочем, непонятно, стоящая ли чего-либо. Если Дж. У. — это *B*, в таком случае Толстячок будет *C* плюс жировая ткань. И что получим?

Жажду и шум в голове.

Гэллегер потребовал еще пива, оторвав Нарцисса от зеркала. Он постучал пятками по «Тарахтелке», скривился, прядь черных волос упала ему на глаза.

Тюрьма?

Нет, где-то должно быть другое решение. Например, акции «Любого Задания». Зачем Гэллегер Бис купил их на четыре тысячи, если они падали?

Если бы он мог найти ответ на это, возможно, он бы ему помог. Гэллегер Бис не делал ничего просто так. А кстати, что за фирма эти «Любые Задания»?

Он включил в видеофоне информатор Манхэттена. К счастью, «Любые Задания» оказались корпорацией, зарегистрированной государством, и имели конторы на острове. На экране появилось трехмерное объявление:

ЛЮБЫЕ ЗАДАНИЯ
МЫ ДЕЛАЕМ ВСЕ
ВИД RED 4-1400-М

Итак, у него есть номер видеофона фирмы, это уже кое-что. Когда он начал набирать RED, в дверь позвонили. Нарцисс неохотно оторвался от зеркала и пошел открывать. Вернулся он в компании похожего на бизона мистера Хоппера.

— Прости за опоздание, — загремел Хоппер. — Мой шофер поехал на красный свет, и какой-то фараон нас остановил. Пришлось на него наорать.

— На шофера?

— На фараона, конечно. Ну и где оно у тебя?

Гэллегер облизнул зубы. Неужели Гэллегер Бис действительно пнул под зад этого огроменного типа? Это была неприятная мысль.

Он указал на машину.

— Вот...

Оставалось надеяться, что именно Хоппер заказывал машину, которая пожирает землю.

Глаза Хоппера округлились от удивления. Он искоса глянул на Гэллегера, потом подошел к машине и осмотрел ее со всех сторон. Он выглянул в окно, но, видимо, яма не очень его заинтересовала. Наконец повернулся к Гэллегеру.

— Это она и есть? Совершенно новый принцип?

И снова никаких подсказок. Гэллегер выдавил слабую улыбку. Хоппер продолжал таращиться на него.

— Ладно, — сказал он. — И как ею пользоваться?

Гэллегер ухватился за соломинку.

— Лучше я вам покажу, — предложил он, подошел к окну и передвинул рычажок. Машина тут же запела «Больницу Святого Джекоба», щупальца удлинились и начали пожирать землю. Дырка в трубке открылась, диск с канавкой закружился.

Хоппер ждал.

— Ну и что? — сказал он наконец.

— Вам не нравится?

— Откуда мне знать? Я даже не знаю, что она делает. Экрана нет?

— Разумеется, есть, — сказал Гэллегер, совершенно сбитый с толку. — Он в этом цилиндре.

— Где?! — Хоппер набычился. — В этом цилиндре?

— Угу.

— За... — похоже было, что Хоппер сейчас задохнется. — За каким дьяволом он там? Ведь у человека нет рентгеновских глаз!

— А должны быть? — пробормотал Гэллегер, совершенно запутавшись. — Вы хотели экран для рентгеновских глаз?

— Ты все еще пьян! — рявкнул Хоппер. — Или совсем спятил.

— Подождите минутку. Может, я ошибся...

— Ошибся?!!

— Скажите мне только одно: что я должен был для вас сделать?

Хоппер трижды вдохнул и выдохнул.

— Я спросил тебя, — произнес он холодным, размеренным голосом, — можешь ли ты разработать метод проекции трехмерного изображения, которое будет видно под любым углом — спереди, сзади или сбоку — без искажения. Ты сказал, что сможешь, и я дал тебе тысячу кредитов аванса. Я уже присмотрел несколько фабрик, чтобы можно было сразу же начать производство, мои люди ищут подходящие зрительные залы, я планирую кампанию по продаже приставок к домашним телевизорам. А сейчас, мистер Гэллегер, я пойду к своему юрисконсульту и скажу ему, чтобы он прижал тебя как следует.

И он вышел, фыркая, как разъяренный кот. Робот тихо прикрыл дверь, вернулся и, не дожидаясь приказания, отправился за пивом. Гэллегер остановил его.

— Мне нужно покрепче, — простонал он, смешивая себе выпивку. — Нарцисс, выключи эту чертову машину. У меня уже сил нет.

— Во всяком случае, кое-что ты узнал, — утешил его робот, — эту машину ты сделал не для Хоппера.

— Точно. Я сделал ее для... гмм... или для Дж. У., или для Толстячка. Еще бы узнать, кто они такие...

— Тебе нужно отдохнуть, — сказал робот. — Почему бы тебе не расслабиться, слушая мой пленительный мелодичный голос? Я могу почитать тебе.

— Он не мелодичный, — ответил Гэллегер. — Скрипишь, как несмазанная дверь.

— Это для твоих ушей. А у меня другие чувства. Для меня твой голос звучит кваканьем жабы-астматички. Ты не можешь видеть меня, как я себя вижу, и точно так же не можешь меня слышать, как я себя слышу. Что ж, может, это и к лучшему. Ты бы упал в обморок от наслаждения.

— Нарцисс, — терпеливо произнес Гэллегер, — я пытаюсь сосредоточиться. Ты не мог бы заткнуться?

— Мое имя не Нарцисс, — ответил робот. — Меня зовут Джо.

— Значит, отныне у тебя другое имя. Давай-ка вспомним... Я проверял «Любые Задания». Что это был за номер?

— RED 4-1400-M.

Гэллегер сел к видеофону. Секретарша, с которой он связался, рада была бы помочь ему, но не могла сообщить ничего важного.

«Любые Задания» была акционерной компанией со связями по всему миру. Когда какой-нибудь клиент что-то ей заказывал, она через других своих клиентов связывалась с подходящей фирмой и заключала контракт. Суть заключалась в том, что «Любые Задания» финансировала эти операции и получала комиссионные. Это было довольно сложно, и Гэллегер ничего не понял.

— Скажите, в вашей картотеке есть моя фамилия?.. А можете вы сказать, кто такой Дж. У.?

— Дж. У.? Простите, но мне нужна полная фамилия...

— Мне она неизвестна. А дело важное.

Гэллегер долго упрашивал и наконец уговорил секретаршу. Единственным работником «Любых Заданий», имеющим инициалы Дж. У., оказался некий Джексон Уордел, пребывающий сейчас на Каллисто.

— И давно он там?

— Он там родился, — ответила секретарша, — и никогда не бывал на Земле. Я уверена: мистер Уордел не может быть человеком, которого вы ищите.

Гэллегер согласился с нею. Спрашивать о Толстячке было бесполезно, и он с легким вздохом выключил видеофон. И что теперь?

Зазвонил видеофон, и на экране появился толстощекий лысеющий человечек, он морщил лоб от напряжения. При виде конструктора он облегченно рассмеялся.

— Наконец-то, мистер Гэллегер, — сказал он. — Я уже час пытаюсь с вами связаться. Наверное, линия не в порядке. Боже мой, я думал, вы сами свяжетесь со мной!

Сердце Гэллегера радостно стукнуло. Толстячок... ну конечно!

Наконец-то колесо фортуны завертелось. Толстячок — восемьсот кредитов. Аванс. Но за что? За машину? Может, он сделал машину для Толстячка? Гэллегер молил судьбу, чтобы Толстячку требовалась машина, которая пожирает землю и поет «Больницу Святого Джекоба».

Изображение на экране затуманилось и замерцало.

— Что-то неладно на линии, — торопливо произнес Толстячок. — Мистер Гэллегер, вы нашли способ?

— Разумеется, — сказал Гэллегер. Если бы только он мог что-нибудь вытянуть из этого типа, хоть какое-то указание о сущности заказа...

— Чудесно! «Любые Задания» подгоняют меня. Я тянул, сколько мог, но ждать вечно они не будут. Кафф усиливает нажим, а я не могу обойти старый устав...

Экран погас.

В бессильной ярости Гэллегер едва не откусил себе язык. Он принялся быстро расхаживать по лаборатории. Толстячок позвонит еще раз, это несомненно. И тогда первым вопросом, который задаст ему Гэллегер, будет: «Кто вы такой?»

Время шло.

Гэллегер застонал и попытался сам связаться с Толстячком: попросил коммутатор проверить, с каким номером он говорил.

— Извините, сэр, но связь была не через коммутатор. Мы не можем установить, с кем вы говорили.

Десять минут спустя Гэллегер перестал ругаться, дернул шляпу с железной статуи собаки, некогда украшавшей газон, и направился к двери.

— Я ухожу, — бросил он Нарциссу. — Следи за этой машиной.

— Хорошо, но только одним глазом, — согласился робот. — Второй нужен мне для созерцания собственной красоты. Почему бы тебе не выяснить, кто такой Кафф?

— Кто?

— Кафф. Толстячок упомянул о нем. Сказал, что он усиливает нажим...

— Точно! О чем же он еще болтал? Что не может обойти старой заставы...

— Устава. То есть закона.

— Да знаю я, что такое устав! — рявкнул Гэллегер. — Не полный же я идиот... по крайней мере, пока. Ты говоришь, Кафф? Попробую воспользоваться информатором еще раз.

В списке оказалось шесть человек с этой фамилией. Учитывая пол, Гэллегер вычеркнул половину, затем исключил фирму «Кафф-Линкс Мэньюфэкчуринг Компани», и осталось двое: Макс и Фредерик. Соединившись с Фредериком, он увидел худого пучеглазого парнишку, явно не достигшего совершеннолетия. Гэллегер окинул его убийственным взглядом и разъединился, оставив остолбеневшего Фредерика гадать, кто же это звонил.

Оставался еще Макс Кафф. Вероятно, он и был искомой персоной. Гэллегер убедился в этом, когда камердинер Макса

Каффа переключил разговор на городскую контору, где секретарша сообщила, что мистер Кафф проводит время в клубе «Аплифт».

— Вот как? А кто такой этот Кафф?

— Я вас не понимаю.

— Ну, чем он занимается?

— Мистер Кафф ничем не занимается, — ледяным тоном сообщила девушка. — Мистер Кафф — муниципальный советник.

Это было интересно. Гэллегер поискал шляпу, нашел ее у себя на голове и попрощался с роботом, который даже не потрудился ответить.

— Если Толстячок позвонит еще раз, — сказал конструктор, — спроси, как его зовут. Понял? И следи за этой машиной — вдруг она захочет преобразиться или что-нибудь в этом роде.

Позаботившись обо всем, Гэллегер вышел из дома. Дул холодный осенний ветер, обрывая сухие листья с деревьев. Пролетело несколько воздушных аэротакси, но Гэллегер остановил наземное, желая знать, как они поедут. У него было смутное предчувствие, что звонок Максу Каффу даст ему немного. С таким типом нужно держать ухо востро, особенно если он может «усиливать нажим»...

— Куда едем?

— Клуб «Аплифт». Знаете, где это?

— Нет, — ответил водитель, — но сейчас узнаю. — Он нажал клавишу информатора на приборной доске. — В городе, но довольно далеко.

— Вот и хорошо, — сказал Гэллегер и откинулся на сиденье, погрузившись в мрачные мысли.

Почему все клиенты были такими неуловимыми? Как правило, призраки не пользовались его услугами, однако Толстячок оставался лицом без фамилии, просто лицом, совершенно не знакомым Гэллегеру. А кто такой Дж. У., вообще неизвестно.

Только Делл Хоппер обрел реальную форму, и Гэллегер очень жалел об этом — повестка в суд лежала у него в кармане.

«Мне нужно выпить, — сказал сам себе Гэллегер. — Вот и все дела. Я давненько не был пьян. Во всяком случае, по моим меркам».

Через некоторое время такси остановилось у здания, которое когда-то было особняком из кирпича и стекла. Заброшенное, теперь оно выглядело довольно мрачно. Гэллегер вышел из машины, расплатился с водителем и подошел к дому. Небольшая вывеска извещала, что это и есть клуб «Аплифт». Поскольку звонка не было, Гэллегер просто открыл дверь и вошел.

И тут же ноздри его заходили ходуном, как у боевого коня, почуявшего запах пороха. Здесь пили. Ведомый инстинктом почтового голубя, Гэллегер направился прямо к бару, расположенному у стены зала, наполненного стульями, столами и людьми. Какой-то человек с печальным лицом и в шляпе играл в углу на электрическом бильярде. Когда Гэллегер подошел, печальный мужчина посмотрел на него и преградил путь.

— Ищешь кого-то? — буркнул он.

— Ага, — ответил Гэллегер. — Макса Каффа. Мне сказали, будто он здесь.

— Минуточку, — сказал печальный тип. — Что тебе от него нужно?

— Мне нужен Толстячок, — с ходу ляпнул Гэллегер.

Холодные глаза внимательно изучали его.

— Кто?

— Ты его не знаешь. Но Макс знает.

— Макс хочет тебя видеть?

— Конечно.

— Ну ладно, — с сомнением произнес печальный тип. — Макс в «Трех Звездах», у него сегодня обход баров. Если он начнет...

— «Три Звезды»? А где это?

— Брод-авеню, четырнадцать.

— Спасибо, — сказал Гэллегер и вышел, окинув бар тоскливым взглядом. Еще не время. Сначала дела — потом все прочее.

«Три Звезды» оказались обычным притоном, где на стенах демонстрировали веселые фильмы. Были они стереоскопическими и довольно гнусными. Задумчиво посмотрев на экран, Гэллегер обвел взглядом гостей. Их было немного. Внимание его привлек сидящий у одного конца бара мощный тип с гардений в бутоньерке и крикливым бриллиантом на пальце. Гэллегер подошел к нему.

— Мистер Кафф?

— Да, — ответил мужчина, поворачиваясь на стуле, как Юпитер вокруг своей оси. Слегка покачиваясь, он уставился на Гэллегера.

— А ты кто такой?

— Я...

— Впрочем, неважно, — подмигнул Кафф. — Никогда после работы не говори, как тебя зовут на самом деле. Прячешься, да?

— Что?

— Я это с первого взгляда узнаю. Ты... ты... — Кафф наклонился вперед, принюхиваясь. — Ты пил!

— Пил, — горько ответил Гэллегер.

— Ну так выпей и со мной, — предложил Кафф. — Я уже дошел до «Д» — дайкири. Тим! — заорал он. — Еще один дайкири для моего друга! Одна нога здесь, другая там. И подумай о «Е».

Гэллегер скользнул на стул рядом с Каффом и пригляделся к своему собеседнику. Советник был в немалом подпитии.

— Да, — сказал Кафф, — лучше всего пить по алфавиту. Начинаешь с «А» — абсента, а потом по порядку — бренди, виски, голдвассер, дайкири...

— А потом?

— Разумеется «Е», — с легким удивлением заметил

Кафф. — Egri Burgundi. О, вот и дайкири для тебя. Поехали!

Выпили.

— Послушайте, — сказал Гэллегер. — Мне нужно поговорить с вами о Толстячке.

— О ком?

— О Толстячке, — сказал Гэллегер, многозначительно подмигнув. — Ну, вы знаете. Нажим, устав... знаете?

— Ах, о нем! — Кафф вдруг расхохотался. — Толстячок, да? Это хорошо. Это очень хорошо. Это ему подходит.

— А разве его зовут не похоже? — хитро спросил Гэллегер.

— Ничуть! Толстячок, надо же!

— Его фамилия через «е» или «и»?

— И то и другое, — ответил Кафф. — Тим, где эгри? А, уже готов? Ну, вздрогнули, старик!

Гэллегер прикончил дайкири и занялся эгри. Что делать теперь?

— Ну, так что с Толстячком? — рискнул спросить Гэллегер.

— Никогда не отвечаю на вопросы, — ответил Кафф, неожиданно трезвея. Он недоверчиво уставился на Гэллегера. — А ты наш? Что-то я тебя не знаю.

— Я из Питсбурга. Мне велели прийти в клуб, когда приеду.

— Что-то тут не так, — заметил Кафф. — Ну, да неважно. Я закончил пару дел и веселюсь.

На «Ж» они выпили «желтый шар», на «З» — «зеленого дьявола».

— Теперь истерн, — довольно сказал Кафф. — Его подают только в этом баре, а потом приходится пропускать буквы. Я не знаю ничего на «К».

— Клойстеркеллер, — заплетающимся языком подсказал Гэллегер.

— Кло... как? Что это такое? Тим! — позвал Кафф бармена. — Есть у тебя клойстеркеллер?

— Нет, сэр, — ответил Тим.

— Тогда поищем, где есть. А ты молодец, старина. Пошли вместе, ты мне нужен.

Гэллегер послушно пошел за ним. Поскольку Кафф не желал говорить о Толстячке, нужно было завоевать его доверие, и лучшим способом было пить вместе с ним. К сожалению, алфавитная попойка оказалась нелегким делом. Гэллегер был уже на грани, а жажда Каффа все еще не была утолена.

— «Л»? Что у нас на «Л»?

— Лакрима Кристи. Или либфраумилх.

— О боже!

Некоторое облегчение доставило возвращение к мартини, но после ореховой у Гэллегера закружилась голова. На «Р» он предложил рислинг, но Кафф не хотел о нем и слышать.

— Тогда рисовую водку.

— Хорошо. Рисовую... эй! Ого, да ведь мы пропустили «Н»! Придется возвращаться к «А»!

С большим трудом Гэллегер уговорил его не делать этого; Каффа явно очаровало экзотическое название: нг га по. Затем они продолжили путешествие по алфавиту: сакэ, текила, «уникум», флип, хеннесси.

— «Ч»?

Сквозь пары алкоголя они посмотрели друг на друга. Гэллегер пожал плечами и огляделся. «Интересно, как мы попали в этот роскошный клубный кабинет? Одно ясно, это не „Аплифт“».

— «Ч», — настаивал Кафф. — Ну же, не подведи, старина!

— Пшени-Ч-ная, — осенило Гэллегера.

— Здорово! Осталось совсем немного. «Ш» — шартрез... а что там после «Ш»?

— Толстячок. Помните?

— А, Толстячок Смит, — сказал Кафф, заливаясь неудержимым смехом. По крайней мере, это прозвучало как «Смит». — Толстячок. Это ему здорово подходит.

— А как его зовут? — настаивал Гэллегер.

— Кого?

— Толстячка.

— Никогда о таком не слышал, — сказал Кафф и захохотал. Подошел посыльный и коснулся плеча советника.

— К вам пришли.

— Хорошо. Сейчас вернусь, старина. Все знают, где меня можно найти... в основном здесь. Никуда не уходи. Осталось еще «Ш» и... и все, что после нее.

Он исчез из виду. Гэллегер оставил нетронутый стакан, поднялся и пошатываясь направился к холлу. На глаза ему попался стоявший видеофон. Под влиянием внезапного импульса он вошел в кабину и набрал номер лаборатории.

— Снова накачался, — сказал Нарцисс, едва его лицо появилось на экране.

— Святая истина, — согласился Гэллегер. — Я надрался, как... ик!.. как свинья. Но у меня кое-что есть.

— Лучше позаботиться о личной охране,— сказал робот.— Едва ты ушел, сюда вломились какие-то бандиты. Тебя искали.

— Кто меня искал? Повтори?

— Трое бандюг, — терпеливо повторил Нарцисс. — Главный был худой и высокий, пиджак в клетку, желтые волосы и золотой зуб спереди. Остальные...

— Мне не нужно описание, — рявкнул Гэллегер. — Скажи просто, что случилось.

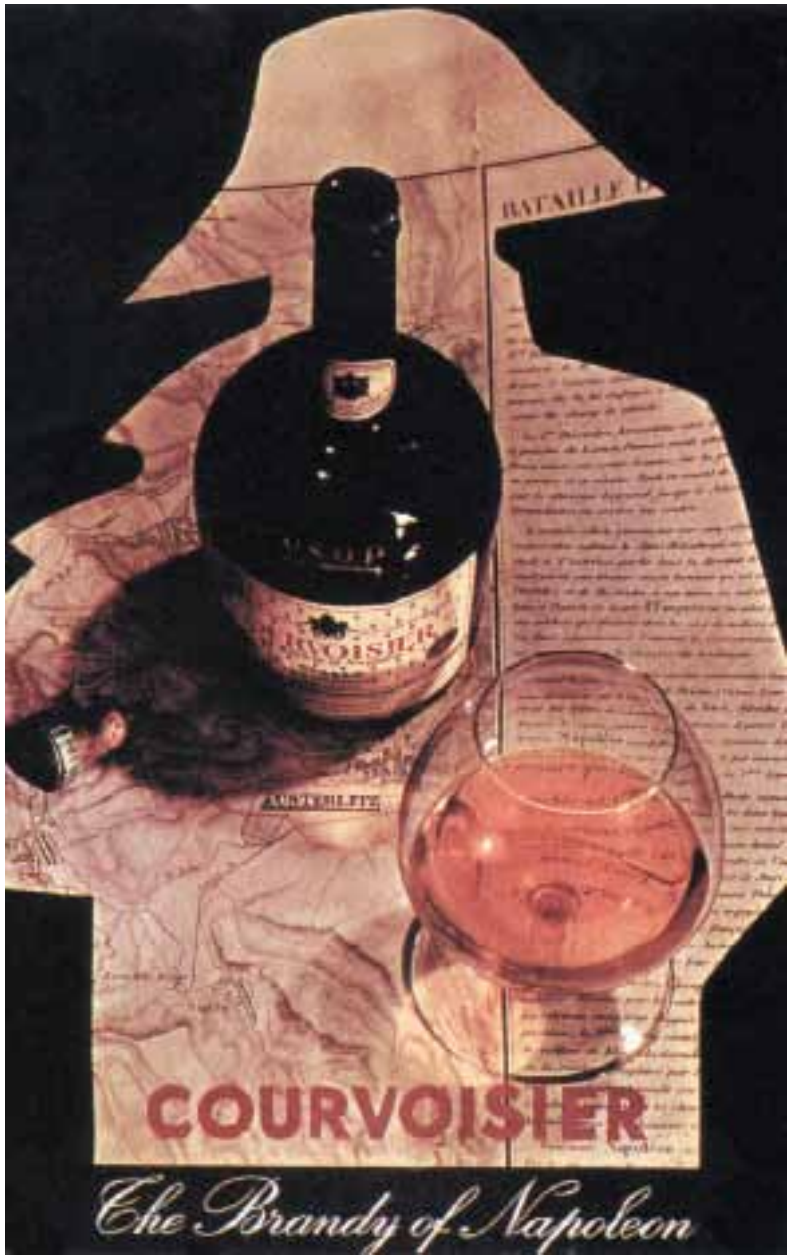
— Я уже все сказал. Они хотели тебя похитить. Потом решили украсть машину, но я их выставил; для робота я довольно силен.

— С машиной ничего не случилось?

— А со мной? — обиделся Нарцисс. — Я куда важнее какой-то там игрушки. Тебя не волнуют мои раны?

— Нет, — ответил Гэллегер. — А они у тебя есть?

— Конечно, нет. Но ты мог бы и поинтересоваться...



— С машиной все в порядке?!!

— Я не подпустил их к ней, — сказал робот. — Чтоб тебе лопнуть!

— Я еще позвоню, — сказал Гэллегер. — Сейчас мне нужен черный кофе.

Он выбрался из кабины. К нему направлялся Макс Кафф. За советником шли трое мужчин.

Один из них остановился на полпути и удивленно разинул рот.

— Это тот самый тип, шеф. Гэллегер. Это с ним вы пили?

Гэллегер попытался сфокусировать глаза, и изображение стало четче. Перед ним стоял высокий худой мужчина в клетчатом пиджаке, с желтыми волосами и золотым зубом.

— Стукните его, — приказал Кафф. — Быстрее, пока он не закричал и пока вокруг никого нет. Гэллегер, значит? Ну, хитрюга!

Гэллегер еще заметил, как что-то летит в сторону его головы, и хотел спрятаться в кабину видеофона, как улитка в раковину. Ничего не вышло, а потом перед глазами вспыхнул ослепительный свет.

«Главная проблема с общественной культурой, — сонно думал Гэллегер, — заключается в том, что она одновременно испытывает рост и окостенение внешней оболочки. Цивилизацию можно сравнить с цветочной клумбой — каждое отдельное растение является составной частью культуры. Рост растений — это прогресс. Технология, этот цветок с утраченными иллюзиями, получила некогда солидную инъекцию питательной смеси в виде войн, заставивших ее развиваться по необходимости. Но ни одна цивилизация не может считаться удовлетворительной, если сумма ее частей не равна целому.

Цветок этот глушил другое растение, которое развило в себе способности к паразитированию и перестало пользоваться корнями, обвиваясь вокруг цветка, карабкаясь по его стеблю и листьям. Такими удушающими лианами были религия, политика, экономика, культура — устаревшие формы, которые изменялись слишком медленно, обгоняемые пламенной кометой точных наук, пылающей на необъятном небе новой эры. Когда-то давно писатели считали, что в будущем — в их будущем — социологическая модель будет иной. В эру космических кораблей исчезнут такие нелогичные поступки, как биржевые спекуляции, грязная политика или гангстеризм. Однако этим теоретикам не хватило прозорливости, и эру космических кораблей они отнесли к слишком далекому будущему.

А ведь Ли сел на Луну еще до того, как вышли из употребления автомобили с карбюраторами[1]. Великие войны первой половины двадцатого века придали технике огромное ускорение, которое не исчерпалось и доныне. К сожалению, обычных людей больше интересовали продолжительность рабочего дня и инфляция. Единственный период единодушия пришелся на время великих проектов, вроде Программы Миссисипи и тому подобного. Наконец, это было время хаоса, реорганизации, стремительной замены старых понятий новыми и метаниями от одной крайности к другой. Профессия адвоката, например, стала настолько сложной, что группам экспертов приходилось использовать счетчики Педерсена и электронные мозги Механистра для того, чтобы делать свои натянутые выводы, тут же воспаряющие в неизведанные пространства символической логики. Убийцу могли оправдать, если он не признавал себя виновным. А даже если признавал, имелись способы опровержения солидных юридических доказательств. Прецеденты утратили свое значение. В этом

[1] Рассказ был написан задолго до 1969 года.

безумном лабиринте власти обращались к незыблемым историческим фактам, которые зачастую оборачивались против них самих.

Так шло год за годом. Попозже социология догонит развитие техники, но пока до этого далеко. Экономический азарт достиг небывалого в истории уровня. Требовался гений, чтобы разобраться во всеобщей неразберихе. Мутации, вызванные извечной склонностью природы к шуткам, дали наконец таких гениев, но пройдет еще много времени, прежде чем будет найдено удовлетворительное решение. Понятно, что выживет тот, кто имеет большую способность к адаптации, запас всесторонних практических и непрактических знаний, а также опыт во всем. То есть в предметах растительного, животного и минерального происхождения...»

Гэллегер открыл глаза. Видно было немного. Главным образом потому, что его швырнули на стол лицом вниз, он это сразу же определил. Собравшись с силами, он сел. Он не был связан и находился на слабо освещенном чердаке, похожем на склад и переполненном всевозможной рухлядью. С потолка слабо светила лампа. Была здесь и дверь, но перед ней стоял тип с золотым зубом. По другую сторону стола сидел Макс Кафф, он старательно наливал виски в стакан.

— Я тоже хочу, — слабым голосом сообщил Гэллегер.

Кафф взглянул на него.

— А, проснулся. Извини, Блэзер стукнул тебя слишком сильно.

— Да ничего. Я бы и так потерял сознание. Эта алфавитная выпивка — страшная штука.

— Хоп! — сказал Кафф, придвигая стакан Гэллегеру и наливая себе другой. — Хитро было придумано — держаться меня, то есть единственного места, где парням не пришло бы в голову тебя искать.

— Это у меня врожденное, — скромно заметил Гэллегер.

Виски его оживило, но в голове еще не совсем прояснилось.

— Эти ваши... гмм... сообщники пытались меня похитить, верно?

— Угу. Но тебя не было дома. Этот твой робот...

— Он просто чудо.

— Слушай, Блэзер сказал мне о машине, которую ты сделал. Я бы не хотел, чтобы Смит наложил на нее лапу.

Толстячок Смит. Гмм. Мозаика вновь разлетелась. Гэллегер вздохнул. Если он сыграет втемную...

— Смит ее еще не видел.

— Я знаю, — сказал Кафф. — Мы прослушиваем его видеофон. Один из наших агентов узнал, что Смит сказал «Любым Заданиям», будто некий человек работает над проблемой, понял? К сожалению, он не назвал фамилию этого человека. Мы могли только следить за Смитом, прослушивать его разговоры и ждать, когда он с тобой свяжется. А потом... в общем, мы поймали этот звонок, и ты сказал ему, что устройство у тебя есть.

— Ну и что?

— Мы тут же прервали ваш разговор, и Блэзер с парнями отправился к тебе. Я же говорил, что не хочу, чтобы Смит получил этот контракт.

— Вы ничего не говорили о контракте, — сказал Гэллегер.

— Не валяй дурака. Смит сказал «Любым Заданиям», что выложил тебе всю историю.

Может, так оно и было, но Гэллегер был тогда под мухой, и все это выслушивал Гэллегер Бис, следовательно, информация хранилась в подсознании.

Кафф рыгнул и отставил стакан.

— Потом поговорим. Ну и отравился я, даже думать не могу. Но я не хочу, чтобы Смит заполучил эту машину. Твой робот не дает нам к ней подойти. Ты свяжешься с ним по видео и отправишь куда-нибудь, чтобы парни могли принести

машину сюда. Отвечай «да» или «нет». Если «нет», я еще вернусь сюда чуть погодя.

— Нет, — сказал Гэллегер. — Вы меня все равно прикончите, чтобы я не сделал Смиту еще одну машину.

Веки Каффа медленно опустились на глаза, и какое-то время он сидел неподвижно, словно заснул. Потом он невидящим взглядом посмотрел на Гэллегера и встал.

— Значит, увидимся позже. — Он энергично потер лоб. — Блэзер, следи за этой глистой.

Человек с золотым зубом выступил вперед.

— С вами все в порядке?

— Конечно. Но думать я не могу... — Кафф скривился. — Турецкая баня — вот что мне нужно.

Он подошел к двери, ведя за собой Блэзера. Гэллегер заметил движения губ советника и прочел несколько слов.

— ...упьется... позвонить роботу... попробуйте...

Кафф вышел, а Блэзер вернулся в комнату, сел напротив Гэллегера и подвинул тому бутылку.

— Не бери в голову, — успокоил он. — Глотни вот немного, полегчает.

«Хитрецы, — подумал Гэллегер. — Думают, если я напьюсь, то сделаю все, что им нужно. Гмм...»

У дела имелся еще один аспект. Когда Гэллегер бывал полностью под воздействием алкоголя, управление принимало его подсознание. А Гэллегер Бис был уникальным изобретателем, безумным, но гениальным.

Гэллегер Бис наверняка найдет выход из этого положения.

— Вот и правильно, — сказал Блэзер, видя, как исчезает алкоголь. — Еще одну. Макс отличный парень, он на тебя не в обиде. Вот только он не любит, если кто-то мешает его планам.

— Каким планам?

— Ну, как в случае со Смитом, — объяснил Блэзер.

— Понятно.

Гэллегер содрогнулся. Предстояло так накачаться спиртным, чтобы подсознание смогло выбраться наружу. Он продолжал пить.

Возможно, он просто перестарался. Обычно Гэллегер очень старательно мешал свои напитки, а на этот раз все составляющие уравнения в сумме дали ноль. Он видел, как поверхность стола медленно приближается к его носу, почувствовал мягкий, почти приятный удар и захрапел. Блэзер поднял его и встряхнул.

— И что они т-теперь за водку делают, — прохрипел Гэллегер. — Вино, женщины и песни... вино, вино, вино... К-красное.

— Вина ему захотелось, — буркнул Блэзер. — Этот тип пьет как промокашка.

Он еще раз встряхнул Гэллегера, но без толку. Буркнув что-то еще, Блэзер вышел.

Гэллегер услышал, как закрылась дверь, попытался сесть, но упал со стула и больно приложился головой о ножку стола.

Это подействовало лучше ведра холодной воды. Пошатываясь, Гэллегер поднялся на ноги. Комната на чердаке была пуста, если не считать его самого и всякой рухляди. Очень осторожно он подошел к двери и попытался ее открыть. Заперто. Мало того, дверь была еще обита стальным листом.

— Ну, дела... — бормотнул конструктор. — В кои-то веки мне понадобилось мое подсознание, а оно не желает показываться. Черт возьми, как же отсюда выбраться?

Выхода не было. Комната не имела окон, а дверь была заперта намертво. Гэллегер направился к груде старой мебели. Диван. Коробка с бумагой. Подушки. Свернутый ковер. Мусор.

Он нашел кусок провода, пачку слюды и еще пару мелочей, а когда сложил все вместе, образовалось нечто, похожее на пистолет или миксер. Выглядело это довольно жутковато, словно какой-то марсианский излучатель.

Затем Гэллегер вернулся к стулу и сел, всей силой воли заставляя себя протрезветь. Дело шло неважно. Когда вновь послышались шаги, в голове у него все еще шумело.

Дверь открылась, вошел Блэзер. Гэллегер едва успел спрятать свое изобретение под стол.

— Ты уже вернулся? Я думал, это Макс.

— Он скоро придет, — пообещал Блэзер. — Как ты себя чувствуешь?

— В голове шумит. Я бы еще выпил. Та бутылка уже кончилась. — Он действительно прикончил ее, вылив остатки в какую-то дыру.

Блэзер запер дверь и подошел. Гэллегер встал, потерял равновесие и споткнулся. Гангстер заколебался, а Гэллегер вытащил свой пистолет-миксер и поднес к глазам, глядя сквозь ствол на лицо Блэзера.

Бандит потянулся за пистолетом, однако жуткое устройство, которое Гэллегер направил на него, не давало ему покоя, и он остановился, размышляя, что бы это могло быть. В следующую секунду он все же решил действовать, но тут Гэллегер, пренебрегая правилами честного поединка, пнул противника в пах. Когда Блэзер согнулся пополам, Гэллегер воспользовался этим, бросился на него и повалил на пол яростными ударами всех четырех конечностей. Блэзер по-прежнему пытался достать свое оружие, но самый первый коварный удар здорово мешал ему. Гэллегер все еще был слишком пьян, чтобы координировать свои движения, поэтому он просто взгромоздился на противника и принялся методично обрабатывать его солнечное сплетение. Тактика себя оправдала. Через некоторое время ему удалось вырвать у Блэзера пистолет и треснуть рукояткой по гангстерскому куполу.

На этом все и кончилось.

Гэллегер встал, разглядывая свое изобретение и гадая, чем же это могло быть, по мнению Блэзера. Вероятно, генератором

лучей смерти. Он слабо усмехнулся. В кармане бандита он нашел ключ, открыл дверь и спустился по лестнице. Пока все шло неплохо.

Слава изобретателя имела свои положительные стороны. По крайней мере, удалось отвлечь внимание Блэзера от фактического положения вещей.

И что теперь?

Дом оказался заброшенным четырехэтажным строением возле бани. Гэллегер выбрался через окно и удрал со всех ног. Вскоре он уже сидел в аэротакси, которое мчалось в сторону окраины. Тяжело дыша, он включил воздушный фильтр и пустил холодный ветерок, чтобы охладить вспотевшее лицо. Высоко на черном осеннем небе появилась полная луна. Сквозь окошко в полу видны были светлые полосы улиц, пересекаемые ослепительными диагоналями автострад верхнего уровня.

Смит. Толстячок Смит. Каким-то образом он связан с «Любыми Заданиями». Гэллегер заплатил пилоту и из осторожности высадился на крыше дома в районе Уайт-Вэй. Найдя кабину видеофона, он связался со своей лабораторией. На экране появился робот.

— Нарцисс...

— Джо, — поправил робот. — Ты снова надрался. Когда ты протрезвеешь?

— Заткнись и слушай. Что произошло за это время?

— Не так уж много.

— Эти бандиты приходили еще раз?

— Нет, — сказал Нарцисс, — но приходили двое полицейских. Помнишь повестку в суд? Ты должен был явиться в пять часов.

Повестка... Ах да: Делл Хоппер, тысяча кредитов.

— Они ждут?

— Нет, я сказал им, что ты принял снотворное.

— Зачем?

— Чтобы они тут не крутились. Теперь ты можешь вернуться домой, но будь осторожен.

— В чем дело?

— Это твои проблемы, — ответил Нарцисс. — Купи себе накладную бороду. Я свое дело сделал.

— Хорошо, — сказал Гэллегер. — Свари мне черный кофе, да побольше. Звонил еще кто-нибудь?

— Из Вашингтона. Какой-то командор космической полиции. Он не представился.

— Космической полиции? Они тоже меня ищут? Чего ему было нужно?

— Тебя, — сказал робот. — До свидания. Ты не дал мне допеть песенку.

— Свари кофе, — напомнил Гэллегер вслед тающему изображению.

Он вышел из кабины и постоял немного, размышляя и глядя на небоскребы Манхэттена, испещренные неправильными узорами освещенных окон: прямоугольных, круглых, овальных, полукруглых и даже звездчатых.

Звонок из Вашингтона.

Хоппер усиливает нажим.

Макс Кафф и его мальчики.

Толстячок Смит.

Наиболее обещающим казался Смит. Гэллегер еще раз вошел в кабину и набрал номер «Любых Заданий».

— Извините, но мы уже закончили.

— Это очень важно, — настаивал Гэллегер. — Мне нужна информация. Я должен связаться с человеком...

— Мне очень жаль...

— С-М-И-Т, — произнес по буквам Гэллегер. — Вы просто проверьте по списку, хорошо? Или вы хотите, чтобы я перерезал себе горло у вас на глазах?

Он начал рыться в кармане.

— Может, вы позвоните завтра...

— Завтра будет слишком поздно. Очень прошу вас, поищите, пожалуйста.

— Мне очень жаль...

— Я акционер «Любых Заданий»! — рявкнул Гэллегер. — Предупреждаю вас!..

— А... вообще-то это не принято, но... Говорите, Смит? Минуточку. Как его имя?

— Этого я не знаю. Найдите мне всех Смитов.

Девушка исчезла и вновь появилась с картотечным ящиком, снабженным надписью «СМИТ».

— Ого, — сказала она, просматривая карточки, — здесь несколько сотен Смитов.

Гэллегер застонал.

— Мне нужен толстый Смит, — с отчаянием сказал он. — Но это по картотеке не проверишь.

Секретарша поджала губы.

— Понимаю, это вы так шутите. Спокойной ночи! — Секретарша выключилась.

Гэллегер посидел, вглядываясь в экран. Несколько сотен Смитов. Не очень-то хорошо. То есть просто плохо.

Минуточку! Гэллегер Бис купил акции «Любых Заданий», когда они падали. Почему? Вероятно, он ожидал, что они поднимутся. Но акции, по словам Эрни, продолжали падать. В этом могла крыться подсказка.

Эрни он поймал у него дома и с ходу прижал к стене.

— Отмени свои встречи, мой вопрос не отнимет у тебя много времени. Узнай только, почему акции «Заданий» падают, и позвони мне в лабораторию. А то я сверну тебе шею. Только быстро, понял?

Эрни согласился. Гэллегер выпил кофе в уличном автомате, осторожно прокрался домой и запер дверь на два замка.

Нарцисс танцевал перед большим зеркалом в лаборатории.

— Кто-нибудь звонил?

— Нет, никто. Взгляни на это грациозное па.

— Успею еще. Если кто-то придет, сообщи мне — я спрячусь, пока ты от него не избавишься. — Гэллегер крепко зажмурился. — Кофе готов?

— Черный и крепкий. На кухне.

Но сперва конструктор пошел в ванную, разделся, принял холодный душ и постоял под кварцевой лампой. Чувствуя себя чуть протрезвевшим, он вернулся в лабораторию с огромной чашкой горячего кофе, уселся на «Тарахтелку» и принялся отпаиваться.

— Ты похож на роденовского «Мыслителя», — заметил Нарцисс. — Я принесу тебе халат, а то твое мерзкое тело оскорбляет мое эстетическое чувство.

Гэллегер не слышал его. Он надел халат, потому что мерз после ванны, и продолжал прихлебывать кофе и смотреть в пространство.

Уравнение: *A* или *B* или *C* равняется *x*. До сих пор он старался определить величины *A*, *B* и *C*. Возможно, это был не лучший способ. Дж. У., например, он вообще не нашел, Смит оставался неуловим, а Делл Хоппер (тысяча кредитов) никуда не годился.

Может, лучше было бы определить *x*. Должна же эта чертова машина иметь какое-то назначение. Да, она пожирала землю, но материю уничтожить невозможно, ее можно только преобразовать.

Земля входила в машину, а на выходе не было ничего.

Ничего видимого.

Свободная энергия?

Она невидима, но ее можно обнаружить приборами.

Вольтметром, амперметром, электроскопом...

Гэллегер еще раз включил машину. Ее пение было довольно громким, но в дверь никто не позвонил, а вскоре Гэллегер

вновь поставил переключатель в нейтральное положение. Он так ничего и не узнал.

Позвонил Эрни, ему удалось добыть нужную информацию.

— Это было нелегко, пришлось воспользоваться несколькими хитрыми приемами. Но я узнал, почему акции «Любых Заданий» падают.

— Слава богу. Выкладывай.

— Понимаешь, «Задания» — это как бы крупная биржа заказов. Они нанимают подрядчиков для разных дел. В данном случае это большое административное здание, которое должно быть построено в центре Манхэттена. Вот только строительная фирма не может начать работу. Речь идет о больших деньгах, и пошли слухи, здорово навредившие акциям «Заданий».

— Валяй дальше.

— На всякий случай, — продолжал Эрни, — я собрал все, что смог. За этот заказ дрались две фирмы.

— Какие именно?

— «Аякс» и кто-то по фамилии...

— Случайно, не Смит?

— Почти, — подтвердил Эрни. — Таддеус Смейт. Пишется С-м-е-й-т.

Долгая тишина.

— Смейт, — повторил наконец Гэллегер. — Вот почему она не могла... Что? Нет, ничего. Я должен был догадаться.

Когда он спросил Каффа, пишется ли фамилия Толстячка через «е» или «и», тот ответил, что через обе буквы. Смейт. Ха-ха!

— Заказ получил Смейт, — продолжал Эрни. — Он обошел «Аякс», однако у того оказалась волосатая лапа на самом верху. Они нашли какого-то советника, который устроил бучу, ссылаясь на старый муниципальный устав, и остановил Смейта. Парень ничего не может сделать.

— Почему?

— Потому, что устав запрещает ему блокировать движение на Манхэттене. Это касается и воздушного движения. Клиент Смейта или, точнее, клиент «Любых Заданий» выкупил недавно участок, но права на воздушное движение над ним на девяносто девять лет принадлежат «Трансуорлд Страто». Ангары стратопланов находятся рядом с этим участком, а ты прекрасно знаешь, что стратопланы вертикально не стартуют. Они какое-то время летят по прямой, и взлетный коридор проходит точно над этим участком. С арендой все в порядке — девяносто девять лет линии «Трансуорлд Страто» имеют право использовать воздух над этим участком на высоте свыше пятнадцати метров от поверхности земли.

Гэллегер задумчиво смотрел на Эрни.

— Тогда как же Смейт собирался поставить там здание?

— Новый владелец имеет право на пространство с пятнадцати метров над поверхностью земли до центра планеты. Понимаешь? Большое восьмидесятиэтажное здание, у которого большинство этажей под поверхностью земли. Так уже кто-то делал, но Смейту мешают политики. Если Смейт не сможет выполнить условия контракта, работу получит «Аякс», а он идет рука об руку с тем советником.

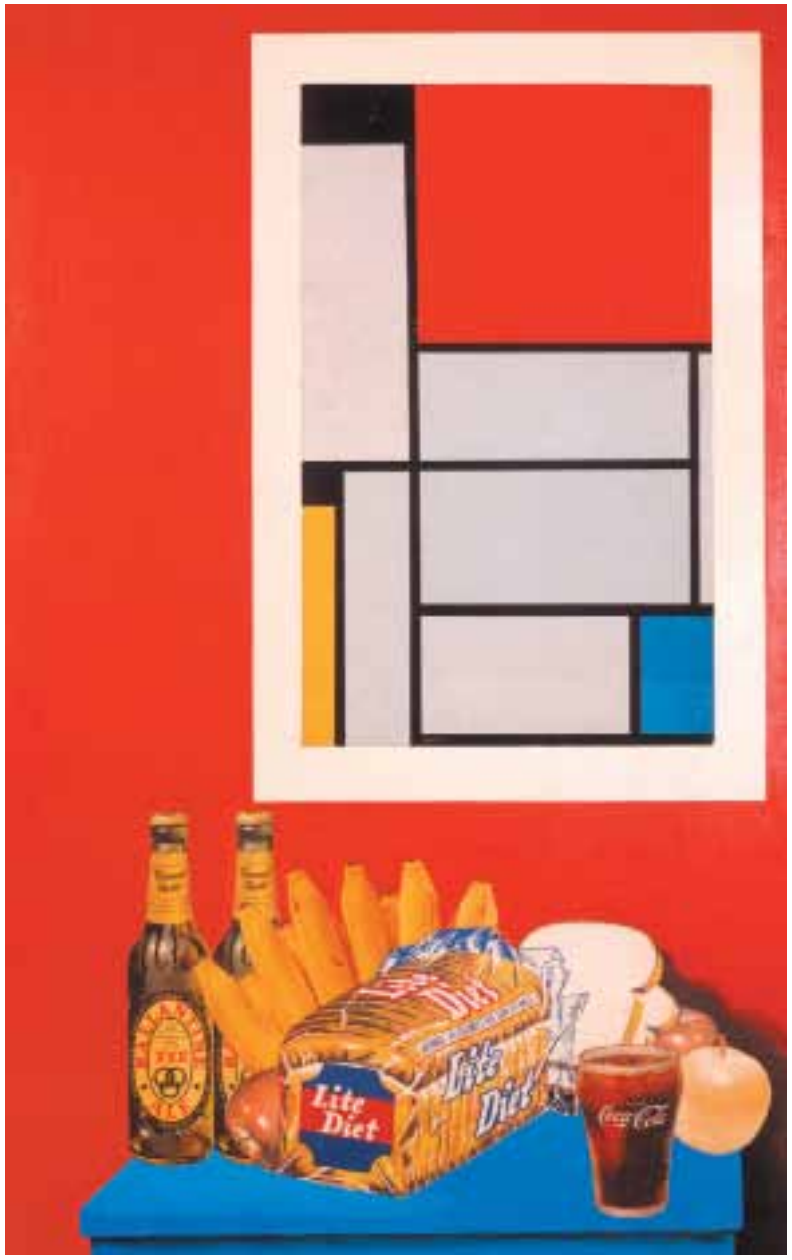
— Да, с Максом Каффом, — сказал Гэллегер. — Я уже с ним познакомился. Но... что это за устав, о котором ты упоминал?

— Старый, но по-прежнему действующий. Нельзя мешать дорожному движению и препятствовать воздушному.

— Ну и что?

— Если копать яму под восемьдесят этажей, — объяснил Эрни, — придется извлечь массу земли и камней. Как вывезти все это, не мешая движению? Я даже не возьмусь рассчитать, сколько это будет тонн.

— Понимаю... — тихо произнес Гэллегер.



— Вот и все дело. Смейт получил контракт, но оказался в тупике. Он не может избавиться от земли, а вскоре «Аякс» получит заказ в свои руки и как-нибудь добьется разрешения на вывоз земли.

— Как он это сделает, если Смейт не может?

— Ты забываешь о советнике. Так вот, несколько недель назад в том районе закрыли несколько улиц для ремонта и устроили объезд у самого строительного участка. Движение там дикое, и самосвалы с землей забили бы все до предела. Разумеется, объезд этот временный... — Эрни коротко рассмеялся, — до тех пор, пока Смейт не откажется от контракта. Тогда объезд исчезнет, и «Аякс» сможет получить нужное разрешение.

— Гм, — Гэллегер оглянулся через плечо на машину. — Возможно, есть способ...

В дверь позвонили. Нарцисс вопросительно взглянул на хозяина.

— Окажи мне еще одну услугу, Эрни, — сказал Гэллегер. — Доставь мне сюда Смейта.

— Хорошо, я позвоню ему.

— Его видеофон прослушивают, лучше не рисковать. Ты не мог бы заехать к нему и привезти его сюда?

Эрни вздохнул.

— Тяжкий у меня хлеб. Ну, хорошо.

Экран погас. Гэллегер наконец обратил внимание на звонок и кивнул роботу.

— Посмотри, кто там. Сомневаюсь, чтобы Кафф попробовал еще какой-нибудь фокус, но... в общем, посмотри. Я покуда спрячусь в шкаф.

Он стоял в темноте, ожидая, напрягая слух и думая. Проблема Смейта была решена. Машина пожирала землю. Это был единственный эффективный способ избавления от вынутой земли, если не хотелось рисковать и устраивать водородный взрыв.

Восемьсот кредитов аванса за устройство или метод, позволяющий удалить достаточно земли, чтобы получить котлован для постройки подземного здания.

Что ж, возможно. Но куда же все-таки девалась вся эта земля?

Вернулся Нарцисс и открыл дверь шкафа.

— Пришел командор Джон Уолл. Он звонил из Вашингтона, помнишь?

— Джон Уолл?

Дж. У. — полторы тысячи кредитов! Третий клиент!

— Впусти его! — приказал Гэллегер. — Быстро! Он один?

— Да.

— Ну, быстрее же!

Нарцисс ушел и вернулся с хорошо сложенным седовласым мужчиной в мундире космической полиции. Уолл скупо улыбнулся Гэллегеру, его взгляд остановился на машине у окна.

— Это она?

— Добрый день, командор, — сказал Гэллегер. — Я... я почти уверен, что это она. Но сначала хотел бы обсудить с вами некоторые детали.

Уолл нахмурился.

— Деньги? Вряд ли вы будете шантажировать правительство. А может, я вас неверно оценил? Пятидесяти тысяч кредитов должно хватить вам на какое-то время. — Лицо его прояснилось. — Вы уже получили чек на полторы тысячи, и я могу выписать вам остальные, как только вы продемонстрируете мне ее в действии.

— Пятьдесят ты... — Гэллегер глубоко вздохнул. — Нет, дело, конечно, не в этом. Я просто хотел убедиться, что выполнил условия договора. Хочу быть уверен, что учел все пожелания.

Если бы только он мог узнать, что заказал Уолл! Может, тоже машину, пожирающую землю...

Надежды на это почти не было, но узнать все-таки следовало. Гэллегер жестом пригласил командора садиться.

— Но мы уже все детально обсудили...

— Лучше проверить еще раз, — настаивал Гэллегер. — Нарцисс, налей выпить господину командору.

— Спасибо, не нужно.

— Кофе?

— Буду весьма обязан. Итак, как я уже говорил вам несколько недель назад, нам требуется гибкий элемент ручного управления космическим кораблем, удовлетворяющий требованиям эластичности и сопротивления растяжению.

«Ого», — подумал Гэллегер.

Уолл наклонился вперед, глаза его заблестели.

— Космический корабль громоздок и сложен, и конструкция его требует, чтобы управляющие тяги шли не по прямой, а сворачивали, причем зачастую под острыми углами.

— Но...

— Представьте, — сказал Уолл, — что вы хотите повернуть кран, находящийся в двух кварталах отсюда. И сделать это надо, не выходя из лаборатории. Каким образом?

— Веревка. Провод. Трос.

— Который, следует добавить, мог бы огибать углы, как, например... нет, жесткий провод не мог бы. Однако, мистер Гэллегер, хочу повторить сказанное две недели назад: этот кран поворачивается очень туго, а поворачивать нужно довольно часто, сотни раз в день. Самые надежные стальные тросы оказались недостаточно прочными. Изгибы и натяжение быстро выводят их из строя. Вы понимаете?

Гэллегер кивнул.

— Конечно. Любой провод сломается, если то и дело сгибать его.

— С этой проблемой мы и обратились к вам, и вы ответили, что это можно сделать. Вам удалось?

Ручное управление, где тяги могут поворачивать и выдерживать постоянные нагрузки. Гэллегер посмотрел на машину. Азот... какая-то мысль блуждала по дальним закоулкам его мозга, но он никак не мог ее поймать.

В дверь позвонили. «Смейт», — подумал Гэллегер и кивнул Нарциссу. Тот исчез из виду.

Вернулся он с четырьмя людьми. Двое из них были полицейскими, а другие двое — Смейт и Делл Хоппер.

Хоппер кровожадно усмехнулся.

— Привет, Гэллегер, — сказал он. — Мы не успели, когда входил этот тип, — он указал на командора, — но дождались еще одного случая.

— Мистер Гэллегер, — сказал Смейт, удивленно поглядывая по сторонам, — в чем дело? Я нажал кнопку, и вдруг меня окружили эти трое...

— Ничего страшного, — сказал Гэллегер. — Вам крупно повезло. Выгляните в окно.

Смейт послушался, а когда повернулся обратно, лицо его сияло.

— Эта яма...

— Точно. И землю я отсюда не вывозил. Сейчас я вам продемонстрирую.

— Продемонстрируешь, только в кутузке, — язвительно заметил Хоппер.

— Я предупреждал, Гэллегер, что меня не обманешь. Я дал тебе тысячу аванса, а ты ничего не сделал и не вернул деньги.

Командор Уолл вытаращил глаза, совершенно позабыв о чашке, которую держал в руке. Один из полицейских подошел и взял Гэллегера под руку.

— Минуточку, — начал было Уолл, но Смейт оказался быстрее.

— Кстати, я кое-что должен мистеру Гэллегеру, — сказал он, вынимая бумажник. — Наличными у меня только тысяча,

но, надеюсь, вас устроит чек на остальную сумму. Если этот... господин хочет наличные, тысяча здесь есть.

Гэллегер проглотил слюну, а Смейт ободряюще кивнул ему.

— Мой заказ вы выполнили. Я могу начинать земляные работы хоть завтра, и мне не нужно никакое разрешение на вывоз земли.

Хоппер оскалил зубы.

— Плевал я на деньги! Я хочу преподать ему урок! Мое время дорого стоит, а этот тип поставил с ног на голову всю мою программу. Заказы, агенты... Я уже многое сделал, надеясь, что он выполнит мой заказ, а он теперь хочет от всего открутиться. Нет, мистер Гэллегер, тебе это не удастся. Ты не явился по вызову в суд, значит, нарушил закон и получишь свое, черт побери!

Смейт огляделся по сторонам.

— Но... я готов поручиться за мистера Гэллегера. Я уплачу...

— Нет! — рявкнул Хоппер.

— Этот тип говорит «нет», — буркнул Гэллегер. — Он жаждет моей крови. Бывают же такие злыдни!

— Пьяный болван! — заорал Хоппер. — Господа, прошу вас забрать его в тюрьму. Немедленно!

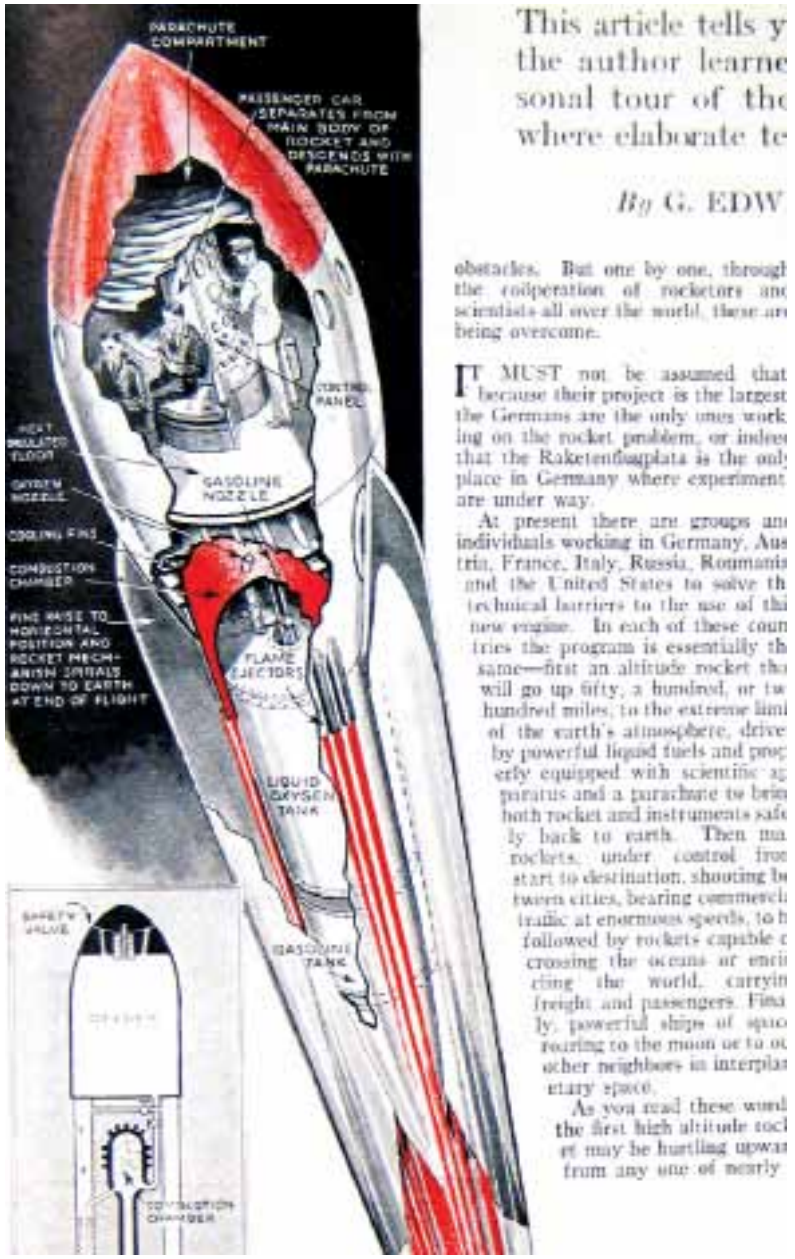
— Не бойтесь ничего, мистер Гэллегер, — утешал его Смейт. — Я вытащу вас оттуда. Уж поверьте, я нажму на все рычаги.

— Рычаги... — прошептал Гэллегер. — Провода... И... и стереоэкран, на который можно смотреть под любым углом. Провода!

— Заберите его! — повторил Хоппер.

Гэллегер пытался вырваться из рук державших его полицейских.

— Подождите! Минуточку! Я нашел решение. Хоппер, я сделал то, что вам нужно. И вам тоже, командор. Отпустите меня.



Хоппер фыркнул и показал пальцем на дверь. Тихо ступая, подошел Нарцисс.

— Может, разбить им головы, шеф? — мягко спросил он. — Я люблю цвет крови. Это один из самых красивых цветов.

Командор Уолл отставил наконец чашку и поднялся.

— Господа, прошу отпустить мистера Гэллегера. — Голос его звучал металлически четко.

— Не отпускайте, — упорствовал Хоппер. — И вообще, кто вы такой? Капитанишка космического корабля?

Загорелое лицо Уолла посерело. Он вынул из кармана кожаный футляр, показал значок.

— Командор Уолл, — представился он. — Из Правительственной комиссии по астронавтике. Назначаю тебя, — он указал на Нарцисса, — временным правительственным уполномоченным. Если эти полицейские в течение пяти секунд не освободят мистера Гэллегера, можешь разбить им головы.

Впрочем, этого уже не требовалось. Комиссию по астронавтике уважали все! За ней стояло правительство, а в сравнении с ним местные власти мелко плавали. Полицейские поспешно отпустили Гэллегера и сделали вид, будто вообще его не трогали.

Хоппер, казалось, вот-вот лопнет.

— По какому праву вы становитесь на пути закона, командор? — потребовал он объяснений.

— По праву приоритета. Правительству необходимо устройство, и мистер Гэллегер сделал его для нас. Он, по крайней мере, имеет право на то, чтобы его выслушали.

— Нет, не имеет!

Уолл смерил Хоппера ледяным взглядом.

— Если не ошибаюсь, несколько минут назад мистер Гэллегер сказал, что ваш заказ тоже выполнен.

— Вот это, что ли? — Здоровяк указал пальцем на машину. — По-вашему, это похоже на стереоскопический экран?

— Нарцисс, дай-ка мне ультрафиолетовую лампу, — сказал Гэллегер и подошел к машине, молясь, чтобы его предположение оказалось верным. Впрочем, иной возможности просто не было. Исключите азот из почвы и камня — и вы получите совершенно инертную материю.

Гэллегер щелкнул выключателем, и машина запела «Больницу Святого Джекоба». Командор Уолл смотрел на нее удивленно и не так уж доброжелательно. Хоппер фыркнул, а Смейт подбежал к окну и замер в экстазе, глядя, как длинные щупальца пожирают землю, безумно мельтеша в дыре.

— Лампу, Нарцисс.

Лампа была уже подключена к удлинителю, и Гэллегер медленно пошел с нею вокруг машины. Вскоре он оказался возле диска с канавкой.

Что-то голубовато блеснуло, оно выходило из небольшого отверстия в трубке, огибало диск с канавкой и витками ложилось на пол. Гэллегер коснулся выключателя; когда машина остановилась, отверстие закрылось, отрезая голубое нечто, выходящее из трубки. Гэллегер поднял его, выключил лампу, и моток исчез. Он включил ее снова — и провод появился вновь.

— Прошу, командор, — сказал Гэллегер. — Можете это опробовать.

Уолл искоса взглянул на него.

— Сопротивление на растяжение?

— Очень большое, — ответил Гэллегер. — Это минеральная составляющая земли, спрессованная в провод. Разумеется, у него небывалая сопротивляемость растяжению. Правда, тонны груза на нем не поднять.

Уолл кивнул.

— Понимаю. Он пройдет сквозь сталь, как игла сквозь масло. Превосходно, мистер Гэллегер. Мы должны провести испытания...

— Сколько угодно. Я в нем уверен. Этот провод можно вести под любым углом с одного конца корабля на другой, и он никогда не порвется от тяжести. Он слишком тонок, и потому просто не может быть нагружен неравномерно. Проволочный трос тут не подходит — вам нужна была эластичность, которая не снижала бы сопротивления растяжению. Единственным возможным вариантом был тонкий прочный провод.

Командор улыбнулся.

— Мы проведем испытание, — сказал он. — Вам нужны деньги? Я могу заплатить еще, в разумных пределах, конечно. Скажем, тысяч десять.

Хоппер протиснулся вперед.

— Я не заказывал никаких проводов, Гэллегер, значит, моего задания ты не выполнил.

Гэллегер не ответил, он настраивал лампу. Провод стал желтым, потом красным.

— Вот твой экран, умник, — сказал он. — Видишь эти цвета?

— Конечно, вижу! Я же не слепой, но...

— Разные цвета в зависимости от длины световой волны. Смотри: красный, голубой, снова красный, желтый...

Провод, который все еще держал Уолл, стал невидимым. Зачарованный Хоппер с отчетливым звуком закрыл рот и подался вперед.

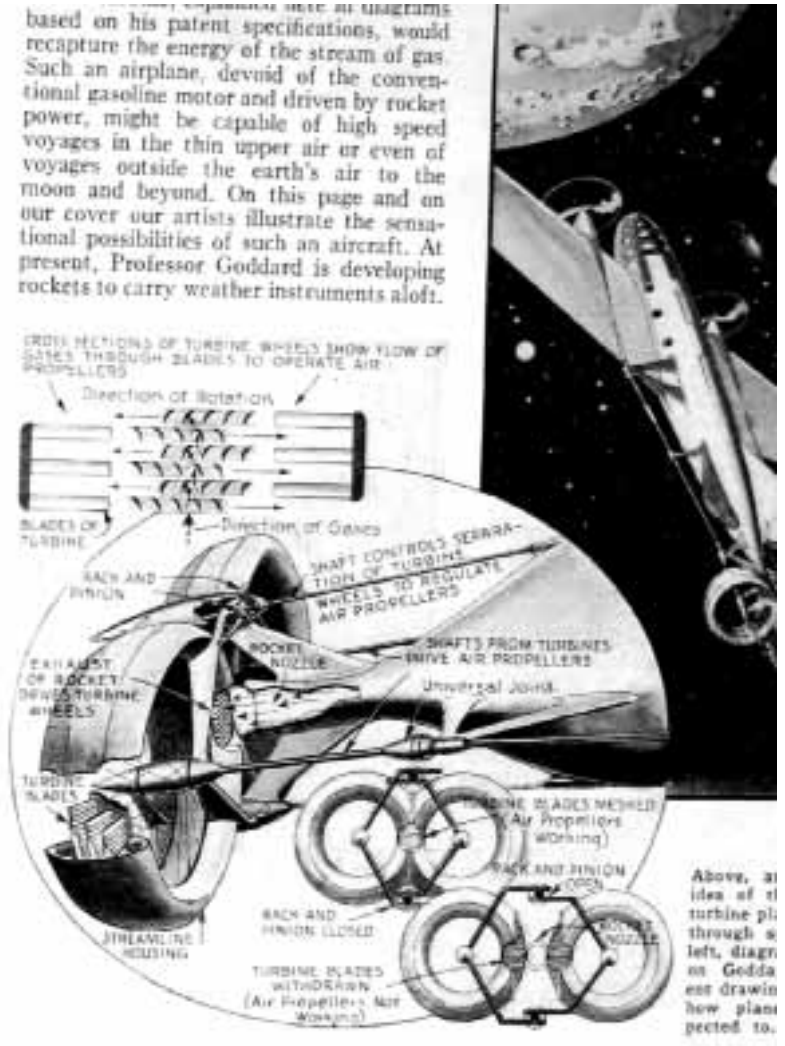
— У провода тот же показатель преломления, что у воздуха, — сказал Гэллегер. — Я специально сделал так.

Он был достаточно порядочен, чтобы покраснеть. Ничего, за это он поставит Гэллегеру Бис выпивку.

— Специально?

— Вам нужен стереоэкран, на который можно смотреть с любой стороны и видеть изображение без искажений. И в цвете, естественно. Вот это он и есть.

Хоппер тяжело дышал. Гэллегер улыбнулся.


based on his patent specifications, would recapture the energy of the stream of gas. Such an airplane, devoid of the conventional gasoline motor and driven by rocket power, might be capable of high speed voyages in the thin upper air or even of voyages outside the earth's air to the moon and beyond. On this page and on our cover our artists illustrate the sensational possibilities of such an aircraft. At present, Professor Goddard is developing rockets to carry weather instruments aloft.

CROSS SECTIONS OF TURBINE WHEELS SHOW FLOW OF GASES THROUGH BLADES TO OPERATE AIR PROPELLERS

Direction of Rotation

Direction of Gases

BLADES OF TURBINE

RACK AND PINION

SHAFT CONTROLS SEPARATION OF TURBINE WHEELS TO REGULATE AIR PROPELLERS

SHAFTS FROM TURBINES DRIVE AIR PROPELLERS

ROCKET NOZZLE

EXHAUST OF ROCKET DRIVES TURBINE WHEELS

Universal Joint

TURBINE BLADES

STREAMLINE HOUSING

RACK AND PINION CLOSED

TURBINE BLADES WITHDRAWN (Air Propellers Not Working)

TURBINE BLADES MESHED (Air Propellers Working)

RACK AND PINION OPEN

Above, a
idea of t
turbine pl
through s
left, diagr
on Godda
est drawin
how plan
pected to.

PLANE HAS TWO VIBRATING WING

ıttachment on the shafting to which the
:ibrating surfaces are geared, one side
nay be speeded up faster than the other,
o enable the plane to bank easily for a
turn. Another radical departu
usual practice is the shape of
wings' cross section, which co
curves with a depression like a gu

— Возьмите каркас куба и обтяните его этим проводом. Потом сделайте со всех сторон экран из густой сетки и натяните побольше провода внутри куба. В конце концов образуется невидимый куб, целиком сделанный из этого провода. Теперь подавайте на него сигнал в ультрафиолете и получите цветовые узоры, зависящие от длины волны. Иными словами, изображение. Цветное и трехмерное, поскольку транслируется оно на невидимый куб. И кроме того, на него можно смотреть под любым углом, поскольку это не оптическая иллюзия, а настоящее трехмерное изображение. Ясно ли?

— Да... — слабым голосом произнес Хоппер. — Почему... почему вы не сказали мне раньше?

Гэллегер предпочел сменить тему разговора:

— Командор Уолл, мне нужна охрана. Некий бандит по имени Макс Кафф пытался прибрать к рукам эту машину. Его люди похитили меня сегодня и...

— Препятствование выполнению правительственного задания? — зловеще вопросил Уолл. — Знаю я этих мелких политиканов. Макс Кафф больше не будет вам мешать... Можно позвонить?

Смейт расплылся в улыбке при мысли, что Кафф получит по лапам. Гэллегер встретился с ним взглядом, подмигнул и предложил всем гостям выпить. На этот раз не отказался даже командор. Закончив разговор, он повернулся и принял стакан от Нарцисса.

— Ваша лаборатория будет охраняться, — сообщил он Гэллегеру. — Больше неприятностей не будет.

Уолл выпил и пожал конструктору руку.

— Я должен обо всем доложить. Удачи вам и огромное спасибо. Мы позвоним вам завтра.

Он вышел, пропустив вперед обоих полицейских.

— Я должен перед вами извиниться, — сказал Хоппер и осушил свой стакан. — Что было, то прошло, верно, старина?

— Да ладно уж, — сказал Гэллегер. — Но вы должны мне деньги.

— Тренч вышлет чек. И... гм... и... — Слова застряли у него в горле.

— Что случилось?

— Ничего... — просипел Хоппер, медленно зеленея. — Немного воздуха... о-о!.

Дверь за Хоппером захлопнулась. Гэллегер и Смейт удивленно переглянулись.

— Странно, — заметил Смейт.

— Может, он вспомнил что-то срочное? — предположил Гэллегер. — Неисповедимы пути господни.

— Я вижу, Хоппер уже исчез, — сказал Нарцисс, появляясь с новой порцией выпивки.

— Да. А что такое?

— Я предвидел, что так и будет, потому что налил ему чистого спирта, — объяснил робот. — Он ни разу не взглянул на меня. Я не заносчив, но человек, настолько невосприимчивый к красоте, заслужил урок. А теперь не мешайте мне. Я пойду на кухню танцевать, а вы можете поупражняться с органом. Если захотите, приходите полюбоваться на меня.

И Нарцисс покинул лабораторию, жужжа всеми своими внутренностями. Гэллегер вздохнул.

— Вот так всегда, — сказал он.

— Что именно?

— Да все. Я получаю заказ на три совершенно разные вещи, надираюсь и делаю нечто, решающее все три проблемы. Мое подсознание идет по пути наименьшего сопротивления, но, к сожалению, когда я трезвею, путь этот становится для меня слишком сложен.

— А зачем трезветь? — спросил Смейт, попадая точно в десятку. — Как действует ваш орган?

Гэллегер показал ему.

— Я ужасно себя чувствую, — пожаловался он. — Мне нужна неделя сна или...

— Или что?

— Выпивка. Наливай. Знаешь, меня беспокоит еще одно.

— Что именно?

— Почему эта машина, когда работает, поет «Больницу Святого Джекоба»?

— Это хорошая песня, — сказал Смейт.

— Верно, но мое подсознание всегда действует логично. Конечно, это логика безумца, но...

— Наливай, — ответил Смейт.

Гэллегер расслабился, ему делалось все лучше и лучше. По телу расходилось приятное тепло, в банке были деньги, полиция отстала, Макс Кафф наверняка расплачивался за свои грехи, а тяжелый топот доказывал, что Нарцисс действительно танцует на кухне.

Было уже заполночь, когда Гэллегер поперхнулся выпивкой.

— Вспомнил! — воскликнул он.

— Чт-то? — удивленно спросил Смейт.

— Я хочу петь.

— Ну и что?

— Я хочу петь «Больницу Святого Джекоба».

— Ну так пой, — предложил Смейт.

— Но не один, — подчеркнул Гэллегер. — Я люблю ее петь, когда накачаюсь, но, по-моему, она лучше звучит дуэтом. А когда я работал над машиной, то был один.

— И?

— Видимо, я встроил в нее проигрыватель, — сказал Гэллегер, думая о безумных выходках Гэллегера Бис. — О боже! Эта машина делает четыре дела сразу: жрет землю, выпускает тяги для управления космическим кораблем, создает стереоскопический экран без искажений и поет со мной дуэтом. Удивительная штука!

— Ты гений, — сказал Смейт после некоторого раздумья.

— Разумеется. Гмм...

Гэллегер встал, включил машину, вернулся и уселся на «Тарахтелку». Смейт вновь улегся на подоконник и смотрел, очарованный небывалым зрелищем, как ловкие щупальца пожирают землю. Диск тянул невидимый провод, а ночную тишину нарушали более или менее мелодичные звуки «Больницы Святого Джекоба».

Заглушая жалобные стоны машины, прозвучал глубокий бас, спрашивающий кого-то: «...есть ли где-нибудь на свете другой такой жеребец...»

Это вступил Гэллегер Бис.

Этот мир — мой!

— Впусти меня! — пищало за окном создание, похожее на кролика. — Впусти меня! Этот мир — мой!

Гэллегер автоматически скатился с дивана, встал, пошатываясь под бременем похмелья, и огляделся. Знакомая лаборатория, угрюмая в сером свете утра, обрела более-менее определенные формы. Два генератора, украшенные станиолем, словно смотрели на него, оскорбленные своим праздничным нарядом. Откуда этот станиоль? Наверняка после вчерашней попойки. Гэллегер попытался собрать разбегающиеся мысли. Похоже, вчера он решил, что уже Рождество.

Пока он это обдумывал, вновь послышался тот же писклявый крик. Гэллегер осторожно, вручную повернул голову, потом повернулся весь. Сквозь плексиглас ближайшего окна на него смотрела морда: маленькая и жуткая.

С похмелья лучше не видеть таких харь. Уши были огромные, круглые, поросшие шерстью, глаза гигантские, а под ними — розовая пуговка вместо носа, она непрерывно дрожала и морщилась.

— Впусти меня! — вновь крикнуло существо. — Я должен завоевать ваш мир!

— Ну и что? — буркнул Гэллегер, но доплелся до двери и открыл ее.

Двор был пуст, если не считать трех невероятных существ, что рядком стояли перед ним. Их тела, покрытые белым мехом, были толстые, как подушки. Три розовых носика сморщились, три пары золотистых глаз внимательно разглядывали Гэллегера. Три пары толстых ног одновременно шагнули, и существа переступили через порог, едва не опрокинув при этом Гэллегера.

Это было уже слишком. Гэллегер бросился к своему алкогольному органу, быстро смешал коктейль и влил его в себя. Стало лучше, но ненамного. Трое гостей то ли сидели, то ли стояли, но по-прежнему рядком, и смотрели на него не мигая.

Гэллегер брякнулся на диван.

— Кто вы? — потребовал он объяснений.

— Мы либли, — сказал тот, что расположился поближе.

— Ага... — Гэллегер задумался. — А кто такие либли?

— Это мы, — ответили все трое.

Возник явный порочный круг, который, впрочем, был разрушен, когда груда одеял в углу зашевелилась, явив свету Божьему морщинистое лицо орехового цвета. Появился мужчина — худой, старый и быстроглазый.

— Зачем ты их впустил, дурень? — спросил он.

Гэллегер попытался что-нибудь припомнить. Старик, разумеется, был его дедом, явившимся со своей фермы в Мэйне погостить на Манхэттене. Вчера вечером... Кстати, что было вчера вечером? Как в тумане вспомнились ему похвальба деда насчет того, сколько он может выпить, и неизбежный результат этого — соревнование. Дед выиграл. Но что было еще? Об этом он и спросил.

— А ты что, сам не помнишь? — спросил дед.

— Я никогда не помню, — ответил Гэллегер. — Именно так я изобретаю: надерусь и... готово. Никогда не знаю, как. По наитию.

MARTINI
MARTINI

— Ага, — кивнул дед. — Именно это ты вчера и сделал. Видишь?

Он указал в угол лаборатории, где стояла высокая машина, чье назначение Гэллегер никак не мог определить. Машина тихо шумела.

— Вижу. А что это такое?

— Это ты ее сделал. Вчера вечером.

— Я?! А зачем?

— Откуда мне знать? — Дед со злостью посмотрел на него. — Начал орудовать инструментами и в конце концов смастрячил ее. Потом сказал, что это машина времени, и включил ее, направив для безопасности на двор. Мы вышли посмотреть, но тут, откуда ни возьмись, выскочили эти трое, и мы быстренько смылись. Что мы будем пить?

Либли принялись нетерпеливо ерзать.

— На дворе всю ночь было холодно, — укоризненно сказал один из них.

— Ты должен был нас впустить. Этот мир принадлежит нам.

Лошадиное лицо Гэллегера вытянулось еще больше.

— Ага. Если я построил машину времени, — хотя совершенно этого не помню, — значит, вы явились сюда из какого-то другого времени. Верно?

— Конечно, — подтвердил один из либлей. — Пятьсот лет или около того.

— Но ведь вы не... люди? Я хочу сказать, мы не превратимся в вас?

— Нет, — самодовольно ответил самый толстый либль. — Вам понадобилась бы не одна тысяча лет, чтобы сравняться с нами. Мы с Марса.

— Марс... будущее... Но вы же говорите по-английски!

— Почему бы и нет? В наше время на Марсе живут земляне. Мы читаем по-английски, говорим и все знаем.

— И ваша раса доминирует на Марсе?

— Ну-у, не совсем, — либль заколебался. — Не на *всем* Марсе.

— Даже не на половине, — угрюмо добавил другой.

— Только в Долине Курди, — сообщил третий. — Но Долина Курди — центр Вселенной. Очень высокая цивилизация. У нас есть книги о Земле и других местах. Кстати, мы хотим завоевать Землю.

— В самом деле? — машинально спросил Гэллегер.

— Да. Понимаешь, мы не могли сделать это в наше время — земляне не разрешали нам, но теперь все будет просто. Вы все будете нашими рабами, — сказал либль.

Роста в нем было сантиметров тридцать.

— У вас есть какое-нибудь оружие? — спросил дед.

— Нам оно ни к чему. Мы мудрые и знаем все. Наша память очень вместительна. Мы можем построить дезинтеграторы, тепловые излучатели, космические корабли...

— Нет, не можем, — перебил его второй либль. — У нас нет пальцев.

Это была правда: косматые лапки либлей ни на что путное не годились.

— Но мы заставим землян сделать нам оружие, — сказал первый.

Дед тяпнул виски и передернулся.

— У тебя что, всегда так? — спросил он. — Знал я, что ты большой ученый, но думал, что ученые делают всякие колотушки для атомов. На кой черт тебе машина времени?

— Она принесла нас, — сказал либль. — Ах, какой счастливый день для Земли!

— Это как посмотреть, — заметил Гэллегер. — Но прежде чем вы отправите ультиматум в Вашингтон, может, я вас чем-нибудь угощу? Блюдечко молока, а?

— Мы не животные! — оскорбился толстый либль. — Мы пьем из чашек, честное слово!

Гэллегер принес три чашки, подогрел немного молока и

налил. Чуть поколебавшись, он поставил чашки на пол — для этих маленьких существ столы были слишком высоки. Пропищав «спасибо», либли взяли чашки задними лапками и принялись лакать длинными розовыми язычками.

— Вкусно, — сказал один.

— Не болтай с полным ртом, — оборвал его толстый. Похоже, он был у них за шефа.

Гэллегер вытянулся на диване и взглянул на деда.

— Эта машина времени... — проговорил он. — Я ничего не помню. Нужно будет отправить либлей домой, но разработка метода займет у меня какое-то время. Иногда мне кажется, что я слишком много пью.

— Гони эти мысли прочь, — сказал дед. — Когда я был в твоем возрасте, мне не нужна была машина времени, чтобы увидеть тридцатисантиметровых зверушек. Для этого хватало пшеничной, — добавил он, облизывая сморщенные губы. — Ты слишком много работаешь, вот что.

— Ну-у... — протянул Гэллегер, — от этого никуда не деться. А зачем я вообще ее делал?

— Не знаю. Болтал что-то об убийстве собственного деда и о предсказании будущего. Я ничего не понял.

— Минуточку! Я что-то припоминаю. Это хрестоматийный парадокс путешествия во времени — убийство собственного деда...

— Как ты начал об этом болтать, я сразу за топор, — сказал дед. — Мне еще рано протягивать ноги. — Он захохотал. — Я помню еще какую-то дрянь с привкусом бензина... но чувствую себя отлично.

— А что было потом?

— Из машины или откуда-то еще выскочили эти крошки. Ты сказал, что машина плохо настроена, и подправил ее.

— Интересно, что же пришло мне в голову, — задумался Гэллегер.

Либли допили молоко.

— Готово, — сказал толстый. — Теперь пора завоевывать мир. С чего нужно начинать?

Гэллегер пожал плечами.

— Боюсь, что не смогу вам ничего присоветовать. Меня никогда к этому не влекло. Не представляю, как за это берутся.

— Сначала мы разрушим большие города, — оживленно сказал самый маленький либль, — а потом захватим самых красивых девушек и потребуем выкуп. Все испугаются, и мы победим.

— Как ты до этого додумался? — спросил Гэллегер.

— Все это есть в книгах. Так всегда делают, мы точно знаем. Мы будем тиранами и будем всех мочить. Можно еще молока?

— И мне тоже, — хором произнести двое других.

Улыбаясь, Гэллегер налил им еще.

— Похоже, вы не очень-то удивились, оказавшись здесь.

— Это тоже есть в книгах.

Хлюп-хлюп.

— В смысле... то, что здесь сейчас происходит?

— Нет, о путешествии во времени. В наши дни все романы пишут о науке и прочих таких вещах. Мы много читаем, а то в Долине почти нечего делать, — печально закончил либль.

— Вы читаете только об этом?

— Нет, мы читаем все: и научные книги, и романы. Как делать дезинтеграторы и тому подобное. Мы расскажем тебе, как нужно сделать оружие для нас.

— Спасибо. И такие книги у вас всем доступны?

— Конечно. А почему бы и нет?

— Мне кажется, это опасно.

— Мне тоже, — задумчиво сказал толстый либль. — Но почему-то ничего не случается.

Гэллегер помолчал.

— А вы можете рассказать мне, как делать тепловой излучатель?

— Да. А потом разрушим большие города и захватим...

— Знаю-знаю — захватите красивых девушек и потребуете выкуп. А зачем?

— Мы знаем, как нужно себя вести, — ответил один из либлей. — Мы книги читаем, честное слово. — Молоко пролилось из его чашки, он посмотрел на лужу, и уши у него от огорчения поникли.

Двое остальных утешающе похлопали его по спине.

— Не плачь, — велел самый большой.

— Но я должен, — сказал либль. — Так написано.

— Ты все перепутал. Над разлитым молоком не плачут.

— Нет, плачут. И я буду, — уперся первый и принялся рыдать.

Гэллегер принес ему еще молока.

— Так что с этим тепловым излучателем?

— Это просто, — сказал толстый либль и объяснил, в чем дело.

Действительно, это было просто. Дед, конечно, ни хрена не понял, но с интересом смотрел, как работает Гэллегер. Через полчаса все было готово. Это на самом деле оказался тепловой излучатель: он прожег дыру в дверце шкафа.

— Фью! — присвистнул Гэллегер, глядя на дымок от обугленного дерева. — Надо же! — Он взглянул на металлический цилиндр, который держал в руке.

— Человека этим тоже можно убить, — буркнул толстый либль. — Как того, во дворе.

— Да, мож... Что?! Где?

— Во дворе. Мы сначала сидели на нем, но потом он остыл. У него в груди дыра.

— Это ваша работа, — обвиняюще сказал Гэллегер.

— Нет. Он, наверное, тоже из другого времени. Тепловой излучатель прожег в нем дыру.

— Кто... кто он?

— Я его никогда раньше не видел, — ответил толстый либль, явно теряя интерес к этой теме. — Я хочу еще молока. — Он запрыгнул на рабочий стол Гэллегера и выглянул в окно. — Йо-хо! Этот мир — наш!

В дверь позвонили.

— Дед, посмотри, кто там, — сказал слегка побледневший Гэллегер. — Наверное, кредитор. Они привыкли уходить отсюда пустыми. О боже, я еще никого не убивал...

— А я уже... — буркнул дед перед тем, как выйти, но не объяснил, что имеет в виду.

Гэллегер в обществе маленьких либлей вышел во двор. Случилось непоправимое: посреди розовых кустов лежал труп мужчины, старого и бородатого, совершенно лысого. Труп был одет в странный наряд — что-то вроде эластичного цветного целлофана. В груди его зияла большая дыра, прожженная тепловым излучателем.

— Он мне кого-то напоминает, — заметил Гэллегер. — Не знаю только, кого. Он выпал из времени уже мертвый?

— Мертвый, но еще теплый, — ответил либль. — Это было приятно.

Гэллегер содрогнулся — отвратительные маленькие чудовища. Но, видимо, они безвредны, иначе не получили бы доступа к опасной информации. Присутствие либлей беспокоило Гэллегера куда меньше, чем присутствие трупа.

Откуда-то издалека донеслись протесты деда.

Либли вдруг попрятались под кустами, а во двор вышли дед и еще трое мужчин. При виде голубых мундиров и сверкающих пуговиц Гэллегер бросил тепловой излучатель на грядку, для верности нагреб на него ногой земли и изобразил нечто вроде приветливой улыбки.

— Привет, парни. Я как раз собирался звонить вам. Кто-то подкинул труп ко мне во двор.

Как заметил Гэллегер, двое из визитеров были полицейскими — хорошо сложенные, недоверчивые и быстроглазые. Третьим был невысокий элегантный человечек со светлыми волосами, приклеенными к узкой голове, и тонкими усиками под носом. Он немного напоминал лису.

На груди его красовался Знак Почетного Полицейского, а это могло значить и много, и мало, в зависимости от того, кто его носит.

— Я не мог их удержать, — сказал дед. — Так что тебе конец, молодой человек.

— Это он так шутит, — объяснил Гэллегер полицейским. — Честное слово, я уже собирался...

— Довольно. Как вас зовут?

Гэллегер представился.

— Угу. — Полицейский присел, чтобы осмотреть тело.

— Ого! Что вы с ним сделали?

— Ничего. Когда я вышел утром, он уже лежал здесь. Может, выпал из какого-то окна. — Гэллегер указал на небоскребы вокруг.

— Он не выпал — ни одна кость не сломана. Выглядит он так, словно вы проткнули его раскаленной докрасна кочергой, — заметил полицейский. — Кто это такой?

— Не знаю. Я никогда его не видел. А кто вам сказал...

— Никогда не оставляйте труп на виду, мистер Гэллегер. Кто-нибудь сверху — оттуда, например, — может его увидеть и позвонить в полицию.

— Ага, понимаю.

— Мы узнаем, кто его убил, — с иронией заметил полицейский, — пусть это вас не тревожит. И узнаем, кто он. А может, вы сами нам расскажете?

— Доказательства...

— Достаточно. — Огромные ладони хлопнули. — Я позвоню, чтобы приехал коронер. Где видеофон?

— Дед, покажи ему, — устало сказал Гэллегер.

Элегантный человечек со светлыми волосами сделал шаг вперед.

— Гроарти, осмотрите дом, пока Баннистер говорит по видео. Я останусь здесь, с мистером Гэллегером.

— Так точно, мистер Кэнтрелл.

Полицейские ушли вместе с дедом.

— Прошу прощения, — сказал Кэнтрелл, быстро шагнул вперед и присел. Воткнув тонкие пальцы в землю у ног Гэллегера, он вытащил тепловой излучатель и с легкой улыбкой принялся его разглядывать. Гэллегер затаил дыхание.

— Интересно, откуда это здесь взялось? — пробормотал он, лихорадочно придумывая выход.

— Это вы его спрятали, — ответил Кэнтрелл. — Я видел. К счастью, полицейский ничего не заметил. Пожалуй, я оставлю эту штуку себе. — Он сунул цилиндр в карман. — Вещественное доказательство, а? Рана в вашем трупе довольна необычна...

— Это не мой труп!

— Он лежит на вашем дворе. Мистер Гэллегер, меня очень интересует оружие. Что это за устройство?

— Это... это просто фонарик.

Кэнтрелл вынул цилиндр из кармана и направил на Гэллегера.

— Понимаю. Если я нажму вот эту кнопку...

— Это тепловой излучатель, — быстро сказал Гэллегер, отступая в сторону. — Ради бога, осторожнее!

— Гмм... Его сделали вы?

— Да...

— И убили им этого человека?

— Нет!

— Советую вам не распространяться на эту тему, — сказал Кэнтрелл, снова пряча цилиндр в карман. — Как только

полиция наложит на него лапы, вам крышка. Ни одно известное оружие не наносит таких ран, и им будет нелегко доказать, что это ваша работа. Мистер Гэллегер, я почему-то верю, что не вы убили этого человека. Сам не знаю, почему. Может, учитываю вашу репутацию. Известно, что вы довольно эксцентричны, но известно также, что вы неплохой изобретатель.

— Спасибо, — сказал Гэллегер. — Но... это мой излучатель.

— Может, мне представить его как вещественное доказательство номер один?

— Он ваш.

— Договорились, — с улыбкой сказал Кэнтрелл. — Я посмотрю, что можно для вас сделать.

Как выяснилось, мог он не так уж много. Почти любой может получить Знак Почетного Полицейского, но политические связи не обязательно означают волосатую лапу в полиции. Однажды запущенную машину закона остановить было нелегко. К счастью, в те времена права личности были священны, что, впрочем, объяснялось развитием телекоммуникаций: ни один преступник просто-напросто не мог скрыться. Гэллегеру было предписано не покидать Манхэттен, и полиция не сомневалась, что едва он попытается это сделать, система видеотелефонов мигом сядет ему на хвост. Не требовалось даже выставлять охранников. Трехмерное фото Гэллегера уже попало в картотеки транспортных центров Манхэттена, и если бы он попытался купить билет на стратоплан или на ховер, его бы немедленно опознали, отчитали и отправили домой.

Сбитый с толку коронер повез труп в морг, полицейские и Кэнтрелл удалились. Дед, трое либлей и Гэллегер остались в лаборатории, сидели, ошеломленно переглядываясь.

— Машина времени, — сказал Гэллегер, нажимая кнопки алкогольного органа. — Надо же! И зачем я все это сделал?

— Они ни в чем не могут тебя обвинить, — заметил дед.

— Правосудие стоит дорого. Если я не найду хорошего адвоката, мне конец.

— А разве суд не может дать тебе адвоката?

— Может, только мне это не поможет. Юриспруденция в наши дни похожа на игру в шахматы: требуется сотрудничество множества специалистов, чтобы изучить все возможные подходы. Меня могут приговорить, если я пропущу хоть один крючок. Именно адвокаты контролируют политическую власть, дедушка. Есть у них и свои лоббисты. Вина и невиновность ничего не значат по сравнению с хорошим адвокатом. А это требует денег.

— Деньги не понадобятся, — сказал толстый либль. — Когда мы завоюем мир, то введем свою денежную систему.

Гэллегер не обратил на него внимания.

— Дед, у тебя есть деньги?

— Нет. В Мэйне мне немного нужно.

Гэллегер окинул взглядом лабораторию.

— Может, что-нибудь продать?.. Этот тепловой излучатель... хотя нет. Мне крышка, если кто-нибудь узнает, что он у меня есть. Надеюсь, Кэнтрелл никому его не покажет. Машина времени... — Он подошел к загадочному агрегату и осмотрел его. — Жаль, не помню, как она действует. И на кой черт...

— Но ведь ты собрал ее сам, разве нет?

— Ее собрало мое подсознание. Оно любит такие фокусы. Интересно, зачем тут этот рычаг? — Гэллегер проверил его. Ничего не произошло. — Все это так сложно. Если я не узнаю, как она действует, значит, не смогу на ней заработать.

— Вчера вечером, — задумчиво произнес дед, — ты кричал о каком-то Хеллвиге, который что-то тебе заказал.

Глаза Гэллегера вспыхнули, но ненадолго.

— Помню, — сказал он. — Это полный нуль с манией величия. Он жаждет славы и сказал, что даст мне кучу денег, если я ему это обеспечу.

— Ну, так валяй!

— А как? — спросил Гэллегер. — Я мог бы изобрести что-нибудь и отдать ему, чтобы он выдал за свое, но ведь никто не поверит, что такой болван, как Руфус Хеллвиг, способен на большее, чем сложить два и два. А может, даже это выше его сил. Впрочем...

Гэллегер сел к видеофону, и вскоре на экране появилось жирное белое лицо. Руфус Хеллвиг был чудовищно толстым лысым мужчиной. Больше всего он походил на идиота в крайней стадии монголизма. Деньги обеспечили ему власть, но, к величайшему его сожалению, не позволили добиться всеобщего уважения. Никто им не восхищался, над ним просто смеялись, поскольку кроме денег у него за душой не было ничего. Некоторые магнаты относятся к этому спокойно, но Хеллвиг был не из таких. Сейчас он смотрел на Гэллегера волком.

— Что-то придумали?

— Да, работаю над одной вещью. Но это дорого стоит, и мне нужен аванс.

— Ага... — сказал Хеллвиг неприятным тоном. — Аванс. Но вы уже получили один на прошлой неделе.

— Может, и получил, — согласился Гэллегер. — Не помню.

— Вы были пьяны.

— Да ну?!

— И цитировали Хайяма.

— Что именно?

— Что-то о весне, уходящей с розами.

— Значит, точно был пьян, — печально признал Гэллегер. — На сколько я вас раскрутил?

Хеллвиг назвал сумму, и конструктор убито покачал головой.

— Деньги утекают у меня между пальцами, как вода. Ну ладно, дайте мне еще немного.

— Да вы спятили! — рявкнул Хеллвиг. — Сперва покажите результаты, а потом заикайтесь насчет денег!

— В газовой камере я только заикнуться и успею, — заметил Гэллегер, но богач уже отключился.

Дед отхлебнул из стакана и вздохнул.

— А что с этим Кэнтреллом? Может, он поможет?

— Сомневаюсь. Я у него на крючке, а о нем самом не знаю ничего.

— Тогда я, пожалуй, двину обратно в Мэйн, — сказал дед.

Гэллегер вздохнул.

— И ты меня бросаешь?

— Ну, разве что у тебя есть еще немного водки...

— Тебе все равно не уехать: ты теперь соучастник преступления. У тебя точно нет денег?

Дед в этом не сомневался. Гэллегер еще раз взглянул на машину времени и жалобно вздохнул. Черти бы взяли это подсознание! Вот что получается, если знаешь о науке понаслышке, а не как следует. То, что Гэллегер был гением, не мешало ему постоянно впутываться в невероятные неприятности. Он вспомнил, что однажды уже построил машину времени, но она не действовала.

— Интересно, зачем Кэнтреллу этот тепловой излучатель? — задумался Гэллегер.

Либли, изучавшие своими золотистыми глазками и розовыми носами помещение лаборатории, рядком уселись перед Гэллегером.

— Когда мы завоюем мир, тебе не о чем будет беспокоиться, — сказали они ему.

— Спасибо, — ответил Гэллегер. — Вы мне очень помогли. Однако сейчас мне позарез нужны деньги. И много. Я должен нанять адвоката.

— Зачем?

— Чтобы меня не осудили за убийство. Это трудно объяснить, ведь вы не знаете законов нашего времени... — Гэллегер открыл рот. — О, у меня идея!

BRIDGES *of the Future*

rs of steel, 628 feet high and
apart, rear their graceful tips
ds. Inside each tower illu-
tors in glass-walled shafts
down with their cargoes of
tween these towers, double-
rs are whisked on steel ca-
more than 4,000 passengers
fro 200 feet above the earth.
million-dollar thrill await-
o Chicago's World's Fair.
osition had its Eiffel tower,
exposition its Ferris wheel,
ry of Progress in Chicago
ky-Ride," costing $1,200,000,
0,000 people the fair hopes
s sky-ride will be merely a
ment enterprise. But to the

a million-dollar toy—a full-size working model of a future bridge built as an experiment to prove the practicability of replacing modern costly bridges with inexpensive aerial ferries which would swing vehicular traffic across rivers or canyons in mid-air at high speed.

Bridge designers have long realized that the cost of present types of spans is making them prohibitive, because national and local governments are no longer able to provide the huge sums to build the giant structures of steel and concrete which present design dictates. Builders of the sky-ride estimate that an aerial ferry of similar design costing $5,000,000 could serve the same purpose as a bridge of standard design costing $50,000,000.

Thus this movement, pointing the way

— Какая?

— Вы рассказали мне, как сделать этот тепловой излучатель. Может, расскажете еще о чем-нибудь? На чем можно быстро заработать?

— Конечно, с удовольствием. Но лучше бы вам воспользоваться обратной мозговой связью.

— В другой раз. Начинайте же. Или нет, лучше я буду спрашивать. Какие устройства есть в вашем мире?

В дверь позвонили. Это явился детектив по фамилии Махони — высокий мужчина с ироничным взглядом и ухоженными черными волосами. Либли, не желавшие, чтобы их видели, пока они не разработают до конца план завоевания мира, поспешно спрятались. Махони приветствовал Гэллегера и деда сдержанным кивком.

— Добрый день. У нас в участке возникла небольшая проблема. Так, ничего серьезного.

— Это неприятно, — согласился Гэллегер. — Выпьете?

— Нет, спасибо. Я хотел бы снять у вас отпечатки пальцев. И рисунок сетчатки, если можно.

— Пожалуйста, пожалуйста.

Махони кликнул техника. Пальцы Гэллегера прижали к особой ткани, а фотоаппарат со специальным объективом сделал снимок палочек, колбочек и кровеносных сосудов глаза. Махони хмуро следил за процедурой. Вскоре техник представил детективу результаты.

— Ну и дела, — сказал Махони.

— О чем это вы? — поинтересовался Гэллегер.

— Этот труп с вашего двора...

— Ну-ну?

— У него те же отпечатки пальцев, что и у вас. И рисунок сетчатки тоже. Этого не объяснить даже пластической операцией. Что это был за парень, мистер Гэллегер?

Конструктор вытаращился на него.

— Черт возьми! Мои отпечатки? Но это же просто невозможно!

— Совершенно верно, — согласился Махони. — Вы действительно не знаете, кто это?

Техник, стоявший у окна, протяжно свистнул.

— Эй, Махони, — позвал он, — подойди-ка на минутку. Хочу тебе кое-что показать.

— Это может подождать?

— При нынешней жаре не очень долго, — ответят техник. — Во дворе лежит еще один труп.

Гэллегер с дедом испуганно переглянулись. Они так и остались сидеть, когда детектив и техник поспешно выбежали из лаборатории. Со двора донеслись возбужденные крики.

— Еще один? — спросил дед.

Гэллегер кивнул.

— Похоже на то. Пожалуй, надо...

— Смываться?

— И думать не моги. Надо посмотреть, что там такое на этот раз.

Это и вправду оказался труп. И на сей раз причиной смерти было узкое отверстие, прожженное в жилете из пластикорда и, соответственно, в груди. Несомненно, выстрел из теплового излучателя. Вид убитого поверг Гэллегера в шок — и было от чего: конструктор смотрел на собственный труп!

Впрочем, не совсем. Убитый выглядел лет на десять старше Гэллегера, лицо его было еще более худым, а в черных волосах поблескивала седина. Одежда его была весьма необычного покроя, однако сходство было несомненно.

— Та-ак... — протянул Махони, разглядывая Гэллегера. — Ваш брат-близнец?

— Я удивлен не меньше вас, — слабым голосом пробормотал конструктор.

Махони скрипнул зубами, дрожащей рукой вынул сигару и прикурил.

— Послушайте, — сказал он, — не знаю, что это за фокус, но он мне не нравится. Если и у этого парня отпечатки пальцев и сетчатки окажутся такими же, как у вас... Я вовсе не собираюсь сходить с ума. Ясно?

— Это невозможно, — сказал техник.

Махони загнал всех в дом и позвонил в участок.

— Инспектор? Я насчет тела, которое привезли час назад... помните, дело Гэллегера?

— Вы его нашли? — спросил инспектор.

Махони замер.

— Не понял... Я говорю о теле с непонятными отпечатками пальцев.

— И я о нем же. Нашли вы его или нет?

— Но оно же в морге!

— Было, — сказал инспектор. — Еще десять минут назад. А потом его украли. Прямо из морга.

Махони, облизывая губы, медленно переваривал сообщение.

— Инспектор, — сказал он наконец, — у меня есть для вас тело. Но другое. Я только что нашел его во дворе у Гэллегера. Причина смерти та же.

— Что-о?!

— Дыра, прожженная в груди. Труп здорово похож на Гэллегера.

— Похож на... А как с отпечатками пальцев, которые я велел вам проверить?

— Я все сделал. Ответ положительный.

— Но это же невозможно!

— Подождите, вот увидите новый труп! — рявкнул Махони. — Пришлите сюда парней, ладно?

— Уже отправляю. Что за сумасшедшее дело...

Экран погас. Гэллегер раздал всем выпивку и брякнулся на диван. Голова у него кружилась.

— Послушай, — сказал дед, — тебя нельзя отдать под суд за убийство того, первого, парня. Если его украли, нет corpus delicti[1].

— Чтоб меня... ну конечно! — Гэллегер вскочил. — Это так, Махони?

Детектив прищурился.

— В общем-то, да. Однако не забывайте о том, что я нашел во дворе. Вас вполне могут отправить в газовую камеру за второго.

— О! — Гэллегер вновь опустился на диван. — Но я же его не убивал!

— Это вы так говорите.

— Разумеется. И дальше буду говорить. Разбудите меня, когда все закончится. Я должен подумать. — Гэллегер сунул мундштук органа в рот, настроил его на медленную подачу и расслабился, потихоньку глотая коньяк. Он закрыл глаза, задумался, но ответа так и не нашел.

Вскоре комната вновь заполнилась людьми, и началась обычная в таких случаях рутина. Гэллегер отвечал на вопросы, используя только часть своего мозга. Наконец полиция уехала, забрав с собой второе тело. Подкрепленный алкоголем разум Гэллегера обострился, его подсознание помалу переводило управление на себя.

— Кажется, я понял, — наконец сказал он деду. — Ну-ка, посмотрим... — Он подошел к машине времени и подергал рычаги. — Нет, не могу ее выключить. Похоже, она настроена на определенное событие. Я начинаю вспоминать, о чем мы говорили вчера вечером.

---

[1] *Corpus delicti (лат.)* — состав преступления.

— О предсказании будущего? — спросил дед.

— Угу. Не было у нас спора насчет того, может ли человек предвидеть собственную смерть?

— Был.

— Вот тебе и ответ. Я настроил машину так, чтобы она предсказала мою собственную смерть. Она движется вдоль темпоральной линии, догоняет мое будущее in articulo mortis[1] и переносит мой труп в наше время. То есть мой будущий труп.

— Спятил, — уверенно констатировал дед.

— Нет, тут все правильно, — настаивал Гэллегер. — Первым трупом был тоже я. В возрасте семидесяти или восьмидесяти лет. Тогда меня убьют выстрелом из излучателя. Через сорок лет или около того, — задумчиво закончил он.

— Гм-м... Излучатель у Кэнтрелла...

Дед недовольно скривился.

— А как быть со вторым телом? Не знаешь?

— Разумеется, знаю. Параллельные временные линии. Альтернативное будущее. Вероятности. Слышал о такой теории?

— Не.

— Она утверждает, что существует бесконечное множество различных вариантов будущего. Изменив настоящее, мы автоматически переходим к иному варианту будущего. Нечто вроде переключения железнодорожной стрелки. Если бы ты не женился на бабушке, меня бы здесь сейчас не было. Понятно?

— Не, — ответил дед, наливая себе еще, а Гэллегер продолжал:

— Согласно варианту *A* я буду убит выстрелом из теплового излучателя в возрасте около восьмидесяти лет. Я доставил свой труп по временной линии в настоящее, и, разумеется, оно изменилось. До этого в варианте *A* не было места

[1] *In articulo mortis (лат.)* — в момент смерти.

трупу восьмидесятилетнего Гэллегера. Появившись здесь, он изменил будущее. В результате мы переместились на другую временную линию.

— Глупости, — пробормотал дед.

— Тихо, дедуля, дай поразмыслить. В данный момент действует другая линия, вариант *B*. На этой линии я буду убит из излучателя в возрасте около сорока пяти лет. Поскольку машина настроена так, чтобы переносить сюда мое тело, едва только я умру, она так и сделала — материализовала мой сорокапятилетний труп. А труп восьмидесятилетнего меня, ясно, исчез.

— Ха-ха!

— Так и должно быть. Его просто не существовало в варианте *B*. Когда вариант *B* был реализован, вариант *A* отпал. Равно как и первый труп.

Старик вдруг радостно закивал.

— Понял! — воскликнул он. — Решил прикинуться психом? Мудрое решение.

— Ха! — фыркнул в ответ Гэллегер.

Он подошел к машине времени и попытался ее выключить. Ничего не вышло, машина не поддавалась. Казалось, она всецело посвятила себя материализации трупов Гэллегера.

Что же теперь будет? В данный момент действует альтернативный вариант *B*. Однако труп *B* не должен был существовать в конкретном настоящем. Это был фактор *x*. $AB + x = C$. Новая переменная и новый труп. Гэллегер поспешно выглянул во двор. Он был пуст, пока, по крайней мере. Слава богу и за это.

«Так или иначе, — думал Гэллегер, — меня не могут осудить за убийство самого себя. Или могут? Можно ли применить здесь закон, запрещающий самоубийство? Нет, это бред. Я не совершал никакого самоубийства и по-прежнему жив».

Но раз он был жив, значит, не мог быть мертвым. Гэллегер поспешно подошел к органу, нацедил себе чего покрепче и

задумался о смерти. Мысленно он уже видел суд и борьбу невероятных противоречий и парадоксов — процесс века. Если он не найдет лучшего на этой планете адвоката, ему конец.

Потом мелькнула другая мысль, и Гэллегер рассмеялся. Скажем, его осудят за убийство и казнят. Если он умрет в настоящем, его будущий труп тут же исчезнет и corpus delicti не будет. В результате он неизбежно будет реабилитирован после смерти.

Однако мысль эта почему-то не утешала.

Вспомнив, что необходимо действовать, Гэллегер окликнул либлей. Создания уже добрались до коробки с печеньем, но на зов явились немедленно, смущенно стряхивая крошки с усиков.

— Мы хотим молока, — сказал толстый. — Этот мир принадлежит нам.

— Да, — добавил второй, — мы разрушим все города, а потом схватим красивых девушек и потребуем...

— Бросьте, — устало отмахнулся Гэллегер. — Мир может и подождать, а я нет. Мне нужно быстренько что-нибудь изобрести, чтобы немного заработать и нанять адвоката. Я не хочу провести остаток жизни в роли обвиняемого в убийстве моего будущего трупа.

— Здорово! — восхитился дед. — Ты уже говоришь, как записной псих.

— Катись отсюда! И подальше. Я занят.

Дед пожал плечами, надел шляпу и вышел, а Гэллегер приступил к допросу либлей.

Вскоре он понял, что толку от них мало. И не в том дело, что либли сопротивлялись; наоборот, они очень хотели ему помочь. Однако они никак не могли понять, что нужно Гэллегеру. Кроме того, их маленькие головенки были до отказа заполнены любимой идеей, так что на все остальное просто места не осталось. Мир принадлежал им, и трудно было поверить, что существуют еще и другие проблемы.

И все-таки Гэллегер не сдавался. В конце концов он наткнулся на то, что ему требовалось, когда либли вновь упомянули об обратной мозговой связи. Устройства для этого в мире будущего были распространены довольно широко. Давным-давно их изобрел человек по фамилии Гэллегер, сообщил ему толстый либль, не замечая явного совпадения.

Гэллегер поперхнулся. Похоже, ему предстояло создать машину для обратной мозговой связи прямо сейчас, раз уж так было записано в истории. С другой стороны, что произойдет, если он этого не сделает? Будущее вновь изменится. «Как же получилось, — задумался он, — что либли не исчезли с первым телом, когда вариант *A* сменился вариантом *B*?»

Ответ был прост: дожил Гэллегер до седин или нет, либлям в их марсианской долине до этого дела не было. Когда музыкант берет фальшивую ноту, он может на несколько тактов отойти от верной тональности, но вернется к ней, как только сможет. Похоже, и время стремилось к своему нормальному состоянию.

— В чем заключается эта обратная мозговая связь? — спросил он.

Либли рассказали ему. Гэллегер собрал воедино полученную информацию и решил, что устройство получится странноватое, но практичное. Потом буркнул что-то о безумных гениях — все сводилось именно к этому.

Располагая обратной мозговой связью, любой тупица мог за несколько секунд стать великим математиком. Разумеется, использование этих знаний требовало практики: для начала следовало выработать в себе умение мыслить. Каменщик с корявыми пальцами мог стать первоклассным пианистом, но требовалось время, чтобы его руки стали эластичными и достаточно чуткими. Но самым важным было то, что талант можно было передавать от одного мозга другому.

Заключалось это в индукции электрических импульсов, излучаемых мозгом. Их форма постоянно меняется. Когда

человек спит, кривая выпрямляется, когда, скажем, танцует, его подсознание автоматически управляет его ногами, если он, конечно, хороший танцор. Такую кривую можно выделить. Если же ее записать, то элементы, образующие умение танцевать, можно словно пантографом перенести на другой мозг.

Было там и другое, вроде центров памяти и тому подобного, но Гэллегер уже ухватил суть. Ему не терпелось немедленно начать работу, это подходило для одного его плана...

— В конце концов ты научишься мгновенно узнавать линии кривых, — сказал один из либлей. — Это... это устройство часто используется в наше время. Людям, которые не хотят учиться, закачивают в голову знания из мозгов признанных мудрецов. Однажды в нашу Долину пришел землянин, который хотел стать знаменитым певцом, но не имел ни малейшего слуха, ни одной ноты не мог повторить. Он использовал обратную мозговую связь и через шесть месяцев уже пел что угодно.

— А почему только через шесть месяцев?

— У него был нетренированный голос, и требовалось время. Но когда он уже вошел в ритм...

— Сделай-ка нам обратную мозговую связь, — предложил толстый либль. — Может, и она пригодится для завоевания Земли.

— Именно ее я и собирался сделать, — ответил Гэллегер. — Но с некоторыми условиями.

Гэллегер позвонил Руфусу Хеллвигу, надеясь, что удастся раскрутить этого магната на аванс, но ничего не получилось. Хеллвиг был упрям.

— Сначала покажите, — уперся он, — а потом получите чек.

— Но деньги мне нужны сейчас, — настаивал Гэллегер. — Я не смогу ничего для вас сделать, если буду казнен за убийство.

— Убийство? А кого вы убили? — спросил Хеллвиг.

— Никого. Его хотят повесить на меня...

— Ну нет, на этот раз я не куплюсь. Без готового результата — никаких авансов, Гэллегер!

— Да вы только послушайте. Хотите петь, как Карузо? Танцевать, как Нижинский? Плавать, как Вейссмюллер? Говорить, как Государственный секретарь Паркинсон? Показывать фокусы не хуже Гудини?

— Да, говорите-то вы хорошо, — задумчиво сказал Хелливиг и прервал связь.

Гэллегер с ненавистью посмотрел на экран. Похоже, придется все-таки браться за работу.

Так он и сделал. Его тренированные, умелые пальцы забегали, не отставая от мыслей. Кроме того, помогал алкоголь: он высвобождал подсознание. Если возникали какие-то сомнения, Гэллегер спрашивал либлей. И все-таки дело требовало времени.

В доме не нашлось всех нужных инструментов, поэтому он позвонил в снабженческую фирму и сумел выбить из нее товары в кредит. Работа продолжалась. Один раз ее прервал маленький человечек в котелке, который принес повестку в суд, а потом явился дед, чтобы занять пять кредитов. В город приехал цирк, и дед, как старый и горячий поклонник жанра, не мог позволить себе упустить такую возможность.

— Ты тоже пойдешь? — спросил он. — Может, я поиграю в кости с парнями. Я всегда был в хороших отношениях с циркачами: однажды выиграл пятьсот кредитов у женщины с бородой. Не пойдешь? Ну, желаю удачи!

Дед ушел, а Гэллегер занялся аппаратом для обратной мозговой связи. Либли продолжали таскать печенье и добродушно спорили о том, как поделят мир, когда завоюют. Машина обретала форму медленно, но неумолимо.

Что касается машины времени, то новые попытки выключить ее доказали одно: машину зациклило. Похоже, она

замкнулась в кольце определенных действий и не могла из него выйти. Машина была настроена на доставку трупов Гэллегера и, пока не выполнила своего задания полностью, упрямо отказывалась выполнять иные поручения.

— «Однажды манекенщица из Бостона...» — рассеянно бормотал Гэллегер. — Посмотрим, посмотрим. Здесь нужен узкий луч... Вот так. «Но дело не вышло, поскольку тот мистер...» Если изменить чувствительность рецепторов... Ага... «Имел слишком много бонтона». Так, хватит...

Была уже ночь, но Гэллегер не отдавал себе отчета, сколько прошло времени. Либли, объевшиеся краденым печеньем, не вмешивались, только время от времени требовали молока. Гэллегер непрерывно пил, поддерживая подсознание в рабочем состоянии. Наконец он вздохнул, посмотрел на готовый аппарат для обратной мозговой связи, тряхнул головой и открыл дверь. Перед ним был пустой двор.

Хотя...

Нет, все-таки пустой. Альтернативный вариант *B* продолжался. Гэллегер вышел и подставил разгоряченное лицо холодному ночному ветерку. Сверкающие небоскребы Манхэттена отгораживали его от темноты ночи, летающие машины мелькали над головой, словно сумасшедшие светлячки.

Где-то совсем рядом послышался глухой шум, и удивленный Гэллегер повернулся. Неизвестно откуда появилось очередное тело и лежало теперь посреди двора, глядя в небо мертвыми глазами. Чувствуя холод в желудке, Гэллегер подошел ближе. Это был труп мужчины средних лет — где-то между пятьюдесятью и шестьюдесятью — с шелковистыми черными усами и в очках. Сомнений не было: это вновь был Гэллегер. Постаревший и измененный вариантом *C* — уже *C*, а не *B* — и по-прежнему с дырой в груди.

Гэллегер подумал, что именно в этот момент труп *B* должен исчезнуть из полицейского морга, как и предыдущий.

Значит, в варианте *С* Гэллегеру предстояло умереть только после пятидесяти, но и в этом случае причиной смерти оставался выстрел из излучателя. Гэллегер подумал о Кэнтрелле, который забрал излучатель, и содрогнулся. Дело запутывалось все больше.

Наверняка скоро появится полиция. Гэллегер почувствовал, что голоден. В последний раз взглянув на свое собственное мертвое лицо, конструктор вернулся в лабораторию, захватил по пути либлей и загнал их на кухню, где быстро приготовил ужин. К счастью, в холодильнике нашлись бифштексы, и либли с жадностью проглотили свои порции, наперебой щебеча о своих фантастических планах. Они уже решили, что Гэллегер будет у них главным визирем.

— А он достаточно жесток? — спросил толстый.

— Не знаю.

— В книжках великий визирь всегда очень жесток, Йохо! — толстый либль поперхнулся кусочком бифштекса. — Уг-уггл-улп! Мир принадлежит нам!

«Ну и мания! — задумался Гэллегер. — Неисправимые романтики. Их оптимизм, мягко говоря, исключителен».

Когда он бросил тарелки в мойку и подкрепился пивом, собственные проблемы вновь навалились на него. Аппарат для обратной мозговой связи должен работать, гениальное подсознание и вправду собрало его.

Черт побери, конечно, он должен работать. Иначе либли не говорили бы, что эту штуку давным-давно изобрел Гэллегер. Однако он не мог использовать Хеллвига в качестве подопытного кролика.

Когда в дверь постучали, Гэллегер торжествующе щелкнул пальцами. Это, конечно, дед. Вот оно, решение.

Появился сияющий дед.

— Ну и здорово было! В цирке всегда здорово. Держи двести, чучело. Мы сгоняли в покер с татуированным человеком

и еще одним парнем, который прыгает с лестницы в ванну с водой. Мировые парни. Завтра я снова пойду к ним.

— Спасибо, — сказал Гэллегер.

Две сотни не решали проблемы, но он не хотел огорчать старика. Затащив деда в лабораторию, он объяснил ему, что хочет провести эксперимент.

— Сколько угодно, — ответил тот, дорвавшись до органа.

— Я сделал несколько чертежей кривых своего мозга и установил, где находятся мои математические способности. Это трудно объяснить, но я могу перекачать содержимое своего мозга в твой, к тому же выборочно. Я могу дать тебе свой математический талант.

— Спасибо, — поблагодарил дед. — А тебе он уже не нужен?

— Мой останется при мне. Это просто матрица.

— Матрац?

— Матрица. Эталон. Я просто повторю ее в твоем мозгу. Понимаешь?

— Естественно, — сказал дед и позволил усадить себя в кресло.

Гэллегер нахлобучил на него опутанный проводами шлем. Сам конструктор надел другой шлем и принялся колдовать над аппаратом. Тот загудел, и лампы на нем вспыхнули. Вскоре высота звука начала расти, он поднялся до писка, а затем и вовсе стих. И это было все.

Гэллегер снял оба шлема.

— Как самочувствие? — спросил он.

— Превосходное.

— Ничего не изменилось?

— Выпить хочется...

— Я не давал тебе моей сопротивляемости алкоголю, тебе собственной хватит. Разве что она удвоилась... — Гэллегер побледнел. — Если я еще дал тебе и свою жажду... Ой-ой-ой!

Бормоча что-то о человеческой глупости, дед пропустил стаканчик. Гэллегер последовал его примеру и растерянно уставился на старика.

— Я не мог ошибиться. Графики... Сколько будет корень квадратный из минус единицы?

— Много я повидал корней, — ответил дед, — но квадратных — ни разу.

Гэллегер выругался. Машина наверняка сделала свое. Должна была сделать по многим причинам, главной из которых была логика. Может быть...

— Попробуем еще раз. Теперь на мне.

— Давай, — согласился дед.

— Только... гмм... у тебя же нет никаких талантов. Ничего необычного. Я не буду знать, получилось из этого что-нибудь или нет. Вот будь ты пианистом или певцом...

— Ха!

— Минуточку! Есть идея. У меня хорошие связи на телевидении... может, и удастся что-то сделать. — Гэллегер сел к видеофону. Это потребовало времени, но он все-таки сумел убедить аргентинского тенора Рамона Фиреса взять аэротакси и быстро явиться в лабораторию.

— Фирес! — Гэллегер буквально упивался этой мыслью.

— Это будет доказательство что надо! Один из величайших теноров нашего полушария! Если вдруг окажется, что я пою как жаворонок, можно будет звонить Хеллвигу.

Фирес наверняка торчал в ночном клубе, но по просьбе с телевидения отложил на время свои занятия и явился через десять минут. Это был крепко сложенный симпатичный мужчина с оживленной мимикой. Он улыбнулся Гэллегеру.

— Вы сказали, что дело плохо, но мой голос может помочь, и вот я здесь. Запись, да?

— Что-то вроде.

— Какое-то пари?

— Можно сказать и так, — ответил Гэллегер, усаживая Фиреса в кресло.

— Я хочу записать церебральный узор вашего голоса.

— О, это что-то новое! Расскажите-ка побольше.

Конструктор послушно выложил набор наукообразной чуши, удовлетворив тем самым любопытство сеньора Фиреса. Процедура продолжалась недолго, нужные кривые выделились легко. Это была матрица вокального таланта Фиреса, огромного таланта.

Дед скептически смотрел, как Гэллегер настраивает аппарат, надевает на головы шлемы и включает машину. Вновь засветились лампы, запели провода. Потом все стихло.

— Получилось? Можно мне посмотреть?

— Нужно время для проявления, — без зазрения совести солгал Гэллегер. Он не хотел петь в присутствии Фиреса. — Как будет готово, я принесу их вам.

— Чудесно! — Сверкнули белые зубы. — Всегда к вашим услугам, amigo [1]!

Фирес вышел. Гэллегер сел и выжидательно уставился в стену. Ничего. Только немного болела голова.

— Уже готово? — спросил дед.

— Да. До-ре-ми-фа-со...

— Чего?

— Сиди тихо.

— Сбрендил, это уж точно.

— «Смейся, паяц, над разбитой любовью!» — дико завыл Гэллегер срывающимся голосом. — О, черт!

— «Слава, слава, аллилуйя! — с готовностью поддержал дед. — Слава, слава, аллилуйя!»

— «Смейся, паяц...» — еще раз попытался Гэллегер.

---

[1] *Amigo (исп.)* — приятель, дружище.

— «И дух его живет средь нас!» — проблеял дед, душа любого общества. — Когда я был молод, то неплохо подпевал. Давай попробуем дуэтом. Ты знаешь «Фрэнки и Джонни»?

Гэллегер едва сдержался, чтобы не разрыдаться. Окинув старика ледяным взглядом, он прошел на кухню и открыл банку с пивом. Холодная жидкость с мятным привкусом освежила его, но не ободрила. Петь он не мог. Во всяком случае так, как Фирес. Машина просто-напросто не работала. Вот тебе и обратная мозговая связь!

Со двора донесся возглас деда:

— Эй, что я нашел!

— Нетрудно догадаться, — угрюмо ответил Гэллегер и вплотную занялся пивом.

Полиция явилась через три часа, в десять. Задержка объяснялась просто: тело исчезло из морга, но пропажу обнаружили не сразу. Начались тщательные поиски, разумеется, без результата. Прибыл Махони со своей командой, и Гэллегер показал им на двор.

— Он лежит там.

Махони окинул его яростным взглядом.

— Снова эти ваши фокусы, да?! — рявкнул он.

— Я здесь ни при чем.

Наконец полицейские вышли из лаборатории, оставив худощавого светловолосого человечка, который задумчиво разглядывал Гэллегера.

— Как дела? — спросил Кэнтрелл.

— Э-э... хорошо.

— Вы что, спрятали где-то еще пару этих... игрушек?

— Тепловых излучателей? Нет.

— Тогда как же вы убиваете этих людей? — плачущим голосом спросил Кэнтрелл. — Я ничего не понимаю.

— Он мне все объяснил, — сказал дед, — но тогда я не понимал, о чем он говорит. Тогда нет, но сейчас, конечно,

понимаю. Это просто изменение темпоральных линий. Принцип неопределенности Планка и, вероятно, Гейзенберга. Законы термодинамики ясно указывают, что Вселенная стремится вернуться к норме, которой является известный темп энтропии, а отклонения от нормы должны неизбежно компенсироваться соответствующими искривлениями пространственно-временной структуры ради всеобщего космического равновесия.

Воцарилась тишина.

Гэллегер подошел к раковине, налил стакан воды и медленно вылил себе на голову.

— Ты понимаешь то, что говоришь, верно? — спросил он.

— Разумеется, — ответил дед. — Почему бы и нет? Обратная мозговая связь передала мне твой математический талант вместе с необходимой терминологией.

— И ты скрывал это?

— Черт побери, нет, конечно! Мозгу нужно какое-то время, чтобы приспособиться к новым способностям. Это вроде клапана безопасности. Внезапное поступление совершенно нового комплекса знаний могло бы полностью уничтожить мозг. Поэтому все уходит вглубь; процесс длится часа три или около того. Так оно и было, верно?

— Да, — подтвердил Гэллегер. — Так. — Заметив взгляд Кэнтрелла, он заставил себя улыбнуться. — Это наша с дедом шутка. Ничего особенного.

— Гмм, — сказал Кэнтрелл, прищурившись. — И только-то?

— Да. Всего лишь шутка.

Со двора внесли тело и протащили его через лабораторию. Кэнтрелл сощурился, многозначительно похлопал по карману и отвел Гэллегера в угол.

— Покажи я кому-нибудь ваш излучатель, Гэллегер, и вам крышка. Не забывайте.

— Я не забываю. Что вам от меня надо, черт возьми?

— О-о... я не знаю. Такое оружие может здорово пригодиться. Никто не знает заранее... Сейчас столько ограблений. Я чувствую себя увереннее, когда эта штука лежит у меня в кармане.

Он отодвинулся от Гэллегера, заметив входящего Махони. Детектив был явно обеспокоен.

— Этот парень со двора...

— Что с ним?

— Он тоже похож на вас. Только старше.

— А как с отпечатками пальцев, Махони? — спросил Кэнтрелл.

— Ответ заранее известен, — буркнул детектив. — Все как обычно. Узор сетчатки тоже совпадает. Послушайте, Гэллегер, я хочу задать вам несколько вопросов. Отвечать прошу четко и ясно. Не забывайте, что вас подозревают в убийстве.

— А кого я убил? — спросил Гэллегер. — Тех двоих, что исчезли из морга? Нет corpus delicti. Согласно новому кодексу, свидетелей и фотографий недостаточно для установления факта.

— Вам хорошо известно, почему его приняли, — ответил Махони. — Трехмерные изображения принимали за настоящие трупы... Лет пять назад был большой шум по этому поводу. Но трупы на вашем дворе — не картинки. Они настоящие.

— И где же они?

— Два были, один есть. Все это по-прежнему висит на вас. Ну, что скажете?

— Вы не... — начал Гэллегер, но умолк. В горле его что-то дрогнуло и он встал с закрытыми глазами. — «Мое сердце принадлежит тебе, пусть знает об этом весь мир, — пропел Гэллегер чистым и громким тенором. — Меня найдешь ты на своем пути, как тень, не покидающую никогда...»

— Эй! — крикнул Махони, вскакивая. — Успокойтесь! Вы слышите меня?

— «В тебе всей жизни смысл и блеск, молчание и мрак, песнь...»

— Перестаньте! — заорал детектив. — Мы здесь не для того, чтобы слушать ваше пение!

И все-таки он слушал, как и все остальные. Гэллегер, одержимый талантом сеньора Фиреса, пел и пел, а его непривычное горло расходилось и уже выдавало соловьиные трели. Гэллегер пел!

Остановить его было невозможно, и полицейские убрались, изрыгая проклятия и обещая вскоре вернуться со смирительной рубашкой.

Кстати, дед тоже испытывал какой-то непонятный приступ. Из него сыпались странные термины, математика, излагаемая словами, — символы от Эвклида до Эйнштейна и дальше. Похоже, старик действительно получил математический талант Гэллегера.

Однако все — и хорошее, и плохое — имеет свой конец. Гэллегер прохрипел что-то пересохшим горлом и умолк. Обессиленный, повалился он на диван, глядя на деда, скорчившегося на кресле с широко открытыми глазами. Из своего укрытия вышли трое либлей и выстроились в шеренгу. Каждый держал в косматых лапках печенье.

— Мир принадлежит мне! — возвестил самый толстый.

События следовали одно за другим. Позвонил Махони, сообщил, что добивается ордера на арест и что Гэллегера посадят, как только удастся расшевелить машину правосудия. То есть завтра.

Гэллегер позвонил лучшему на Востоке адвокату. Да, Перссон мог опротестовать ордер на арест и даже выиграть дело, либо... как бы то ни было, Гэллегеру нечего опасаться, если он наймет его. Однако часть платы следует внести авансом.

— И сколько?.. О!

— Позвоните мне, когда вам будет удобно, — сказал Перссон. — Чек можете выслать хоть сегодня.

— Хорошо, — ответил Гэллегер и тут же позвонил Руфусу Хеллвигу.

К счастью, богач оказался дома.

Гэллегер объяснил ему, в чем дело. Хеллвиг не поверил, однако согласился прийти в лабораторию с самого утра, для пробы. Раньше он просто не мог. Дать денег он снова отказался, пока не получит несомненных доказательств.

— Сделайте меня первоклассным пианистом, — сказал он, — тогда я поверю.

Гэллегер вновь позвонил на телевидение, и ему удалось связаться с Джоуи Маккензи, красивой светловолосой пианисткой, молниеносно завоевавшей сердца жителей Нью-Йорка и тут же приглашенной на телевидение. Джоуи пообещала прийти утром. Гэллегеру пришлось ее долго уговаривать, но в конце концов он наговорил такого, что интерес девушки достиг уровня лихорадочного. Похоже, она путала науку с черной магией, но обе эти материи ее интересовали.

На дворе появился очередной труп, что означало линию вероятности *D*. Несомненно, одновременно с этим третье тело исчезло из морга. Гэллегер почти пожалел Махони. Безумные таланты успокоились. Вероятно, неудержимая вспышка бывала лишь поначалу, часа через три после процедуры, а потом талант можно было включать и выключать произвольно. Гэллегер уже не испытывал непреодолимого желания петь, но, попробовав, убедился, что может делать это когда захочет, причем хорошо. Дед же проявлял великолепные математические способности каждый раз, когда испытывал в них потребность.

А в пять утра явился Махони с двумя полицейскими, арестовал Гэллегера и доставил в тюрьму.

Там изобретатель провел три дня.

Вечером третьего дня прибыл адвокат Перссон с приказом об освобождении и множеством проклятий на устах.

В конце концов ему удалось вытащить Гэллегера, вероятно, благодаря лишь своей репутации. Потом, уже в аэротакси, он простонал:

— Что за ужасное дело! Политический нажим, юридические крючки, безумие! Трупы, появляющиеся на вашем дворе, — кстати, их уже семь, — и исчезающие из морга. Что за всем этим кроется, Гэллегер?

— Не знаю. Вы... гмм... выступаете моим защитником?

— Разумеется. — Такси рискованно скользнуло мимо небоскреба.

— А чек?.. — рискнул спросить Гэллегер.

— Мне дал его ваш дед. Да, он просил передать кое-что еще. Сказал, что подверг процедуре Руфуса Хеллвига, как вы и планировали, и получил вознаграждение. Я же сомневаюсь, что заслужил хотя бы часть своего. Позволить вам просидеть в кутузке три дня! Но нажим оказался слишком силен. Мне пришлось использовать кое-какие свои связи.

Вот, значит, как. Дед перенял математический талант Гэллегера, он знал все об обратной мозговой связи и о том, как действует машина. Он подверг процедуре Хеллвига и, похоже, удачно. По крайней мере, теперь они были при деньгах. Но хватит ли этого?

Гэллегер объяснил ситуацию адвокату, насколько у него хватило смелости. Перссон кивнул.

— Говорите, все из-за машины времени? Значит, нужно ее как-то выключить, тогда трупы перестанут появляться.

— Я не могу ее даже разбить, — признался Гэллегер. — Я уже пробовал, но она попала в стазис и находится вне нашего сектора пространства-времени. Не знаю, сколько это еще продлится. Она настроена на перенос сюда моего тела и будет неустанно делать это.

— Ах, вот как. Ну хорошо, я сделаю все, что смогу. Во всяком случае, сейчас вы свободны. Но я ничего не могу гарантировать, пока вы не прервете этот поток ваших трупов, мистер Гэллегер. Я здесь выхожу. До встречи. Может, у меня в конторе завтра в полдень? Хорошо.

Гэллегер пожал ему руку и назвал пилоту свой адрес. Там его ждал неприятный сюрприз — дверь открыл Кэнтрелл.

Его узкое бледное лицо скривилось в усмешке.

— Добрый вечер, — сказал он. — Входите, Гэллегер.

— Уже вошел. Что вы тут делаете?

— Пришел с визитом к вашему деду.

Гэллегер огляделся по сторонам.

— А где он?

— Не знаю. Можете сами поискать.

Предчувствуя какой-то подвох, конструктор отправился на поиски и нашел деда на кухне, где тот ел крендели и кормил либлей. Старик явно избегал его взгляда.

— Ну ладно, — сказал Гэллегер. — Выкладывай.

— Я не виноват. Кэнтрелл сказал, что отдаст излучатель в полицию, если я не сделаю, как он хочет. Я знал, что тогда тебе крышка.

— Что здесь произошло?!!!

— Спокойнее, я уже все обдумал. Это никому не повредит...

— Что? Что?!!

— Кэнтрелл заставил меня применить твое устройство к нему, — признался дед. — Он заглянул в окно, когда я был занят с Хеллвигом, и все понял. Он пригрозил, что тебя казнят, если я не дам ему талантов.

— Чьих?

— Ну... Гулливера, Морлисона, Коттмана, Дениса, Сент-Меллори...

— Хватит... — слабым голосом произнес Гэллегер. — Величайшие инженеры нашего времени, вот кто это! И все их знания в мозгу Кэнтрелла! Как он уговорил их?

— У него язык без костей. Он не сказал, в чем дело, приду-

мал какую-то хитрую историю... А еще у него твой математический талант. От меня.

— Превосходно, — угрюмо сказал Гэллегер. — Что же нужно, черт побери?

— Он хочет завоевать мир, — печально ответил толстый либль. — Ради бога, помешай ему! Этот мир принадлежит нам!

— Не совсем так, — сказал дед, — но все равно хорошего мало. Он теперь знает то же, что и мы, и может сам построить аппарат для обратной мозговой связи. А через час он летит стратопланом в Европу.

— Значит, жди неприятностей, — подытожил Гэллегер.

— Точно. Мне кажется, Кэнтрелл начисто лишен моральных принципов. Это он виноват, что тебя держали в тюрьме все эти дни.

Дверь открылась, и заглянул Кэнтрелл.

— Во дворе свежий труп, только что появился. Но заниматься им мне некогда. Есть какие-нибудь новости от Ван-Декера?

— Ван-Декер! — поперхнулся Гэллегер. — Его тоже?!

Человек с величайшим в мире уровнем интеллекта!

— Пока нет, — усмехнулся Кэнтрелл. — Я много дней пытался с ним связаться, но только сегодня утром он позвонил мне. Я боялся, что не успею с ним увидеться, но он обещал прийти сегодня вечером. — Кэнтрелл посмотрел на часы. — Надеюсь, он не опоздает. Стратоплан ждать не будет.

— Минуточку, — сказал Гэллегер. — Я хотел бы знать ваши намерения, Кэнтрелл.

— Он хочет завоевать мир! — запищал один из либлей.

Кэнтрелл весело посмотрел вниз.

— Как оказалось, это не так уж сложно. К счастью, я совершенно аморален, так что могу до конца использовать эту возможность. Таланты величайших умов человечества очень мне

пригодятся: я буду лучшим почти во всем. То есть абсолютно во всем, — добавил он, прищурившись.

— Диктаторский комплекс, — скривился дед.

— Пока нет, — ответил Кэнтрелл. — Может, когда-нибудь... Дайте мне немного времени. Я уже почти сверхчеловек.

— Вы не можете... — начал Гэллегер.

— Разве? Не забывайте, у меня ваш излучатель.

— Верно, — согласился конструктор, — а все тела со двора — мои тела — были убиты с помощью излучателя. На сегодня вы единственный, у кого он есть. Видимо, мне суждено когда-нибудь быть убитым из него.

— Мне кажется, «когда-нибудь» звучит куда лучше, чем «сейчас», — тихо заметил Кэнтрелл.

Гэллегер не ответил, и Кэнтрелл продолжал:

— Я снял сливки с лучших умов Восточного побережья, а теперь сделаю то же в Европе. Все может случиться.

Один из либлей, видя, как рушится их план завоевания мира, горько заплакал.

В дверь позвонили. По знаку Кэнтрелла дед вышел и вернулся с плотным мужчиной, которого отличали кривой нос и кустистая рыжая борода.

— Ха! — загремел он. — Вот и я! Надеюсь, не опоздал?

— Доктор Ван-Декер?

— А кто же еще?! — воскликнул рыжебородый. — А теперь — быстро, быстро, быстро, у меня много работы. Судя по вашим словам, ничего из этого эксперимента не выйдет, но я согласен попробовать. Проекция души — несусветная глупость.

Дед ткнул Гэллегера в бок.

— Это Кэнтрелл придумал такое объяснение.

— Да? Слушай, нельзя же...

— Успокойся, — сказал дед, многозначительно подмигивая. — У меня теперь твой талант, парень, и я кое-что приду-

мал. Попробуй и ты, если сможешь. Я использовал твою математику. Тс-с-с-с...

Времени на разговоры не оставалось. Кэнтрелл загнал всех в лабораторию. Гэллегер, хмурясь и кусая губы, обдумывал проблему. Он не мог позволить, чтобы это сошло Кэнтреллу с рук. Но, с другой стороны, дед сказал, что все в порядке, что он контролирует ситуацию.

Либли, разумеется, исчезли, наверное, искали печенье. Взглянув на часы, Кэнтрелл усадил Ван-Декера в кресло. При этом он все время держал руку в кармане и то и дело поглядывал на Гэллегера. Сквозь ткань одежды отчетливо вырисовывался цилиндр теплового излучателя.

— Я покажу вам, насколько это легко, — дед, хихикая, подошел на кривых ногах к устройству для обратной мозговой связи и передвинул несколько рычажков.

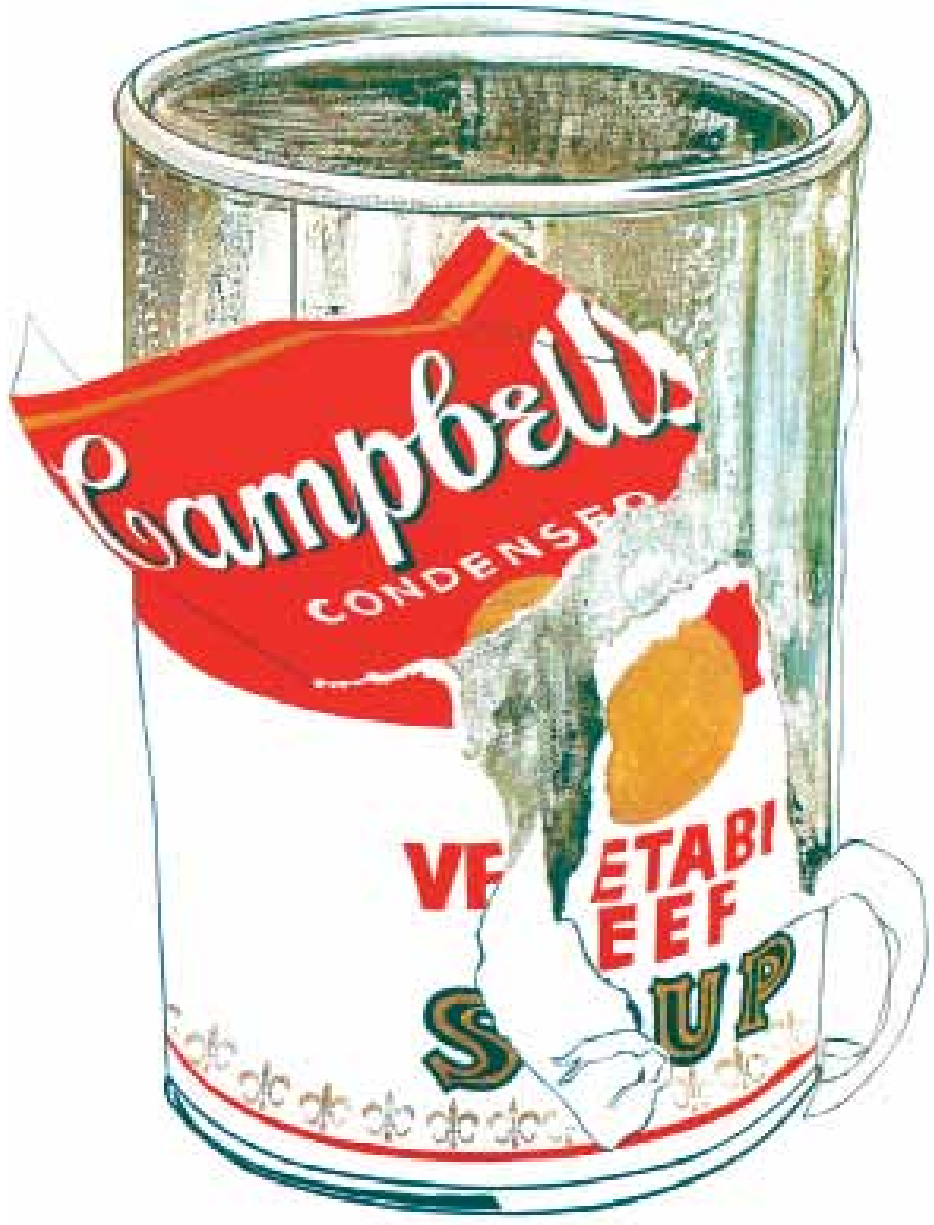
— Осторожно, дедуля, — предупредил его Кэнтрелл. Ван-Декер уставился на него.

— Что-то не так?

— Нет-нет, — сказал дед. — Мистер Кэнтрелл боится, что я сделаю ошибку. Но все будет в порядке. Это шлем...

Он надел его на голову Ван-Декера, и перо машины принялось чертить извилистые линии. Дед собрал ленты, но вдруг споткнулся и рухнул на пол, выронив бумаги. Прежде чем Кэнтрелл успел шевельнуться, старик поднялся и, ругаясь себе под нос, собрал графики.

Потом он положил все на стол. Гэллегер подошел и заглянул Кэнтреллу через плечо. Это было действительно здорово! Показатель интеллекта Ван-Декера был огромен. Его фантастические способности были... гмм... фантастичны. Кэнтрелл, который тоже был в курсе обратной мозговой связи, поскольку получил через деда математический талант Гэллегера, кивнул, надел шлем на голову и направился к машине. Мельком взглянув на Ван-Декера, чтобы проверить, все ли в порядке,



он передвинул рычажки. Вспыхнули лампы, шум перешел в визг. И смолк.

Кэнтрелл снял шлем. Когда он потянулся к карману, дед поднял руку и показал ему небольшой блестящий пистолет.

— Не надо, — сказал он.

Глаза Кэнтрелла сузились.

— Брось пушку.

— И не подумаю. Я понял, что ты захочешь нас прикончить и уничтожить машину, чтобы остаться единственным в своем роде. Не выйдет. У этого пистолета очень чуткий спуск. Ты можешь прожечь во мне дыру, Кэнтрелл, но прежде сам станешь трупом.

Кэнтрелл замер.

— И что дальше?

— Убирайся! Я не хочу дыры в животе, так же, как ты не хочешь получить туда пулю. Живи и дай жить другим. Катись!

Кэнтрелл тихо засмеялся.

— Хорошо, дедуля. Ты это заслужил. Не забудь, я по-прежнему знаю, как построить такую машину. И все сливки теперь у меня. Вы можете сделать то же, но не лучше меня.

— Договорились, — сказал дед.

— Вот именно. Мы еще встретимся. Не забывай, Гэллегер, от чего умерли все твои двойники, — с натянутой улыбкой сказал Кэнтрелл и вышел, пятясь.

Гэллегер вскочил.

— Нужно сообщить в полицию! — крикнул он. — Кэнтрелл слишком опасен, чтобы оставлять его на свободе.

— Спокойно, — распорядился дед, помахивая пистолетом. — Я же сказал, что кое-что придумал. Надеюсь, ты не хочешь, чтобы тебя казнили за убийство? А если Кэнтрелла арестуют, полиция найдет при нем излучатель. Мой способ лучше.

— Какой способ? — Гэллегер потребовал объяснений.

— Давай, Мики, — сказал дед, улыбаясь доктору Саймону Ван-Декеру.

Тот снял рыжую бороду и парик и расхохотался.

Гэллегер удивленно уставился на него.

— Подставка!

— Точно. Я позвонил Мики и объяснил, что от него требуется. Он переоделся, изобразил перед Кэнтреллом Ван-Декера и договорился встретиться сегодня вечером.

— Но ведь графики показывали интеллект гения...

— Я подменил их, когда ронял на пол, — признался дед. — Заранее приготовил несколько липовых.

Гэллегер скривился.

— Но это дела не меняет. Кэнтрелл по-прежнему на свободе и знает слишком много.

— Придержи лошадей, молодой человек, — сказал дед. — Подожди, пока я тебе все объясню.

И объяснил.

Три часа спустя телевидение сообщило, что человек по имени Роланд Кэнтрелл погиб, выпрыгнув из трансатлантического стратоплана.

Впрочем, Гэллегер точно знал время смерти Кэнтрелла — в ту же секунду с его двора исчез труп.

Это произошло потому, что теплового излучателя больше не было, и будущее Гэллегера не содержало смерти от него. Разве что он сделал бы еще один.

Машина времени вышла из стазиса и вернулась к нормальному состоянию. Гэллегер понял, почему. Она была настроена на выполнение определенного задания, подразумевающего смерть Гэллегера в определенном комплексе переменных. В рамках этих переменных машина действовала непрерывно. Она не могла остановиться, не исчерпав всех возможностей. Пока в каком-либо из возможных вариантов

будущего Гэллегер погибал от излучателя, трупы исправно переносились ему во двор.

Ныне будущее радикально изменилось. Оно уже не включало в себя варианты *A*, *B*, *C* и так далее. Тепловой излучатель, определяющий фактор, был уничтожен в настоящем, и потому возможные варианты будущего Гэллегера теперь представляли собой *A1*, *B1*, *C1* и так далее.

Машина не была рассчитана на такие резкие отклонения. Она выполнила поставленную перед ней задачу и теперь ждала новых поручений.

Перед тем как вновь воспользоваться ею, Гэллегер детально изучил ее устройство.

Времени у него было достаточно. При отсутствии corpus delicti Перссон без труда добился прекращения дела, хотя несчастный Махони едва не спятил, пытаясь понять, что же, собственно, произошло. Что касается либлей...

Гэллегер машинально раздал печенье, прикидывая, как бы избавиться от этих маленьких глупеньких созданий, не раня их чувств.

— Не хотите же вы остаться здесь на всю жизнь? — спросил он у них.

— Нет, — ответил один, косматой лапкой стряхивая крошки с усов. — Но нам нужно завоевать Землю.

— Гмм, — буркнул Гэллегер и вышел кое-что купить. Вернулся он с какими-то приборами, которые украдкой подключил к телевизору.

Вскоре после этого обычная телепрограмма была прервана экстренным выпуском новостей. По странному стечению обстоятельств либли как раз смотрели телевизор. На экране появилось лицо диктора, почти полностью скрытое листом бумаги. Единственная видимая часть — от бровей и выше — очень напоминала лоб Гэллегера, но либли были слишком возбуждены, чтобы заметить это.

— К нам только что поступила важная информация! — сообщил диктор срывающимся от волнения голосом. — С некоторых пор мир уже знает о прибытии на Землю трех почтенных гостей с Марса. Существа эти...

Либли удивленно переглянулись, один из них начал говорить что-то, но на него шикнули.

— Существа эти, как стало известно, хотят завоевать Землю. С удовольствием сообщаем, что все население Земли перешло на сторону либлей. Произошла бескровная революция, и отныне либли становятся нашими единственными владыками...

— Йо-хо! — пропищал тоненький голосок.

— ...Ведется организация новых форм правления. Будет введена новая денежная система, монетные дворы уже чеканят монеты с изображениями либлей на реверсе. Ожидается, что наши владыки вернутся на Марс, чтобы объяснить своим соплеменникам возникшую ситуацию.

Лицо диктора исчезло с экрана, и пошла обычная программа. Вскоре, таинственно улыбаясь, появился Гэллегер. Его приветствовали радостные писки либлей.

— Нам пора возвращаться домой. Произошла бескровная...

— Революция! Этот мир — наш!

Их оптимизм можно было сравнить только с их легковерием. Гэллегер позволил убедить себя, что либлям нужно возвращаться.

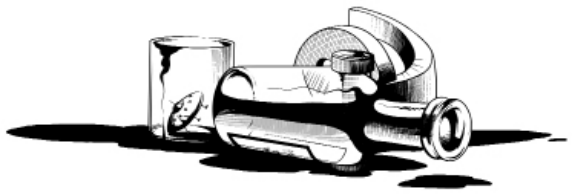
— Ну хорошо, — согласился он. — Машина готова. Еще по печенью на дорогу — и в путь.

Он пожал три косматые лапки, вежливо поклонился, и трое либлей, оживленно попискивая, отправились на Марс, на пятьсот лет в будущее. Они торопились вернуться к друзьям и рассказать о своих приключениях. Они и рассказали, но никто им не поверил.

Смерть Кэнтрелла не имела никаких последствий, хотя Гэллегер, дед и Мики прожили несколько беспокойных дней,

прежде чем облегченно вздохнули. Вскоре после этого дед с Гэллегером ударились в запой и сразу почувствовали себя гораздо лучше.

К сожалению, Мики не мог составить им компанию. Ему пришлось вернуться в цирк, где он дважды в день демонстрировал свой уникальный талант, прыгая с десятиметровой лестницы в ванну с водой...



Механическое эго

Никлас Мартин посмотрел через стол на робота.

— Я не стану спрашивать, что вам здесь нужно, — сказал он придушенным голосом. — Я понял. Идите и передайте Сен-Сиру, что я согласен. Скажите ему, что я в восторге от того, что в фильме будет робот. Все остальное у нас уже есть. Но совершенно ясно, что камерная пьеса о сочельнике в селении рыбаков-португальцев на побережье Флориды никак не может обойтись без робота. Однако почему один, а не шесть? Скажите ему, что меньше чем на чертову дюжину роботов я не согласен. А теперь убирайтесь.

— Вашу мать звали Елена Глинская? — спросил робот, пропуская тираду Мартина мимо ушей.

— Нет, — отрезал тот.

— А! Ну так, значит, она была Большая Волосатая, — пробормотал робот.

Мартин снял ноги с письменного стола и медленно расправил плечи.

— Не волнуйтесь! — поспешно сказал робот. — Вас избрали для экологического эксперимента, только и всего. Это совсем не больно. Там, откуда я явился, роботы представляют собой одну из законных форм жизни, и вам незачем...

— Заткнитесь! — потребовал Мартин. — Тоже мне робот!

Статист несчастный! На этот раз Сен-Сир зашел слишком далеко. — Он затрясся всем телом под влиянием какой-то сильной, но подавленной эмоции. Затем его взгляд упал на внутренний телефон и, нажав на кнопку, он потребовал: — Дайте мисс Эшби! Немедленно!

— Мне очень неприятно, — виноватым тоном сказал робот. — Может быть, я ошибся? Пороговые колебания нейронов всегда нарушают мою мнемоническую норму, когда я темпорирую. Ваша жизнь вступила в критическую фазу, не так ли?

Мартин тяжело задышал, и робот усмотрел в этом доказательство своей правоты.

— Вот именно, — объявил он. — Экологический дисбаланс приближается к пределу, смертельному для данной жизненной формы, если только... гм, гм... Либо на вас вот-вот наступит мамонт, вам на лицо наденут железную маску, вас прирежут илоты, либо... Погодите-ка, я говорю на санскрите? — Он покачал сверкающей головой. — Наверно, мне следовало сойти пятьдесят лет назад, но мне показалось... Прошу извинения, всего хорошего, — поспешно добавил он, когда Мартин устремил на него яростный взгляд.

Робот приложил пальцы к своему, естественно, неподвижному рту и развел их от уголков в горизонтальном направлении, словно рисуя виноватую улыбку.

— Нет, вы не уйдете! — заявил Мартин. — Стойте, где стоите, чтобы у меня злость не остыла! И почему только я не могу осатанеть как следует и надолго? — закончил он жалобно, глядя на телефон.

— А вы уверены, что вашу мать звали не Елена Глинская? — спросил робот, приложив большой и указательный пальцы к номинальной переносице, отчего Мартину вдруг показалось, что его посетитель озабоченно нахмурился.

— Конечно, уверен! — рявкнул он.

— Так, значит, вы еще не женились? На Анастасии Захарьиной-Кошкиной?

— Не женился и не женюсь! — отрезал Мартин и схватил трубку зазвонившего телефона.

— Это я, Ник! — раздался спокойный голос Эрики Эшби. — Что-нибудь случилось?

Мгновенно пламя ярости в глазах Мартина угасло и сменилось розовой нежностью. Последние несколько лет он отдавал Эрике, весьма энергичному литературному агенту, десять процентов своих гонораров. Кроме того, он изнывал от безнадежного желания отдать ей примерно фунт своего мяса — сердечную мышцу, если воспользоваться холодным научным термином. Но Мартин не воспользовался ни этим термином и никаким другим, ибо при любой попытке сделать Эрике предложение им овладевала неизбывная робость и он начинал лепетать что-то про зеленые луга.

— Так в чем дело? Что-нибудь случилось? — повторила Эрика.

— Да, — произнес Мартин, глубоко вздохнув. — Может Сен-Сир заставить меня жениться на какой-то Анастасии Захарьиной-Кошкиной?

— Ах, какая у вас замечательная память! — печально вставил робот. — И у меня была такая же, пока я не начал темпорировать. Но даже радиоактивные нейроны не выдержат...

— Формально ты еще сохраняешь право на жизнь, свободу и так далее, — ответила Эрика. — Но сейчас я очень занята, Ник. Может быть, поговорим об этом, когда я приду?

— А когда?

— Разве тебе не передали, что я звонила? — вспылила Эрика.

— Конечно, нет! — сердито крикнул Мартин. — Я уже давно подозреваю, что дозвониться ко мне можно только с разрешения Сен-Сира. Вдруг кто-нибудь тайком пошлет в

мою темницу слово ободрения или даже напильник! — Его голос повеселел. — Думаешь устроить мне побег?

— Это возмутительно! — объявила Эрика. — В один прекрасный день Сен-Сир перегнет палку...

— Не перегнет, пока он может рассчитывать на Диди, — угрюмо сказал Мартин.

Кинокомпания «Вершина» скорее поставила бы фильм, пропагандирующий атеизм, чем рискнула бы обидеть свою несравненную кассовую звезду Диди Флеминг. Даже Толливер Уотт, единоличный владелец «Вершины», не спал по ночам, потому что Сен-Сир не разрешал прелестной Диди подписать долгосрочный контракт.

— Тем не менее Уотт совсем не глуп, — сказала Эрика. — Я по-прежнему убеждена, что он согласится расторгнуть контракт, если только мы докажем ему, какое ты убыточное помещение капитала. Но времени у нас почти нет.

— Почему?

— Я же сказала тебе... Ах да! Конечно, ты не знаешь. Он завтра вечером уезжает в Париж.

Мартин испустил глухой стон.

— Значит, мне нет спасения, — сказал он. — На следующей неделе мой контракт будет автоматически продлен, и я уже никогда не вздохну свободно. Эрика, сделай что-нибудь!

— Попробую, — ответила Эрика. — Об этом я и хочу с тобой поговорить... А! — вскрикнула она внезапно. — Теперь мне ясно, почему Сен-Сир не разрешил передать тебе, что я звонила. Он боится. Знаешь, Ник, что нам следует сделать?

— Пойти к Уотту, — уныло подсказал Ник. — Но, Эрика...

— Пойти к Уотту, когда он будет один, — подчеркнула Эрика.

— Сен-Сир этого не допустит.

— Именно. Конечно, Сен-Сир не хочет, чтобы мы поговорили с Уоттом с глазу на глаз, — а вдруг мы его убедим?

Но все-таки мы должны как-нибудь это устроить. Один из нас будет говорить с Уоттом, а другой — отгонять Сен-Сира. Что ты предпочтешь?

— Ни то и ни другое, — тотчас ответил Мартин.

— О, Ник! Одной мне это не по силам. Можно подумать, что ты боишься Сен-Сира!

— И боюсь!

— Глупости. Ну что он может тебе сделать?

— Он меня терроризирует. Непрерывно. Эрика, он говорит, что я прекрасно поддаюсь обработке. У тебя от этого кровь в жилах не стынет? Посмотри на всех писателей, которых он обработал!

— Я знаю. Неделю назад я видела одного из них на Майн-стрит — он рылся в помойке. И ты тоже хочешь так кончить? Отстаивай же свои права!

— А! — сказал робот, радостно кивнув. — Так я и думал. Критическая фаза.

— Заткнись! — приказал Мартин. — Нет, Эрика, это я не тебе! Мне очень жаль.

— И мне тоже, — ядовито ответила Эрика. — На секунду я поверила, что у тебя появился характер.

— Будь я, например, Хемингуэем... — страдальческим голосом начал Мартин.

— Вы сказали Хемингуэй? — спросил робот. — Значит, это эра Кинси — Хемингуэя? В таком случае я не ошибся. Вы — Никлас Мартин, мой следующий объект. Мартин... Мартин? Дайте подумать... Ах да! Тип Дизраэли, — он со скрежетом потер лоб. — Бедные мои нейронные пороги! Теперь я вспомнил.

— Ник, ты меня слышишь? — осведомился в трубке голос Эрики. — Я сейчас же еду в студию. Соберись с силами. Мы затравим Сен-Сира в его берлоге и убедим Уотта, что из тебя никогда не выйдет приличного сценариста. Теперь...

— Но Сен-Сир ни за что не согласится, — перебил Мартин. — Он не признает слова «неудача». Он постоянно твердит это. Он сделает из меня сценариста или убьет меня.

— Помнишь, что случилось с Эдом Кассиди? — мрачно напомнила Эрика. — Сен-Сир не сделал из него сценариста.

— Верно. Бедный Эд! — вздрогнув, сказал Мартин.

— Ну, хорошо, я еду. Что-нибудь еще?

— Да! — вскричал Мартин, набрав воздуха в легкие. — Да! Я безумно люблю тебя.

Но слова эти остались у него в гортани. Несколько раз беззвучно открыв и закрыв рот, трусливый драматург стиснул зубы и предпринял новую попытку. Жалкий писк заколебал телефонную мембрану. Мартин уныло поник. Нет, никогда у него не хватит духу сделать предложение — даже маленькому, безобидному телефонному аппарату.

— Ты что-то сказал? — спросила Эрика. — Ну, пока.

— Погоди! — крикнул Мартин, случайно взглянув на робота. Немота овладевала им только в определенных случаях, и теперь он поспешно продолжал: — Я забыл тебе сказать. Уотт и паршивец Сен-Сир только что наняли поддельного робота для «Анджелины Ноэл»!

Но трубка молчала.

— Я не поддельный, — сказал робот обиженно.

Мартин съежился в кресле и устремил на своего гостя тусклый, безнадежный взгляд.

— Кинг-Конг тоже был не поддельный, — заметил он. — И не морочьте мне голову историями, которые продиктовал вам Сен-Сир. Я знаю, он старается меня деморализовать. И, возможно, добьется своего. Только посмотрите, что он уже сделал из моей пьесы! Ну, к чему там Фред Уоринг? На своем месте и Фред Уоринг хорош, я не спорю. Даже очень хорош. Но не в «Анджелине Ноэл». Не в роли португальского шкипера рыбачьего судна! Вместо команды — его оркестр, а Дан

1 LB. NET WT.

VELVEETA

KRAFT

Доили поет «Неаполь» Диди Флеминг, одетой в русалочий хвост...

Ошеломив себя этим перечнем, Мартин положил локти на стол, спрятал лицо в ладонях и, к своему ужасу, заметил, что начинает хихикать. Зазвонил телефон. Мартин, не меняя позы, нащупал трубку.

— Кто говорит? — спросил он дрожащим голосом. — Кто? Сен-Сир...

По проводу пронесся хриплый рык. Мартин выпрямился как ужаленный и стиснул трубку обеими руками.

— Послушайте! — крикнул он. — Дайте мне хоть раз договорить. Робот в «Анджелине Ноэл» — это уж просто...

— Я не слышу, что вы бормочете, — ревел густой бас. — Дрянь мыслишка. Что бы вы там ни предлагали. Немедленно в первый зал для просмотра вчерашних кусков. Сейчас же!

— Погодите...

Сен-Сир рыкнул, и телефон умолк. На миг руки Мартина сжали трубку, как горло врага. Что толку! Его собственное горло сжимала удавка, и Сен-Сир вот уже четвертый месяц затягивал ее все туже. Четвертый месяц... а не четвертый год? Вспоминая прошлое, Мартин едва мог поверить, что еще совсем недавно он был свободным человеком, известным драматургом, автором пьесы «Анджелина Ноэл», гвоздя сезона. А потом явился Сен-Сир...

Режиссер в глубине души был снобом и любил накладывать лапу на гвозди сезона и на известных писателей. Кинокомпания «Вершина», рычал он на Мартина, ни на йоту не отклонится от пьесы и оставит за Мартином право окончательного одобрения сценария — при условии, что он подпишет контракт на три месяца в качестве соавтора сценария. Условия были настолько хороши, что казались сказкой, и справедливо.

Мартина погубил отчасти мелкий шрифт, а отчасти грипп, из-за которого Эрика Эшби как раз в это время попала в

больницу. Под слоями юридического пустословия прятался пункт, обрекавший Мартина на пятилетнюю рабскую зависимость от кинокомпании «Вершина», буде таковая компания сочтет нужным продлить его контракт. И на следующей неделе, если справедливость не восторжествует, контракт будет продлен — это Мартин знал твердо.

— Я бы выпил чего-нибудь, — устало сказал Мартин и посмотрел на робота. — Будьте добры, подайте мне вон ту бутылку виски.

— Но я тут для того, чтобы провести эксперимент по оптимальной экологии, — возразил робот.

Мартин закрыл глаза и сказал умоляюще:

— Налейте мне виски, пожалуйста. А потом дайте рюмку прямо мне в руку, ладно? Это ведь нетрудно. В конце концов, мы с вами все-таки люди.

— Да нет, — ответил робот, всовывая полный бокал в шарящие пальцы драматурга. Мартин отпил. Потом открыл глаза и удивленно уставился на большой бокал для коктейлей — робот до краев налил его чистым виски. Мартин недоуменно взглянул на своего металлического собеседника.

— Вы, наверно, пьете, как губка, — сказал он задумчиво. — Надо полагать, это укрепляет невосприимчивость к алкоголю. Валяйте, угощайтесь. Допивайте бутылку.

Робот прижал пальцы ко лбу над глазами и провел две вертикальные черты, словно вопросительно поднял брови.

— Валяйте, — настаивал Мартин. — Или вам совесть не позволяет пить мое виски?

— Как же я могу пить? — спросил робот. — Ведь я робот. — В его голосе появилась тоскливая нотка. — А что при этом происходит? — поинтересовался он. — Это смазка или заправка горючим?

Мартин поглядел на свой бокал.

— Заправка горючим, — сказал он сухо. — Высокооктановым. Вы так вошли в роль? Ну, бросьте...

— А, принцип раздражения! — перебил робот. — Понимаю. Идея та же, что при ферментации мамонтового молока.

Мартин поперхнулся.

— А вы когда-нибудь пили ферментированное мамонтовое молоко? — осведомился он.

— Как же я могу пить? — повторил робот. — Но я видел, как его пили другие. — Он провел вертикальную черту между своими невидимыми бровями, что придало ему грустный вид. — Разумеется, мой мир совершенно функционален и функционально совершенен, и тем не менее темпорирование — весьма увлекательное... — Он оборвал фразу. — Но я зря трачу пространство-время. Так вот, мистер Мартин, не согласитесь ли вы...

— Ну, выпейте же, — сказал Мартин. — У меня припадок радушия. Давайте дернем по рюмочке. Ведь я вижу так мало радостей. А сейчас меня будут терроризировать. Если вам нельзя снять маску, я пошлю за соломинкой. Вы ведь можете на один глоток выйти из роли? Верно?

— Я был бы рад попробовать, — задумчиво сказал робот. — С тех пор как я увидел действие ферментированного мамонтового молока, мне захотелось и самому попробовать. Людям это, конечно, просто, но и технически это тоже нетрудно, я теперь понял. Раздражение увеличивает частоту каппа-волн мозга, как при резком скачке напряжения, но поскольку электрического напряжения не существовало в дороботовую эпоху...

— А оно существовало, — заметил Мартин, делая новый глоток. — То есть я хочу сказать — существует. А это что, по-вашему, — мамонт? — Он указал на настольную лампу.

Робот разинул рот.

— Это? — переспросил он в полном изумлении. — Но в таком случае... в таком случае все телефоны, динамо и лампы,

которые я заметил в этой эре, приводятся в действие электричеством!

— А что же еще, по-вашему, могло бы приводить их в действие? — холодно спросил Мартин.

— Рабы, — ответил робот, внимательно осматривая лампу. Он включил свет, замигал и затем вывернул лампочку. — Напряжение, вы сказали?

— Не валяйте дурака, — посоветовал Мартин. — Вы переигрываете. Мне пора идти. Так будете вы пить или нет?

— Ну что ж, — сказал робот, — не хочу расстраивать компании. Это должно сработать.

И он сунул палец в пустой патрон. Раздался короткий треск, брызнули искры. Робот вытащил палец.

— $F(t)$... — сказал он и слегка покачнулся. Затем его пальцы взметнулись к лицу и начертали улыбку, которая выражала приятное удивление.

— $Fff(t)$! — сказал он и продолжал сипло: — $F(t)$ интеграл от плюс бесконечность до минус бесконечность... A, деленное на n в степени e.

Мартин в ужасе вытаращил глаза. Он не знал, нужен ли здесь терапевт или психиатр, но не сомневался, что вызвать врача необходимо, и чем скорее, тем лучше. А может быть, и полицию. Статист в костюме робота был явно сумасшедшим. Мартин застыл в нерешительности, ожидая, что его безумный гость вот-вот упадет мертвым или вцепится ему в горло.

Робот с легким позвякиванием причмокнул губами.

— Какая прелесть! — сказал он. — И даже переменный ток!

— В-в-вы не умерли? — дрожащим голосом осведомился Мартин.

— Я даже не жил, — пробормотал робот. — В том смысле, как вы это понимаете. И спасибо за рюмочку.

Мартин глядел на робота, пораженный дикой догадкой.

— Так, значит, — задохнулся он, — значит... вы — робот?!!

— Конечно, я робот, — ответил его гость. — Какое медленное мышление у вас, дороботов. Мое мышление сейчас работает со скоростью света. — Он оглядел настольную лампу с алкоголическим вожделением. — $F(t)$... То есть, если бы вы сейчас подсчитали каппа-волны моего радиоатомного мозга, вы поразились бы, как увеличилась частота. — Он помолчал. — $F(t)$, — добавил он задумчиво.

Двигаясь медленно, как человек под водой, Мартин поднял бокал и глотнул виски. Затем опасливо взглянул на робота.

— $F(t)$... — сказал он, умолк, вздрогнул и сделал большой глоток. — Я пьян, — продолжал он с судорожным облегчением. — Вот в чем дело. Ведь я чуть было не поверил...

— Ну, сначала никто не верит, что я робот, — объявил робот. — Заметьте, я ведь появился на территории киностудии, где никому не кажусь подозрительным. Ивану Васильевичу я являюсь в лаборатории алхимика, и он сделает вывод, что я механический человек. Что, впрочем, и верно. Далее в моем списке значится уйгур, ему я являюсь в юрте шамана, и он решит, что я дьявол. Вопрос экологической логики — и только.

— Так, значит, вы — дьявол? — спросил Мартин, цепляясь за единственное правдоподобное объяснение.

— Да нет же, нет! Я робот! Как вы не понимаете?

— А теперь я даже не знаю, кто я такой, — сказал Мартин. — Может, я вовсе фавн, а вы — дитя человеческое! По-моему, от этого виски мне стало только хуже, и...

— Вас зовут Никлас Мартин, — терпеливо объяснил робот. — А меня ЭНИАК.

— Эньяк?

— ЭНИАК, — поправил робот, подчеркивая голосом, что все буквы заглавные. — ЭНИАК Гамма Девяносто Третий.

С этими словами он снял с металлического плеча сумку и принялся вытаскивать из нее бесконечную красную ленту, по виду шелковую, но отливавшую странным металлическим

блеском. Когда примерно четверть мили ленты легло на пол, из сумки появился прозрачный хоккейный шлем. По бокам шлема блестели два красно-зеленых камня.

— Как вы видите, они ложатся прямо на темпоральные доли, — сообщил робот, указывая на камни. — Вы наденете его на голову вот так...

— Нет, не надену, — сказал Мартин, проворно отдергивая голову, — и вы мне его не наденете, друг мой. Мне не нравится эта штука. И особенно эти две красные стекляшки. Они похожи на глаза.

— Это искусственный эклогит, — успокоил его робот. — Просто у них высокая диэлектрическая постоянная. Нужно только изменить нормальные пороги нейронных контуров памяти — и все. Мышление базируется на памяти, как вам известно. Сила ваших ассоциаций — то есть эмоциональные индексы ваших воспоминаний — определяет ваши поступки и решения. А экологизер просто воздействует на электрическое напряжение вашего мозга так, что пороги изменяются.

— Только и всего? — подозрительно спросил Мартин.

— Ну-у... — уклончиво сказал робот. — Я не хотел об этом упоминать, но раз вы спрашиваете... Экологизер, кроме того, накладывает на ваш мозг типологическую матрицу. Но, поскольку эта матрица взята с прототипа вашего характера, она просто позволяет вам наиболее полно использовать свои потенциальные способности, как наследственные, так и приобретенные. Она заставит вас реагировать на вашу среду именно таким образом, какой обеспечит вам максимум шансов выжить.

— Мне он не обеспечит, — сказал Мартин твердо, — потому что на мою голову вы эту штуку не наденете.

Робот начертил растерянно поднятые брови.

— А, — начал он после паузы, — я же вам ничего не объяснил! Все очень просто. Разве вы не хотите принять участие

в весьма ценном социально-культурном эксперименте, поставленном ради блага всего человечества?

— Нет! — объявил Мартин.

— Но ведь вы даже не знаете, о чем речь, — жалобно сказал робот. — После моих подробных объяснений мне еще никто не отказывал. Кстати, вы хорошо меня понимаете?

Мартин засмеялся замогильным смехом.

— Как бы не так! — буркнул он.

— Прекрасно, — с облегчением сказал робот. — Меня всегда может подвести память. Перед тем как я начинаю темпорирование, мне приходится программировать столько языков! Санскрит очень прост, но русский язык эпохи средневековья весьма сложен, а уйгурский... Этот эксперимент должен способствовать установлению наиболее выгодной взаимосвязи между человеком и его средой. Наша цель — мгновенная адаптация, и мы надеемся достичь ее, сведя до минимума поправочный коэффициент между индивидом и средой. Другими словами — нужная реакция в нужный момент. Понятно?

— Нет, конечно! — сказал Мартин. — Это какой-то бред.

— Существует, — продолжал робот устало, — очень ограниченное число матриц-характеров, зависящих, во-первых, от расположения генов внутри хромосом, а во-вторых, от воздействия среды; поскольку элементы среды имеют тенденцию повторяться, то мы можем легко проследить основную организующую линию по временной шкале Кальдекуза. Вам не трудно следовать за ходом моей мысли?

— По временной шкале Кальдекуза — нет, не трудно, — сказал Мартин.

— Я всегда объясняю чрезвычайно понятно, — с некоторым самодовольством заметил робот и взмахнул кольцом красной ленты.

— Уберите от меня эту штуку! — раздраженно вскрикнул

Мартин. — Я, конечно, пьян, но не настолько, чтобы совать голову неизвестно куда!

— Сунете, — сказал робот твердо. — Мне еще никто не отказывал. И не спорьте со мной, а то вы меня собьете и мне придется принять еще одну рюмочку напряжения. И тогда я совсем собьюсь. Когда я темпорирую, мне и так хватает хлопот с памятью. Путешествие во времени всегда создает синаптический порог задержки, но беда в том, что он очень варьируется. Вот почему я сперва спутал вас с Иваном. Но к нему я должен отправиться только после свидания с вами — я веду опыт хронологически, а тысяча девятьсот пятьдесят второй год идет, разумеется, перед тысяча пятьсот семидесятым.

— А вот и не идет, — сказал Мартин, поднося бокал к губам. — Даже в Голливуде тысяча девятьсот пятьдесят второй год не наступает перед тысяча пятьсот семидесятым.

— Я пользуюсь временной шкалой Кальдекуза, — объяснил робот. — Но только для удобства. Ну как, нужен вам идеальный экологический коэффициент или нет? Потому что... — Тут он снова взмахнул красной лентой, заглянул в шлем, пристально посмотрел на Мартина и покачал головой. — Простите, боюсь, что из этого ничего не выйдет. У вас слишком маленькая голова. Вероятно, мозг невелик. Этот шлем рассчитан на размер восемь с половиной, но ваша голова слишком...

— Восемь с половиной — мой размер, — с достоинством возразил Мартин.

— Не может быть, — лукаво заспорил робот. — В этом случае шлем был бы вам впору, а он вам велик.

— Он мне впору, — сказал Мартин.

— До чего же трудно разговаривать с дороботами, — заметил ЭНИАК словно про себя. — Неразвитость, грубость, нелогичность. Стоит ли удивляться, что у них такие маленькие головы? Послушайте, мистер Мартин, — он словно

обращался к глупому и упрямому ребенку, — попробуйте понять: размер этого шлема восемь с половиной; ваша голова, к несчастью, настолько мала, что шлем вам не впору...

— Черт побери! — в бешенстве крикнул Мартин, от досады и виски забывая про осторожность. — Он мне впору! Вот, смотрите! — Он схватил шлем и нахлобучил его на голову. — Сидит как влитой.

— Я ошибся, — признал робот, и его глаза так блеснули, что Мартин вдруг спохватился, поспешно сдернул шлем с головы и бросил его на стол. ЭНИАК неторопливо взял шлем, положил в сумку и принялся быстро свертывать ленту. Под недоумевающим взглядом Мартина он кончил укладывать ленту, застегнул сумку, вскинул ее на плечо и повернулся к двери.

— Всего хорошего, — сказал робот, — и позвольте вас поблагодарить.

— За что? — свирепо спросил Мартин.

— За ваше любезное сотрудничество, — сказал робот.

— Я не собираюсь с вами сотрудничать! — отрезал Мартин. — И не пытайтесь меня убедить. Можете оставить свой патентованный курс лечения при себе, а меня...

— Но ведь вы уже прошли курс экологической обработки, — невозмутимо ответил ЭНИАК. — Я вернусь вечером, чтобы возобновить заряд. Его хватает только на двенадцать часов.

— Что?!

ЭНИАК провел указательными пальцами от уголков рта, вычерчивая вежливую улыбку. Затем он вышел и закрыл за собой дверь.

Мартин хрипло пискнул, словно зарезанная свинья с кляпом во рту.

У НЕГО В ГОЛОВЕ ЧТО-ТО ПРОИСХОДИЛО.

Никлас Мартин чувствовал себя как человек, которого внезапно сунули под ледяной душ. Нет, не под ледяной — под

горячий. И к тому же ароматичный. Ветер, бивший в открытое окно, нес с собой душную вонь — бензина, полыни, масляной краски и (из буфета в соседнем корпусе) бутербродов с ветчиной.

«Пьян, — думал Мартин с отчаянием, — я пьян или сошел с ума!»

Он вскочил и заметался по комнате, но тут же увидел щель в паркете и пошел по ней. «Если я смогу пройти по прямой, — рассуждал он, — значит, я не пьян... Я просто сошел с ума». Мысль эта была не слишком утешительна.

Он прекрасно прошел по щели. Он мог даже идти гораздо прямее щели, которая, как он теперь убедился, была чуть-чуть извилистой. Никогда еще он не двигался с такой уверенностью и легкостью. В результате своего опыта он оказался в другом углу комнаты перед зеркалом, и, когда он выпрямился, чтобы посмотреть на себя, хаос и смятение куда-то улетучились. Бешеная острота ощущений сгладилась и притупилась.

Все было спокойно. Все было нормально.

Мартин посмотрел в глаза своему отражению.

Нет, все не было нормально.

Он был трезв как стеклышко. Точно он пил не виски, а родниковую воду. Мартин наклонился к самому стеклу, пытаясь сквозь глаза заглянуть в глубины собственного мозга. Ибо там происходило нечто поразительное. По всей поверхности его мозга начали двигаться крошечные заслонки — одни закрывались почти совсем, оставляя лишь крохотную щель, в которую выглядывали глаза-бусинки нейронов, другие с легким треском открывались, и быстрые паучки — другие нейроны — бросались наутек, ища, где бы спрятаться.

Изменение порогов, положительной и отрицательной реакции конусов памяти, их ключевых эмоциональных индексов и ассоциаций...

Ага! Робот!

Голова Мартина повернулась к закрытой двери. Но он остался стоять на месте. Выражение слепого ужаса на его лице начало медленно и незаметно для него меняться. Робот... может и подождать.

Машинально Мартин поднял руку, словно поправляя невидимый монокль. Позади зазвонил телефон. Мартин оглянулся. Его губы искривились в презрительную улыбку. Изящным движением смахнув пылинку с лацкана пиджака, Мартин взял трубку, но ничего не сказал. Наступило долгое молчание. Затем хриплый голос взревел:

— Алло, алло, алло! Вы слушаете? Я с вами говорю, Мартин!

Мартин невозмутимо молчал.

— Вы заставляете меня ждать! — рычал голос. — Меня, Сен-Сира! Немедленно быть в зале! Просмотр начинается... Мартин, вы меня слышите?

Мартин осторожно положил трубку на стол. Он повернулся к зеркалу, окинул себя критическим взглядом и нахмурился.

— Бледно, — пробормотал он. — Без сомнения, бледно. Не понимаю, зачем я купил этот галстук?

Его внимание отвлекла бормочущая трубка. Он поглядел на нее, а потом громко хлопнул в ладоши у самого микрофона. Из трубки донесся агонизирующий вопль.

— Прекрасно, — пробормотал Мартин, отворачиваясь. — Этот робот оказал мне большую услугу. Мне следовало бы понять это раньше. В конце концов, такая супермашина, как ЭНИАК, должна быть гораздо умнее человека, который всего лишь простая машина. Да, — прибавил он, выходя в холл и сталкиваясь с Тони Ла-Мотта, которая снималась в одном из фильмов «Вершины». — МУЖЧИНА — ЭТО МАШИНА, А ЖЕНЩИНА... — Тут он бросил на мисс Ла-Мотта такой многозначительный и высокомерный взгляд, что она даже вздрогнула, — А ЖЕНЩИНА — ИГРУШКА, — докончил

Мартин и направился к первому просмотровому залу, где его ждали Сен-Сир и судьба.

Киностудия «Вершина» на каждый эпизод тратила в десять раз больше пленки, чем он занимал в фильме, побив таким образом рекорд «Метро-Голдвин-Мейер». Перед началом каждого съемочного дня эти груды целлулоидных лент просматривались в личном просмотровом зале Сен-Сира — небольшой роскошной комнате с откидными креслами и всевозможными другими удобствами. На первый взгляд там вовсе не было экрана. Если второй взгляд вы бросали на потолок, то обнаруживали экран именно там.

Когда Мартин вошел, ему стало ясно, что с экологией что-то не так. Исходя из теории, будто в дверях появился прежний Никлас Мартин, просмотровый зал, купавшийся в дорогостоящей атмосфере изысканной самоуверенности, оказал ему ледяной прием. Ворс персидского ковра брезгливо съеживался под его святотатственными подошвами. Кресло, на которое он наткнулся в густом мраке, казалось, презрительно пожало спинкой. А три человека, сидевшие в зале, бросили на него взгляд, каким был бы испепелен орангутанг, если бы он по нелепой случайности удостоился приглашения в Бэкингемский дворец.

Диди Флеминг (ее настоящую фамилию запомнить было невозможно, не говоря уж о том, что в ней не было ни единой гласной) безмятежно возлежала в своем кресле, уютно задрав ножки, сложив прелестные руки и устремив взгляд больших томных глаз на потолок, где Диди Флеминг в серебряных чешуйках цветной кинорусалки флегматично плавала в волнах жемчужного тумана. Мартин в полутьме искал на ощупь свободное кресло. В его мозгу происходили странные вещи: крохотные заслонки продолжали открываться и закрываться, и он уже не чувствовал себя Никласом Мартином. Кем же он чувствовал себя в таком случае?

Он на мгновение вспомнил нейроны, чьи глаза-бусинки, чудилось ему, выглядывали из его собственных глаз и заглядывали в них. Но было ли это на самом деле? Каким бы ярким ни казалось воспоминание, возможно, это была только иллюзия. Напрашивающийся ответ был изумительно прост и ужасно логичен. ЭНИАК Гамма Девяносто Третий объяснил ему — правда, несколько смутно, — в чем заключался его экологический эксперимент. Мартин просто получил оптимальную рефлекторную схему своего удачливого прототипа, человека, который наиболее полно подчинил себе свою среду. И ЭНИАК назвал ему имя этого человека, правда среди путаных ссылок на другие прототипы, вроде Ивана (какого?) и безыменного уйгура.

Прототипом Мартина был Дизраэли, граф Биконсфилд. Мартин живо вспомнил Джорджа Арлисса в этой роли. Умный, наглый, эксцентричный и в манере одеваться, и в манере держаться, пылкий, вкрадчивый, волевой, с плодовитым воображением...

— Нет, нет, нет, — сказала Диди с невозмутимым раздражением. — Осторожнее, Ник. Сядьте, пожалуйста, в другое кресло. На это я положила ноги.

— Т-т-т-т, — сказал Рауль Сен-Сир, выпячивая толстые губы и огромным пальцем указывая на скромный стул у стены. — Садитесь позади меня, Мартин. Да садитесь же, чтобы не мешать нам. И смотрите внимательно. Смотрите, как я творю великое из вашей дурацкой пьески. Особенно, заметьте, как замечательно я завершаю соло пятью нарастающими падениями в воду. Ритм — это все, — закончил он. — А теперь — ни звука.

Для человека, родившегося в крохотной балканской стране Миксо-Лидии, Рауль Сен-Сир сделал в Голливуде поистине блистательную карьеру. В тысяча девятьсот тридцать девятом году Сен-Сир, напуганный приближением войны,

эмигрировал в Америку, забрав с собой катушки снятого им миксо-лидийского фильма, название которого можно перевести примерно так: «Поры на крестьянском носу».

Благодаря этому фильму он заслужил репутацию великого кинорежиссера, хотя на самом деле неподражаемые световые эффекты в «Порах» объяснялись бедностью, а актеры показали игру, неведомую в анналах киноистории, лишь потому, что были вдребезги пьяны. Однако критики сравнивали «Поры» с балетом и рьяно восхваляли красоту героини, ныне известной миру как Диди Флеминг.

Диди была столь невообразимо хороша, что по закону компенсации не могла не оказаться невообразимо глупой. И человек, рассуждавший так, не обманывался. Нейроны Диди не знали ничего. Ей доводилось слышать об эмоциях, и свирепый Сен-Сир умел заставить ее изобразить кое-какие из них, однако все другие режиссеры теряли рассудок, пытаясь преодолеть семантическую стену, за которой покоился разум Диди — тихое зеркальное озеро дюйма в три глубиной. Сен-Сир просто рычал на нее. Этот бесхитростный первобытный подход был, по-видимому, единственным, который понимала прославленная звезда «Вершины».

Сен-Сир, властелин прекрасной безмозглой Диди, быстро очутился в высших сферах Голливуда. Он, без сомнения, был талантлив и одну картину мог бы сделать превосходно. Но этот шедевр он отснял двадцать с лишним раз — постоянно с Диди в главной роли и постоянно совершенствуя свой феодальный метод режиссуры. А когда кто-нибудь пытался возражать, Сен-Сиру достаточно было пригрозить, что он перейдет в «Метро-Голдвин-Мейер» и заберет с собой покорную Диди (он не разрешал ей подписывать длительных контрактов, и для каждой картины с ней заключался новый). Даже Толливер Уотт склонял голову, когда Сен-Сир угрожал лишить «Вершину» Диди.

— Садитесь, Мартин, — сказал Толливер Уотт.

Это был высокий худой человек с длинным лицом, похожий на лошадь, которая голодает, потому что из гордости не желает есть сено. С неколебимым сознанием своего всемогущества он на миллиметр наклонил припудренную сединой голову, а на его лице промелькнуло недовольное выражение.

— Будьте добры, коктейль, — сказал он.

Неизвестно откуда возник официант в белой куртке и бесшумно скользнул к нему с подносом. Как раз в эту секунду последняя заслонка в мозгу Мартина встала на свое место и, подчиняясь импульсу, он протянул руку и взял с подноса запотевший бокал. Официант, не заметив этого, скользнул дальше склонившись, подал Уотту сверкающий поднос, на котором ничего не было. Уотт и официант оба уставились на поднос.

Затем их взгляды встретились.

— Слабоват, — сказал Мартин, ставя бокал на поднос. — Принесите мне, пожалуйста, другой. Я переориентируюсь для новой фазы с оптимальным уровнем, — сообщил он ошеломленному Уотту и, откинув кресло рядом с великим человеком, небрежно отпустился в него.

Как странно, что прежде на просмотрах он всегда бывал угнетен! Сейчас он чувствовал себя прекрасно. Непринужденно. Уверенно.

— Виски с содовой мистеру Мартину, — невозмутимо сказал Уотт. — И еще один коктейль мне.

— Ну, ну, ну! Мы начинаем! — нетерпеливо крикнул Сен-Сир.

Он что-то сказал в ручной микрофон, и тут же экран на потолке замерцал, зашелестел, и на нем замелькали отрывочные эпизоды — хор русалок, танцуя на хвостах, двигался по улицам рыбачьей деревушки во Флориде.

Чтобы постигнуть всю гнусность судьбы, уготованной Никласу Мартину, необходимо посмотреть хоть один фильм

Сен-Сира. Мартину казалось, что мерзостнее этого на пленку не снималось ничего и никогда. Он заметил, что Сен-Сир и Уотт недоумевающе поглядывают на него. В темноте он поднял указательные пальцы и начертил роботообразную усмешку. Затем, испытывая упоительную уверенность в себе, закурил сигарету и расхохотался.

— Вы смеетесь? — немедленно вспыхнул Сен-Сир. — Вы не цените великого искусства? Что вы о нем знаете, а? Вы что — гений?

— Это, — сказал Мартин снисходительно, — мерзейший фильм, когда-либо заснятый на пленку.

В наступившей мертвой тишине Мартин изящным движением стряхнул пепел и добавил:

— С моей помощью вы еще можете не стать посмешищем всего континента. Этот фильм до последнего метра должен быть выброшен в корзину. Завтра рано поутру мы начнем все сначала и...

Уотт сказал негромко:

— Мы вполне способны сами сделать фильм из «Анджелины Ноэл», Мартин.

— Это художественно! — взревел Сен-Сир. — И принесет большие деньги!

— Деньги? Чушь! — коварно заметил Мартин и щедрым жестом стряхнул новую колбаску пепла. — Кого интересуют деньги? О них пусть думает «Вершина».

Уотт наклонился и, щурясь в полумраке, внимательно посмотрел на Мартина.

— Рауль, — сказал он, оглянувшись на Сен-Сира, — насколько мне известно, вы приводите своих... э... новых сценаристов в форму. На мой взгляд, это не...

— Да, да, да, да! — возбужденно крякнул Сен-Сир. — Я их привожу в форму! Горячечный припадок, а? Мартин, вы хорошо себя чувствуете? Голова у вас в порядке?

Мартин усмехнулся спокойно и уверенно.

— Не тревожьтесь, — объявил он. — Деньги, которые вы на меня расходуете, я возвращаю вам с процентами в виде престижа. Я все прекрасно понимаю. Наши конфиденциальные беседы, вероятно, известны Уотту.

— Какие еще конфиденциальные беседы? — прогрохотал Сен-Сир и густо побагровел.

— Ведь мы ничего не скрываем от Уотта, не так ли? — не моргнув глазом, продолжал Мартин. — Вы наняли меня ради престижа, и престиж вам обеспечен, если только вы не станете зря разевать пасть. Благодаря мне имя Сен-Сира покроется славой. Конечно, это может сказаться на сборах, но подобная мелочь...

— Пджрзксгл! — возопил Сен-Сир на своем родном языке и, восстав из кресла, взмахнул микрофоном, зажатым в огромной волосатой лапе.

Мартин ловко изогнулся и вырвал у него микрофон.

— Остановите показ! — распорядился он властно.

Все это было очень странно. Каким-то дальним уголком сознания он понимал, что при нормальных обстоятельствах никогда не посмел бы вести себя так, но в то же время был твердо убежден, что впервые его поведение стало по-настоящему нормальным. Он ощущал блаженный жар уверенности, что любой его поступок окажется правильным, во всяком случае пока не истекут двенадцать часов действия матрицы. Экран нерешительно замигал и погас.

— Зажгите свет! — приказал Мартин невидимому духу, скрытому за микрофоном.

Комнату внезапно залил мягкий свет, и по выражению на лицах Уотта и Сен-Сира Мартин понял, что оба они испытывают смутную и нарастающую тревогу. Ведь он дал им немалую пищу для размышлений — и не только это. Он попробовал вообразить, какие мысли сейчас теснятся в их

мозгу, пробираясь через лабиринт подозрений, которые он так искусно посеял.

Мысли Сен-Сира отгадывались без труда. Миксо-лидиец облизнул губы — что было нелегкой задачей, — и его налитые кровью глаза обеспокоено впились в Мартина. С чего это сценарист заговорил так уверенно? Что это значит? Какой тайный грех Сен-Сира он узнал, какую обнаружил ошибку в контракте, что осмеливается вести себя так нагло?

Толливер Уотт представлял проблему иного рода. Тайных грехов за ним, по-видимому, не водилось, но и он как будто встревожился. Мартин сверлил взглядом гордое лошадиное лицо, выискивая скрытую слабость. Да, справиться с Уоттом будет потруднее, но он сумеет сделать и это.

— Последний подводный эпизод, — сказал он, возвращаясь к прежней теме, — это невообразимая чепуха. Его надо вырезать. Сцену будем снимать из-под воды.

— Молчать! — взревел Сен-Сир.

— Но это единственный выход, — настаивал Мартин. — Иначе она окажется не в тон тому, что я написал теперь. Собственно говоря, я считаю, что весь фильм надо снимать из-под воды. Мы могли бы использовать приемы документального кино...

— Рауль, — внезапно сказал Уотт. — К чему он клонит?

— Он клонит, конечно, к тому, чтобы порвать свой контракт, — ответил Сен-Сир, наливаясь оливковым румянцем. — Это скверный период, через который проходят все мои сценаристы, прежде чем я приведу их в форму. В Миксо-Лидии...

— А вы уверены, что сумеете привести его в форму? — спросил Уотт.

— Это для меня теперь уже личный вопрос, — ответил Сен-Сир, сверля Мартина яростным взглядом. — Я потратил на этого человека почти три месяца и не намерен расходовать

мое драгоценное время на другого. Просто он хочет, чтобы с ним расторгли контракт. Штучки, штучки, штучки.

— Это верно? — холодно спросил Уотт у Мартина.

— Уже нет, — ответил Мартин, — я передумал. Мой агент полагает, что мне нечего делать в «Вершине». Собственно говоря, она считает, что это плачевный мезальянс. Но мы впервые расходимся с ней в мнениях. Я начинаю видеть кое-какие возможности даже в той дряни, которой Сен-Сир уже столько лет кормит публику. Разумеется, я не могу творить чудес. Зрители привыкли ожидать от «Вершины» помоев, и их даже приучили любить эти помои. Но мы постепенно перевоспитаем их — и начнем с этой картины. Я полагаю, нам следует символизировать ее экзистенциалистскую безнадежность, завершив фильм четырьмястами метрами морского пейзажа — ничего, кроме огромных волнующихся протяжений океана, — докончил он со вкусом.

Огромное волнующееся протяжение Рауля Сен-Сира поднялось с кресла и надвинулось на Мартина.

— Вон! Вон! — закричал он. — Назад в свой кабинет, ничтожество! Это приказываю я, Рауль Сен-Сир. Вон — иначе я раздеру тебя на клочки!

Мартин быстро перебил режиссера. Голос его был спокоен, но он знал, что времени терять нельзя.

— Видите, Уотт? — спросил драматург громко, перехватив недоумевающий взгляд Уотта. — Он не дает мне сказать вам ни слова, наверно, боится, как бы я не проговорился. Понятно, почему он гонит меня отсюда, — он чувствует, что пахнет жареным.

Сен-Сир вне себя наклонился и занес кулак.

Но тут вмешался Уотт. Возможно, сценарист и правда пытается избавиться от контракта. Но за этим явно кроется и что-то другое. Слишком уж Мартин небрежен, слишком уверен в себе.

Уотт решил разобраться во всем до конца.

— Тише, тише, Рауль, — сказал он категорическим тоном. — Успокойтесь! Я говорю вам — успокойтесь. Вряд ли нас устроит, если Ник подаст на вас в суд за оскорбление действием. Ваш артистический темперамент иногда заставляет вас забываться. Успокойтесь и послушаем, что скажет Ник.

— Держите с ним ухо востро, Толливер! — предостерегающе воскликнул Сен-Сир. — Они хитры, эти твари, хитры, как крысы. От них всего можно...

Мартин величественным жестом поднес микрофон ко рту. Не обращая ни малейшего внимания на разъяренного режиссера, он сказал властно:

— Соедините меня с баром, пожалуйста. Да... Я хочу заказать коктейль. Совершенно особый. А... э... «Елену Глинскую».

— Здравствуйте, — раздался в дверях голос Эрики Эшби. — Ник, ты здесь? Можно мне войти?

При звуке ее голоса по спине Мартина забегали блаженные мурашки.

С микрофоном в руке он повернулся к ней, но, прежде чем он успел ответить, Сен-Сир взревел:

— Нет, нет, нет! Убирайтесь! Немедленно убирайтесь! Кто бы вы там ни были — вон!

Эрика — деловитая, хорошенькая, неукротимая — решительно вошла в зал и бросила на Мартина взгляд, выражавший долготерпеливую покорность судьбе. Она, несомненно, готовилась сражаться за двоих.

— Я здесь по делу, — холодно заявила она Сен-Сиру. — Вы не имеете права не допускать к автору его агента. Мы с Ником хотим поговорить с мистером Уоттом.

— А, моя прелесть, садитесь! — произнес Мартин громким, четким голосом и встал с кресла. — Добро пожаловать! Я заказываю себе коктейль. Не хотите ли чего-нибудь?

Эрика взглянула на него с внезапным подозрением.

— Я не буду пить, — сказала она. — И ты не будешь. Сколько коктейлей ты уже выпил? Ник, если ты напился в такую минуту...

— И, пожалуйста, поскорее, — холодно приказал Мартин в микрофон. — Он мне нужен немедленно, вы поняли? Да, коктейль «Елена Глинская». Может быть, он вам не известен? В таком случае слушайте внимательно: возьмите самый большой бокал, а впрочем, лучше даже пуншевую чашу... Наполните ее до половины охлажденным пивом. Поняли? Добавьте три мерки мятного ликера...

— Ник, ты с ума сошел! — с отвращением воскликнула Эрика.

— ...и шесть мерок меда, — безмятежно продолжал Мартин. — Размешайте, но не взбивайте. «Елену Глинскую» ни в коем случае взбивать нельзя. Хорошенько охладите...

— Мисс Эшби, мы очень заняты, — внушительно перебил его Сен-Сир, указывая на дверь. — Не сейчас. Извините. Вы мешаете. Немедленно уйдите.

— Впрочем, добавьте еще шесть мерок меду, — задумчиво произнес Мартин в микрофон. — И немедленно пришлите его сюда. Если он будет здесь через шестьдесят секунд, вы получите премию. Договорились? Прекрасно. Я жду.

Он небрежно бросил микрофон Сен-Сиру.

Тем временем Эрика подобралась к Толливеру Уотту.

— Я только что говорила с Глорией Иден — она готова заключить с «Вершиной» контракт на один фильм, если я дам согласие. Но я дам согласие, только если вы расторгнете контракт с Никласом Мартином. Это мое последнее слово.

На лице Уотта отразилось приятное удивление.

— Мы, пожалуй, могли бы поладить, — ответил он тотчас же (Уотт был большим поклонником мисс Иден и давно мечтал поставить с ней «Ярмарку тщеславия»). — Почему вы не привезли ее с собой? Мы могли бы...

— Ерунда! — завопил Сен-Сир. — Не обсуждайте этого, Толливер!

— Она в «Лагуне», — объяснила Эрика. — Замолчите же, Сен-Сир. Я не намерена...

Но тут кто-то почтительно постучал в дверь.

Мартин поспешил открыть ее и, как и ожидал, увидел официанта с подносом.

— Быстрая работа, — сказал он снисходительно, принимая большую запотевшую чашу, окруженную кубиками льда. — Прелесть, не правда ли?

Раздавшиеся позади гулкие вопли Сен-Сира заглушили возможный ответ официанта, который получил от Мартина доллар и удалился, явно борясь с тошнотой.

— Нет, нет, нет, нет! — рычал Сен-Сир. — Толливер, мы можем получить Глорию и сохранить этого сценариста: хотя он никуда не годится, но я уже потратил три месяца, чтобы выдрессировать его в сен-сировском подходе. Предоставьте это мне. В Миксо-Лидии мы...

Хорошенький ротик Эрики открывался и закрывался, но рев режиссера заглушал ее голос. А в Голливуде было всем известно, что Сен-Сир может реветь так часами без передышки.

Мартин вздохнул, поднял полную до краев чашу, изящно ее понюхал и попятился к своему креслу. Когда его каблук коснулся полированной ножки, он грациозно споткнулся и с необыкновенной ловкостью опрокинул «Елену Глинскую» — пиво, мед, мятный ликер и лед — на обширную грудь Сен-Сира.

Рык Сен-Сира сломал микрофон.

Мартин обдумал составные части новоявленного коктейля с большим тщанием. Тошнотворное пойло соединяло максимум элементов сырости, холода, липкости и вонючести.

Промокший Сен-Сир задрожал, как в ознобе, когда ледяной напиток обдал его ноги, и, выхватив платок, попробовал вытереться, но безуспешно. Носовой платок намертво прилип к брюкам, приклеенный к ним двенадцатью мерками меда. От режиссера разило мятой.

— Я предложил бы перейти в бар, — сказал Мартин, брезгливо сморщив нос. — Там, в отдельном кабинете, мы могли бы продолжить наш разговор вдали от этого... этого немножко слишком сильного благоухания мяты.

— В Миксо-Лидии, — задыхался Сен-Сир, надвигаясь на Мартина и хлюпая башмаками, — в Миксо-Лидии мы бросали собакам... мы варили в масле, мы...

— А в следующий раз, — сказал Мартин, — будьте так любезны не толкать меня под локоть, когда я держу в руках «Елену Глинскую». Право же, это весьма неприятно.

Сен-Сир набрал воздуха в грудь, Сен-Сир выпрямился во весь свой гигантский рост... и снова поник. Он выглядел, как полицейский эпохи немого кино после завершения очередной погони, — и знал это. Если бы он сейчас убил Мартина, даже в такой развязке все равно отсутствовал бы элемент классической трагедии. Он оказался бы в невообразимом положении Гамлета, убивающего дядю кремовыми тортами.

— Ничего не делать, пока я не вернусь! — приказал он, бросил на Мартина последний свирепый взгляд и, оставляя за собой мокрые следы, захлюпал к двери. Она с треском закрылась за ним, и на миг наступила тишина, только с потолка лилась тихая музыка, так как Диди уже распорядилась продолжать показ и теперь любовалась собственной прелестной фигурой, которая нежилась в пастельных волнах, пока они с Дэном Дейли пели дуэт о матросах, русалках и Атлантиде — ее далекой родине.

— А теперь, — объявил Мартин, с величавым достоинством поворачиваясь к Уотту, который растерянно смотрел на него, — я хотел бы поговорить с вами.

— Я не могу обсуждать вопросов, связанных с вашим контрактом, до возвращения Рауля, — быстро сказал Уотт.

— Чепуха, — сказал Мартин твердо. — С какой стати Сен-Сир будет диктовать вам ваши решения? Без вас он не сумел бы снять ни одного кассового фильма, как бы ни старался. Нет, Эрика, не вмешивайся. Я сам этим займусь, прелесть моя.

Уотт встал.

— Извините, но я не могу этого обсуждать, — сказал он. — Фильмы Сен-Сира приносят большие деньги, а вы неопыт...

— Потому-то я и вижу положение так ясно, — возразил Мартин. — Ваша беда в том, что вы проводите границу между артистическим гением и финансовым гением. Вы даже не замечаете, насколько необыкновенно то, как вы претворяете пластический материал человеческого сознания, создавая Идеального Зрителя. Вы — экологический гений, Толливер Уотт. Истинный художник контролирует свою среду, а вы с неподражаемым искусством истинного мастера постепенно преображаете огромную массу живого, дышащего человечества в единого Идеального Зрителя...

— Извините, — повторил Уотт, но уже не так резко. — У меня, право, нет времени... Э-э...

— Ваш гений слишком долго оставался непризнанным, — поспешно сказал Мартин, подпуская восхищения в свой золотой голос. — Вы считаете, что Сен-Сир вам равен, и в титрах стоит только его имя, а не ваше, но в глубине души должны же вы сознавать, что честь создания его картин наполовину принадлежит вам! Разве Фидия не интересовал коммерческий успех? А Микеланджело? Коммерческий успех — это просто другое название функционализма, а все великие художники создают функциональное искусство. Второстепенные детали на гениальных полотнах Рубенса дописывали его ученики, не так ли? Однако хвалу за них получал Рубенс, а не его наемники. Какой же из этого можно сделать вывод?

Какой? — И тут Мартин, верно оценив психологию своего слушателя, умолк.

— Какой же? — спросил Уотт.

— Садитесь, — настойчиво сказал Мартин, — и я вам объясню. Фильмы Сен-Сира приносят доход, но именно вам они обязаны своей идеальной формой. Это вы, налагая матрицу своего характера на все и вся в «Вершине»...

Уотт медленно опустился в кресло. В его ушах властно гремели завораживающие взрывы дизраэлевского красноречия. Мартину удалось подцепить его на крючок. С непогрешимой меткостью он с первого же раза разгадал слабость Уотта: киномагнат вынужден был жить в среде профессиональных художников, и его томило смутное ощущение, что способность преумножать капиталы — нечто постыдное. Что ж, Дизраэли приходилось решать задачи потруднее. Он подчинял своей воле парламенты.

Уотт заколебался, пошатнулся — и пал. На это потребовалось всего десять минут. Через десять минут, опьянев от звонких похвал своим экономическим способностям, Уотт понял, что Сен-Сир — пусть и гений в своей области — не имеет права вмешиваться в планы экономического гения.

— С вашей широтой видения вы можете охватить все возможности и безошибочно выбрать правильный путь, — убедительно доказывал Мартин. — Прекрасно. Вам нужна Глория Иден. Вы чувствуете — не так ли? — что от меня толку не добиться. Лишь гении умеют мгновенно менять свои планы... Когда будет готов документ, аннулирующий мой контракт?

— Что? — спросил Уотт, плавая в блаженном головокружении. — А, да... Конечно. Аннулировать ваш контракт...

— Сен-Сир будет упорно цепляться за свои прошлые ошибки, пока «Вершина» не обанкротится, — указал Мартин. — Только гений, подобный Толливеру Уотту, кует железо,

пока оно горячо — когда ему представляется шанс обменять провал какого-то Мартина на успех единственной Иден.

— Гм-м, — сказал Уотт. — Да. Ну, хорошо. — На его длинном лице появилось деловитое выражение. — Хорошо. Ваш контракт будет аннулирован после того, как мисс Иден подпишет свой.

— И снова вы тонко проанализировали самую сущность дела, — рассуждал вслух Мартин. — Мисс Иден еще ничего твердо не решила. Если вы предоставите убеждать ее человеку вроде Сен-Сира, например, то все будет испорчено. Эрика, твоя машина здесь? Как быстро сможешь ты отвезти Толливера Уотта в «Лагуну»? Он — единственный человек, который сумеет найти правильное решение для данной ситуации.

— Какой ситуа... Ах да! Конечно, Ник. Мы отправляемся немедленно.

— Но... — начал Уотт.

Матрица Дизраэли разразилась риторическими периодами, от которых зазвенели стены. Златоуст играл на логике арпеджио и гаммы.

— Понимаю, — пробормотал оглушенный Уотт и покорно пошел к двери. — Да, да, конечно. Зайдите вечером ко мне домой, Мартин. Как только я получу подпись Иден, я распоряжусь, чтобы подготовили документ об аннулировании вашего контракта. Гм-м... Функциональный гений... — И, что-то блаженно лепеча, он вышел из зала.

Когда Эрика хотела последовать за ним, Мартин тронул ее за локоть.

— Одну минуту, — сказал он. — Не позволяй ему вернуться в студию, пока контракт не будет аннулирован. Ведь Сен-Сир легко перекричит меня. Но он попался на крючок. Мы...

— Ник, — сказала Эрика, внимательно вглядываясь в его лицо, — что произошло?

— Расскажу вечером, — поспешно сказал Мартин, так как до них донеслось отдаленное рыканье, которое, возможно, возвещало приближение Сен-Сира. — Когда у меня выдастся свободная минута, я ошеломлю тебя. Знаешь ли ты, что я всю жизнь поклонялся тебе из почтительного далека? Но теперь увози Уотта от греха подальше. Быстрее!

Эрика успела только бросить на него изумленный взгляд, и Мартин вытолкал ее из зала. Ему показалось, что к этому изумлению примешивается некоторая радость.

— Где Толливер? — оглушительный рев Сен-Сира заставил Мартина поморщиться. Режиссер был недоволен, что брюки ему впору отыскались только в костюмерной. Он счел это личным оскорблением. — Куда вы дели Толливера? — вопил он.

— Пожалуйста, говорите громче, — небрежно кинул Мартин. — Вас трудно расслышать.

— Диди! — загремел Сен-Сир, бешено поворачиваясь к прелестной звезде, которая по-прежнему восхищенно созерцала Диди на экране над своей головой. — Где Толливер?

Мартин вздрогнул. Он совсем забыл про Диди.

— Вы не знаете, верно, Диди? — быстро подсказал он.

— Заткнитесь! — распорядился Сен-Сир. — А ты отвечай мне, ах ты... — И он прибавил выразительное многосложное слово на миксо-лидийском языке, которое возымело желанное действие.

Диди наморщила безупречный лобик.

— Толливер, кажется, ушел. У меня все это путается с фильмом. Он пошел домой, чтобы встретиться с Ником Мартином, разве нет?

— Но Мартин здесь! — взревел Сен-Сир. — Думай же, думай.

— А в эпизоде был документ, аннулирующий контракт? — рассеянно спросила Диди.

— Документ, аннулирующий контракт? — прорычал Сен-

Сир. — Это еще что? Никогда я этого не допущу, никогда, никогда, никогда! Диди, отвечай мне: куда пошел Уотт?

— Он куда-то поехал с этой агентшей, — ответила Диди. — Или это тоже было в эпизоде?

— Но куда, куда, куда?

— В Атлантиду, — с легким торжеством объявила Диди.

— Нет! — закричал Сен-Сир. — Это фильм! Из Атлантиды была родом русалка, а не Уотт.

— Толливер не говорил, что он родом из Атлантиды, — невозмутимо прожурчала Диди. — Он сказал, что он едет в Атлантиду. А потом он вечером встретится у себя дома с Ником Мартином и аннулирует его контракт.

— Когда? — в ярости крикнул Сен-Сир. — Подумай, Диди! В котором часу он...

— Диди, — сказал Мартин с вкрадчивой настойчивостью. — Вы ведь ничего не помните, верно?

Но Диди была настолько дефективна, что не поддалась воздействию даже матрицы Дизраэли. Она только безмятежно улыбнулась Мартину.

— Прочь с дороги, писака! — взревел Сен-Сир, надвигаясь на Мартина. — Твой контракт не будет аннулирован! Или ты думаешь, что можешь зря расходовать время Сен-Сира? Это тебе даром не пройдет. Я разделаюсь с тобой, как разделался с Эдом Кассиди.

Мартин выпрямился и улыбнулся Сен-Сиру леденящей надменной улыбкой. Его пальцы играли воображаемым моноклем. Изящные периоды рвались с его языка. Оставалось только загипнотизировать Сен-Сира, как он загипнотизировал Уотта. Он набрал в легкие побольше воздуха, собираясь распахнуть шлюзы своего красноречия.

И Сен-Сир, варвар, на которого лощеная элегантность не производила ни малейшего впечатления, ударил Мартина в челюсть.

Ничего подобного, разумеется, в английском парламенте произойти не могло.

Когда в этот вечер робот вошел в кабинет Мартина, он уверенным шагом направился прямо к письменному столу, вывинтил лампочку, нажал на кнопку выключателя и сунул палец в патрон. Раздался треск, посыпались искры. ЭНИАК выдернул палец из патрона и яростно потряс металлической головой.

— Как мне это было нужно! — сказал он со вздохом. — Я весь день мотался по временной шкале Кальдекуза. Палеолит, неолит, техническая эра... Я даже не знаю, который теперь час. Ну, как протекает ваше приспособление к среде?

Мартин задумчиво потер подбородок.

— Скверно, — вздохнул он. — Скажите, когда Дизраэли был премьер-министром, ему приходилось иметь дело с такой страной — Миксо-Лидией?

— Не имею ни малейшего представления, — ответил робот. — А что?

— А то, что моя среда размахнулась и дала мне в челюсть, — лаконично объяснил Мартин.

— Значит, вы ее спровоцировали, — возразил ЭНИАК. — Кризис, сильный стресс всегда пробуждают в человеке доминантную черту его характера, а Дизраэли в первую очередь был храбр. В минуты кризиса его храбрость переходила в наглость, но он был достаточно умен и организовывал свою среду так, чтобы его наглость встречала отпор на том же семантическом уровне. Миксо-Лидия? Помнится, несколько миллионов лет назад она была населена гигантскими обезьянами с белой шерстью. Ах нет, вспомнил! Это государство с застоявшейся феодальной системой, не так ли?

Мартин кивнул.

— Так же как и эта киностудия, — сказал робот. — Беда в том, что вы встретились с человеком, чье приспособление

к среде совершеннее вашего. В этом все дело. Ваша киностудия только-только выходит из средневековья, и поэтому тут легко создается среда, максимально благоприятная для средневекового типа характера. Именно этот тип характера определял мрачные стороны средневековья. Вам же следует сменить эту среду на неотехнологическую, наиболее благоприятную для матрицы Дизраэли. В вашу эпоху феодализм сохраняется только в немногих окостеневших социальных ячейках, вроде этой студии, а поэтому вам будет лучше уйти куда-нибудь еще. Помериться силами с феодальным типом может только феодальный тип.

— Но я не могу уйти куда-нибудь еще! — пожаловался Мартин. — То есть пока мой контракт не будет расторгнут. Его должны были аннулировать сегодня вечером, но Сен-Сир пронюхал, в чем дело, и ни перед чем не остановится, чтобы сохранить контракт, — если потребуется, он наставит мне еще один синяк. Меня ждет Уотт, но Сен-Сир уже поехал туда...

— Избавьте меня от ненужных подробностей, — сказал робот с досадой. — А если этот Сен-Сир — средневековый тип, то, разумеется, он спасует только перед ему подобной, но более сильной личностью.

— А как поступил бы в этом случае Дизраэли? — спросил Мартин.

— Начнем с того, что Дизраэли никогда не оказался бы в подобном положении, — холодно ответил робот. — Экологизер может обеспечить вам идеальный экологический коэффициент только вашего собственного типа, иначе максимальное приспособление не будет достигнуто. В России времен Ивана Дизраэли оказался бы неудачником.

— Может быть, вы объясните это подробнее? — задумчиво попросил Мартин.

— О, разумеется! — ответил робот и затараторил: — При принятии схемы хромосом прототипа все зависит от порого-

во-временных реакций конусов памяти мозга. Сила активации нейронов обратно пропорциональна количественному фактору памяти. Только реальный опыт мог бы дать вам воспоминания Дизраэли, однако ваши реактивные пороги были изменены так, что восприятие и эмоциональные индексы приблизились к величинам, найденным для Дизраэли.

— А! — сказал Мартин. — Ну, а как бы вы, например, взяли верх над средневековым паровым катком?

— Подключив мой портативный мозг к паровому катку значительно больших размеров, — исчерпывающе ответил ЭНИАК.

Мартин погрузился в задумчивость. Его рука поднялась, поправляя невидимый монокль, а в глазах у него засветилось плодовитое воображение.

— Вы упомянули Россию времен Ивана. Какой же это Иван? Случайно не...

— Иван Четвертый. И он был превосходно приспособлен к своей среде. Однако это к делу не относится. Несомненно, для нашего эксперимента вы бесполезны. Однако мы стараемся определить средние статистические величины, и, если вы наденете экологизер себе на...

— Это Иван Грозный, так ведь? — перебил Мартин. — Послушайте, а не могли бы вы наложить на мой мозг матрицу характера Ивана Грозного?

— Вам это ничего не даст, — ответил робот. — Кроме того, у нашего эксперимента совсем другая цель. А теперь...

— Минуточку! Дизраэли не мог бы справиться со средневековым типом, вроде Сен-Сира, на своем семантическом уровне. Но если бы у меня были реактивные пороги Ивана Грозного, то я наверняка одержал бы верх. Сен-Сир, конечно, тяжелее меня, но он все-таки хоть на поверхности, а цивилизован... Погодите-ка! Он же на этом играет. До сих пор он имел дело лишь с людьми настолько цивилизованными, что

они не могли пользоваться его методами. А если отплатить ему его собственной монетой, он не устоит. И лучше Ивана для этого никого не найти.

— Но вы не понимаете...

— Разве вся Россия не трепетала при одном имени Ивана?

— Да, Ро...

— Ну и прекрасно! — с торжеством перебил Мартин. — Вы наложите на мой мозг матрицу Ивана Грозного, и я разделаюсь с Сен-Сиром так, как это сделал бы Иван. Дизраэли был просто чересчур цивилизован. Хоть рост и вес имеют значение, но характер куда важнее. Внешне я совсем не похож на Дизраэли, однако люди реагировали на меня так, словно я — сам Джордж Арлисс. Цивилизованный силач всегда побьет цивилизованного человека слабее себя. Однако Сен-Сир еще ни разу не сталкивался с по-настоящему нецивилизованным человеком — таким, какой готов голыми руками вырвать сердце врага! — Мартин энергично кивнул. — Сен-Сира можно подавить на время — в этом я убедился. Но, чтобы подавить его навсегда, потребуется кто-нибудь вроде Ивана.

— Если вы думаете, что я собираюсь наложить на вас матрицу Ивана, то вы ошибаетесь, — объявил робот.

— И убедить вас никак нельзя?

— Я, — сказал ЭНИАК, — семантически сбалансированный робот. Конечно, вы меня не убедите.

«Я-то, может быть, и нет, — подумал Мартин, — но вот Дизраэли... Гм-м! Мужчина — это машина...» Дизраэли был просто создан для улещивания роботов. Даже люди были для него машинами. А что такое ЭНИАК?»

— Давайте обсудим это, — начал Мартин, рассеянно пододвигая лампу поближе к роботу.

И разверзлись золотые уста, некогда сотрясавшие империи.

— Вам это не понравится, — отупело сказал робот некоторое время спустя. — Иван не годится для... Ах, вы меня

совсем запутали! Вам нужно приложить глаз к... — Он начал вытаскивать из сумки шлем и четверть мили красной ленты.

— Подвяжем-ка серые клеточки моего досточтимого мозга! — сказал Мартин, опьянев от собственной риторики. — Надевайте его мне на голову. Вот так. И не забудьте — Иван Грозный. Я покажу Сен-Сиру Миксо-Лидию!

— Коэффициент зависит столько же от среды, сколько и от наследственности, — бормотал робот, нахлобучивая шлем на Мартина. — Хотя, естественно, Иван не имел бы царской среды без своей конкретной наследственности, полученной через Елену Глинскую... Ну, вот!

Он снял шлем с головы Мартина.

— Но ничего не происходит, — сказал Мартин. — Я не чувствую никакой разницы.

— На это потребуется несколько минут. Ведь теперь это совсем иная схема характера, чем ваша. Радуйтесь жизни, пока можете. Вы скоро познакомитесь с Иван-эффектом. — Он вскинул сумку на плечо и нерешительно пошел к двери.

— Стойте, — тревожно окликнул его Мартин. — А вы уверены...

— Помолчите. Я что-то забыл. Какую-то формальность, до того вы меня запутали. Ну, ничего, вспомню после — или раньше, в зависимости от того, где буду находиться. Увидимся через двенадцать часов... если увидимся!

Робот ушел. Мартин для проверки потряс головой. Затем встал и направился за роботом к двери. Но ЭНИАК исчез бесследно — только в середине коридора опадал маленький смерч пыли.

В ГОЛОВЕ МАРТИНА ЧТО-ТО ПРОИСХОДИЛО.

Позади зазвонил телефон. Мартин ахнул от ужаса. С неожиданной, невероятной, жуткой, абсолютной уверенностью он понял, кто звонит.

— УБИЙЦЫ!!!

— Да, мистер Мартин, — раздался в трубке голос дворецкого Толливера Уотта. — Мисс Эшби здесь. Сейчас она совещается с мистером Уоттом и мистером Сен-Сиром, но я передам ей ваше поручение. Вы задержались, и она должна заехать за вами... куда?

— В чулан на втором этаже сценарного корпуса, — дрожащим голосом ответил Мартин. — Рядом с другими чуланами нет телефонов с достаточно длинным шнуром, и я не мог бы взять с собой аппарата. Но я вовсе не убежден, что и здесь мне не грозит опасность. Мне что-то не нравится выражение метлы слева от меня.

— Сэр?...

— А вы уверены, что вы действительно дворецкий Толливера Уотта? — нервно спросил Мартин.

— Совершенно уверен, мистер... э... мистер Мартин.

— Да, я мистер Мартин! — вскричал Мартин вызывающим, полным ужаса голосом. — По всем законам божеским и человеческим я — мистер Мартин! И мистером Мартином я останусь, как бы ни пытались мятежные собаки низложить меня с места, которое принадлежит мне по праву.

— Да, сэр. Вы сказали — в чулане, сэр?

— Да, в чулане. И немедленно. Но поклянитесь не говорить об этом никому, кроме мисс Эшби, как бы вам ни угрожали. Я буду вам защитой.

— Да, сэр. Больше ничего?

— Больше ничего. Скажите мисс Эшби, чтобы она поторопилась. А теперь повесьте трубку. Нас могли подслушивать. У меня есть враги.

В трубке щелкнуло. Мартин положил ее на рычаг и опасливо оглядел чулан. Он внушал себе, что его страхи нелепы. Ведь ему нечего бояться, верно? Правда, тесные стены чулана грозно смыкались вокруг него, а потолок спускался все ниже... В панике Мартин выскочил из чулана, перевел дух и расправил плечи.

— Ч-ч-чего бояться? — спросил он себя. — Никто и не боится!

Насвистывая, он пошел через холл к лестнице, но на полпути агорафобия[1] взяла верх, и он уже не мог совладать с собой. Он нырнул к себе в кабинет и тихо потел от страха во мраке, пока не собрался с духом, чтобы зажечь лампу.

Его взгляд привлекла «Британская энциклопедия» в стеклянном шкафу. С бесшумной поспешностью Мартин снял том «Иберия — Лорд» и начал его листать. Что-то явно было очень и очень не так. Правда, робот предупреждал, что Мартину не понравится быть Иваном Грозным. Но может быть, это была вовсе не матрица Ивана? Может быть, робот по ошибке наложил на него чью-то другую матрицу — матрицу отъявленного труса? Мартин судорожно листал шуршащие страницы. Иван... Иван... А, вот оно!

Сын Елены Глинской... Женат на Анастасии Захарьиной-Кошкиной... В частной жизни творил неслыханные гнусности... Удивительная память, колоссальная энергия... Припадки дикой ярости... Большие природные способности, политическое провидение, предвосхитил идеи Петра Великого...

Мартин покачал головой.

Но тут он прочел следующую строку, и у него перехватило дыхание.

Иван жил в атмосфере вечных подозрений и в каждом своем приближенном видел возможного изменника.

— Совсем как я, — пробормотал Мартин. — Но... Но Иван ведь не был трусом... Я не понимаю.

Коэффициент, сказал робот, зависит от среды, так же как и от наследственности. Хотя, естественно, Иван не имел бы царской среды без своей конкретной наследственности.

[1] Боязнь открытого пространства.

Мартин со свистом втянул воздух.

Среда вносит существенную поправку. Возможно, Иван Четвертый был по натуре трусом, но благодаря наследственности и среде эта черта не получила явного развития.

Иван был царем всея Руси.

Дайте трусу ружье, и, хотя он не перестанет быть трусом, эта черта будет проявляться совсем по-другому. Он может повести себя как вспыльчивый и воинственный тиран. Вот почему Иван экологически преуспевал — в своей особой среде. Он не подвергался стрессу, который выдвинул бы на первый план доминантную черту его характера. Подобно Дизраэли, он умел контролировать свою среду и устранять причины, которые вызвали бы стресс.

Мартин позеленел.

Затем он вспомнил про Эрику. Удастся ли ей как-нибудь отвлечь Сен-Сира, пока сам он будет добиваться от Уотта расторжения контракта? Если он сумеет избежать кризиса, то сможет держать свои нервы в узде, но... ведь повсюду убийцы!

Эрика уже едет в студию... Мартин судорожно сглотнул.

Он встретит ее за воротами студии. Чулан был ненадежным убежищем. Его могли поймать там, как крысу...

— Ерунда, — сказал себе Мартин с трепетной твердостью. — Это не я, и все тут. Надо взять себя в-в-в руки — и т-т-только. Давай-давай, взбодрись. Toujuors l'audace[1].

Однако он вышел из кабинета и спустился по лестнице с величайшей осторожностью. Как знать... Если кругом одни враги...

Трясясь от страха, матрица Ивана Грозного прокралась к воротам студии.

[1] Да здравствует отвага (*фр.*).

Такси быстро ехало в Бел-Эйр.

— Но зачем ты залез на дерево? — спросила Эрика.

Мартин затрясся.

— Оборотень, — объяснил он, стуча зубами. — Вампир, ведьма и... Говорю тебе, я их видел. Я стоял у ворот студии, а они как кинутся на меня всей толпой!

— Но они просто возвращались в павильон после обеда, — сказала Эрика. — Ты же знаешь, что «Вершина» по вечерам снимает «Аббат и Костелло знакомы со всеми». Карпов и мухи не обидит.

— Я говорил себе это, — угрюмо пожаловался Мартин. — Но страх и угрызения совести совсем меня измучили. Видишь ли, я — гнусное чудовище, но это не моя вина. Все — среда. Я рос в самой тягостной и жестокой обстановке... А-а! Погляди сама!

Он указал на полицейского на перекрестке.

— Полиция! Предатель даже среди дворцовой гвардии!

— Дамочка, этот тип — псих? — спросил шофер.

— Безумен я или нормален, я — Никлас Мартин! — объявил Мартин, внезапно меняя тон.

Он попытался властно выпрямиться, стукнулся головой о крышу, взвизгнул: «Убийцы! » — и съежился в уголке, тяжело дыша.

Эрика тревожно посмотрела на него.

— Ник, сколько ты выпил? — спросила она. — Что с тобой?

Мартин откинулся на спинку и закрыл глаза.

— Дай я немного приду в себя, Эрика, — умоляюще сказал он. — Все будет в порядке, как только я оправлюсь от стресса. Ведь Иван...

— Но взять аннулированный контракт из рук Уотта ты сумеешь? — спросила Эрика. — На это-то тебя хватит?

— Хватит, — ответил Мартин бодрым, но дрожащим голосом.

Потом он передумал.

— При условии, если буду держать тебя за руку, — добавил он, не желая рисковать.

Это так возмутило Эрику, что на протяжении двух миль в такси царило молчание. Эрика над чем-то размышляла.

— Ты действительно очень переменился с сегодняшнего утра, — заметила она наконец. — Грозишь объясниться мне в любви, подумать только! Как будто я позволю что-нибудь подобное! Вот попробуй!

Наступило молчание. Эрика покосилась на Мартина.

— Я сказала — вот попробуй! — повторила она.

— Ах, так? — спросил Мартин с трепещущей храбростью. Он помолчал. Как ни странно, его язык, прежде отказывавшийся в присутствии Эрики произнести хотя бы слово на определенную тему, вдруг обрел свободу. Мартин не стал тратить времени и рассуждать почему. Не дожидаясь наступления следующего кризиса, он немедленно излил Эрике все свои чувства.

— Но почему ты никогда прежде этого не говорил? — спросила она, заметно смягчившись.

— Сам не понимаю, — ответил Мартин. — Так, значит, ты выйдешь за меня?

— Но почему ты...

— Ты выйдешь за меня?

— Да, — сказала Эрика, и наступило молчание.

Мартин облизнул пересохшие губы, так как заметил, что их головы совсем сблизились. Он уже собирался завершить объяснение традиционным финалом, как вдруг его поразила внезапная мысль. Вздрогнув, он отодвинулся.

Эрика открыла глаза.

— Э... — сказал Мартин. — Гм... Я только что вспомнил. В Чикаго сильная эпидемия гриппа. А эпидемии, как тебе известно, распространяются с быстротой лесного пожара.

И грипп мог уже добраться до Голливуда, особенно при нынешних западных ветрах.

— Черт меня побери, если я допущу, чтобы моя помолвка обошлась без поцелуя! — объявила Эрика с некоторым раздражением. — А ну, поцелуй меня!

— Но я могу заразить тебя бубонной чумой, — нервно ответил Мартин. — Поцелуи передают инфекцию. Это научный факт!

— Ник!

— Ну... не знаю... А когда у тебя в последний раз был насморк?

Эрика отодвинулась от него как могла дальше.

— Ах! — вздохнул Мартин после долгого молчания. — Эрика, ты...

— Не заговаривай со мной, тряпка! — сказала Эрика. — Чудовище! Негодяй!

— Я не виноват! — в отчаянии вскричал Мартин. — Я буду трусом двенадцать часов. Но я тут ни при чем. Завтра после восьми утра я хоть в львиную клетку войду, если ты захочешь. Сегодня же у меня нервы, как у Ивана Грозного! Дай я хотя бы объясню тебе, в чем дело.

Эрика ничего не ответила, и Мартин принялся торопливо рассказывать свою длинную, малоправдоподобную историю.

— Не верю, — отрезала Эрика, когда он кончил, и покачала головой. — Но я пока еще остаюсь твоим агентом и отвечаю за твою писательскую судьбу. Теперь нам надо добиться одного — заставить Толливера Уотта расторгнуть контракт. И только об этом мы и будем сейчас думать. Ты понял?

— Но Сен-Сир...

— Говорить буду я. Тебе не потребуется сказать ни слова. Если Сен-Сир начнет тебя запугивать, я с ним разделаюсь. Но ты должен быть там, не то Сен-Сир придерется к твоему отсутствию, чтобы затянуть дело. Я его знаю.

— Ну вот, я опять в стрессовом состоянии! — в отчаянии крикнул Мартин. — Я не выдержу! Я же не русский царь!

— Дамочка, — сказал шофер, оглядываясь. — На вашем месте я бы дал ему от ворот поворот тут же на месте!

— Кому-нибудь не сносить за это головы! — зловеще пообещал Мартин.

— «По взаимному согласию контракт аннулируется...» Да, да, — сказал Уотт, ставя свою подпись на документе, который лежал перед ним на столе. — Ну вот и все. Но куда делся Мартин? Ведь он вошел с вами, я сам видел.

— Разве? — несколько невпопад спросила Эрика. Она сама ломала голову над тем, каким образом Мартин умудрился так бесследно исчезнуть. Может быть, он с молниеносной быстротой залез под ковер?

Отогнав эту мысль, она протянула руку за бумагой, которую Уотт начал аккуратно свертывать.

— Погодите, — сказал Сен-Сир, выпятив нижнюю губу. — А как насчет пункта, дающего нам исключительное право на следующую пьесу Мартина?

Уотт перестал свертывать документ, и режиссер немедленно этим воспользовался.

— Что бы он там ни накропал, я сумею сделать из этого новый фильм для Диди. А, Диди? — Он погрозил сосискообразным пальцем прелестной звезде, которая послушно кивнула.

— Там будут только мужские роли, — поспешно сказала Эрика. — К тому же мы обсуждаем расторжение контракта, а не права на пьесу.

— Он дал бы мне это право, будь он здесь! — проворчал Сен-Сир, подвергая свою сигару невообразимым пыткам. — Почему, почему все ополчается против истинного художника? — Он взмахнул огромным волосатым кулаком. — Теперь мне придется обламывать нового сценариста. Какая напрасная трата времени! А ведь через две недели

Мартин стал бы сен-сировским сценаристом! Да и теперь еще не поздно...

— Боюсь, что поздно, Рауль, — с сожалением сказал Уотт. — Право же, бить Мартина сегодня в студии вам все-таки не следовало.

— Но... но он ведь не посмеет подать на меня в суд. В Миксо-Лидии...

— А, здравствуйте, Ник! — воскликнула Диди с сияющей улыбкой. — Зачем вы прячетесь за занавеской?

Глаза всех обратились к оконным занавескам, за которыми в этот миг с проворством вспугнутого бурундука исчезло белое как мел, искаженное ужасом лицо Никласа Мартина.

Эрика торопливо сказала:

— Но это вовсе не Ник. Совсем даже не похож. Вы ошиблись, Диди.

— Разве? — спросила Диди, уже готовая согласиться.

— Ну, конечно, — ответила Эрика и протянула руку к документу. — Дайте его мне, и я...

— Стойте! — по-бычьи взревел Сен-Сир.

Втянув голову в могучие плечи, он затопал к окну и отдернул занавеску.

— Ага, — зловещим голосом произнес режиссер. — Мартин!

— Ложь, — пробормотал Мартин, тщетно пытаясь скрыть свой рожденный стрессом ужас. — Я отрекся.

Сен-Сир, отступив на шаг, внимательно вглядывался в Мартина. Сигара у него во рту медленно задралась кверху. Губы режиссера растянула злобная усмешка.

Он потряс пальцем у самых трепещущих ноздрей драматурга.

— А, — сказал он, — к вечеру пошли другие песни, э? Днем ты был пьян! Теперь я все понял. Черпаешь храбрость в бутылке, как тут выражаются?

— Чепуха, — возразил Мартин, вдохновляясь взглядом, который бросила на него Эрика. — Кто это сказал? Все — ваши выдумки! О чем, собственно, речь?

— Что вы делали за занавеской? — спросил Уотт.

— Я вообще не был за занавеской, — доблестно объявил Мартин. — Это вы были за занавеской, вы все. А я был перед занавеской. Разве я виноват, что вы все укрылись за занавеской в библиотеке, точно... точно заговорщики?

Последнее слово было выбрано очень неудачно — в глазах Мартина вновь вспыхнул ужас.

— Да, как заговорщики, — продолжал он нервно. — Вы думали, я ничего не знаю, а? А я все знаю! Вы тут все убийцы и плетете злодейские интриги. Вот, значит, где ваше логово! Всю ночь вы, наемные псы, гнались за мной по пятам, словно за раненым карибу, стараясь...

— Нам пора, — с отчаянием сказала Эрика. — Мы и так еле-еле успеем поймать последнего кари... то есть последний самолет на восток.

Она протянула руку к документу, но Уотт вдруг спрятал его в карман и повернулся к Мартину.

— Вы дадите нам исключительное право на вашу следующую пьесу? — спросил он.

— Конечно, даст! — загремел Сен-Сир, опытным взглядом оценив напускную браваду Мартина. — И в суд ты на меня не подашь, не то я тебя вздую как следует. Так мы делали в Миксо-Лидии. Собственно говоря, Мартин, вы вовсе и не хотите расторгать свой контракт. Это чистое недоразумение. Я сделаю из вас сен-сировского сценариста, и все будет хорошо. Вот так. Сейчас вы попросите Толливера разорвать эту бумажонку. Верно?

— Конечно, нет! — крикнула Эрика. — Скажи ему это, Ник!

Наступило напряженное молчание. Уотт ждал с настороженным любопытством. И бедняжка Эрика тоже. В ее душе шла мучительная борьба между профессиональным долгом

и презрением к жалкой трусости Мартина. Ждала и Диди, широко раскрыв огромные глаза, а на ее прекрасном лице играла веселая улыбка. Однако бой шел, бесспорно, между Мартином и Раулем Сен-Сиром.

Мартин в отчаянии расправил плечи. Он должен, должен показать себя подлинным Грозным — теперь или никогда. Уже у него был гневный вид, как у Ивана, и он постарался сделать свой взгляд зловещим. Загадочная улыбка появилась на его губах. На мгновение он действительно обрел сходство с грозным русским царем — только, конечно, без бороды и усов. Мартин смерил миксо-лидийца взглядом, исполненным монаршего презрения.

— Вы порвете эту бумажку и подпишете соглашение с нами на вашу следующую пьесу, так? — сказал Сен-Сир, но с легкой неуверенностью.

— Что захочу, то и сделаю, — сообщил ему Мартин. — А как вам понравится, если вас заживо сожрут собаки?

— Право, Рауль, — вмешался Уотт, — попробуем уладить это, пусть даже...

— Вы предпочтете, чтобы я ушел в «Метро-Голдвин» и взял с собой Диди? — крикнул Сен-Сир, поворачиваясь к Уотту. — Он сейчас же подпишет! — И, сунув руку во внутренний карман, чтобы достать ручку, режиссер всей тушей надвинулся на Мартина.

— Убийца! — взвизгнул Мартин, неверно истолковав его движение.

На мерзком лице Сен-Сира появилась злорадная улыбка.

— Он у нас в руках, Толливер! — воскликнул миксо-лидиец с тяжеловесным торжеством, и эта жуткая фраза оказалась последней каплей. Не выдержав подобного стресса, Мартин с безумным воплем шмыгнул мимо Сен-Сира, распахнул ближайшую дверь и скрылся за ней.

Вслед ему несся голос валькирии Эрики:

— Оставьте его в покое! Или вам мало? Вот что, Толливер Уотт: я не уйду отсюда, пока вы не отдадите этот документ. А вас, Сен-Сир, я предупреждаю: если вы...

Но к этому времени Мартин уже успел проскочить пять комнат, и конец ее речи замер в отдалении. Он пытался заставить себя остановиться и вернуться на поле брани, но тщетно — стресс был слишком силен, ужас погнал его вперед по коридору, вынудил юркнуть в какую-то комнату и швырнул о какой-то металлический предмет. Отлетев от этого предмета и упав на пол, Мартин обнаружил, что перед ним ЭНИАК Гамма Девяносто Третий.

— Вот вы где, — сказал робот. — А я в поисках вас обшарил все пространство-время. Когда вы заставили меня изменить программу эксперимента, вы забыли дать мне расписку, что берете ответственность на себя. Раз объект пришлось снять из-за изменения в программе, начальство из меня все шестеренки вытрясет, если я не доставлю расписку с приложением глаза объекта.

Опасливо оглянувшись, Мартин поднялся на ноги.

— Что? — спросил он рассеянно. — Послушайте, вы должны изменить меня обратно в меня самого. Все меня пытаются убить. Вы явились как раз вовремя. Я не могу ждать двенадцать часов. Измените меня немедленно.

— Нет, я с вами покончил, — бессердечно ответил робот. — Когда вы настояли на наложении чужой матрицы, вы перестали быть необработанным объектом и для продолжения опыта теперь не годитесь. Я бы сразу взял у вас расписку, но вы совсем меня заморочили вашим дизраэлевским красноречием. Ну-ка, подержите вот это у своего левого глаза двадцать секунд, — он протянул Мартину блестящую металлическую пластинку. — Она уже заполнена и сенсибилизирована. Нужен только отпечаток вашего глаза. Приложите его — и больше вы меня не увидите.

Мартин отпрянул.

— А что будет со мной? — спросил он дрожащим голосом.

— Откуда я знаю? Через двенадцать часов матрица сотрется и вы снова станете самим собой. Прижмите-ка пластинку к глазу.

— Прижму, если вы превратите меня в меня, — попробовал торговаться Мартин.

— Не могу — это против правил. Хватит и одного нарушения — даже с распиской. Но чтобы два? Ну, нет. Прижмите ее к левому глазу...

— Нет, — сказал Мартин с судорожной твердостью. — Не прижму.

ЭНИАК внимательно поглядел на него.

— Прижмете, — сказал робот наконец. — Не то я на вас топну ногой.

Мартин слегка побледнел, но с отчаянной решимостью затряс головой.

— Нет и нет! Ведь если я немедленно не избавлюсь от матрицы Ивана, Эрика не выйдет за меня замуж и Уотт не освободит меня от контракта. Вам только нужно надеть на меня этот шлем. Неужто я прошу чего-то невозможного?

— От робота? Разумеется, — сухо ответил ЭНИАК. — И довольно мешкать. К счастью, на вас наложена матрица Ивана и я могу навязать вам мою волю. Сейчас же отпечатайте на пластинке свой глаз. Ну?!

Мартин стремительно нырнул за диван. Робот угрожающе двинулся за ним, но тут Мартин нашел спасительную соломинку и уцепился за нее.

Он встал и посмотрел на робота.

— Погодите, вы не поняли, — сказал он. — Я же не в состоянии отпечатать свой глаз на этой штуке. Со мной у вас ничего не выйдет. Как вы не понимаете? На ней должен остаться отпечаток...

— ...рисунка сетчатки, — докончил робот. — Ну, и...

— Ну, и как же я это сделаю, если мой глаз не останется открытым двадцать секунд? Пороговые реакции у меня, как у Ивана, верно? Мигательным рефлексом я управлять не могу. Мои синапсы — синапсы труса. И они заставят меня зажмурить глаза, чуть только эта штука к ним приблизится.

— Так раскройте их пальцами, — посоветовал робот.

— У моих пальцев тоже есть рефлексы, — возразил Мартин, подбираясь к буфету. — Остается один выход. Я должен напиться. Когда алкоголь меня одурманит, мои рефлексы затормозятся и я не успею закрыть глаза. Но не вздумайте пустить в ход силу. Если я умру на месте от страха, как вы получите отпечаток моего глаза?

— Это-то нетрудно, — сказал робот. — Раскрою веки...

Мартин потянулся за бутылкой и стаканом, но вдруг его рука свернула в сторону и ухватила сифон с содовой водой.

— Но только, — продолжал ЭНИАК, — подделка может быть обнаружена.

Мартин налил себе полный стакан содовой воды и сделал большой глоток.

— Я скоро опьянею, — обещал он заплетающимся языком. — Видите, алкоголь уже действует. Я стараюсь вам помочь.

— Ну, ладно, только поторопитесь, — сказал ЭНИАК после некоторого колебания и опустился на стул.

Мартин собрался сделать еще глоток, но вдруг уставился на робота, ахнул и отставил стакан.

— Ну, что случилось? — спросил робот. — Пейте свое... что это такое?

— Виски, — ответил Мартин неопытной машине. — Но я все понял. Вы подсыпали в него яд. Вот, значит, каков был ваш план! Но я больше ни капли не выпью, и вы не получите отпечатка моего глаза. Я не дурак.

— Винт всемогущий! — воскликнул робот, вскакивая на ноги. — Вы же сами налили себе этот напиток. Как я мог его отравить? Пейте.

— Не буду, — ответил Мартин с упрямством труса, стараясь отогнать гнетущее подозрение, что содовая и в самом деле отравлена.

— Пейте свой напиток! — потребовал ЭНИАК слегка дрожащим голосом. — Он абсолютно безвреден.

— Докажите! — сказал Мартин с хитрым видом. — Согласны обменяться со мной стаканом? Согласны сами выпить это ядовитое пойло?

— Как же я буду пить? — спросил робот. — Я... Ладно, давайте мне стакан. Я отхлебну, а вы допьете остальное.

— Ага, — объявил Мартин, — вот ты себя и выдал. Ты же робот и сам говорил, что пить не можешь? То есть так, как пью я. Вот ты и попался, отравитель! Вон твой напиток, — он указал на торшер. — Будешь пить со мной на свой электрический манер или сознаешься, что хотел меня отравить? Погоди-ка, что я говорю? Это же ничего не докажет...

— Ну конечно, докажет, — поспешно перебил робот. — Вы совершенно правы и придумали очень умно. Мы будем пить вместе, и это докажет, что ваше виски не отравлено. И вы будете пить, пока ваши рефлексы не затормозятся. Верно?

— Да, но... — начал неуверенно Мартин, однако бессовестный робот уже вывинтил лампочку из торшера, нажал на выключатель и сунул палец в патрон, отчего раздался треск и посыпались искры.

— Ну вот, — сказал робот. — Ведь не отравлено? Верно?

— А вы не глотаете, — подозрительно заявил Мартин. — Вы держите его во рту... то есть в пальцах.

ЭНИАК снова сунул палец в патрон.

— Ну ладно, может быть, — с сомнением согласился Мартин. — Но ты можешь подсыпать порошок в мое виски, измен-

ник. Будешь пить со мной, глоток за глотком, пока я не сумею припечатать свой глаз к этой твоей штуке. А не то я перестану пить. Впрочем, хоть ты и суешь палец в торшер, действительно ли это доказывает, что виски не отравлено? Я не совсем...

— Доказывает, доказывает, — быстро сказал робот. — Ну вот, смотрите. Я опять это сделаю... Мощный переменный ток, верно? Какие еще вам нужны доказательства? Ну, пейте.

Не спуская глаз с робота, Мартин поднес к губам стакан с содовой.

— *Ffff* (*t*)! — воскликнул робот немного погодя и начертал на своем металлическом лице глуповато-блаженную улыбку.

— Такого ферментированного мамонтового молока я еще не пивал, — согласился Мартин, поднося к губам десятый стакан содовой воды. Ему было сильно не по себе, и он боялся, что вот-вот захлебнется.

— Мамонтового молока? — сипло произнес ЭНИАК. — А это какой год?

Мартин перевел дух. Могучая память Ивана пока хорошо служила ему. Он вспомнил, что напряжение повышает частоту мыслительных процессов робота и расстраивает его память — это и происходило прямо у него на глазах. Однако впереди оставалось самое трудное...

— Год Большой Волосатой, конечно, — сказал он весело. — Разве ты не помнишь?

— В таком случае вы... — ЭНИАК попытался получше разглядеть своего двоящегося собутыльника. — Тогда, значит, вы — Мамонтобой.

— Вот именно! — вскричал Мартин. — Ну-ка, дернем еще по одной. А теперь приступим.

— К чему приступим?

Мартин изобразил раздражение.

— Вы сказали, что наложите на мое сознание матрицу Мамонтобоя. Вы сказали, что это обеспечит мне оптимальное

экологическое приспособление к среде в данной темпоральной фазе.

— Разве? Но вы же не Мамонтобой, — растерянно возразил ЭНИАК. — Мамонтобой был сыном Большой Волосатой. А как зовут вашу мать?

— Большая Волосатая, — немедленно ответил Мартин, и робот поскреб свой сияющий затылок.

— Дерните еще разок, — предложил Мартин. — А теперь достаньте экологизер и наденьте мне его на голову.

— Вот так? — спросил ЭНИАК, подчиняясь. — У меня ощущение, что я забыл что-то важное.

Мартин поправил прозрачный шлем у себя на затылке.

— Ну, — скомандовал он, — дайте мне матрицу-характер Мамонтобоя, сына Большой Волосатой...

— Что ж... Ладно, — невнятно сказал ЭНИАК. Взметнулись красные ленты, шлем вспыхнул. — Вот и все, — сказал робот. Может быть, пройдет несколько минут, прежде чем подействует, а потом на двенадцать часов вы... погодите! Куда же вы?

Но Мартин уже исчез.

В последний раз робот запихнул в сумку шлем и четверть мили красной ленты. Пошатываясь, он подошел к торшеру, бормоча что-то о посошке на дорожку. Затем комната опустела. Затихающий шепот произнес:

— *F* (*t*)...

— Ник! — ахнула Эрика, уставившись на фигуру в дверях. — Не стой так, ты меня пугаешь.

Все оглянулись на ее вопль и поэтому успели заметить жуткую перемену, происходившую в облике Мартина. Конечно, это была иллюзия, но весьма страшная. Колени его медленно подогнулись, плечи сгорбились, словно под тяжестью чудовищной мускулатуры, а руки вытянулись так, что пальцы почти касались пола.

Наконец-то Никлас Мартин обрел личность, экологическая норма которой ставила его на один уровень с Раулем Сен-Сиром.

— Ник! — испуганно повторила Эрика.

Медленно нижняя челюсть Мартина выпятилась, обнажились все нижние зубы. Веки постепенно опустились, и теперь он смотрел на мир маленькими злобными глазками. Затем неторопливая гнусная ухмылка растянула губы мистера Мартина.

— Эрика! — хрипло сказал он. — Моя!

Раскачивающейся походкой он подошел к перепуганной девушке, схватил ее в объятия и укусил за ухо.

— Ах, Ник! — прошептала Эрика, закрывая глаза. — Почему ты никогда... Нет, нет, нет! Ник, погоди... Расторжение контракта. Мы должны... Ник, куда ты? — Она попыталась удержать его, но опоздала.

Хотя походка Мартина была неуклюжей, двигался он быстро. В одно мгновение он перемахнул через письменный стол Уотта, выбрав кратчайший путь к потрясенному кинопромышленнику. Во взгляде Диди появилось легкое удивление.

Сен-Сир рванулся вперед.

— В Миксо-Лидии... — начал он. — Ха, вот так... — И, схватив Мартина, он швырнул его в другой угол комнаты.

— Зверь! — воскликнула Эрика и бросилась на режиссера, молотя кулачками по его могучей груди. Впрочем, тут же спохватившись, она принялась обрабатывать каблуками его ноги — с значительно большим успехом. Сен-Сир, менее всего джентльмен, схватил ее и заломил ей руки, но тут же обернулся на тревожный крик Уотта:

— Мартин, что вы делаете?

Вопрос этот был задан не зря. Мартин покатился по полу, как шар, по-видимому, нисколько не ушибившись, сбил торшер и развернулся, как еж. На лице его было неприятное

выражение. Он встал, пригнувшись, почти касаясь пола руками и злобно скаля зубы.

— Ты трогать моя подруга? — хрипло осведомился питекантропообразный мистер Мартин, быстро теряя всякую связь с двадцатым веком. Вопрос этот был чисто риторическим. Драматург поднял торшер (для этого ему не пришлось нагибаться), содрал абажур, словно листья с древесного сука, и взял торшер наперевес. Затем он двинулся вперед, держа его, как копье.

— Я, — сказал Мартин, — убивать.

И с похвальной целеустремленностью попытался претворить свое намерение в жизнь. Первый удар тупого самодельного копья поразил Сен-Сира в солнечное сплетение, и режиссер отлетел к стене, гулко стукнувшись об нее. Мартин, по-видимому, только этого и добивался. Прижав конец копья к животу режиссера, он пригнулся еще ниже, уперся ногами в ковер и по мере сил попытался просверлить в Сен-Сире дыру.

— Прекратите! — крикнул Уотт, кидаясь в сечу.

Первобытные рефлексы сработали мгновенно: кулак Мартина описал в воздухе дугу, и Уотт описал дугу в противоположном направлении.

Торшер сломался.

Мартин задумчиво поглядел на обломки, принялся было грызть один из них, потом передумал и оценивающе посмотрел на Сен-Сира. Задыхаясь, бормоча угрозы, проклятия и протесты, режиссер выпрямился во весь рост и погрозил Мартину огромным кулаком.

— Я, — объявил он, — убью тебя голыми руками, а потом уйду в «Метро-Голдвин-Мейер» с Диди. В Миксо-Лидии...

Мартин поднес к лицу собственные кулаки. Он поглядел на них, медленно разжал, улыбнулся, а затем, оскалив зубы, с голодным тигриным блеском в крохотных глазках посмотрел на горло Сен-Сира.

Мамонтобой не зря был сыном Большой Волосатой.

Мартин прыгнул.

И Сен-Сир тоже, но в другую сторону, вопя от внезапного ужаса. Ведь он был всего только средневековым типом, куда более цивилизованным, чем так называемый человек первобытной прямолинейной эры Мамонтобоя. И как человек убегает от маленькой, но разъяренной дикой кошки, так Сен-Сир, пораженный цивилизованным страхом, бежал от врага, который в буквальном смысле слова ничего не боялся.

Сен-Сир выпрыгнул в окно и с визгом исчез в ночном мраке.

Мартина это застигло врасплох — когда Мамонтобой бросался на врага, враг всегда бросался на Мамонтобоя, — и в результате он со всего маху стукнулся лбом об стену. Как в тумане он слышал затихающий вдали визг. С трудом поднявшись, он привалился спиной к стене и зарычал, готовясь...

— Ник! — раздался голос Эрики. — Ник, это я! Помоги! Помоги же! Диди...

— Агх? — хрипло вопросил Мартин, мотая головой. — Убивать!

Глухо ворча, драматург мигал налитыми кровью глазками, и постепенно все, что его окружало, опять приобрело четкие очертания. У окна Эрика боролась с Диди.

— Пустите меня! — кричала Диди. — Куда Рауль, туда и я!

— Диди, — умоляюще произнес новый голос.

Мартин оглянулся и увидел под смятым абажуром в углу лицо распростертого на полу Толливера Уотта.

Сделав чудовищное усилие, Мартин выпрямился. Ему было как-то непривычно ходить не горбясь, но зато это помогало подавить худшие инстинкты Мамонтобоя. К тому же теперь, когда Сен-Сир испарился, кризис миновал и доминантная черта в характере Мамонтобоя несколько утратила активность. Мартин осторожно пошевелил языком и с облегчением обнаружил, что еще не совсем лишился дара человеческой речи.

— Агх, — сказал он. — Уррг... э... Уотт!

Уотт испуганно замигал на него из-под абажура.

— Арргх... Аннулированный контракт, — сказал Мартин, напрягая все силы. — Дай.

Уотт не был трусом. Он с трудом поднялся на ноги и снял с головы абажур.

— Аннулировать контракт?! — рявкнул он. — Сумасшедший! Разве вы не понимаете, что вы натворили? Диди, не уходите от меня! Диди, не уходите, мы вернем Рауля...

— Рауль велел мне уйти, если уйдет он, — упрямо сказала Диди.

— Вы вовсе не обязаны делать то, что вам велит Сен-Сир, — убеждала Эрика, продолжая держать вырывающуюся звезду.

— Разве? — с удивлением спросила Диди. — Но я всегда его слушаюсь. И всегда слушалась.

— Диди, — в отчаянии умолял Уотт, — я дам вам лучший в мире контракт! Контракт на десять лет! Посмотрите, вот он! — И киномагнат вытащил сильно потертый по краям документ. — Только подпишите, и потом можете требовать все, что вам угодно! Неужели вам этого не хочется?

— Хочется, — ответила Диди, — но Раулю не хочется. — И она вырвалась из рук Эрики.

— Мартин! — вне себя воззвал Уотт к драматургу. — Верните Сен-Сира! Извинитесь перед ним! Любой ценой — только верните его! А не то я... я не аннулирую вашего контракта!

Мартин слегка сгорбился, может быть, от безнадежности, а может быть, и еще от чего-нибудь.

— Мне очень жалко, — сказала Диди. — Мне нравилось работать у вас, Толливер. Но я должна слушаться Рауля.

Она сделала шаг к окну.

Мартин сгорбился еще больше, и его пальцы коснулись ковра. Злобные глазки, горевшие неудовлетворенной ярос-

тью, были устремлены на Диди. Медленно его губы поползли в стороны и зубы оскалились.

— Ты! — сказал он с зловещим урчанием.

Диди остановилась, но лишь на мгновение, и тут по комнате прокатился рык дикого зверя.

— Вернись! — в бешенстве ревел Мамонтобой.

Одним прыжком он оказался у окна, схватил Диди и зажал под мышкой. Обернувшись, он ревниво покосился на дрожащего Уотта и кинулся к Эрике. Через мгновение уже обе девушки пытались вырваться из его хватки. Мамонтобой крепко держал их под мышками, а его злобные глазки поглядывали то на ту, то на другую. Затем с полным беспристрастием он быстро укусил каждую за ухо.

— Ник! — вскрикнула Эрика. — Как ты смеешь?

— Моя! — хрипло информировал ее Мамонтобой.

— Еще бы! — ответила Эрика. — Но это имеет и обратную силу. Немедленно отпусти нахалку, которую ты держишь под другой мышкой.

Мамонтобой с сожалением поглядел на Диди.

— Ну, — резко сказала Эрика, — выбирай!

— Обе, — объявил нецивилизованный драматург. — Да!

— Нет! — отрезала Эрика.

— Да! — прошептала Диди совсем новым тоном. Красавица свисала с руки Мартина, как мокрая тряпка, и глядела на своего пленителя с рабским обожанием.

— Нахалка! — крикнула Эрика. — А как же Сен-Сир?

— Он? — презрительно сказала Диди. — Слюнтяй! Нужен он мне очень! — И она вновь устремила на Мартина боготворящий взгляд.

— Ф-фа! — буркнул тот и бросил Диди на колени Уотта. — Твоя. Держи. — Он одобрительно ухмыльнулся Эрике. — Сильная подруга. Лучше.

Уотт и Диди безмолвно смотрели на Мартина.

— Ты! — сказал он, ткнув пальцем в Диди. — Ты оставаться у него, — он указал на Уотта.

Диди покорно кивнула.

— Ты подписать контракт?

Кивок.

Мартин многозначительно посмотрел на Уотта и протянул руку.

— Документ, аннулирующий контракт, — пояснила Эрика, вися вниз головой. — Дайте скорей, пока он не свернул вам шею.

Уотт медленно вытащил документ из кармана и протянул его Мартину.

Но тот уже направился к окну раскачивающейся походкой.

Эрика извернулась и схватила документ.

— Ты прекрасно сыграл, — сказала она Нику, когда они очутились на улице. — А теперь отпусти меня. Попробуем найти такси...

— Не играл, — проворчал Мартин. — Настоящее. До завтра. После этого... — Он пожал плечами. — Но сегодня — Мамонтобой.

Он попытался влезть на пальму, передумал и пошел дальше.

Эрика у него под мышкой погрузилась в задумчивость.

Но взвизгнула она, только когда с ним поравнялась патрульная полицейская машина.

— Завтра я внесу за тебя залог, — сказала Эрика Мамонтобою, который вырывался из рук двух дюжих полицейских.

Свирепый рев заглушил ее слова.

Последующие события слились для разъяренного Мамонтобоя в один неясный вихрь, в завершение которого он очутился в тюремной камере, где вскочил на ноги с угрожающим рычанием.

— Я, — возвестил он, вцепляясь в решетку, — убивать! Арргх!

— Двое за один вечер, — произнес в коридоре скучающий голос. — И обоих взяли в Бел-Эйре. Думаешь, нанюхались кокаина? Первый тоже ничего не мог толком объяснить.

Решетка затряслась. Раздраженный голос с койки потребовал, чтобы он заткнулся, и добавил, что ему хватит неприятностей от всяких идиотов и без того, чтобы... Тут говоривший умолк, заколебался и испустил пронзительный отчаянный визг.

На мгновение в камере наступила мертвая тишина: Мамонтобой, сын Большой Волосатой, медленно повернулся к Раулю Сен-Сиру.

Жилищный вопрос

Джеклин говорила, что в клетке под чехлом — канарейка, а я стоял на том, что там два попугайчика. Одной канарейке не под силу поднять столько шума. Да и забавляла меня сама мысль, будто старый, сварливый мистер Генчард держит попугаев, — уж очень это с ним не вязалось. Но кто бы там ни шумел в клетке у окна, наш жилец ревниво скрывал это от нескромных глаз. Оставалось лишь гадать по звукам.

Звуки тоже было не так-то просто разгадать. Из-под кретоновой скатерти доносились шорохи, шарканье, изредка слабые, совершенно необъяснимые хлопки, раза два-три — мягкий стук, после которого таинственная клетка ходуном ходила на подставке красного дерева. Должно быть, мистер Генчард знал, что нас разбирает любопытство. Но, когда Джеки заметила, мол, как приятно, если в доме птицы, он только и сказал:

— Пустое! Держитесь от клетки подальше, ясно?

Это нас, признаться, разозлило. Мы вообще никогда не лезем в чужие дела, а после такого отпора зареклись даже смотреть на клетку под кретоновым чехлом. Да и мистера Генчарда не хотелось упускать. Заполучить жильца было на удивление трудно. Наш домик стоял на береговом шоссе, весь городишко — десятка два домов, бакалея, винная лавка, почта, ресторанчик Терри. Вот, собственно, и все. Каждое утро мы с

Джеки прыгали в автобус и целый час ехали на завод. Домой возвращались измотанные. Найти прислугу было немыслимо (слишком высоко оплачивался труд на военных заводах), поэтому мы оба засучивали рукава и принимались за уборку. Что до стряпни, то у Терри не было клиентов более верных, чем мы.

Зарабатывали мы прекрасно, но перед войной порядком влезли в долги и теперь экономили как могли. Вот почему мы сдали комнату мистеру Генчарду. В медвежьем углу, где так плохо с транспортом да еще каждый вечер затемнение, найти жильца нелегко. Мистера Генчарда, казалось, сам Бог послал. Мы рассудили, что старый человек не будет безобразничать.

В один прекрасный день он зашел к нам, оставил задаток и вскоре вернулся, притащив большой кожаный саквояж и квадратный брезентовый баул с кожаными ручками. Это был маленький сухонький старичок, по краям лысины у него торчал колючий ежик жестких седых волос, а лицом он напоминал папашу Лупоглаза — дюжего матроса, которого вечно рисуют в комиксах. Мистер Генчард был не злой, а просто раздражительный. По-моему, он всю свою жизнь провел в меблированных комнатах: старался не быть навязчивым и попыхивал бесчисленными сигаретами, вставляя их в длинный черный мундштук. Но он вовсе не принадлежал к числу тех одиноких старичков, которых можно и нужно жалеть, — отнюдь нет! Он не был беден и отличался независимым характером. Мы полюбили его. Один раз, в приливе теплых чувств, я назвал его дедом... и весь пошел пятнами, такую выслушал отповедь.

Кое-кто рождается под счастливой звездой. Вот и мистер Генчард тоже. Вечно он находил деньги на улице. Изредка мы играли с ним в бридж или покер, и он, совершенно не желая, объявлял малые шлемы и выкладывал флеши. Тут и речи не могло быть о том, что он нечист на руку, — просто ему везло.

Помню, раз мы втроем спускались по длинной деревянной лестнице, что ведет со скалы на берег. Мистер Генчард отшвырнул ногой здоровенный камень с одной из верхних ступенек. Камень упал чуть ниже и неожиданно провалился сквозь ступеньку. Дерево совсем прогнило. Мы нисколько не сомневались, что если бы мистер Генчард, который возглавлял процессию, шагнул на гнилой участок, то обвалилась бы вся лестница.

Или вот случай в автобусе. Едва мы сели и отъехали, забарахлил мотор; водитель откатил автобус к обочине. Навстречу нам по шоссе мчался какой-то автомобиль, и только мы остановились, как у него лопнула передняя шина. Его занесло юзом в кювет. Если бы наш автобус не остановился в тот миг, мы столкнулись бы лбами. А так никто не пострадал.

Мистер Генчард не чувствовал себя одиноким; днем он, видимо, куда-то уходил, а вечерами по большей части сидел в своей комнате у окна. Мы, конечно, стучались, когда надо было у него убрать, и он иногда отвечал: «Минуточку». Раздавался торопливый шорох — это наш жилец набрасывал кретоновый чехол на птичью клетку.

Мы ломали себе голову, какая там птица, и прикидывали, насколько вероятно, что это феникс. Во всяком случае, птица никогда не пела. Зато издавала звуки. Тихие, странные, не всегда похожие на птичьи. Когда мы возвращались домой с работы, мистер Генчард неизменно сидел у себя в комнате. Он оставался там, пока мы убирали. По субботам и воскресеньям никуда не уходил.

А что до клетки...

Как-то вечером мистер Генчард вышел из своей комнаты, вставил сигарету в мундштук и смерил нас с Джеки взглядом.

— Пф-ф, — сказал мистер Генчард. — Слушайте, у меня на севере кое-какое имущество, и мне надо отлучиться по делам на неделю или около того. Комнату я буду оплачивать по-прежнему.

— Да что вы, — возразила Джеки. — Мы можем...

— Пустое, — проворчал он. — Комната моя. Хочу — оставляю за собой. Что скажете, а?

Мы согласились, и он с одной затяжки искурил сигарету ровно наполовину.

— М-м-м... Ну, ладно, вот что. Раньше у меня была своя машина. Я всегда брал клетку с собой. Теперь я еду автобусом и не могу взять клетку. Вы славные люди — не подглядываете, не любопытствуете. Вам не откажешь в здравом уме. Я оставлю клетку здесь, но не смейте трогать чехол!

— А канарейка?.. — захлебнулась Джеки. — Она же помрет с голоду.

— Канарейка, вот оно что... — Мистер Генчард покосился на нее маленьким, блестящим, недобрым глазом. — Не беспокойтесь. Канарейке я оставил много корму и воды. Держите руки подальше. Если хотите, можете убирать в комнате, но не смейте прикасаться к клетке. Что скажете?

— По рукам, — ответил я.

— Только учтите то, что я вам говорил, — буркнул он.

На другой вечер, когда мы пришли домой, мистера Генчарда уже не было. Мы вошли в его комнату и увидели, что к кретоновому чехлу приколота записка: «Учтите!» Внутри клетки что-то шуршало и жужжало. Потом раздался слабый хлопок.

— Черт с ней, — сказал я. — Ты первая принимаешь душ?

— Да, — ответила Джеки.

«В-ж-ж», — донеслось из клетки. Но это были не крылья. «Бах!»

На третий вечер я сказал:

— Корму там, может быть, и хватит, но вода кончается.

— Эдди! — воскликнула Джеки.

— Ладно, ты права, я любопытен. Но не могу же я допустить, чтобы птица погибла от жажды.

— Мистер Генчард сказал...

— Ты опять права. Пойдем-ка к Терри, выясним, как у него с отбивными.

На третий вечер... Да что там говорить. Мы сняли чехол. Мне и сейчас кажется, что нас грызло не столько любопытство, сколько тревога.

Джеки твердила, будто она знает одного типа, который истязал свою канарейку.

— Наверно, бедняжка закована в цепи, — заметила Джеки, махнув тряпкой по подоконнику, за клеткой. Я выключил пылесос. «У-и-ш-шш... топ-топ-топ», — донеслось из-под кретона.

— Н-да, — сказал я. — Слушай, Джеки. Мистер Генчард — неплохой человек, но малость тронутый. Может, пташка пить хочет. Я погляжу.

— Нет. То есть... да. Мы оба поглядим, Эдди. Разделим ответственность пополам...

Я потянулся к чехлу, а Джеки нырнула ко мне под локоть и положила свою руку на мою.

Тут мы приподняли краешек скатерти. Раньше в клетке что-то шуршало, но стоило нам коснуться кретона, как все стихло. Я-то хотел одним глазком поглядеть. Но вот беда — рука поднимала чехол все выше. Я видел, как движется моя рука, и не мог ее остановить. Я был слишком занят — смотрел внутрь клетки.

Внутри оказался такой... ну, словом, домик. По виду он в точности походил на настоящий, вплоть до последней мелочи. Крохотный домик, выбеленный известкой, с зелеными ставнями — декоративными, их никто и не думал закрывать, коттедж был строго современный. Как раз такие дома, комфортабельные, добротные, всегда видишь в пригородах. Крохотные оконца были задернуты ситцевыми занавесками; на первом этаже горел свет.

Как только мы приподняли скатерть, огоньки во всех окнах внезапно исчезли. Света никто не гасил, просто раздраженно

хлопнули жалюзи. Это произошло мгновенно. Ни я, ни Джеки не разглядели, кто (или что) опускал жалюзи.

Я выпустил чехол из рук, отошел в сторонку и потянул за собой Джеки.

— К-кукольный домик, Эдди!

— И там внутри куклы?

Я смотрел мимо нее, на закрытую клетку.

— Как ты думаешь, можно выучить канарейку опускать жалюзи?

— О господи! Эдди, слушай.

Из клетки доносились тихие звуки. Шорохи, почти неслышный хлопок. Потом царапанье.

Я подошел к клетке и снял кретоновую скатерть. На этот раз я был начеку и наблюдал за окнами. Но не успел глазом моргнуть, как жалюзи опустились.

Джеки тронула меня за руку и указала куда-то пальцем.

На шатровой крыше возвышалась миниатюрная кирпичная труба. Из нее валили клубочки бледного дыма. Дым все шел да шел, но такой слабый, что я даже не чувствовал запаха.

— К-канарейки г-готовят обед, — пролепетала Джеки.

Мы постояли еще немного, ожидая чего угодно. Если бы из-за двери выскочил зеленый человечек и пообещал нам исполнить любые три желания, мы бы нисколечко не удивились. Но только ничего не произошло.

Теперь из малюсенького домика, заключенного в птичью клетку, не слышалось ни звука.

И окна были затянуты шторами. Я видел, что вся эта поделка — шедевр точности. На маленьком крылечке лежала циновка — вытирать ноги. На двери звонок.

У клеток, как правило, днище вынимается. Но у этой не вынималось. Внизу, там, где его припаивали, остались пятна смолы и наплавка темно-серого металла. Дверца тоже была

припаяна, не открывалась. Я мог просунуть указательный палец сквозь решетку, но большой палец уже не проходил.

— Славный коттеджик, правда? — дрожащим голосом спросила Джеки. — Там, должно быть, очень маленькие карапузы.

— Карапузы?

— Птички. Эдди, кто-то в этом доме живет?

— В самом деле, — сказал я, вынул из кармана автоматический карандаш, осторожно просунул его между прутьями клетки и ткнул в открытое окно, где тотчас жалюзи взвились вверх. Из глубины дома мне в глаза ударило что-то вроде узкого, как игла, луча от миниатюрного фонарика. Я со стоном отпрянул, ослепленный, но услышал, как захлопнулось окно и жалюзи снова опустились.

— Ты видела?

— Нет, ты все заслонял головой. Но...

Пока мы смотрели, всюду погас свет. Лишь тоненькая струйка дыма из трубы показывала, что в доме кто-то есть.

— Мистер Генчард — сумасшедший ученый[1], — пробормотала Джеки. — Он уменьшает людей.

— У него нет уранового котла, — возразил я. — Сумасшедшему ученому прежде всего нужен урановый котел — иначе как он будет метать искусственные молнии?

Я опять просунул карандаш между прутьями, тщательно нацелился, прижал грифелем звонок на двери и позвонил. Раздалось слабое звяканье.

Кто-то торопливо приподнял жалюзи в окне возле входной двери и, вероятно, посмотрел на меня. Не могу утверждать наверняка. Не успел заметить. Жалюзи встали на место,

[1] Сумасшедший ученый — традиционный персонаж голливудских фильмов ужасов, делающий вредные, преступные открытия.

и больше ничто не шевелилось. Я звонил и звонил, пока мне не надоело. Тогда я перестал звонить.

— Можно разломать клетку, — сказал я.

— Ох, нет! Мистер Генчард...

— Что же, — сказал я, — когда он вернется, я спрошу, какого черта он тут вытворяет. Нельзя держать у себя эльфов. Этого в жилищном договоре не было.

— Мы с ним не подписывали жилищного договора, — парировала Джеки.

Я все разглядывал домик в птичьей клетке. Ни звука, ни движения. Только дым из трубы.

В конце концов, мы не имеем права насильно вламываться в клетку. Это все равно что вломиться в чужую квартиру. Мне уже мерещилось, как зеленые человечки, размахивая волшебными палочками, арестуют меня за квартирную кражу. Интересно, есть у эльфов полиция? Какие у них бывают преступления?

Я водворил покрывало на место. Немного погодя тихие звуки возобновились. Царап. Бух. Шурш-шурш-шурш. Шлеп. И далеко не птичья трель, которая тут же оборвалась.

— Ну и ну, — сказала Джеки. — Пойдем-ка отсюда, да поживей.

Мы сразу легли спать. Мне приснились полчища зеленых человечков в костюмах опереточных полисменов — они отплясывали на желтой радуге и весело распевали.

Разбудил меня звонок будильника. Я принял душ, побрился и оделся, не переставая думать о том же, что и Джеки. Когда мы надевали пальто, я заглянул ей в глаза и спросил:

— Так как же?

— Конечно. Ох, боже мой, Эдди! Т-ты думаешь, они тоже идут на работу?

— Какую еще работу? — запальчиво осведомился я. — Сахарницы разрисовывать?

На цыпочках мы прокрались в комнату мистера Генчарда, из-под кретона — ни звука. В окно струилось ослепительное утреннее солнце. Я рывком сдернул чехол. Дом стоял на месте. Жалюзи одного окна были подняты, остальные плотно закрыты. Я приложил голову вплотную к клетке и сквозь прутья уставился на распахнутое окно, где легкий ветерок колыхал ситцевые занавески.

Из окна на меня смотрел огромный страшный глаз.

На сей раз Джеки не сомневалась, что меня смертельно ранили. Она так и ахнула, когда я отскочил как ошпаренный и проорал что-то о жутком, налитом кровью, нечеловеческом глазе. Мы долго жались друг к другу, потом я снова заглянул в то окно.

— Ба, — произнес я слабым голосом, — да ведь это зеркало.

— Зеркало? — захлебнулась Джеки.

— Да, огромное, во всю противоположную стену. Больше ничего не видно. Я не могу подобраться вплотную к окну.

— Посмотри на крыльцо, — сказала Джеки.

Я посмотрел. Возле двери стояла бутылка молока — сами представляете, какой величины. Она была пурпурного цвета. Рядом с ней лежала сложенная почтовая марка.

Пурпурное молоко? — удивился я.

— От пурпурной коровы. Или бутылка такого цвета, Эдди, а это что, газета?

Это действительно была газета. Я прищурился, пытаясь различить хотя бы заголовки. «В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС», — гласили исполинские красные буквы высотой чуть ли не в полтора миллиметра. «В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС ФОЦПА НАСТИГАЕТ ТЭРА». Больше мы ничего не разобрали.

Я мягко набросил кретон на клетку. Мы пошли завтракать к Терри — все равно надо было еще долго ждать автобуса.

Когда мы вечером ехали домой, то знали, чем займемся прежде всего.

Мы вошли в дом, установили, что мистер Генчард еще не вернулся, зажгли в его комнате свет и стали вслушиваться в звуки, доносящиеся из птичьей клетки.

— Музыка, — сказала Джеки.

Музыку мы едва слышали, да и вообще она была какая-то ненастоящая. Не знаю, как ее описать. И она тотчас смолкла. Бух, царап, шлеп, в-ж-ж. Потом наступила тишина, и я стянул с клетки чехол.

В домике было темно, окна закрыты, жалюзи опущены. С крыльца исчезла газета и бутылка молока. На двери висела табличка с объявлением, которое предостерегало (я прочел черезлупу): «КАРАНТИН! МУШИНАЯ ЛИХОРАДКА!»

— Вот лгунишки, — сказал я. — Пари держу, что никакой лихорадки там нет.

Джеки истерически захохотала.

— Мушиная лихорадка бывает только в апреле, правда?

— В апреле и на Рождество. Ее разносят свежевылупившиеся мухи. Где мой карандаш?

Я надавил на кнопку звонка. Занавеска дернулась в сторону, вернулась на место; мы не увидели... руки, что ли, которая ее отогнула. Тишина, дым из трубы не идет.

— Боишься? — спросил я.

— Нет. Как ни странно, не боюсь. Карапузы-то нас чураются. Кэботы беседуют лишь с...[1]

— Эльфы беседуют лишь с феями, ты хочешь сказать, — перебил я. — А чего они нас, собственно, отваживают? Ведь их дом находится в нашем доме — ты понимаешь мою мысль?

---

[1] «Кэботы беседуют лишь с Богом» — строчка из четверостишия-тоста американского поэта Джона Коллинса Боссиди (1860—1928), тост посвящен Гарвардскому университету. Кэботы — одно из старейших родовитых американских семейств.

— Что же нам делать?

Я приладил карандаш и с неимоверным трудом вывел «ВПУСТИТЕ НАС» на белой филенке двери. Написать что-нибудь еще не хватило места. Джеки укоризненно зацокала языком.

— Наверно, не стоило этого писать. Мы же не просимся внутрь. Просто хотим на них поглядеть.

— Теперь уж ничего не поделаешь. Впрочем, они догадаются, что мы имеем в виду.

Мы стояли и всматривались в домик, а он угрюмо, досадливо всматривался в нас. Мушиная лихорадка... Так я и поверил!

Вот и все, что случилось в тот вечер.

Наутро мы обнаружили, что с крохотной двери начисто смыли карандашную надпись, что извещение о карантине висит по-прежнему и что на пороге появилась еще одна газета и бутылка зеленого молока. На этот раз заголовок был другой: «В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС: ФОЦПА ОБХОДИТ ТЭРА!»

Из трубы вился дым. Я опять нажал на кнопку звонка. Никакого ответа. На двери я заметил почтовый ящик — этакую костяшку домино — только потому, что сквозь щель виднелись письма. Но ящик был заперт.

— Вот бы прочесть, кому они адресованы, — размечталась Джеки.

— Или от кого они. Это гораздо интереснее.

В конце концов мы ушли на работу. Весь день я был рассеян и чуть не приварил к станку собственный палец. Когда вечером мы встретились с Джеки, мне стало ясно, что и она озабочена.

— Не стоит обращать внимания, — говорила она, пока мы тряслись в автобусе. — Не хотят с нами знаться — и не надо, верно?

— Я не допущу, чтобы меня отваживала какая-то... тварь. Между прочим, мы оба тихо помешаемся, если не выясним,

что же там в домике. Как по-твоему, мистер Генчард — волшебник?

— Паршивец он, — горько сказала Джеки. — Уехал и оставил на нас каких-то подозрительных эльфов!

Когда мы вернулись с работы, домик в клетке, как обычно, подготовился к опасности, и не успели мы сдернуть чехол, как отдаленные тихие звуки прекратились. Сквозь опущенные жалюзи пробивался свет. На крыльце лежал только коврик. В почтовом ящике был виден желтый бланк телеграммы.

Джеки побледнела.

— Это последняя капля, — объявила она. — Телеграмма!

— А может, это никакая не телеграмма.

— Нет, она, она, я знаю, что она. «Тетя Путаница умерла». Или «К вам в гости едет Иоланта».

— Извещение о карантине сняли, — заметил я. — Сейчас висит другое. «Осторожно — окрашено».

— Ну, так не пиши на красивой, чистой двери.

Я набросил на клетку кретон, выключил в комнате свет и взял Джеки за руку. Мы стояли в ожидании. Прошло немного времени, и где-то раздалось тук-тук-тук, а потом загудело, словно чайник на огне. Я уловил тихий звон посуды.

Утром на крохотном крылечке появились двадцать шесть бутылок желтого — ярко-желтого — молока, а заголовок липутской газеты извещал: «В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС: ТЭР ДЕЛАЕТ РЫВОК!» В почтовом ящике лежали какие-то письма, но телеграмму уже вынули.

Вечером все шло как обычно. Когда я снял чехол, наступила внезапная, зловещая тишина. Мы чувствовали, что из-под отогнутых уголков штор за нами наблюдают. Наконец мы легли спать, но среди ночи я встал взглянуть еще разок на таинственных жильцов. Конечно, я их не увидел. Но они, должно быть, давали бал: едва я заглянул, как смолкло бешеное топанье и цоканье и тихая, причудливая музыка.

Утром на крылечке была красная бутылка и газета. Заголовок был такой: «В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС: ФОЦПА — ПИШИ ПРОПАЛО!»

— Работа у меня летит к чертям собачьим, — сказал я. — Не могу сосредоточиться — все думаю об этой загадке и диву даюсь...

— Я тоже. Непременно надо как-то разузнать.

Я заглянул под чехол. Жалюзи опустились так быстро, что едва не слетели с карнизов.

— Как по-твоему, они обижаются? — спросил я.

— По-моему, да, — ответила Джеки. — Мы же пристаем к ним — просто спасу нет. Знаешь, я готова побиться об заклад, что они сидят сейчас у окон и кипят от злости, ждут не дождутся, чтоб мы ушли. Может, пойдем? Все равно нам пора на автобус.

Я взглянул на домик, а домик, я чувствовал, смотрел на меня — с обидой, раздражением и злостью. Ну да ладно. Мы уехали на работу.

Вернулись мы в тот вечер усталые и голодные, но, даже не сняв пальто, прошли в комнату мистера Генчарда. Тишина. Я включил свет, а Джеки тем временем сдернула с клетки кретоновый чехол.

Я услышал, как она ахнула. В тот же миг я подскочил к ней, ожидая увидеть на нелепом крыльце зеленого человечка, да и вообще что угодно ожидая. Но не увидел ничего выдающегося. Из трубы не шел дым.

А Джеки показывала пальцем на дверь. Там висела новая табличка. Надпись была степенная, краткая и бесповоротная: «СДАЕТСЯ ВНАЕМ».

— Ой-ой-ой! — сказала Джеки.

Я судорожно глотнул. На крохотных окнах были подняты все жалюзи, а ситцевые занавески исчезли. Впервые мы могли заглянуть внутрь домика. Он был совершенно пуст, удручающе пуст.

Мебели нигде нет. Нет вообще ничего, лишь кое-где царапины на паркетном полу с лаковым покрытием. Обои — они выдержаны в мягких тонах и выбраны с хорошим вкусом — безукоризненно чистые. Жильцы оставили дом в безупречном порядке.

— Съехали, — сказал я.

— Да, — пробормотала Джеки. — Съехали.

На душе у меня вдруг стало прескверно. Дом — не тот, крохотный, что в клетке, а наш — ужасно опустел. Знаете, так бывает, когда вы съездили в гости и вернулись в квартиру, где нет никого и ничего.

Я сгреб Джеки в объятия, крепко прижал ее к себе. У нее тоже было плохое настроение. Никогда бы не подумал, что крохотная табличка «СДАЕТСЯ ВНАЕМ» может так много значить.

— Что скажет мистер Генчард? — воскликнула Джеки, глядя на меня большими глазами.

Мистер Генчард вернулся к вечеру на третьи сутки. Мы сидели у камина, как вдруг он вошел с саквояжем в руках, черный мундштук торчал из-под носа.

— Пф-ф, — поздоровался он с нами.

— Привет, — сказал я слабым голосом. — Рад вас видеть.

— Пустое! — непреклонно заявил мистер Генчард и направился в свою комнату. Мы с Джеки переглянулись.

Мистер Генчард ураганом вырвался из своей комнаты, совершенно разъяренный. В дверях гостиной показалось его искаженное лицо.

— Ротозеи наглые! — зарычал он. — Ведь просил же вас...

— Погодите минутку, — сказал я.

— Съезжаю с квартиры! — взревел мистер Генчард. — Сейчас же!

Его голова скрылась из виду; хлопнула дверь, щелкнул ключ в замке. Мы с Джеки так и ждали, что старик нас отшлепает.

Мистер Генчард опрометью выбежал из своей комнаты, держа в руке саквояж. Он вихрем пронесся мимо нас к двери.

Я попытался остановить его.

— Мистер Генчард...

— Пустое!

Джеки повисла у него на одной руке, я завладел другой. Вдвоем мы ухитрились удержать его на месте.

— Постойте, — сказал я. — Вы забыли свою... э-э... птичью клетку.

— Это по-вашему, — ощерился он. — Можете взять себе. Нахалы! Я убил несколько месяцев, чтобы сделать этот домик по всем правилам, а потом еще несколько месяцев уговаривал их поселиться. Теперь вы все испортили. Они не вернутся.

— Кто «они»? — выпалила Джеки.

Недобрые глаза-бусинки пригвоздили нас к месту.

— Мои жильцы. Придется теперь строить им новый дом... ха! Но уж на этот раз я не оставлю его в чужих руках.

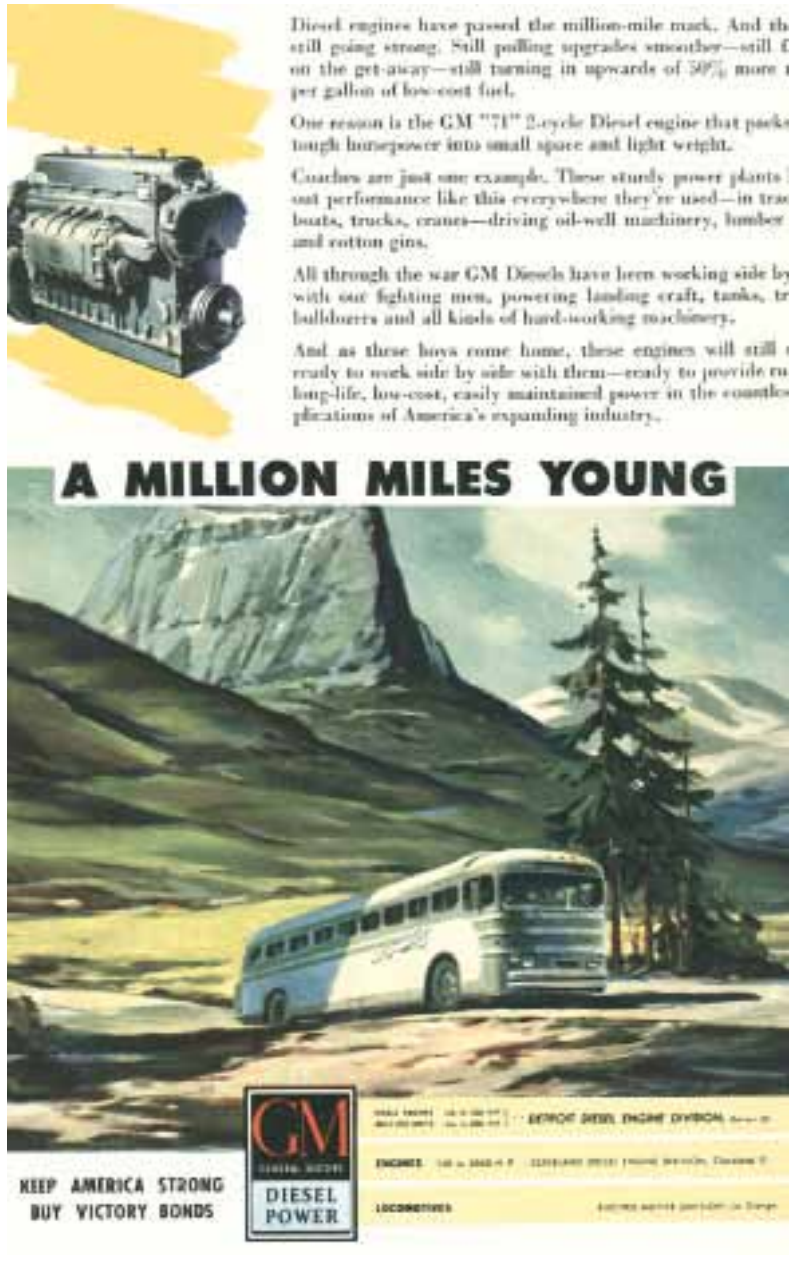
— Погодите, — сказал я. — Вы... вы в-волшебник?

Мистер Генчард фыркнул.

— Я мастер. Вот и весь секрет. Поступайте с ними порядочно — и они с вами будут поступать порядочно. А весь все же... — и он засветился гордостью, — ...не всякий может выстроить такой дом, как им нужно!

Он, казалось, смягчился, но следующий мой вопрос его снова ожесточил.

— Кто они такие? — отрывисто сказал он. — Да Маленький Народец, конечно. Называйте как угодно. Эльфы, гномы, феи, тролли... у них много имен. Но они хотят жить в тихом, респектабельном квартале, не там, где вечно подслушивают да подглядывают. От таких штучек дом приобретает дурную славу. Нечего удивляться, что они съехали! А они-то.. пф-ф!.. они всегда вносили плату в срок. Правда, Маленький Народец всегда платит исправно, — прибавил он.



— Какую плату? — прошептала Джеки.

— Удачу, — пояснил мистер Генчард. — Удачу. А чем они, по-вашему, платят — деньгами, что ли? Теперь придется делать новый дом, чтобы моя удача вернулась.

На прощание он окинул нас сердитым взглядом, рывком открыл дверь и с топотом выскочил из дома. Мы смотрели ему вслед.

К бензозаправочной колонке, что внизу, у подножия холма, подъезжал автобус, и мистер Генчард пустился бегом.

Он сел-таки в автобус, но сначала основательно пропахал носом землю.

Я обнял Джеки.

— О господи, — сказала она. — Он уже стал невезучий.

— Не то что невезучий, — поправил я. — Просто обыкновенный. Кто сдает домик эльфам, у того удачи хоть отбавляй.

Мы сидели молча, смотрели друг на друга. Наконец, ни слова не говоря, пошли в освободившуюся комнату мистера Генчарда. Птичья клетка была на месте. Как и домик. Как и табличка «Сдается внаем».

— Пойдем к Терри, — предложил я.

Мы задержались там дольше, чем обычно. Можно было подумать, будто нам не хочется идти домой, потому что дом заколдован. На самом деле все было как раз наоборот. Наш дом перестал быть заколдованным. Он стоял покинутый, холодный, заброшенный. Ужасно!

Я молчал, пока мы пересекали шоссе, поднимались вверх по холму, отпирали входную дверь. Сам не знаю зачем, последний раз пошли взглянуть на опустевший домик. Клетка была покрыта (я сам накинул на нее скатерть), но... бах, шурш, шлеп! В домике снова появились жильцы!

Мы попятились и закрыли за собой дверь, а уж потом решились перевести дух.

— Нет, — сказала Джеки. — Не надо подсматривать. Никогда, никогда не будем заглядывать под чехол.

— Ни за что, — согласился я. — Как по-твоему, кто...

Мы различили едва слышное журчание — видно, кто-то залихватски распевал. Отлично. Чем им будет веселее, тем дольше они здесь проживут. Мы легли спать, и мне приснилось, будто я пью пиво с Рип Ван Винклем и карликами. Я их всех перепил, они свалились под стол, а я держался молодцом.

Наутро шел дождь, но это было неважно. Мы не сомневались, что в окна льется яркий солнечный свет. Под душем я мурлыкал песенку. Джеки что-то болтала — невнятно и радостно. Мы не стали открывать дверь в комнату мистера Генчарда.

— Может, они хотят выспаться, — сказал я.

В механической мастерской всегда шумно, поэтому, когда проезжает тележка, груженная необработанными обшивками для цилиндров, вряд ли грохот и лязг становятся намного сильнее. В тот день, часа в три пополудни, мальчишка-подручный катил эти обшивки в кладовую, а я ничего не слышал и не видел, отошел от строгального станка и, сощурясь, проверял наладку.

Большие строгальные станки — все равно что маленькие колесницы Джаггернаута. Их замуровывают в бетоне на массивных рамах высотой с ногу взрослого человека, и по этим рамам ходит взад и вперед тяжелое металлическое чудище — строгальный станок как таковой.

Я отступил на шаг, увидел приближающуюся тележку и сделал грациозное па вальса, пытаясь уклониться. Подручный круто повернул, чтобы избежать столкновения; с тележки посыпались цилиндры, я сделал еще одно па, но потерял равновесие, ударился бедром о кромку рамы и проделал хорошенькое самоубийственное сальто. Приземлился я на металлической раме — на меня неудержимо двигался строгальный

станок. В жизни не видел, чтобы неодушевленный предмет передвигался так стремительно.

Я еще не успел осознать, в чем дело, как все кончилось. Я барахтался, надеясь соскочить, люди кричали, станок ревел торжествующе и кровожадно, вокруг валялись рассыпанные цилиндры. Затем раздался треск, мучительно заскрежетали шестерни передач, разваливаясь вдребезги. Станок остановился. Мое сердце забилось снова.

Я переоделся и стал поджидать, когда кончит работу Джеки.

По пути домой, в автобусе, я ей обо всем рассказал.

— Чистейшая случайность... Или чудо. Один из цилиндров попал в станок, и как раз куда надо. Станок пострадал, но я-то нет. По-моему, надо написать записку, выразить благодарность... э-э... жильцам.

Джеки убежденно кивнула.

— Они платят за квартиру везением, Эдди. Как я рада, что они уплатили вперед!

— Если не считать того, что я буду сидеть без денег, пока не починят станок, — сказал я.

По дороге домой началась гроза. Из комнаты мистера Генчарда слышался стук — таких громких звуков из птичьей клетки мы еще не слышали. Мы бросились наверх и увидели, что там открылась форточка. Я ее закрыл. Кретоновый чехол наполовину соскользнул с клетки, и я начал было водворять его на место. Джеки встала рядом со мной. Мы посмотрели на крохотный домик — моя рука не довершила начатого было дела.

С двери сняли табличку «Сдается внаем». Из трубы валил жирный дым.

Жалюзи, как водится, были наглухо закрыты, но появились кое-какие перемены.

Слабо тянуло запахом стряпни — подгорелое мясо и тухлая капуста, очумело подумал я. Запах, несомненно, исходил из домика эльфов. На когда-то безупречном крыльце красовалось битком набитое помойное ведро, малюсенький ящик из-под апельсинов, переполненный немытыми консервными банками, совсем уж микроскопическими, и пустыми бутылками, явно из-под горячительных напитков. Возле двери стояла и молочная бутылка — жидкость в ней была цвета желчи с лавандой. Молоко еще не вносили внутрь, так же как не вынимали еще утренней газеты.

Газета была, безусловно, другая. Устрашающая величина заголовков доказывала, что это бульварный листок.

От колонны крыльца к углу дома протянулась веревка; правда, белье на ней пока не висело.

Я нахлобучил на клетку чехол и устремился вслед за Джеки на кухню.

— Боже правый! — сказал я.

— Надо было потребовать у них рекомендации, — простонала Джеки. — Это вовсе не наши жильцы.

— Не те, что жили у нас прежде, — согласился я. — То есть не те, что жили у мистера Генчарда. Видала мусорное ведро на крыльце?

— И веревку для белья, — подхватила Джеки. — Какое... какая неряшливость!

— Джуки, Калликэки и Джитеры Лестеры. Тут им не «Табачная дорога»[1].

Джеки нервно глотнула.

— Знаешь, ведь мистер Генчард предупреждал, что они не вернутся.

— Да, но сама посуди...

---

[1] «Табачная дорога» — роман американского писателя Эрскина Колдуэлла; книга была экранизирована, и одноименный фильм прославленного режиссера Джона Форда получил мировое признание. Герой рассказа Каттнера имеет в виду оборванцев — персонажей книги и фильма.

Она медленно кивнула, словно начиная понимать. Я сказал:

— Выкладывай.

— Не знаю. Но вот мистер Генчард говорил, что Маленькому Народцу нужен тихий, респектабельный квартал. А мы их выжили. Пари держу, мы создали птичьей клетке — району — дурную репутацию. Перворазрядные эльфы не станут тут жить. Это... о господи... это теперь, наверное, притон.

— Ты с ума сошла, — сказала я.

— Нет. Так оно и есть. Мистер Генчард говорил то же самое. Говорил ведь он, что теперь придется строить новый домик. Хорошие жильцы не поедут в плохой квартал. У нас живут сомнительные эльфы, вот и все.

Я разинул рот и уставился на жену.

— Угу. Те, что привыкли ютиться в трущобах. Пари держу, у них в кухне живет эльфовская коза, — выпалила Джеки.

— Что ж, — сказал я, — мы этого не потерпим. Я их выселю. Я... я им в трубу воды налью. Где чайник?

Джеки вцепилась в меня.

— Не смей! Не надо их выселять, Эдди. Нельзя. Они вносят плату, — сказала она. И тут я вспомнил.

— Станок...

— Вот именно. — Для пущей убедительности Джеки даже впилась ногтями в мою руку. — Сегодня ты бы погиб, не спаси тебя счастливый случай. Наши эльфы, может быть, и неряхи, но все же платят за квартиру.

До меня дошло.

— А ведь мистеру Генчарду везло совсем по-другому. Помнишь, как он подкинул ногой камень на лестнице у берега и ступенька провалилась? Мне-то тяжко достается. Правда, когда я попадаю в станок, за мной туда же летит цилиндр и останавливает всю махину, это так, но я остался без работы, пока не починят станок. С мистером Генчардом ни разу не случалось ничего подобного.

— У него жильцы были не того разряда, — объяснила Джеки с лихорадочным блеском в глазах. — Если бы в станок угодил мистер Генчард, там бы пробка перегорела. А у нас живут сомнительные эльфы, вот и удача у нас сомнительная.

— Ну и пусть живут, — сказал я. — Мы с тобой — содержатели притона. Пошли отсюда, выпьем у Терри.

Мы застегнули дождевики и вышли; воздух был свежий и влажный. Буря ничуть не утихла, завывал порывистый ветер. Я забыл взять с собой фонарик, но возвращаться не хотелось. Мы стали спускаться по холму туда, где слабо мерцали огни Терри.

Было темно. Сквозь ливень мы почти ничего не видели. Наверно, поэтому и не заметили автобуса, пока он не наехал прямо на нас, — во время затемнения фары почти не светили.

Я хотел было столкнуть Джеки с дороги на обочину, но поскользнулся на мокром бетоне, и мы оба шлепнулись. Джеки повалилась на меня, и через мгновение мы уже забарахтались в чавкающей грязи кювета, а автобус с ревом пронесся мимо и был таков.

Мы выбрались из кювета и пошли к Терри. Бармен выпучил на нас глаза, присвистнул и налил нам по рюмке, не дожидаясь просьбы.

— Без сомнения, — сказал я, — они спасли нам жизнь.

— Да, — согласилась Джеки, оттирая уши от грязи. — Но с мистером Генчардом такого бы не случилось.

Бармен покачал головой.

— Упал в канаву, Эдди? И вы тоже? Не повезло!

— Не то чтоб не повезло, — слабо возразила Джеки. — Повезло. Но повезло сомнительно. — Она подняла рюмку и посмотрела на меня унылыми глазами. Мы чокнулись.

— Что же, — сказал я. — За удачу!

Самая большая любовь

У мистера Денворта начались неприятности с гномами, и то, что он сам был виноват, утешало слабо. Он явно сглупил, когда украл именно в том магазине. Вывеска должна была послужить ему достаточным предостережением, поскольку на ней значилось: «Милостью Короля — ЕКВ Оберона». Оберон — имя редкое, а клиенты Магазина Гномов были тоже не из простых. Однако Денворт узнал об этом уже потом.

Это был сухощавый, смугловатый мужчина слегка за сорок, довольно мрачный и красивый, как толедский клинок. За его сдержанным поведением скрывался отвратительный характер. Денворт не терпел ничьих возражений. Несколько лет назад он женился на пухлой вдовушке, неожиданно оказавшейся хитрой и изворотливой особой, отчего его планы вдосталь попользоваться солидным состоянием Агаты Денворт были просто перечеркнуты. Постепенно супружеская любовь переродилась в ненависть, но обе стороны — люди цивилизованные — ловко скрывали свои истинные чувства так называемым цивилизованным образом. Денворт не афишировал своего разочарования, зато испытывал садистское наслаждение, всячески усложняя жизнь жены. Агата, со своей стороны, цепко держала деньги и плакала только наедине с

собой. Причиной ее слез был не Денворт, а мыльный пузырь, который она ошибочно приняла за реальность.

Муж воспринимал ее как паучиху, желающую сожрать партнера, однако правда выглядела несколько иначе. Оскорбленная гордость впервые в жизни укрепила спину Агаты. Она могла смириться с ненавистью, но не с презрением. После нескольких месяцев замужества она с неприятной отчетливостью поняла, что Денворт испытывает к ней холодное презрение и видит в ней лишь инструмент, дожидающийся его умелой руки. Разумеется, он был просто снобом...

Агата, желая сохранить лицо, одолжила ему сумму, достаточную для того, чтобы стать пайщиком Колумбийской страховой компании, но у Денворта было не так уж много акций, и он не мог контролировать фирму. Ему это не нравилось, но на безрыбье годилось и это. Итак, в возрасте сорока четырех лет Эдгар Денворт имел жену, которую ненавидел, и опостылевшую работу в КСК, а кроме того, был страстно влюблен в Миру Валентайн, актрису, слава которой не уступала славе самых ярких звезд Голливуда.

Миру это смешило.

А пламя в душе Денворта со временем разгоралось все ярче. Когда в тот день он шел по Сикамор-авеню, одетый с напускной небрежностью в хорошо подогнанный твидовый костюм, его лицо с высокими скулами индейца и светло-голубыми глазами англосакса ничего не выражало. На Четвертой авеню, по которой он ходил из конторы КСК в бар «Голубой Кабан», продолжались дорожные работы, и потому в тот памятный день Денворт свернул в тенистую Сикамор-авеню с ее рядом маленьких магазинчиков и высоких жилых зданий. Чувствовал он себя не лучшим образом.

И не без причин. В конторе консервативные сослуживцы не поддержали его по вопросу расширения фирмы, а Мира Валентайн, заглянувшая в КСК изменить условия страховки,

отнеслась к Денворту унизительно холодно. Кроме того, он исчерпал счет в банке и вынужден был снова попросить денег у Агаты. Правда, она выписала чек без единого слова, но... чтоб ее черти взяли!

Выхода не было. Смерть Агаты ничего бы не изменила, разве что к худшему, потому что Денворт не унаследовал бы ничего особо ценного. Он знал содержание завещания жены. Что касается развода... нет, только не это! Это означало бы потерять даже ту поддержку, которую обеспечивали подачки Агаты. В случае необходимости она всегда могла выписать чек, а в последнее время Эдгар Денворт частенько нуждался в этом. Он слишком легкомысленно делал вложения, чтобы они приносили прибыль.

Денворта раздражали препятствия, встречавшиеся на каждом шагу. Когда облачное небо исполнило вдруг свои угрозы, обрушив на землю сильный ливень, он воспринял это как личное оскорбление. Стиснув губы, Денворт бросился к ближайшему укрытию — навесу над входом в магазинчик, где, как он заметил, продавались *«Произведения искусства»*. По крайней мере, такое впечатление создалось у Денворта, когда он окинул витрину беглым взглядом.

Закурив, он принялся высматривать такси. Бесполезно. Улица была почти пуста. Оглядываясь по сторонам, Денворт обратил внимание на зеленую вывеску, раскачивавшуюся на ветру над входом в магазин. Она напоминала щит, на котором золотой краской была изображена корона необычной формы, а под ней надпись, гласившая: «Милостью Короля — ЕКВ Оберона».

Занятно!

Денворт взглянул на витрину, в которой, на первый взгляд, был выставлен набор театральной бижутерии, причем весьма экзотической. На небольшой картонной табличке читалась интригующая надпись:

НЕ ПРОДАЕТСЯ

Денворт присмотрелся к табличке — вряд ли это было взаправду так. За табличкой лежал предмет из золота — большой перстень или маленький браслет, — выглядевший достаточно необычно, чтобы заставить мужчину глубоко задуматься. Денворт знал, что Мире Валентайн понравился бы такой подарок. Не раздумывая долго, он толкнул дверь и вошел внутрь.

Магазин был маленький, чистый и светлый — обновленный полуподвал. Денворт остановился на небольшом возвышении с металлическими перилами, от которого ступени вели в собственно магазин. Ему почудилось какое-то быстрое движение, словно кто-то поспешно скрылся под прилавком, но когда он вновь посмотрел в том направлении, то увидел лишь исключительно бледного мужчину, который почему-то вздрогнул и уставился на Денворта. Никогда прежде Денворт не встречал такого невзрачного человечка. У него было гладкое бледное лицо, курносый нос, покрытый веснушками, редкие волосы мышиного цвета и незначительный подбородок.

— О-о, — разочарованно протянул мужчина, — а я думал, что вы клиент.

Денворт кивнул, и тут до него дошло значение слов. Неприятно удивленный, он поморщился:

— Я что, похож на нищего?

Человечек отложил метлу на длинной ручке и улыбнулся.

— Конечно нет, сэр. Вы меня не так поняли. Просто... гмм... я узнаю своих постоянных клиентов по слуху. То есть по виду, — поспешно добавил он.

Денворт спустился по ступенькам в магазин и огляделся. Щеки его коснулась паутина, и он брезгливо отвел ее в сторону.

— Это объявление в вашей витрине, — сказал он после недолгого колебания. — Что значит «Не продается»?

— Что ж, это необычная ситуация, — буркнул бледный человечек. — Меня зовут Смит, Вейланд Смит. Можно сказать, я получил это дело в наследство. Кто-то же должен делать эти... гмм... игрушки.

— Театральная бижутерия?

— Вот именно, — поспешно подтвердил Вейланд Смит. — Работа на заказ.

— Я хотел бы купить одну вещь, — заявил Денворт, — золотой перстень с витрины. Или это браслет?

— Перстень лозовика? — спросил Смит. — Мне очень жаль, но это заказ. — Он нервно коснулся метлы. Денворт хмуро взглянул на него:

— Перстень лозовика? Я слышал о лозовиках. Они ищут воду, золото или что-то в этом роде. Но я не понимаю...

— Должен же я его как-то назвать? — ответил Смит слегка раздраженно и украдкой оглянулся. Денворту показалось, что при этом он что-то прошептал, но так тихо, что невозможно было расслышать.

Ясно было, что продавец хотел поскорее избавиться от него. Это не понравилось Денворту, особенно сегодня, когда его самолюбие уже пострадало. Чтобы какой-то жалкий торгаш выпроваживал его... Он сжал узкие губы.

— В таком случае я куплю что-нибудь другое, — заявил он. — Не может быть, чтобы все в магазине было на заказ.

Из-за спины продавца послышался скрипучий голосок, и Денворту показалось, будто он слышит его кожей. Это был тонкий, мерзкий, визгливый голос; Денворту он абсолютно не понравился. Он быстро взглянул на висевшие за прилавком портьеры — те чуть колыхались.

— Минуточку, — сказал Смит в воздух и вновь повернулся к Денворту. — Простите, но сейчас я весьма занят. Мне нужно закончить заказ для клиента, который очень торопится.

Вот это, — и он указал на браслет с подвесками, одиноко лежавший на столике с красной столешницей.

Денворт игнорировал намек и, подойдя к столику, рассмотрел браслет.

— По-моему, он уже готов.

— Нужно добавить еще... гмм... еще одну подвеску, — ответил Смит.

Денворт прошелся по магазину, поглядывая на всевозможные украшения. На многих из них — медальонах, запонках, брошках — были надписи, и все не на английском. На гладкой бронзовой катушке, например, виднелась таинственная надпись «Yatch», а под ней — «crux ansata».

— Это довольно необычно, — снисходительно заметил Денворт.

Смит быстро заморгал.

— Мои клиенты не совсем обычны, — признал он. — Разумеется... конечно...

— Я все-таки хочу что-нибудь купить. Только не говорите, что цены высоки, я и сам догадался об этом.

— Мне очень жаль, поверьте, — твердо ответил Смит, — но я просто *не могу* вам ничего продать. Все, что есть на моем складе, сделано на заказ.

Денворт глубоко вздохнул.

— В таком случае я тоже что-нибудь закажу. Вы сделаете мне браслет или перстень? Дубликат того, что на витрине?

— Боюсь, что не смогу.

— А вы когда-нибудь слышали о Федеральном торговом надзоре? То, чем вы занимаетесь, нелегально. Предпочтение для избранных клиентов...

Сзади вновь донесся гнусный голосок. Смит вскочил.

— Извините, — сказал он, подбежал к портьере, просунул за нее голову и пробормотал несколько слов.

Бронзовый браслет лежал возле самого локтя Денворта.

TEXACO
US

Увы, соблазн напополам со вполне объяснимым раздражением привел к тому, что он совершил кражу, иначе не назовешь. Короче говоря, он стянул браслет.

Произошло это в одно мгновение. Когда безделушка оказалась у него в кармане, Денворт повернулся и направился к выходу. Смит явно не заметил пропажи, он по-прежнему стоял спиной к прилавку.

Денворт чуть поколебался, но потом решительно толкнул дверь и вышел, криво улыбаясь. Дождь кончился, чистые капли, сияющие в бледном свете солнца, рядком свисали с вывески, гласившей: «Милостью Короля — ЕКВ Оберона». Воробей неподалеку внимательно разглядывал лужу.

Хотелось бы написать, что Денворт уже раскаивался в содеянном, но, к сожалению, ничего подобного не было и в помине. Испытывая восторг при мысли о том, что перехитрил упрямого продавца, он направился к «Голубому Кабану», где собирался заказать подогретый ром.

Воробей склонил голову и внимательно вгляделся в Денворта маленькими глазками. Потом вдруг взлетел и устремился к лицу мужчины. Денворт машинально увернулся, а воробей сел ему на плечо и принялся нежно гладить клювом щеку своего неприветливого хозяина.

Реакция Денворта была вполне типичной. Маленькие увертливые существа порой вызывают большее опасение, чем большие. Можно спокойно смотреть на атакующего дога, но воробей, усевшийся на плечо, заставляет почувствовать себя беззащитным. Необычайно трудно избежать удара клювом в глаз. Денворт хрипло вскрикнул и отмахнулся.

Воробей вспорхнул, трепеща крылышками, но тут же вернулся, оживленно чирикая. Словно затем, чтобы еще более усилить замешательство Денворта, откуда-то появился небольшой белый пес и принялся прыгать на него и приветливо махать хвостом. Поскольку люди начали уже оглядываться,

Денворт не пнул пса, а скользнул в дверь «Голубого Кабана», который, к счастью, был недалеко. Дверь отрезала его от воробья и собаки.

Однако она не смогла преградить путь тому, что незаметно просочилось сквозь стекло, злобно бормоча при этом. Денворт ничего не слышал. Подойдя к стойке, он потребовал рома. День был мозглый, и горячий напиток был как нельзя кстати.

Несколько людей громко ссорились у стойки. Скользнув по ним взглядом, Денворт взял стакан и прошел в ложу. Там он вынул браслет и внимательно осмотрел его. Материал напоминал бронзу, а снизу через равные промежутки были прикреплены подвески: узел из проволоки, отсеченная человеческая голова, стрела и другие, определить которые было совсем уж трудно.

Денворт надел браслет на запястье, и в ту же секунду тихий голос прошипел:

— Проклятье! Клянусь древним Нидом, ну и не везет же мне!

— Простите? — машинально спросил Денворт.

— Проклятье! — повторил голос. — Я не могу использовать заклинание Настоящей Семерки. Однако Рун Оберона должно хватить.

Денворт прищурился и огляделся. Потом заглянул под стол. Потом подозвал официанта.

— Гмм... пожалуйста, еще один ром.

Не стоило спрашивать официанта, откуда идут бесплотные голоса. Впрочем, это вполне могло быть радио.

— Трикет тракет трокет омнибандум, — произнес голос. — Ин номине... о, чтоб тебя! Не идет. Послушай, у тебя на руке мой браслет.

Денворт не отзывался, стиснув губы и не подавая вида, что слышит. Маленький кулачок ударил по столу.

— Ты меня слышишь?

— Голос совести... просто смешно! — буркнул Денворт и глотнул рома. Ответом ему был тихий смешок.

— Вечно одно и то же! Люди большие скептики, чем кобольды. Все люди... — Послышалось тихое урчание, похожее на кошачье. — Послушай, — шепотом продолжал голос. — Вейланд Смит сделал этот браслет для меня. Я уже заплатил. Пришлось спереть три бумажника, чтобы набрать денег. Слушай, да ты просто ворюга.

Это наглое утверждение исчерпало терпение Денворта, и он буркнул что-то о краденых деньгах. Потом умолк и внимательно огляделся. Никто не обращал на него внимания.

— Но у нас есть право красть, — ответил голос. — Мы аморальны. Наши предки не ели плода с древа познания, как твои. Все гномы воруют.

— Гномы... — шепотом повторил Денворт.

— Турзи Буян, к твоим услугам. Ты отдашь мне наконец мой браслет?

— Я слышу голоса...

— Если не одумаешься, услышишь кое-что похуже, — пригрозил шепоток. — О, если бы я мог всего на одну ночь затащить тебя под Холм. Ты бы спятил. Я уже видел такие случаи.

Денворт закусил губу. Голос говорил слишком связно, чтобы быть галлюцинацией. Кроме того...

Вернулся официант, неся дюжину рюмок подогретого рома. Он выстроил их в ряд перед удивленным Денвортом, который тут же задал ему естественный в подобной ситуации вопрос.

— Все в порядке, сэр, — ответил лучащийся радостью официант. — Я угощаю и с удовольствием заплачу за эти порции, если вы позволите. Я люблю вас.

Он ушел, прежде чем Денворт успел ответить. Шепот раздался вновь, резкий и яростный.

— Видишь? Браслет действует как часы. Ничего удивительного, что я не смог наложить на тебя заклятия, ты, мерзкий человек. Даже Руны Оберона. Страшно даже подумать, что я причиню тебе вред.

Денворт решил, что лучше ему уйти отсюда. Гаденький шепоток действовал ему на нервы, может, из-за его тона. Вообще-то он не напоминал ни шипение змеи, ни треск пламени, но волосы на затылке ощутимо шевелились.

Но едва он встал, невидимые руки задернули портьеры ложи, и Денворт инстинктивно съежился.

— Ну, — сказал шепот, — теперь мы можем поговорить наедине. Нет, не пытайся удрать. Пить есть что... если тебе нравится такой слабиняк. То ли дело раньше! Помню, была гулянка, когда выперли Еву! Вот были времена под Холмом!

— Ты... живой? — очень тихо спросил Денворт. Он весь дрожал.

— Да, — ответил голос. — Даже поживее, чем ты. Нам незачем размножаться, чтобы поддержать огонь нашей жизни. У нас он неуничтожим... в принципе. Понимаешь ли, человече, я гном.

— Гном, — повторил Денворт. — Я... набрался. Точно. Иначе не говорил бы сам с собой.

— Ты говоришь со мной, Турзи Буяном, — рассудительно заметил голос. — Это естественно, что ты не хочешь в меня верить, но я могу с легкостью убедить тебя в моем существовании. Только сними на минутку этот браслет, ладно?

Какой-то инстинкт предостерег Денворта от этого. Когда он потянулся рукой к запястью, в воздухе вокруг него возникло непонятное напряжение. Он ощутил затаенную враждебность, а потом злоба, дремавшая в бесплотном голосе, прорвалась.

— Сними его! — потребовал голос.

Однако Денворт лишь глотнул рома и откинулся назад.

В руке он держал очередную рюмку, на случай, если напиток внезапно понадобится ему.

— Я слышал о таких вот вещах, — буркнул он. — Конечно, слышал. В сказках. Маленькие магазинчики...

— Слухи расходятся. У всех легенд есть свое начало. А теперь будь добр, сними этот браслет.

— Зачем?

— А затем, что я ничего не могу сделать, пока ты его носишь, — неожиданно признался голос. — Проклятье! Опять то же самое. Почему из всех амулетов в магазине Смита ты выбрал именно Печать Любви?

— Печать Любви?

Горячий ром действует сильнее холодного, он уже ударил Денворту в голову. Его скептицизм ослаб. В конце концов, бесплотный голос говорил вполне связно, хотя порой и двусмысленно.

— Давай объяснимся, — сказал Денворт после паузы. — По-моему, мне грозит опасность. Что такое Печать Любви?

Послышался тихий вздох.

— Ну ладно... Она вызывает любовь. Когда браслет на тебе, все тебя любят и ничего не могут с этим поделать. Если бы ты его снял, я мог бы навести на тебя несколько заклятий...

Денворт был даже доволен, что его собеседник не закончил фразы. Движимый внезапной мыслью, он поднялся и посмотрел назад поверх перегородки. Может, это Вейланд Смит последовал за ним и развлекался теперь чревовещанием? Это было куда правдоподобнее, чем слышимое, но невидимое присутствие Турзи Буяна. Однако соседняя кабина была пуста.

— Послушай, — убеждал его Турзи, — зачем тебе эта Печать? Вот мне она нужна. Меня никто не любит! Я должен исполнять главную роль в одном ритуале... гмм... церемонии, для которой Печать просто необходима. Будь человеком, а? А я скажу тебе, где закопан горшок с золотом.

— С золотом? И много его?

— Вообще-то не очень, — признал Буян. — Но больше унции. И без примесей.

Денворт глотнул еще рома, вспоминая только что сказанное гномом.

— Я мог бы использовать эту твою Печать. Говоришь, из-за нее люди тебя любят?

— А почему, по-твоему, официант поставил тебе выпивку? Печать безотказна. На ней есть стрела Эроса, узел любви, голова святого Валентина, йогхам...

— И ты ничего не можешь сделать со мной, пока я ее ношу?

В шепоте зазвучали нотки оскорбленного достоинства.

— Проклятье! Как бы я мог? Эта проклятая Печать заставляет меня любить тебя.

— В таком случае, я не буду ее снимать, — рассудительно ответил Денворт. — Я мало знаю о гномах, но мне не нравится твой голос.

— А я твой люблю, — прошипел Турзи, явно сквозь зубы. — И очень жаль. А то бы я тебе показал!

Разговор прервало появление официанта, несущего бутылки шампанского самого лучшего винтажа.

— За счет заведения, — объяснил он.

— Видишь? — прошептал Турзи.

Когда официант исчез, между портьерами появилась физиономия одного из завсегдатаев бара. Денворт узнал его — один из тех, что ссорились возле стойки. Теперь на толстом лице рисовалось выражение вечной преданности.

— Ты мой друг, — сообщил толстяк, кладя руку на плечо Денворта. — Не верь никому, кто скажет иначе. Ты джентльмен. Я за три мили могу узнать дженль... джен... в общем, ты — мой друг. Ясно?

— Во имя Ноденса! — крикнул разъяренный Турзи. — Вали отсюда, ты, паскудина! Искандер вештрум гобланхейм!

Толстяк вытаращил глаза и захрипел, словно задыхался. Потом схватился за воротник. Удивленный и испуганный Денворт увидел дым, идущий от красной полосы на его гладком лбу. Запахло паленым.

— Убирайся! — резко крикнул Турзи.

Толстяк повиновался: отшатнулся назад и исчез из виду. Выражение его лица вызвало у Денворта тошноту. Он оттолкнул в сторону ведерко для шампанского, стараясь справиться с дрожью.

Он был убежден помимо своей воли.

— Что ты ему сделал? — тихо спросил он.

— Заколдовал, — ответил Турзи. — И с тобой сделал бы то же самое, но...

— Но не можешь. До тех пор, пока Печать заставляет тебя любить меня. Ясненько.

В голубых глазах Денворта появилось задумчивое выражение.

— Оберон может лишить Печать ее силы, — заявил Турзи. — Хочешь, чтобы я его призвал?

— Вряд ли ты это сделаешь. Смит сказал, что браслет не закончен, нужен был еще один амулет. Верно ли я думаю, что...

— Ты спятил.

Денворт не обратил внимания на оскорбление.

— Подожди немного. Дай подумать. Человек или гном, носящий этот браслет, был бы почти всемогущ. Кажется нелогичным, чтобы обычному гному даровали такую мощь. Разве что имеется какой-то крючок... точно. Теперь я понял. Смит должен был добавить к Печати амулет, который сделал бы ее подвластной заклятиям Оберона. Верно?

Ответом ему была тишина. Денворт удовлетворенно кивнул, ощущая во всем теле приятное тепло.

— Значит, мне ничего не грозит, даже от Оберона. Интересно, велика ли мощь этой Печати?

— Она вызывает любовь у всех живых существ, — ответил Турзи. — Как по-твоему, сколько ты ее выдержишь? Мы не позволим! Ни один человек никогда не забирал амулета из магазина Вейланда Смита, а у него есть вещи и почудеснее этой. Защитный Медальон, например...

Денворт встал, его лицо с высокими скулами ничего не выражало, но светло-голубые глаза блестели. Уверенным движением он отодвинул в сторону портьеру и вышел из кабины.

Мира Валентайн. Мира Валентайн. Это имя пульсировало в его мозгу.

Мира Валентайн.

Капризная, чудесная, равнодушная Мира. Греющаяся в своем собственном свете и холодно улыбающаяся Денворту.

Если даже Турзи последовал за ним, Денворт этого не знал. Все заслонила восхитительная мысль о том, что сделает с Мирой Валентайн эта его новая, невероятная мощь.

— Не глупи, Эдгар, — сказала она ему однажды. — С чего ты взял, что я могла бы тебя полюбить?

Это не понравилось Денворту, и его самолюбие содрогнулось от удара. Он желал Миру, чтобы носить ее как гвоздику в петлице. Возможно, Мира это чувствовала, и Денворт с беспокойством заметил, что она относится к нему несколько даже презрительно.

Однако теперь он владел Печатью Любви.

И мог завоевать Миру Валентайн.

Мира Валентайн, Мира Валентайн — звучало в такт его шагам. На улицах зажгли фонари, и они начали игру с его тенью, полная луна поднялась в фиолетовое, усеянное звездами небо. Денворт, разогретый ромом, не чувствовал холода. Возможно, именно напиток помог ему так легко поверить в то, что Печать и вправду обладает волшебной силой.

Сила. Мира Валентайн. Печать Любви.

Нужно было рассуждать логически — даже если логика эта основывалась на совершенно невероятной предпосылке. Допустим, он завоюет Миру. С этим связывались определенные трудности. Его должность в Колумбийской страховой компании имела чисто номинальный характер, и скандал мог серьезно повредить ему. Кроме того, была еще Агата...

Но ведь... черт побери! Печать подействует и на нее!

Денворт злорадно усмехнулся.

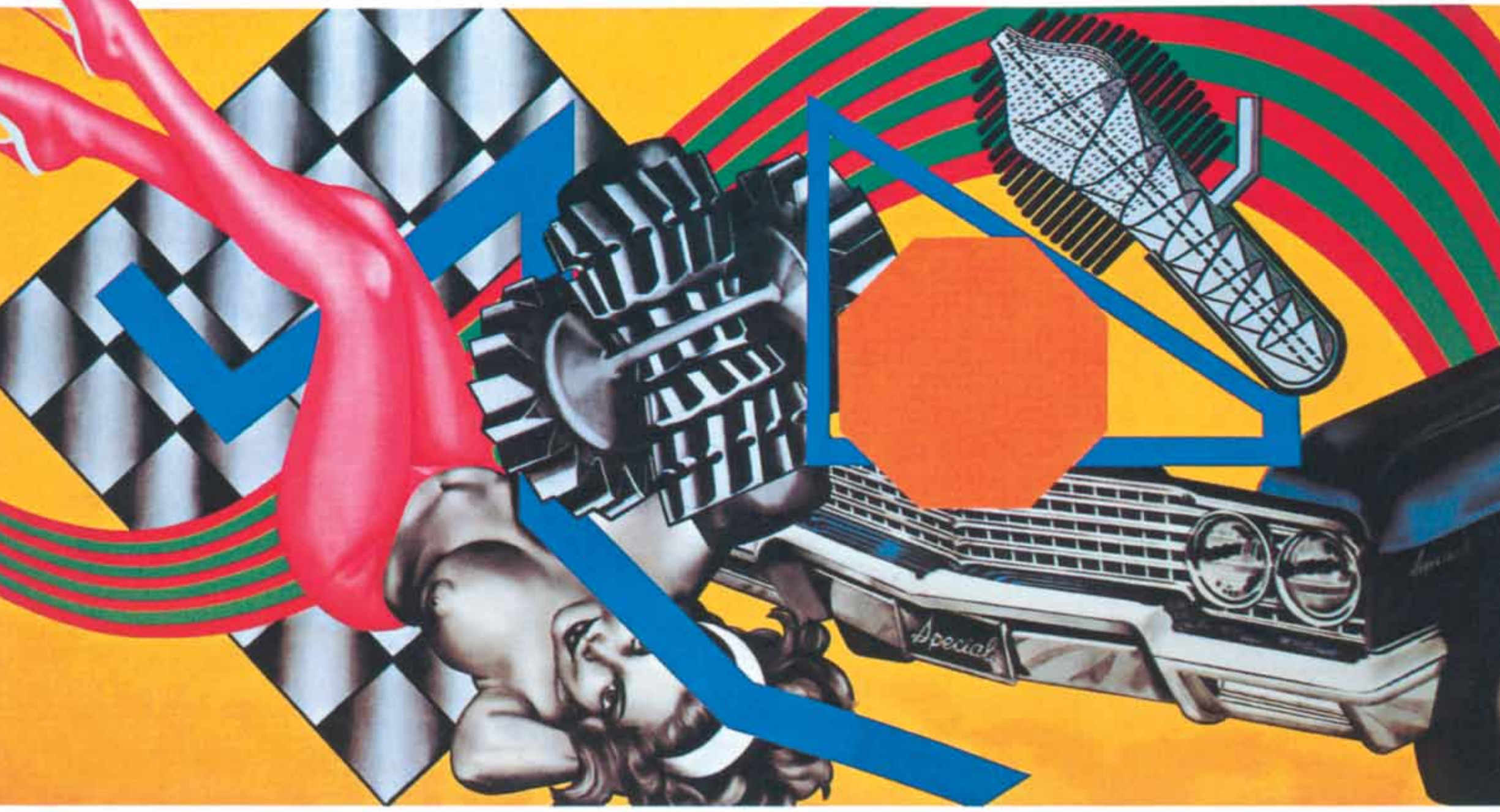
Его охватило нетерпение. Он поймал такси, и в голове у него начали возникать контуры плана. Мира будет венцом всего, но сначала следовало уладить другие дела.

И тут холодной иголочкой кольнула мысль: колдовство — оружие обоюдоострое.

Его нужно осторожно взять за рукоять, держась при этом подальше от острия. Причина была вполне очевидной: использование магии означало создание новых условий, некоторые требовали иных предосторожностей, нежели те, к которым он привык. С возрастом человек вырабатывает для себя инстинктивные методы защиты, учится избегать опасностей, поскольку все лучше узнает их. Жизнь — это туннель, в котором для неосторожных выкопаны ямы. Большинство людей учится пользоваться фонарем.

Однако магия источала свет иного рода, — возможно, ультрафиолетовый, — черный свет черной магии. Денворт улыбнулся своей мысли. Да, придется действовать очень осторожно. Нужно возвести новые защитные стены, а старые перестроить или усилить. Черная магия имела собственную логику, не всегда основанную на психологии. Но в данном случае магический фактор безотказно действовал на людей... значит, все должно быть не так уж трудно.

Денворты — точнее, Агата — были владельцами большого, удобного, хотя и несколько старомодного дома в пригороде. Камердинер впустил Денворта, причем его рыбье лицо


Special

расплывалось в улыбке. Когда он взял пальто Денворта, руки его погладили ткань почти нежно.

— Добрый вечер, сэр. Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете.

— Да. Где миссис Денворт?

— В библиотеке, сэр. Вам что-нибудь подать? Может, желаете выпить? Ночь холодная. Или развести огонь?..

— Нет.

— Вы должны больше думать о себе, сэр. Я не вынесу, если с вами что-то случится.

Денворт поперхнулся и ускользнул в библиотеку. Печать могла стать и причиной конфуза. Ему вспомнилась «Моя последняя принцесса» Браунинга. Она любила все: «Имела в виду все, на что смотрела, и взгляд ее бежал все дальше, дальше». А, к черту!

Агата сидела под лампой и вязала. Вся она была розовая, нежная и казалась совершенно беспомощной.

Женщина медленно повернула голову, и Денворт увидел в ее карих глазах то, чего не видел уже много лет.

— Эдгар... — сказала она.

Он наклонился и поцеловал ее.

— Здравствуй, дорогая.

Это удивило ее.

— Почему ты это сделал?

Денворт не ответил. Он сел на стул напротив Агаты и закурил, глядя, прищурившись, на голубой дымок. Агата отложила вязанье.

— Эдгар...

— Слушаю.

— Я бы хотела... — она закусила губу, — поговорить с тобой.

— Пожалуйста.

— Только сначала... может, тебе нужно что-то? Может, что-нибудь подать?

Денворт прикрыл ладонью хищную улыбку.

— Нет, спасибо. Так приятно расслабиться.

— Ты слишком много работаешь, милый. Порой мне кажется, что... я плохо веду себя с тобой. Ты... чувствуешь себя счастливым?

— В принципе, да.

— Неправда. Я сама не знаю, что говорю. Когда ты вошел, я почувствовала... — Агата не закончила и расплакалась.

— Гмм... ты не веришь мне, — заметил Денворт. — И это меня беспокоит.

— Не верю тебе?

Это была новая мысль. Под действием силы Печати Агата могла полюбить Денворта, но доверие — дело иное.

Насколько велика сила Печати? Был лишь один способ проверить это.

— Я хотел поговорить о твоем завещании, — сказал он. — Ты оставляешь деньги дальним родственникам, а ведь, в конце концов, я твой муж. Ты любишь меня?

— Да.

— Докажи. Сделай меня своим основным наследником.

На мгновение ему показалось, что он проиграл. Однако это было условием проверки любви Агаты, и она не могла ему отказать.

— Я сделаю это прямо сейчас.

— Лучше завтра, — со вздохом произнес Денворт. — Значит, ты любишь меня, да?

— Я думала, что нет. Однако сейчас ничего не могу с собой поделать.

«Интересно, любишь ли ты меня настолько, чтобы умереть по моему хотенью», — едва не произнес Денворт. Потом он встал, прошел в гостиную и приготовил себе выпить.

— Ну и свинья же ты, Эдгар Денворт, — произнес тихий голосок.

— Я... что? Кто это говорит?

Мужчина повернулся, разлив несколько капель, но, разумеется, ничего не увидел.

— Твой друг Турзи. Турзи Буян. Гном, у которого ты украл браслет, чудовище. Не будь его, я забрал бы тебя под Холм сейчас же.

— Но он есть, — напомнил Денворт. — Так что проваливай к дьяволу и больше не возвращайся.

— Это верно, что я ничего не могу тебе сделать, — признал Турзи. — Я слишком тебя люблю. Какой позор, что порядочный гном вынужден любить такую гниду, как ты. Но я пришел не один. Ваше Величество!

— Да, Турзи, — откликнулся второй голос, низкий, наполненный смертельным холодом. — Как ты и сказал, это никуда не годится. Люди изменились со времен Адама. Этот здесь... довольно гнусен.

— Ваши заклятия должны подействовать, — сказал Турзи. — Не существуя, он не будет ни хорошим, ни плохим. Только прошу вас, оставьте браслет. Я хочу его получить.

— Да, Турзи, — прошептал Оберон, и сделалось тихо. В воздухе растеклось что-то невидимое и страшное; Денворт забеспокоился и отступил, нервно облизнувшись.

— Ничего не выходит, Турзи, — сказал наконец Оберон. — Печать действует безотказно: я и сам его люблю. Не могу сделать ему ничего плохого. Может, Вейланд Смит сумеет добавить серебряное звено с помощью телепортации?

— Нет, не сумеет, — тихо буркнул Турзи. — Я его спрашивал. А без серебряного звена чары браслета не сломить.

Денворт глубоко вздохнул, ладони его были мокрыми. Если голос Турзи звучал просто страшно, то голос Оберона буквально повергал в шок. Причем явление это не имело никакой видимой причины. Возможно, оттого, что гаденький голосок гнома произносил совершенно невообразимые слова,

казалось, что он буквально истекает ядом. Этот шепот не походил ни на один из человеческих языков.

В бокале оставалось еще немного выпивки. Денворт в два глотка прикончил ее и огляделся по сторонам.

— Вы еще здесь?

— Да, — ответил Оберон. — Турзи, если сможешь затащить его под Холм, сообщи мне. Мы неплохо повеселимся.

— Вряд ли, Ваше Величество, — удрученно ответил Буян. — Он слишком хитер, чтобы снять браслет, а пока он на нем... сами видите.

— Мы его подловим, — пообещал Оберон. — Он снимет браслет, чтобы принять ванну, или что-нибудь вроде этого. Почему бы не натравить на мерзавца других гномов? Это может подействовать. По крайней мере, попортит ему нервы.

— Так я и сделаю, Ваше Величество, — ответил Турзи. — Вы разрешаете мне?

— Разумеется. Попробуй еще купить эту гниду. До свиданья.

Послышался свист воздуха. Денворт моргнул.

— Оберон ушел?

— Да. Подкуп — это неплохая идея. Допустим, если ты вернешь браслет, я обеспечу тебе щедрую награду и гарантию безопасности.

— И я могу тебе верить?..

— Да, если я поклянусь на холодном утюге. Что скажешь?

— Нет. Лучше уж синица в руках... Я оставлю браслет, так оно безопасней.

— У-у, жалкая крыса! — прошипел Турзи. — Ты испытываешь мое терпение, но забываешь, что я обладаю кое-какой силой...

— ...которую ты не можешь использовать против меня, — спокойно добавил Денворт.

Буян зашипел от ярости:

— О-о! Знаешь, что я хочу с тобой сделать? Вот это!

Стул, стоявший рядом с Денвортом, стал вдруг жидким и расплылся по ковру бесформенным пятном.

— И это! — добавил Турзи, когда камердинер открыл дверь и заглянул внутрь.

— Мистер Денворт...

Несчастный не успел сказать больше ни слова и рухнул лицом вниз. Выглядело это так, словно им занялся сумасшедший шведский массажист. Лицо его отразило невероятное удивление, а затем камердинер замер. Его конечности были завязаны узлом.

— Видел? — сказал Турзи.

Денворт облизал губы и поспешил на помощь камердинеру, который не издал ни звука, пока не был развязан.

— П-п-простите, — с трудом произнес он. — Простите. Наверное, это какой-то приступ. Кажется, я заболел.

— Спокойно, — ответил Денворт. — Лучше ложитесь. Что вы хотели?

— Я забыл. А... да. Миссис Денворт ждет вас в библиотеке.

Денворт торопливо вышел, потому что камердинер начал слишком уж нежно поглядывать на него. Не было никаких признаков Турзи Буяна. Может, он сдался?.. Нет, едва ли. Это был упрямый гном. Денворт пожал плечами и вошел в библиотеку. Агата уставилась на него с жалобной улыбкой.

— Я только что позвонила адвокату, Эдгар, — сказала она. — Он приедет через час. Я изменю завещание и сделаю тебя основным наследником.

— О-о...

Денворт почувствовал себя неуверенно. Стальные глаза Саймона Гендерсона всегда вызывали у него беспокойство. Старый адвокат смотрел на людей так, словно видел их насквозь. Кроме того, он умел задавать вопросы...

— Извини, Агата, но я не могу ждать. У меня деловая встреча. Ты не сердишься?

— Конечно, нет. Береги себя, дорогой.

Денворт кивнул и начал поворачиваться, но тут Агата сказала:

— Ты не очень рассердишься, если я...

Она встала, подошла к нему и поцеловала. Денворт вышел, с трудом сдерживая хохот. Сила Печати впечатляла. Интересно, может ли она накапливаться?

Сидя в такси, он вспомнил, что может больше не бояться Саймона Гендерсона. Браслет подействует на адвоката так же, как и на все прочие живые существа. Но... но не имело смысла сидеть дома, ведь в «Кубанависта» показывали сегодня новое шоу.

Видимо, его тянуло на люди со страху. Вмешательство магии в привычную жизнь, если уж говорить начистоту, глубоко беспокоило Денворта. При этом открывались новые перспективы, а привычный образ мыслей искажался еще сильнее, когда в игру включались гномы. Гномы — это... не что неожиданное.

Усевшись за стол в хорошем месте, Денворт с глупой миной разглядывал стройных полураздетых девушек на эстраде и обдумывал ситуацию. Ему казалось, что он вполне ее контролирует. Со всеми признаками обожания его проводили на лучшее место в ресторане, к великому удивлению метрдотеля, который пришел посмотреть, в чем дело. Он явился, чтобы высмеять его, и остался, чтобы ему поклоняться. Затем подошла блондинка из высшего общества — ее звали Мэри Бушуолтер, — которую Денворт знал в лицо. Мэри села на стул напротив него и совершенно затмила собой всех конкуренток.

Это была очаровательная глупенькая бабенка, вечно смотревшая на него сверху вниз, поэтому знаки ее обожания весьма льстили ему сейчас. Все взгляды посетителей были уст-

ремлены на него, привлеченные магическим притяжением Печати Любви. Денворт заказал выпивку и не удивился, когда получил еще и шампанское за счет заведения.

— Вы мне нравитесь, мистер Денворт, — сообщила Мэри Бушуолтер, многозначительно подмигивая. — Почему вы так долго скрывали свои достоинства от всего мира? Вы знаете, что вы очень красивы?

— Это преувеличение, — рассеянно ответил Денворт. — В лучшем случае — элегантен. И все же...

— Вы красивы, — упиралась Мэри. — Вы мне нравитесь... очень.

С шокирующей откровенностью женщина смотрела на него поверх бокала.

Однако Денворта она не интересовала. Сейчас он обдумывал возможные пределы своей силы. Он до сих пор не провел действительно серьезного испытания талисмана... просто не мог, пока Агата не изменит завещания.

— Послушайте, — сказал он вдруг, — одолжите мне тысячу долларов. Я временно на мели.

— Я выпишу чек, — ответила Мэри, широко известная своей скупостью. — Можете не отдавать. — И она принялась рыться в сумочке.

Денворт вздохнул. Черт побери, он не нуждался в деньгах Мэри, тем более что с этим наверняка будут связаны определенные условия, а Бушуолтер была женщиной требовательной.

Сейчас он просто хотел опробовать силу Печати, и результат его вполне удовлетворил.

— Я пошутил, — улыбнулся он. — Мне не нужны бабки, Мэри.

— Возьми... Денег у меня полно.

— У меня тоже, — ответил Денворт, не потрудившись употребить будущее время. — Выпей еще.

Именно в эту секунду прическа Мэри Бушуолтер превратилась в гнездо извивающихся змей.

— Вот что хотел бы я сделать с тобой, любимая ты моя куча дерьма, — послышался хорошо знакомый Денворту шепот Турзи Буяна. — Видишь?

Лицо Денворта стало бледно-желтым, однако он справился со своими нервами. Мэри пока ничего не заметила, а может, просто подумала, что ее прическа рассыпалась. Она подняла руку в поспешном жесте, коснулась этой мерзости, и губы ее раскрылись в беззвучном крике, обретя форму квадрата. Голова змеи скользнула по лбу и внимательно посмотрела в округлившиеся глаза дамочки. Мэри изо всех своих сил стиснула веки и губы, а затем безвольно сползла под стол. Из-под накрывшей ее скатерти не доносилось ни звука, если не считать тихого шипения.

К счастью, «Кубанависта» была плохо освещена; здесь резонно полагали, что четкое изображение лиц твоих приятелей может разрушить великолепие иллюзии, созданной алкоголем. Это верный принцип — действительность не должна мешать мечтам. Сейчас это было на руку Денворту, правда, ненадолго.

Очень скоро стало ясно, что Турзи пришел не один. Он внял совету Оберона и привел подмогу.

Честно говоря, гномов в «Кубанависта» было как собак нерезаных.

Разумеется, они были невидимы, и только этому большинство гостей ночного клуба обязаны тем, что тут же не спятили. Турзи явно набирал себе помощников среди отбросов общества — жалких ничтожеств с низменными инстинктами, чьи представления о развлечении не шли дальше наряжания в скатерти и безумного галопирования по залу, причем выглядели они при этом как безобразные гарпии. Скатерть, до той поры спокойно лежавшая перед Денвортом, вдруг взлетела и повисла в воздухе. Кто-то взвизгнул.

Денворт спокойно сделал еще глоток шампанского. Ядовитый шепоток Буяна сообщил:

— Я бы выплеснул это тебе в морду, не будь на тебе браслета. Клянусь Нидом и Хроносом, я покажу тебе, что хотел бы с тобой сделать. Вперед, парни!

Ответом ему был хор гнусных воплей. Гости повскакивали из-за столов и тоже закричали, выкрикивая вопросы, официанты бегали кругами, беспомощно посматривая на своего шефа — симпатичного прилизанного типа, жизнь которого до этого дня протекала тихо и гладко. Он был совершенно не готов к столкновению с гномами и решил пресечь панику по-своему: вскочил на эстраду, хлопнул в ладоши и принялся нагло лгать в микрофон:

— Господа, господа, все в порядке. Это входит в нашу программу...

— Тогда именно на вас я подам в суд! — посулили ему из-под перевернутого стола. Видны были несколько пар торчавших из-под него ног, на которые лилось вино из висящих в воздухе бутылок. Две скатерти, трепеща, висели над этой кучей малой, описывая медленные круги, а гости, сидевшие за ближними столами, зачарованно следили за развитием событий.

Правда, увещевания метрдотеля принесли-таки свои результаты. Постепенно все взгляды устремились на него. Несмотря на скатерти, парившие на птичий манер, установить контроль над ситуацией казалось вполне возможным делом.

Но тут и микрофон принялся раскачиваться. Сначала он едва заметно отклонился влево, и метрдотель подался за ним. Потом вправо. Потом еще и еще раз, описывая все большие и большие дуги, а новоявленный конферансье раскачивался вместе с ним, напоминая загипнотизированную кобру. Все результаты его трудов пошли прахом.

Когда микрофон взлетел в воздух, метрдотель откинул голову назад и издал несколько странных звуков, совершая при

этом диковатые жесты. Наконец он сдался. В этом чертовом клубе завелись привидения, и он ничего не мог с ними поделать. Он сделал все что мог, но этого оказалось мало, тем более что микрофон рывком освободился от провода и начал преследовать метрдотеля, удиравшего к оркестрантам, чьи инструменты вдруг разлетелись в стороны, являя модель расширяющейся вселенной.

Мало кто заметил сцену, разыгравшуюся на эстраде, поскольку основное действо происходило между столиками. Только один из них остался на месте, остальные были перевернуты или безумно кружились среди бьющегося стекла и лязгающих приборов. Слабый свет здорово усиливал эффект. Поскольку бесчинствующие гномы были невидимы, некоторые гости винили во всем ближайших к ним людей, в результате чего началось несколько драк, в которые постепенно втянулись все...

Денворт заглянул под столик. Волосы Мэри Бушуолтер обрели свой прежний вид, хотя она еще не пришла в себя. Мимо Денворта пролетела трепещущая скатерть, и злобный голосок прошептал:

— Здорово, а? Что скажешь, крыса?

Денворт со вздохом поднялся и вытер губы салфеткой. Потом пробрался к дверям, обходя сплетенные в борьбе тела. Поскольку гардеробщица исчезла, он сам отыскал свое пальто и шляпу, вышел на улицу и поймал такси. Послышались сирены полицейских машин, а звуки, доносившиеся из «Кубанависта», почему-то стали тише.

Денворт назвал свой адрес. Он устал, магия оказалась куда более утомительной, чем он представлял. Проезжая по спокойным улицам, он удобно откинулся на спинку сиденья и закурил.

— Турзи? — тихо спросил он.

— Здесь, — отозвался гном. — Видишь, тебе не скрыться от меня.

— Ты один?

— Пока да. Но одним мановением могу призвать на помощь целую толпу. Хочешь?

— Напрасный труд, — ответил Денворт. — Я не дурак. Этим скандалом ты хотел вывести меня из равновесия. Сам видишь, ничего не вышло.

— Подумаешь!

— Поскольку ничего нельзя сделать напрямую, ты пытаешься действовать косвенно, однако забываешь об одном: мне на всех в мире наплевать.

— Экая гнида, — заметил Турзи. — Подумать только, что я вынужден любить такую вонючку!

Денворт усмехнулся:

— Попроси Вейланда Смита сделать тебе другой браслет. Об этом ты не подумал?

— Он не смеет, — объяснил Турзи. — Закон разрешает делать лишь одну Печать в год. А я не могу ждать, фестиваль уже на носу. А может, ты одолжишь мне ее на время? Потом я тебе ее верну.

Денворт даже не потрудился ответить. В такси стало тихо. Наконец Турзи нарушил молчание.

— Тебе нравится быть таким гадким? — спросил он.

Денворт рассмеялся.

— Это понятие относительное... Интересно, какой у тебя коэффициент интеллекта, Турзи?

— Триста по вторникам и четвергам, — грустно ответил гном. — А по пятницам всего шестьдесят три. Это естественно. А тебе кажется, будто ты шибко умный, да?

— Возможно. Уж наверняка не дурак.

— Это тебе только кажется. Существует определенное равновесие, мир людей не должен соприкасаться с миром гномов. Земная логика приспособлена к царящим здесь условиям. Когда же в игру вступают новые элементы...

— И что же тогда?

— У каждого мира есть свой стандарт. Они решили так в самом начале и установили закон компенсации. Вы называете их парками или норнами. Но это всего лишь символы для обозначения принципов логики, которая применима лишь тогда, когда соприкасаются разные миры. Уравнение для Земли настолько сложно, что лишь Они могут его постичь. Когда появляются помехи, вводится компенсация. Это уже происходит. Украв Печать, ты свернул с дороги, определяющей твою жизнь, Денворт. С верной дороги. В данный момент ты возвращаешься на нее, хотя сам не знаешь об этом. Закон компенсации ведет тебя обратно к...

— К чему? — очень тихо спросил Денворт.

— Еще не знаю, — ответил Турзи. — Но это будет нечто ужасное. Участь, которой ты больше всего хотел бы избежать.

— Визит под Холм? Это ты имеешь в виду?

Воцарилась тишина, тяжелая и пугающая. Такси остановилось, Денворт вылез и потянулся за деньгами.

— За мой счет, — остановил его таксист, взгляд которого выражал чудовищно много. — Как только решите куда-нибудь поехать, вызывайте такси номер сто семь. Я отвезу вас даром.

Когда Денворт вошел в дом, за ним следовала мрачная бесформенная тень беспокойства. Он понимал, что познал лишь небольшой фрагмент необычайной вселенной, дверь в которую открыл перед ним ключ магии. Дальше могло оказаться что угодно.

Он познакомился только с той магией, которая воздействовала на него в его собственном мире, которая изменилась, чтобы приспособиться к человеческой и земной логике. Это было все равно что услышать голос безумца и знать, что в его затуманенном разуме скрывается ад.

Под Холм. Какую ужасающую реальность означал этот символ? «Участь, которой ты больше всего хотел бы избежать». Что это значит?

— Попасть под Холм, — сказал Денворт сам себе. — Разумеется. Что ж... я буду осторожен. Турзи?

Гном не ответил. Из библиотеки доносились какие-то голоса. Денворт вошел туда и увидел Агату, которая спокойно выслушивала аргументы Саймона Гендерсона, адвоката.

— Привет, дорогой, — сказала она и встала со стула, чтобы поцеловать Денворта. — Я так рада, что ты вернулся.

Гендерсон удивленно смотрел на этот всплеск супружеских чувств. Сам он был засушенным типом с вечно кислой миной на физиономии, причем порядочным до тошноты. Денворт никогда не любил его. Он ответил на поцелуй Агаты и поклонился адвокату:

— Рад вас видеть, Гендерсон. Не помешал?

— Ничуть, — торопливо ответила его жена. — Садись. Все уже готово, Саймон, правда?

Старый адвокат откашлялся.

— Новое завещание составлено и подписано, если ты говоришь об этом. Но я по-прежнему думаю, ты спятила.

— И потому меня нужно признать недееспособной? — улыбнулась Агата.

— Разумеется, нет! — замахал руками Гендерсон. — Я только хотел сказать, что ты поступаешь необдуманно, оставляя все этому... мистеру Денворту.

— Довольно, — решительно сказала Агата.

Адвокат повернулся и посмотрел на Денворта.

— Вы оказали на нее давление? Если да... — Гендерсон вдруг умолк, поморщился и провел рукой по лбу. — Вы... вы не дадите мне стакан воды? Что-то я...

Денворт налил ему бренди, и Гендерсон залпом выпил.

— Спасибо. У меня закружилась голова... О чем это я говорил?

— Что я оказывал на Агату давление.

Гендерсон глубоко вздохнул:

— Может, так и было. Может, и нет. Но это все равно. Мужчине нужны деньги. Агата, ты поступила правильно.

Она уставилась на него, удивленная внезапной переменой.

— Я думала...

— Что я не люблю Эдгара, — раздраженно закончил за нее Гендерсон. — Ты ошибалась. Именно такого парня я хотел бы иметь своим сыном. Я о нем очень высокого мнения.

Денворт закашлялся и налил себе бренди, чтобы скрыть ликование. Вот здорово! Браслет подействовал даже на Гендерсона. Значит, он может все.

Услышав вдруг тихий шелест, он вскочил. Неужели снова Турзи? Ответить на этот вопрос было невозможно, но сейчас Денворт не желал никаких осложнений с гномами. Он улыбнулся Агате:

— Что-то голова болит. Ты не рассердишься, если я пойду лягу, дорогая?

— Я принесу тебе аспирин.

— Нет, спасибо. Мне нужно просто выспаться.

— Может быть... — с сомнением заметила Агата.

Гендерсон заботливо смотрел на Денворта:

— Тебе нужно беречь себя, мой мальчик. Очень беречь! Ты просто не представляешь, как много значишь для многих людей. Порой я ловлю себя на том, что смотрю на тебя как на собственного сына.

— Спасибо. Спокойной ночи, папаша, — нагло ответил Денворт и вышел, послав жене воздушный поцелуй.

«Я могу позволить себе такие жесты», — думал он, поднимаясь по лестнице.

Камердинера нигде не было видно, и Денворт задумался, не решил ли он уволиться после происшествия с Турзи. Пожалуй, нет. Печать должна удержать его на месте.

Он медленно переоделся в пижаму, не переставая при этом курить. Завтра должно состояться заседание правления

Колумбийской страховой компании, и у Денворта были свои планы относительно этого заседания. Мира Валентайн могла подождать. Даже если бы она сегодня вышла замуж, это ничего бы не значило. Печать была сильнее любых уз.

Засыпая, Денворт вспоминал одну мелодию, песенку, которую слышал много лет назад. Как же там было? Ага...

«Любовь, твоя магия не знает границ...»

Улыбаясь, Денворт заснул.

Сны ему снились исключительно неприятные. Кто-то огромный и невидимый совершал какие-то непонятные, но зловещие действия. Он плел паутину, тут завязывая шнур, там закрепляя веревку. Хуже всего было то, что существо не обращало на Денворта никакого внимания, словно он был лишь мелкой закорючкой в сложном уравнении. Денворт утратил ощущение своей личности, непреодолимый страх поселился в глубине его разума, напирая на плотину, которая в любой момент могла разрушиться. Браслет на руке жег его, словно раскаленный металл.

Откуда-то донеся голос Турзи Буяна:

— Позволь мне забрать его под Холм.

Огромное существо делало свое дело, по-прежнему не обращая на него внимания.

— Сломи силу Печати.

Работа продолжалась.

— Измени уравнение. Дай мне сделать с ним все, что я хочу.

Существо не отвечало.

— Уничтожь Печать. У тебя же хватит на это силы.

Все оставалось по-прежнему.

— Под Холмом ждут. Позволь ему потанцевать с нами. Пусть узнает нас, увидит нашу красоту.

Однако Турзи не дождался ответа, и его тонкий шепоток смолк, а огромное бесформенное нечто, невидимое, но каким-то образом ощутимое, продолжало свою работу, подго-

няемое непонятным для Денворта стремлением. Внезапно плотина, сдерживавшая его страх, рухнула, и он проснулся весь в поту.

Он проглотил таблетку снотворного и лег снова. Сны больше не вернулись, и утром он проснулся отдохнувшим. После холодного душа Денворт был готов действовать дальше. Он начал за завтраком.

Агата выглядела прекрасно. Ее светлую кожу покрывал румянец, в уголках губ таилась улыбка. Она заказала на завтрак жареные потроха — одно из любимых блюд Денворта.

Они сидели на залитой солнцем веранде, в окна лился теплый желтый свет, а вместе с ним — свежий воздух раннего весеннего утра. Ветерок нежно ласкал кожу Денворта, и это напоминало ему прикосновение воды на рассвете во время жаркого лета. Сегодня утром он чувствовал себя очень хорошо. Почему бы и нет? Оставался всего шаг до исполнения желаний, и его ждали волнующие ощущения, связанные с борьбой.

И при этом ему ничто не грозило. Примерно так же мог рассуждать Ахиллес, выходя на битву без малейшего, как ему казалось, риска. Это была хорошая аналогия, верная во всех деталях. Денворт вспомнил свой сон и то, что сказал ему Турзи в такси. Следовало быть осторожным. Однако он был уверен в себе и лениво потянулся, радуясь движению мускулов под кожей.

— Как спалось, дорогой? — спросила Агата.

— Неплохо.

Денворт подцепил вилкой кусок жареной почки. Взгляд его вдруг стал жестким.

Во время еды он погрузился в раздумья, время от времени поглядывая на Агату. Печать не утратила своей силы, это было видно по поведению женщины. В каждом ее взгляде и движении сквозило обожание. Любовь, рожденная амулетом, была безоговорочна и бескорыстна. Бескорыстна? А может, она сильнее самого инстинкта самосохранения?

Денворту пришла в голову новая мысль: так ли уж ему нужна смерть Агаты? В любой момент он мог получить от нее деньги, а если захочет, жена согласится и на развод.

Он спросил ее об этом. Глаза ее наполнились слезами, но потом она кивнула:

— Да, Эдгар, если это сделает тебя счастливым. Ты хочешь этого?

— Нет. Конечно нет, дорогая, — ответил он и задумался.

Жизнь с Агатой в новых условиях могла оказаться не так уж и плоха. Но тут перед его глазами возникло лицо Миры Валентайн, и добрые намерения разлетелись в пыль, едва родившись.

Она согласилась бы стать его любовницей — Печать запросто уладила бы этот вопрос. Однако этого ему было мало. Денворт хотел Миру скорее как символ, чем ради нее самой, хотя и не отдавал себе в этом отчета. Завоевание Миры могло стать для него компенсацией за некоторые собственные несовершенства. Говорил же Турзи, что Денворт был гнидой.

Это стало еще очевиднее, когда он решил окончательно избавиться от Агаты. Сейчас в этом уже не было необходимости, однако он вспомнил раздражающее бессилие, пережитое раньше, мрачную, угрюмую ненависть, которую начал питать к Агате, когда понял, что она вовсе не идиотка, податливая к чужому воздействию. Смерть Агаты казалась ему необходимой для самоутверждения.

Денворт взглянул на нее. Он находил извращенное удовольствие в ее добровольном, почти униженном поклонении. Однако интеллектуальное удовлетворение, основанное на чисто психическом садизме, было слишком утонченным для Денворта. Он хотел чего-то конкретного.

Она должна умереть.

Денворт покончил с этим делом с ужасающей беспощадностью, играя на чувствах, над которыми жена была не власт-

на. Агата любила его, он это видел. Она с радостью умрет для него...

Сначала Агата расплакалась, но в конце концов взяла себя в руки. Да, она знала, что Эдгар не был с ней счастлив. Знала, что это ее вина. Только вчера она поняла, что... Неужели они не могут остаться вместе... как-то поладить?

Нет.

Она любила его и ради него была готова на все. Неужели нельзя попытаться еще раз?

Нет. Денворт любил Миру Валентайн.

Но...

— Ты сказала, что любишь меня так сильно, что готова умереть ради меня. Докажи это. Покончи с собой, но так, чтобы это выглядело несчастным случаем. Умри, если любишь меня. Если меня любишь.

Браслет на его запястье ярко сверкал в лучах солнца.

Агата кивнула, прижимая к губам влажный платок. Молча смотрела она вслед выходящему из комнаты Денворту, зная, что никогда больше его не увидит.

Денворт тоже знал это, однако не обернулся. Его слишком занимали мысли о том, чем закончится это последнее испытание.

Подкрепившись порцией бренди, Денворт поймал такси и поехал в контору. Проезжая мимо магазина Вейланда Смита, он поспешно отвел взгляд. В голове мелькнула новая мысль: Турзи сказал, что у Вейланда Смита много амулетов...

Он тут же забыл об этом, но мысли предстояло вернуться. Вскоре Денворт добрался до конторы и сел, ожидая сигнала, вызывающего на заседание. Когда тот прозвучал, он встал и глубоко вздохнул. Сейчас решится многое.

Поначалу он сидел тихо, хотя обменялся множеством рукопожатий и ответил на столько же вопросов о здоровье. Все

собравшиеся посматривали в его сторону весьма дружелюбно. Однако заседание проходило как обычно.

Впрочем, только до тех пор, пока Денворт — игнорируя текущие вопросы — не затронул проблему, уже решенную вчера. Все выслушали его. Денворт заявил, что принятое решение слишком консервативно, и упомянул о другом плане. Он знал, что повестка дня этого не предусматривала, но считал момент самым подходящим.

Шестеро мужчин единодушно поддержали его.

Когда вопрос поставили на голосование, новые принципы были приняты безо всяких возражений, а вчерашнее решение отменили. Денворт удовлетворенно улыбнулся и сел. Они любили его настолько сильно, что ни в чем не могли отказать.

Он повернулся к мужчине, сидевшему слева.

— Джо, я хотел бы прибавку к жалованью. И должность получше. Ты не выступишь с этим?

— Ну конечно! Надо было сделать это уже давно. Ты заслужил очень многое, Эд.

Члены совета не избрали его президентом компании — это было просто невозможно, однако подняли ему жалованье в четыре раза и дали должность всего на пару ступеней ниже президентской. После голосования раздались восторженные крики.

Когда заседание кончилось, Денворт пробился сквозь толпу поздравлявших его коллег, отклонил несколько приглашений и вернулся в свой кабинет. Он не приступил к работе, а уселся, положив ноги на стол, и курил одну сигарету за другой, время от времени качая головой. Все шло хорошо — даже очень хорошо. Пока.

Денворт позвонил Мире Валентайн; горничная ответила, что ее нет. Это была явная ложь, потому что Мира никогда не вставала раньше полудня. Значит, Печать не действовала через телефон.

— Пожалуйста, передайте ей, что я загляну после обеда, — сказал Денворт и с усмешкой повесил трубку. Мира сделается легкой добычей, как только окажется в поле действия браслета, каким бы оно ни было. Может, в пределах видимости? Впрочем, это не так уж важно.

Интересно, что делает Агата. Может, уже... Скоро он это узнает. А пока не мешает выпить.

— Не уходи, — произнес знакомый голосок. — Или я наделаю тебе неприятностей. Ты же знаешь, что у меня масса друзей, а Оберон дал мне carte blanche[1].

Денворт поудобнее уселся на стуле.

— Хорошо, — сказал он. — Слушаю новые предложения.

— Хватит с меня предложений, — заявил Буян. — Я люблю тебя и хочу взять с собой под Холм. Разве это не парадокс? Друзей... под Холм... не забирают.

— А что там, собственно, такое? — спросил Денворт с любопытством.

— Нам это кажется прекрасным, — сказал Турзи, — но мы ни в коей мере не похожи на людей. У вас, людей, фальшивые представления о гномах. Мы кажемся вам смешными, хотя Панч тоже смешон, но может быть и мерзок[2].

— Знаю, — согласился Денворт. Он всегда думал об этом, глядя на куклу с крючковатым носом и резкими движениями. — А как вы выглядите? Каковы ваши размеры?

— Примерно с фалангу твоего мизинца, — ответил Турзи. — Для ваших глаз мы были бы довольно красивы, вот только вы не можете нас увидеть.

— Художники часто рисовали гномов.

— Ты тоже мог бы нарисовать, если бы я себя описал, —

---

[1] Свободу действий *(фр.)*.

[2] *Панч* — английский вариант Петрушки.

ответил Буян. — Мы маленькие и хрупкие, с высоким уровнем метаболизма, без кишечника и...

— Что-что?

— Мы внутри цельные. Как картофелина. Возможно, тебе трудно это понять... ты мыслишь слишком антропоцентрично. Интересно, зачем я тебе все это рассказываю?

— Из-за Печати? — предположил Денворт.

— Наверно, да. Слушай, может, ты одумаешься и отнесешь браслет Смиту? Я говорил с ним, он даст тебе взамен кучу других амулетов.

— Например?

— Конечно, это мелочи, но тебе могут пригодиться. Неиссякаемый кошелек, рентгеновские очки, определитель характеров. Что скажешь?

— Не согласен, — ответил Денворт. — Они не защитят меня от врагов, как защищает Печать. Пока я ее ношу, никто ничего не может мне сделать.

— О семь измерений ада! — громко пискнул Турзи. — Ты испытываешь мое терпение. Это уже слишком! Как бы я хотел...

— Чего?

— Вот этого! — хриплым голосом крикнул гном, и тут дверь открылась и на пороге появилась секретарша Денворта. Ее тело осело, словно из него убрали все кости. Ужасная бесформенная груда съежилась, тараща глаза, потом растеклась и исчезла вместе с одеждой.

Денворт почувствовал тошноту. Он зажмурился и закусил губу, а потом тихо позвал:

— Мисс Беннет?

Ответа не было, если не считать тихого смеха гнома.

— Мисс...

— Именно это я хочу с тобой сделать, — довольно сказал Турзи. — Но я могу сделать и кое-что похуже. Сам убедишься!

Денворт уже успел взять себя в руки.

— Это ничего не даст, — сказал он, уперся руками в стол и посмотрел на пустое пространство перед собой. — Это... довольно страшно, но мисс Беннет ничего для меня не значила. Меня не беспокоят ни ее смерть, ни ее страдания. Это меня не трогает. Я невосприимчив и собираюсь остаться таким.

— Ты свинья.

— Не будь глупцом, — ответил Денворт. — В конце концов, это ты убил девушку.

— Для меня это естественный поступок, — ответил Турзи. — У меня другие понятия. Одно не равно другому. Я могу убить девушку, не нарушая канонов своей этики, но тебя это не тронуло, значит, ты неморален.

— Аморален.

— Это казуистика. Я могу и кое-что похуже, — пообещал Турзи. — Прежде, чем все кончится, ты приползешь ко мне на коленях.

— Кого ты любишь? — спросил Денворт, насмешливо улыбаясь.

— Тебя!!! — заорал Турзи, едва не сорвав голос от ярости.

Засвистел рассекаемый воздух — гном исчез.

Денворт задумался. Исчезновение мисс Беннет на удивление мало его тронуло, возможно потому, что было абсолютным. Смерть, как правило, оставляет после себя непривлекательные останки того, что с самого начала было сконструировано довольно небрежно. Трупы отвратительны, однако производят такое впечатление благодаря контрасту с живыми.

Денворт тряхнул головой. С этой минуты, решил он, нельзя позволять себе никаких чувств. Это, должно быть, очень трудно. Как всегда эгоцентричный, он безжалостно решил, что сила Печати Любви не может вызывать у него взаимности.

Вот только Мира...

Он позвонил домой, но Агаты не было, камердинер не знал, куда она отправилась. Должен ли он что-то предпринять? Хорошо ли мистер Денворт себя чувствует? Он должен беречь себя...

Денворт криво улыбнулся и положил трубку. Сейчас он выпьет, а потом пойдет к Мире, пока она еще не успела одеться и уйти.

Все сложилось наилучшим образом. Мира, рыжеволосая, дерзкая и прелестная, появилась, гневно глядя на горничную, впустившую Денворта вопреки приказу.

— Что это значит...

— Привет, Мира, — с улыбкой произнес Денворт. Как обычно, при виде девушки в горле у него пересохло, ее чувственная красота почти ослепляла его.

— Слушай, Эдгар Денворт, — рявкнула Мира, поворачиваясь к нему в вихре бирюзового вельвета, — я сказала тебе!..

Она умолкла.

— Что ты мне сказала?

Мира смотрела на него, приоткрыв рот. Что-то изменилось в темных глубинах ее глаз.

— Я...

— Убирайся, — приказал Денворт горничной, а когда та вышла, развел руки. Мира молча бросилась в его объятия.

Несколько часов спустя они сидели в саду на верхнем этаже ресторана, откуда открывался вид на город. Денворта переполняло приятное, теплое ощущение покоя. Он жадно разглядывал Миру, потягивавшую из бокала напиток, а она смотрела на него.

— Еще один?

— А не слишком много, дорогой? Твое здоровье...

— Я быстро здоровею, — небрежно заметил Денворт. — Кстати, я говорил тебе, что получил новую должность? — Он

уточнил, какую именно. — Как только я... гмм... получу развод, мы сможем сразу же пожениться.

— Это затянется на год, — заметила Мира. — Я не выдержу так долго. Но мы наверняка поженимся. Тебе придется отказаться от работы, я не хочу, чтобы ты работал. У меня куча денег.

— Нет, — решительно ответил Денворт. — Ничего из этого не выйдет. Я карабкаюсь вверх, собственно, я только начал свою карьеру и не собираюсь ее бросать.

— Но ведь я тебя люблю и не хочу, чтобы ты работал. Я хочу заботиться о тебе.

— Я не тунеядец, Мира, у меня есть кое-какие планы...

Она нежно улыбнулась, и Денворт почувствовал легкое беспокойство. Любовь Миры обретала неприятный материнский характер. Что ж, придется проявить твердость, пока не начались сложности.

Самое странное, что Денворт так ничего и не добился. Мира прочно вбила себе в голову, что ее любимый — это ребенок, за которым нужно присматривать и охранять от неприятностей. Денворт вспомнил Агату. Его жена тоже хотела перехватить у него первенство в семье.

Возможно, она чувствовала, что, как только капитулирует и признает власть Денворта, с нею будет кончено. Денворт не был бы хорошим хозяином.

Однако от красоты Миры перехватывало дыхание, и рядом с ней трудно было сохранить четкость мысли. Любой мужчина мог легко утонуть в темной глубине ее глаз.

Одним словом, ничего не произошло до тех пор, пока Денворта не позвали к телефону.

Подняв трубку, он почувствовал легкое жжение в груди.

— Денворт слушает.

— Начальник полиции Феннель. Я бы хотел с вами поговорить.

— Разумеется. Случилось что-нибудь?

— Несчастный случай. Ваша жена...

Тон Денворта полностью противоречил выражению его лица.

— Агата? С нею что-то случилось?

— Нет, — ответил Феннель после паузы. — Поговорим об этом при встрече. Я звонил вам в контору, и мне сказали, где вы. Может, я приду?

— Нет, встретимся в другом месте. Может, у меня в конторе?

— Хорошо.

Денворт задумчиво направился обратно к столику. Надвигались неприятности, он нутром чувствовал это. Может, Турзи опять что-нибудь отколол? Что ж, сам он был в безопасности. Он ласково провел рукой по Печати.

Миры за столиком не оказалось. Поговорив с официантом, который ничего не знал, Денворт расплатился и вышел. Почему Мира убежала? Наверняка чары браслета не перестали действовать!

Все еще задумчивый, Денворт явился в контору на встречу с начальником полиции Феннелем. Это был низенький седоватый мужчина с суровым лицом и пронизывающим взглядом черных глаз. Феннель не подал ему руки, а указал сигаретой на стул, сам присел на краешек стола и огляделся.

— Мы одни, это хорошо. А теперь, мистер Денворт, поговорим.

— Разумеется.

Денворт сел и закурил. Лицо его ничего не выражало, но голубые глаза смотрели настороженно.

— Вы сказали, это был несчастный случай?

— Ваша жена едва не прыгнула с крыши Карнес-билдинг.

Денворт откинулся на спинку стула. Едва! Что же ее остановило?

Разумеется, он не спросил об этом, только произнес:

— Агата... нет, я не могу в это поверить.

Феннель прикусил сигару.

— Я говорил с Саймоном Гендерсоном, ее адвокатом. Это мой старый друг, и он рассказал мне кое-что...

Денворт не выказал страха, внезапно охватившего его. Чертов Гендерсон!

— Он был обеспокоен. Похоже, ваша жена изменила вчера завещание, и Саймон решил на всякий случай заглянуть к ней утром. Он видел, как она выходила из дома, она же его не заметила. Когда она взяла такси, Саймон поехал за ней. Женщина бесцельно бродила по городу, один раз едва не попала под грузовик. Наконец она поднялась на крышу Карнес-билдинг, забралась на ограждение и потеряла сознание.

Денворт заморгал.

— Но...

— Когда она пришла в себя, Саймон поговорил с ней. У нее началась истерика. Она почему-то считала, что должна покончить с собой ради вашего блага, но не могла на это решиться. У миссис Денворт сильное религиозное предубеждение относительно самоубийства.

— Понимаю, — тихо ответил Денворт.

Так вот в чем дело! Печать обладала большой силой, но существовали и более могущественные вещи. В случае с Агатой браслет не подействовал как следует. Однако смерть ее была не так уж необходима. Ее легко можно было уговорить отдать ему деньги. Агата не отличалась алчностью, и отказ от богатства не вступил бы в противоречие с ее убеждениями.

Придется менять план. Ну ничего. Пока угрозу представлял Феннель, на которого Печать явно не действовала.

— Я прослежу, чтобы моя жена обратилась к врачу, — заверил Денворт.

Феннель откашлялся.

— Может, вы когда-то обучались гипнозу? Нет? Ну что ж... — он явно не поверил.

— Что вы имеете в виду? — спросил Денворт, откидываясь на спинку стула. — Выискиваете какую-то тайну? В последнее время моя жена чувствовала себя плохо, была угнетена. Люди порой совершают абсолютно немотивированные самоубийства.

— Весьма интересно, — продолжал Феннель, — что и Саймон, и миссис Денворт испытывают к вам невероятно сильную привязанность. Я слышал сплетни о вас, знаю людей из вашего клуба. Вы малосимпатичный человек. Кроме того, Саймон терпеть вас не мог... до вчерашнего дня.

— Неужели?

— Я не суеверен и пришел сюда потому, что Саймон беспокоится, хотя и не может сказать почему. Он производит впечатление человека, раздираемого двумя разными желаниями. Он очень хорошо отзывается и о вас, и о вашей жене, но почему-то эти два чувства находятся у него в глубоком противоречии. Нет, я не суеверен, Денворт, но, увидев вас, пришел к выводу, что вы дьявольски опасный человек.

— В самом деле? — сладким голосом спросил Денворт, поднимая брови. — И вы хотите меня арестовать?

— Нет.

— Вы не могли бы этого сделать, правда? Разве вы... гмм... не думаете обо мне, ну... как о сыне?

— Верно, — ответил Феннель, но ни один мускул у него на лице не дрогнул. — Это странно, но так оно и есть. И потому я беспокоюсь. Поэтому я подозреваю, что дело здесь нечисто. Вообще-то я человек уравновешенный, но теперь это равновесие нарушено, и мне это не нравится.

— Но вы ни в коем случае не причините мне вреда, — уверенно произнес Денворт.

Тут его ждал сюрприз. Феннель вынул сигару изо рта и торжественно покачал головой.

— Авраам любил Исаака, — сказал он, и в его глубоко сидящих глазах вспыхнула искра фанатизма. — Помните? И все

же он взял нож, чтобы убить своего сына. Есть вещи посильнее любви, мистер Денворт. Долг, например. Я боготворю закон.

Взгляды мужчин скрестились в безмолвном поединке.

— Вы мне угрожаете? — спросил Денворт.

— Я не испытываю симпатий к преступникам, а вы, как мне кажется, либо уже преступник, либо можете вскоре им стать. Я подозреваю гипноз, хотя, разумеется, не уверен. Однако советую вам десять раз подумать, прежде чем... — Он не закончил.

— Нет смысла продолжать этот разговор. — Денворт встал.

Начальник полиции тоже поднялся, закуривая новую сигарету.

— Как хотите. Я просто предупреждаю. Если вы невиновны, вам не на что обижаться. Если же планируете какую-то пакость, советую остановиться. Закон не знает чувств.

— Но судьи их знают.

Феннель плотно сжал губы.

— Это верно. Если вы и дальше будете использовать свой гипноз, надеюсь, дело дойдет до убийства, потому что тогда я получу право всадить пулю вам в сердце.

— Вон! — крикнул Денворт, яростно раздувая ноздри. Подавшись вперед, он крепко ухватился за край стола.

Феннель открыл дверь.

— Уже ухожу. Но запомните: я буду следить за вами. Не думайте, что гипноз вас спасет.

— Вон!!!

— Не мог бы я тебя любить, о дорогая...—заметил Феннель с язвительной улыбкой и вышел, захлопнув за собой дверь.

Денворт рухнул на стул, стискивая зубы с такой силой, что заломило в висках. Ему вдруг захотелось сорвать с руки браслет, но он справился со своей яростью. Не имело смысла ухудшать свое положение. Сила Печати имела некие ограничения — ну и ладно. Рубанок не годится для обработки

металла, но все равно полезный инструмент. Денворт просто переоценил возможности браслета.

Агата не покончила с собой, потому что это запрещала ей религия. Саймон Гендерсон выложил все Феннелю, хотя и осторожно, из-за своей глубокой привязанности к Агате. Сам же Феннель...

Закон был его хозяином, его богом, его raison d'etre[1]. Он был готов пожертвовать Исааком на алтаре своего Бога. Денворт вздрогнул. Феннель был слишком фанатичен, и он всерьез испугался этого тихого, седоватого, невысокого человечка, чувствуя в нем безжалостного противника.

«Все убивают то, что любят...»[2]

Но цитата не утешила Денворта.

Ну что ж, он по-прежнему владел браслетом. Придется действовать осторожнее, по крайней мере пока. Внезапно он затосковал по Мире Валентайн, по наркотику, каким она была для него. В гневе подошел он к двери и распахнул ее. Феннеля и след простыл.

Мира дала ему ключ. Поездка на такси до ее дома заняла десять минут. Прошли еще долгие двадцать секунд, прежде чем он добрался лифтом до девятого этажа, и целая вечность, пока ключ поворачивался в замке.

Мира говорила, что у ее горничной сегодня после обеда выходной. Денворт вошел в квартиру — гостиная была пуста.

— Мира! — позвал он.

Вдруг в углу что-то шевельнулось. Парализованный страхом Денворт увидел, что Мира стоит на четвереньках, опираясь на пол руками. Девушка поднялась бесконечно медленным движением, тени скрывали ее лицо. Она молчала.

---

[1] Смыслом существования *(фр.)*.

[2] О. Уайльд, «Баллада Редингской тюрьмы».

За спиной Денворта кто-то тихонько засмеялся, и он снова услышал шепоток гнома:

— Так значит, нет ничего, что бы ты любил, Денворт? Ничего?

— Мира! — крикнул мужчина. — Мира!

— Мы не можем причинить тебе вреда, Денворт. Но мы забрали под Холм ее.

Денворт одним прыжком оказался рядом с девушкой, стиснул рукой ее плечо и подтащил к окну. Она не сопротивлялась, покорно шла за ним.

Красный свет заходящего солнца упал на ее лицо. В страшной тишине довольный смех Турзи Буяна походил на призрачное журчание ручья.

Именно взгляд Миры сказал ему, что... Выражение ее глаз...

Воспоминание о том, что она видела.

Турзи захохотал:

— Она была под Холмом и видела, как там хорошо. Она видела зал, в котором мы подняли тост в честь Евы в ночь гнева. Расскажи своему любовнику, что ты видела, Мира Валентайн.

Губы Миры приоткрылись, она заговорила тихо и отчетливо.

— Нет! — крикнул Денворт.

Она умолкла, однако он по-прежнему видел ее глаза. Она пережила что-то невыносимо ужасное.

Красноватое сияние шло от Печати Любви. Мира заметила это и подошла к Денворту, вытягивая руки.

Это было невыносимо. Денворту казалось, что он постиг часть ужаса, пережитого Евой, начало самого страшного богохульства. Некоторые изменения настолько слабы и лишены логики, что их можно было только почувствовать. В Мире произошла именно такая перемена.

Денворт попятился. Мира следовала за ним — Печать Любви притягивала ее.

Невидимый Турзи злобно хохотал над ними.

Денворт повернулся и побежал к двери, но та не открылась. Пока он возился с ручкой, руки Миры обвились вокруг его шеи. Ее прикосновение раздуло тлевшую в нем искру безумия, он с криком повернулся и... и...

Мира была мертва. Кровь покрывала ее рыжие волосы темными пятнами. Багровые ручейки текли к тяжелой бронзовой пепельнице, что лежала на ковре. Мира была мертва.

— Теперь ты отдашь мне браслет? — прошептал Турзи.

Наконец Денворт открыл дверь и выскользнул в коридор. Ему казалось, что мозг его купается в языках ледяного пламени, и это действовало на него, как алкоголь. Впрочем, внешне ничего не было заметно. Он спустился вниз, почти не глядя на лифтера, и попросил портье вызвать такси.

— Куда, старик? — спросил шофер. — За мой счет.

— Все равно. Все равно. Поездим немного по кругу.

Закрыв глаза, он откинулся на спинку. Хорошо хоть Турзи убрался или, по крайней мере, притих. Мира...

Он отогнал мысль о ней, сейчас были дела поважнее. Ему грозила прямая опасность, и нужно было бежать из города. Хорошо, что браслет ему в этом поможет... поможет найти друзей.

Ему просто не повезло. Силы браслета оказалось недостаточно. Если бы он имел еще несколько талисманов...

ВЕЙЛАНД СМИТ!

Денворт наклонился вперед:

— Едем вверх по Сикамор-авеню. К восемнадцатому номеру.

— Сделаем, старик.

Конечно же, Вейланд Смит. Почему это не пришло ему в голову раньше? Смит производил амулеты — так сказал Турзи. Неиссякаемый кошелек и... что там еще было? Он не мог вспомнить, но это и не имело значения. Наверняка в магазине

для гномов было много могучих амулетов, и если Денворт получит хотя бы некоторые из них, его неприятности кончатся.

Эта катастрофа могла обернуться благословением. Даже Мира... она начинала проявлять агрессивность, которой Денворт не выносил. Нет, жизнь с ней была бы не такой уж счастливой.

Перед его мысленным взором возникло лицо Феннеля, а вместе с ним и пепельница, которой он убил Миру. Отпечатки пальцев. Улики. Лифтер и портье видели, как Денворт входил и выходил из здания.

Феннель...

Такси остановилось. Вылезая, Денворт взглянул на раскачивавшуюся вывеску с надписью «...ЕКВ Оберона», затем пересек тротуар, открыл дверь и спустился по лестнице...

Вейланд Смит еще не включил свет. В магазине царил полумрак, и Денворт видел лишь белый овал его лица. Смит поспешно повернулся и исчез за портьерой.

Денворт последовал за ним, зловеще улыбаясь. Налетев по пути на стол, он опрокинул его, и небольшие металлические предметы посыпались на пол. Он зашел за портьеру.

Это была мастерская Смита. У стены стояло что-то вроде верстака ювелира, рядом разместились незастеленная раскладушка и стол с грязной посудой. С потолка свисала паутина, повсюду лежала пыль. Видимо, Смит заботился о чистоте в магазине, но не обращал внимания на эту комнату.

Свет попадал внутрь сквозь три больших окна из матового стекла. Смит торопился к двери в дальней стене комнаты, когда рука Денворта опустилась на его плечо и резко повернула. На бледном, веснушчатом лице ясно читался страх.

— Куда спешите, мистер Смит? — спросил Денворт.

— Я... я...

— Может, я вернулся, чтобы отдать вам браслет?

Смит облизал губы.

— Я знаю, зачем вы пришли. Я следил за событиями. Турзи сказал...

— Что же он сказал?

— Что начальник полиции разделается с вами. Но я в этом не уверен.

Денворт протяжно свистнул:

— Турзи натравил на меня Феннеля? Это вы хотели сказать?? Но... Господи... это просто безумие!

Смит коснулся пальцем подбородка.

— Он использовал для этого Телепатическую Запонку. Посеял подозрения в мозгу Феннеля. Однако я знал, что из этого ничего не выйдет.

— Вышло, — рявкнул Денворт. — Значит, вот как Феннель напал на след.

— Не совсем, — Смит украдкой взглянул в сторону портьеры. — Адвокат вашей жены позвонил Феннелю, однако тот был настроен скептически, и Турзи освободил его от сомнений с помощью Запонки. Разумеется, Феннель не знает, в чем тут... дело, но в его мозгу завелось некое предчувствие, а он из тех... людей, что верят в них.

Денворт кивнул:

— Понимаю. Как и то, что вы разговариваете со мной, чтобы выиграть время. Для чего?

— Я... Турзи!

Ответа не было. Денворт усмехнулся:

— Ну ладно. Еще одно основание поспешить. Мне нужно несколько амулетов, Смит. Хороших, мощных амулетов. Один, чтобы защищал меня от опасности, второй, чтобы изменил мой внешний вид, и третий, чтобы снабжал меня деньгами. Мне нужно все это, а еще — смертоносное оружие, которое невозможно обнаружить.

— Нет, — ответил Смит, пытаясь выдвинуть вперед слабо очерченный подбородок.

— Вы это сделаете. Потому что любите меня, правда?

Смит был на грани истерики.

— Денворт, умоляю! Я не могу! Мне доверяют. Я просто...

— Во-первых, защита, — продолжал Денворт, не обращая внимания на мольбы Смита. — Что у вас есть?

Он подошел к столу, крепко держа продавца за руку.

— Что это такое?

— Хамелеонова Бусина. Позволяет менять цвет.

— Не годится, — решил Денворт. — А это? — Он взял в руки перстень, украшенный тремя голубыми жемчужинами.

Лицо Смита вытянулось.

— Ничего особенного...

— Только не врать! Как он действует?

— Это... это Защитный Перстень. Исполняет три желания в день.

— Три желания!

— Только определенного типа. Когда он на вас, вы можете изменить свой облик.

Денворт надел перстень на палец.

— Надо просто произнести желание? Вслух?

— Вслух или мысленно, это не имеет значения. — Смит закусил нижнюю губу. — Пожалуйста, не забирайте его! Я обещал его Титании...

— Хочу стать... львом, — сказал Денворт.

Чары подействовали. Он больше не стоял на двух ногах, а его голова оказалась на уровне талии Смита. Денворт покрутил ею. Все тело его стало мускулистым и покрылось рыжей шерстью, а сзади появился хвост, украшенный кисточкой.

Смит бросился к двери, но Денворт одним прыжком преградил ему путь и тихо зарычал.

«Преврати меня обратно», — подумал он и тут же обрел свой прежний облик. Перстень все так же был у него на пальце, две из голубых жемчужин стали черными, как уголь.

— Это два желания, — кивнул он. — Осталось еще одно, верно?

Смит дрожал всем телом.

— Да. До полуночи. Потом снова будет три. Жемчужины вновь станут голубыми. Денворт, не просите больше у меня ничего. Я не могу. Не могу. Я...

— Теперь такое, что защитит меня от врагов, — спокойно продолжал Денворт. — Что у вас есть на складе?

— Я не...

Браслет сверкнул в угасающем свете дня.

— Может, Печать не действует? Разве она не вызывает у вас любви ко мне?

— Конечно, она действует! — гордо ответил Смит. — Мои амулеты всегда действуют. Но, пожалуйста, не просите меня ни о чем.

— Не будет, — зловеще произнес знакомый шепоток. — Это ничего ему не даст. Извини за опоздание, Вейланд. Пришлось воспользоваться Запонкой, чтобы привести сюда Феннеля.

— Турзи! — просипел Смит. — Быстрее! Введи меня в каталепсию!

— Сейчас. Я разбужу тебя, когда кончат стрелять.

Денворт шагнул вперед, но было уже поздно. Смит одеревенел, как доска, и с грохотом рухнул на пол — глаза стеклянные, тело жесткое.

Турзи расхохотался.

— Вот так, пройдоха, — прошептал он потом. — Я тебя предупреждал. Теперь получи за все! А я вернусь под Холм, пока ты не придумал способа использовать Печать против меня.

Засвистел воздух. Денворт стоял столбом, вглядываясь в пустое пространство. Потом посмотрел вниз, на неподвижного Вейланда Смита.

— Ну что ж...

Он зловеще усмехнулся. Турзи прибыл чуточку поздновато. В магазине стояли столы, целиком покрытые амулетами. Он набьет ими карманы и уйдет. Потом будет время разобраться, на что они годны. Можно будет вернуться сюда в новом облике и снова расспросить Смита. А еще можно...

Перед ним открывались необозримые перспективы. Все-таки ему повезло.

Денворт вышел в магазин, взглянул на таившиеся в тени контуры столов и торопливо отступил. Входная дверь распахнулась, послышались громкие шаги. Денворт осторожно выглянул из-за портьеры.

Феннель!

Внутрь попадало достаточно света, чтобы можно было узнать начальника полиции. Феннель держал в руке пистолет, за ним следовали две мощные фигуры.

— Это здесь, — тихо сказал Феннель. — Таксист запомнил, что привез Денворта именно сюда. К счастью, предчувствие подсказало мне заглянуть в квартиру мисс Валентайн.

Предчувствие! Денворт выругался про себя. Это Турзи со своей Телепатической Запонкой был этим предчувствием! А сейчас...

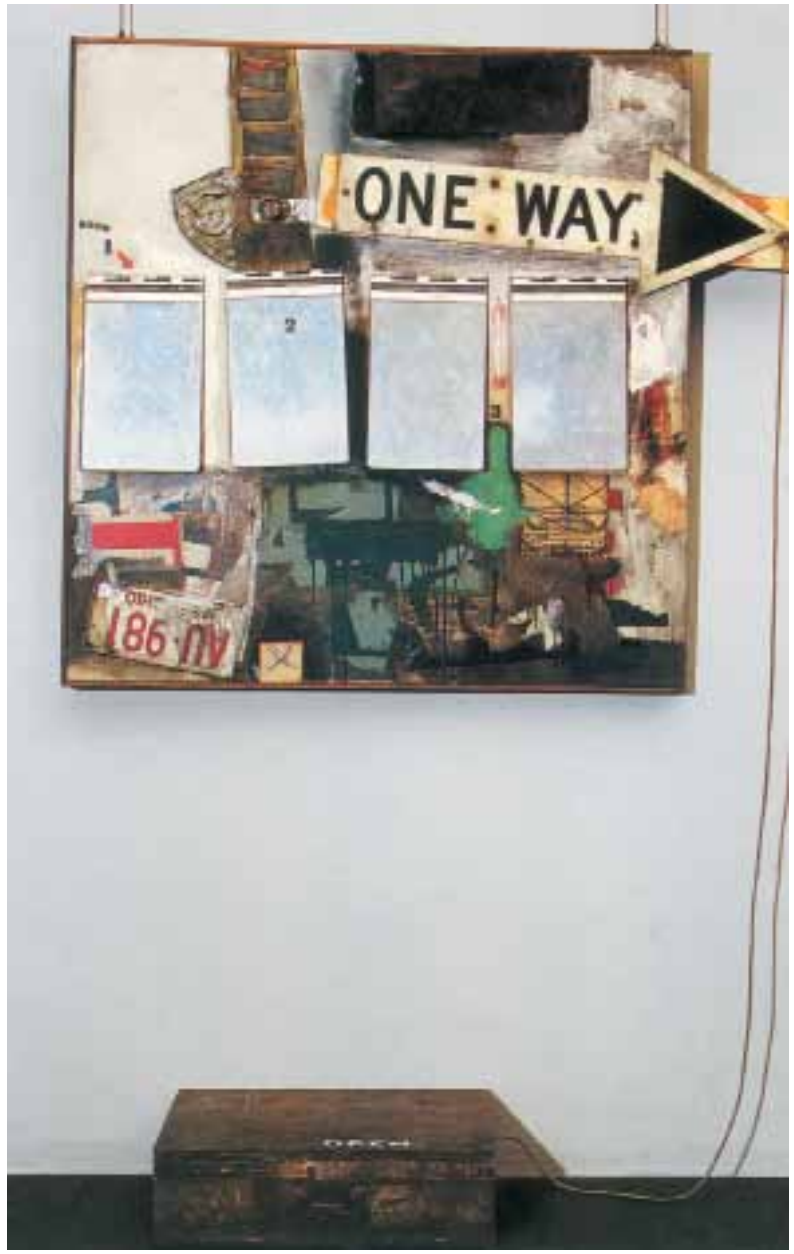
Он тихо подошел к задней двери — закрыто. Денворт вернулся к телу Смита и проверил его карманы, надеясь найти ключ.

Ничего. Шаги приблизились, послышался голос Феннеля:

— Денворт, ты тут? Если да, то выходи с поднятыми руками.

— Поцелуй меня в зад, — прошептал Денворт, глядя на Защитный Перстень с двумя черными и одной голубой жемчужинами. Оставалось одно желание. Он оглядел темную комнату. В кого бы превратиться, чтобы никто не нашел его здесь...

Портьера дрогнула.



«Паук!» — подумал Денворт, и превращение совершилось. Он стал маленьким, и огромные тени двигались над ним.

Он побежал в поисках укрытия — не хватало, чтобы на него наступили. Впрочем, паук был маленьким, он мог укрыться в любой щели, дождаться полуночи, а затем вновь воспользоваться перстнем.

Денворт перебирал многочисленными ногами, а паучьи глаза обеспечивали ему необычайно широкое поле зрения. Каким-то образом он знал, что Печать Любви и Защитный Перстень по-прежнему остаются с ним, пусть и невидимые, и что сила их не уменьшилась после его превращения.

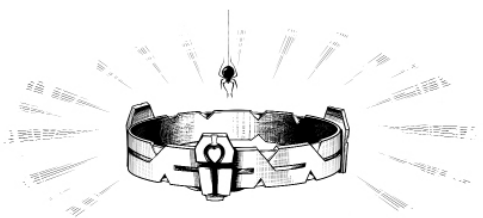
Тени накрыли его. Он нашел глубокую щель, забрался туда и стал ждать. Ему больше не грозила единственная опасность, которой он боялся, — быть раздавленным. Даже в таком виде у него не могло быть врагов.

В темноте что-то шевельнулось, замерло, потом быстро направилось к Денворту. Ледяной страх охватил его. Он понял, кто это.

Узнал *её.*

Самка паука крупнее и быстрее самца, а кроме того, как хорошо знал Денворт, у них довольно неприятные обычаи. Пока паучиха бежала к нему, он отчетливо осознал, что именно тянуло ее к слиянию, которое предстояло пережить только ей.

Печать Любви имела власть над всеми живыми существами.



Список иллюстраций

С. 6. Портрет Генри Каттнера.

С. 13, 30-31, 59, 66-67, 81, 86-87, 118-119, 127. Америка начала XX века. Фотографии.

С. 17, 23, 35, 43, 51, 55, 75, 95, 105, 123. Игорь Степченков. Живопись.

С. 135, 215, 229. Vogue, 1965.

С. 139, 209. Popular Mechanics Magazine, 1936.

С. 147, 167, 197, 239, 273, 293, 307, 338-339, 345, 521. Life. International, 1962.

Энди Уорхол (1928—1987)
- С. 155. *Четыре Мэрилин.* 1962.
- С. 175. *Консервная банка от кэмпбелловского супа I.* 1968.
- С. 203. *80 двухдолларовых банкнот.* 1962.
- С. 227. *Дик Трейси.* 1960.
- С. 243. *Пачка денег.* 1962.
- С. 381. *Большая открытая банка с супом Кэмпбелл.* 1962.
- С. 403. *Виски с эмблемой Козерога.* 1959.
- С. 407. *Серебряная Лиз.* 1963.
- С. 415. *Выдуманные герои (Дядя Сэм).* 1981.

С. 157. Ричард Хамильтон. *Что делает наши современные дома такими особенными, такими привлекательными?* 1956.

С. 163, 171, 257, 283, 327, 331. Popular Science, 1931, 1936.

С. 181, 189, 221, 301, 445, 465, 475, 493, 545. The National Geographic Magazine, 1945.

С. 193, 235, 353, 369, 389. Popular Mechanics Magazine, 1931, 1933.

С. 219. The National Geographic Magazine, 1938.

Том Весселман (1931—2004)
- С. 321. *Натюрморт № 20.* 1962.
- С. 538-539. *Ванна 3.* 1963.

С. 363. Life. International, 1956.

С. 394-395. Мел Рамос. *Вельвита.* 1965.

Питер Филлипс (р. 1939)
- С. 427. *Лев против орла.* 1962.
- С. 500-501. *Заказная живопись номер 5.* 1965.

С. 460-461. Джаспер Джонс. *Флаг.* 1954—1955.

С. 488-489. Аллан Д'Арканджело. *Американское шоссе 1,* № 5. 1962.

С. 513. Ален Джоунс. *Прекрасная партия.* 1966—1967.

С. 531. Джеймс Розенквист. *Без названия (Джоан Кроуфорд).* 1964.

С. 543. Роберт Раушенберг. *Черный рынок.* 1961.

Содержание

Об авторе 7

Про нас, про Хогбенов

Прохвессор накрылся. *Перевод Н. Евдокимовой* 9

Котел с неприятностями. *Перевод Н. Евдокимовой* 33

До скорого! *Перевод Н. Евдокимовой* 56

Пчхи-хологическая война. *Перевод И. Почиталина* 88

Изобретатель Гэллегер

Робот-зазнайка. *Перевод Н. Евдокимовой* 129

Идеальный тайник. *Перевод Н. Гузнинова* 188

Ex machina. *Перевод Н. Гузнинова* 226

Гэллегер Бис. *Перевод Н. Гузнинова* 277

Этот мир — мой! *Перевод Н. Гузнинова* 336

Рассказы

Механическое эго. *Перевод И. Гуровой* 387

Жилищный вопрос. *Перевод Н. Евдокимовой* 457

Самая большая любовь. *Перевод Н. Гузнинова* 482

Список иллюстраций 546

Генри Каттнер
Про нас, про Хогбенов
Изобретатель Гэллегер
Рассказы

Подписано в печать 08.08.2008
Гарнитура Arno Pro
Бумага Alterna Design

Издательский дом «Дейч»
www.deichbooks.com

Отпечатано в типографии
Print&Art Faksimile, Austria
Тираж 99 экз.

Переплетные работы выполнены
г-ми Алоизом Гутманом
и Манфредом Яндлом

Издательский дом «Дейч» благодарит за сотрудничество
Всероссийскую государственную библиотеку
иностранной литературы имени М. И. Рудомино,
Российскую государственную библиотеку по искусству,
Российскую государственную библиотеку

ББК 84 (7Сое)-445
УДК 821.111(73)
К 29

ISBN 978-5-98691-051-2